КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ИЮЛЬ-АВГУСТЪ
1898 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 12 августа 1898 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

Домикъ Котляревскаго въ Полтавѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LXII, 1898 г., іюль-августъ, сентябрь.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Отдѣлъ I.

ПАМЯТИ

ИВАНА ПЕТРОВИЧА КОТЛЯРЕВСКАГО.

Сто лѣтъ тому назадъ, въ 1798 году, появилось первое печатное произведеніе на малорусскомъ языкѣ—три пѣсни перелицованной Энеиды Ивана Петровича Котляревскаго. Это не значитъ, впрочемъ, что до Энеиды Котляревскаго совсѣмъ отсутствовало творчество на этомъ языкѣ,—напротивъ, есть цѣлый рядъ указаній на то, что 18-ый вѣкъ въ Малороссіи имѣлъ чуть-ли не особую школу типичныхъ выразителей поэтическаго творчества на народной рѣчи, но произведенія ихъ были только распространяемы въ рукописяхъ, не выступали, такъ сказать, на всенародныя очи. Фактъ появленія перваго печатнаго малорусскаго слова, выраженнаго не въ той книжной южно-русской рѣчи, съ которой такъ хорошо знакомъ былъ прежній культурный классъ общества, а въ рѣчи, разрабатывавшейся вполнѣ на народной основѣ,—фактъ этотъ—говоримъ мы—имѣетъ такое важное значеніе для развитія и подъема всѣхъ положеній, связанныхъ съ національнымъ самосознаніемъ, начавшимъ тогда свой ростъ во всей Россіи, что онъ не только не можетъ быть забываемъ нами, но, напротивъ, долженъ всегда отмѣчаться, какъ тотъ первоисточникъ свѣта, благодаря которому мы лучше видимъ и пройденный уже нами путь, и предстоящую впереди дорогу. Въ теченіе этихъ ста лѣтъ было уже нѣсколько моментовъ, которые заставляли вспоминать, въ той или другой формѣ, начи-

нателя нашей печатной малорусской словесности и его знаменитую „Энеиду“. Послѣднимъ такимъ моментомъ было пятидесятилѣтіе со дня смерти И. П. Котляревскаго, т. е. 1888-й годъ. Теперь-же, когда наступилъ моментъ перваго столѣтія жизни новой малорусской печатной словесности, обязанность наша не только вспомнить имя творца Энеиды, но и подвести итоги всему, связанному съ этимъ именемъ. „Энеиду“ Котляревского знаетъ всякій грамотный человѣкъ въ Малороссіи, а очень часто и въ Великороссіи; цитируются многія мѣста изъ нея наизустъ; всѣ восхищаются мѣткостью выраженій. остроуміемъ автора и типичностью красокъ,—но, благодаря нѣкоторой запутанности обстоятельствъ, при которыхъ печаталась Энеида какъ при жизни автора ея, такъ и послѣ его смерти, равнымъ образомъ, благодаря потерѣ автографа рукописи его, до сихъ поръ остается текстъ Энеиды критически не провѣреннымъ. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, чтобы дать первый опытъ такой критической провѣрки текста, редакція „Кіевской Старины“ въ ближайшей книжкѣ начнетъ печатать въ приложеніяхъ возможно болѣе точно установленный текстъ Энеиды, принимая во вниманіе различныя изданія ея такъ-что, исходя изъ него, можно будетъ дѣлать всѣ остальныя дополненія и поправки.

Много разнообразныхъ мнѣній было высказано въ печати о самомъ процессѣ творчества „Энеиды“ Котляревскаго, о степени самобытности ея, о формѣ подражательной и проч.; но до сихъ поръ не было въ мелочахъ произведено сличеніе текстовъ Энеиды Котляревскаго и другихъ авторовъ, благодаря чему колебанія въ мнѣніяхъ критики доходили до крайнихъ предѣловъ противоположности: одни признавали, что Котляревскій создавалъ свое произведеніе подъ вліяніемъ русской Энеиды Осипова, другіе

утверждали, что Осиповъ шелъ по стопамъ Котляревскаго. Чтобы поставить этотъ вопросъ на болѣе твердую почву, редакція „Кіевской Старины“ печатаетъ въ этой-же книжкѣ обширную статью И. Стешенка „И. П. Котляревскій и Осиповъ въ ихъ взаимоотношеніи“. Сравненіе текстовъ Энеидъ различныхъ авторовъ, какъ увидитъ читатель, кажется, не оставляетъ теперь никакихъ сомнѣній въ опредѣленіи самаго процесса творчества малорусской Энеиды.

Кромѣ только-что указаннаго частнаго вопроса, въ области критики И. П. Котляревскаго, какъ малорусскаго писателя вообще, можно встрѣтить также цѣлый рядъ противорѣчащихъ другъ другу взглядовъ, высказанныхъ въ разное время, и иногда очень авторитетными лицами; можно даже натолкнуться въ критикѣ на фактъ противорѣчивыхъ взглядовъ у одного и того-же лица, писавшаго о Котляревскомъ въ разные моменты. Если не подведены итоги всему этому, если впечатлѣнія читающаго эти критическіе отзывы разновременно въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ раздваиваются, то трудно при этихъ условіяхъ оріентироваться во взглядахъ и прійти къ одному опредѣленному выводу. Съ цѣлью помочь сдѣлать это читателю, редакція въ этой-же книгѣ начинаетъ печатать статью И. Стешенка „И. П. Котляревскій въ свѣтѣ критики“, гдѣ подводятся итоги, по возможности, всему тому, что въ русской и галицкой печати было высказано о произведеніяхъ И. П. Котляревскаго.

Факты изъ жизни И. П. Котляревскаго извѣстны намъ по тѣмъ біографическимъ очеркамъ, которые сообщены были въ свое время, главнымъ образомъ, г. Стеблинымъ-Каминскимъ, хорошо знавшимъ какъ общественную, такъ и домашнюю, частную жизнь нашего писателя. Къ сожалѣнію, въ настоящее время почти ничего допол-

няющаго эти свѣдѣнія отыскать нельзя, слѣдовательно — біографическій очеркъ пришлось-бы только повторить. Но біографія личности можетъ быть освѣщена еще и съ другой, болѣе общей, точки зрѣнія, если разсматривать эту личность въ связи съ тѣмъ обществомъ, съ тѣмъ кругомъ, въ которомъ протекала жизнь ея. Такая работа по отношенію къ личности Котляревскаго до сихъ поръ не была сдѣлана; поэтому, редакція „Кіевской Старины" предполагаетъ въ ближайшихъ книжкахъ напечатать статью, посвященную именно такому изученію нашего поэта.

Въ ближайшей связи съ творчествомъ И. П. Котляревскаго, какъ автора пародированной Энеиды, стоитъ такое-же творчество у западно-европейскихъ народовъ. Параллели эти до сихъ поръ у насъ почти еще не затронуты, а между тѣмъ знакомство наше съ ними поможетъ лучшему уразумѣнію процесса творчества у Котляревскаго, не потому, что этотъ послѣдній подражалъ имъ, а только потому, что мы получаемъ болѣе данныхъ для опредѣленія силы и степени таланта своего писателя, поставивъ его въ сравненіе съ аналогичными пріемами творческой дѣятельности у другихъ. Такое знакомство съ западно-европейскими сестрами нашей малорусской Энеиды даетъ статья проф. Н. П. Дашкевича, которую редакція помѣститъ въ слѣдующей книжкѣ.

Этимъ, конечно, не исчерпываются всѣ вопросы, стоящіе въ связи съ литературной дѣятельностью И. П. Котляревскаго; остается еще очень много тѣхъ частныхъ задачъ, при рѣшеніи которыхъ только и выступитъ на яркомъ фонѣ личность писателя съ ея высокимъ національно-культурнымъ значеніемъ, дающимъ ей право именемъ своимъ переживать вѣка и создавать себѣ, такимъ образомъ, памятникъ нерукотворный.

Остается теперь объяснить, почему редакція наша рѣшила августъ мѣсяцъ текущаго года посвятить памяти И. П. Котляревскаго.

Такъ какъ установить съ точностью время выхода въ свѣтъ „Энеиды" Котляревскаго сто лѣтъ тому назадъ не возможно, то пришлось избрать тотъ мѣсяцъ года, который болѣе всего связывается съ именемъ Котляревскаго; такимъ мѣсяцемъ и оказывается августъ, въ который, 29-го числа 1769 года, родился нашъ писатель. Тѣмъ съ бóльшимъ основаніемъ наша редакція остановилась на этомъ мѣсяцѣ, что Высочайше разрѣшенный къ постановкѣ въ Полтавѣ памятникъ И. П. Котляревскому предполагалось первоначально открыть въ этомъ году, въ августѣ мѣсяцѣ. Непредусмотрѣнныя обстоятельства заставили Полтавскую городскую думу отложить открытіе памятника до будущаго года; нашъ-же органъ, посвященный научной разработкѣ и освѣщенію всего связаннаго съ нашей родиной, не считалъ себя въ правѣ пропустить тотъ годъ, которымъ заканчивается первое столѣтіе новаго малорусскаго печатнаго слова.

И. П. КОТЛЯРЕВСКІЙ и ОСИПОВЪ

ВЪ ИХЪ ВЗАИМООТНОШЕНІИ.

I.

Одной изъ важныхъ задачъ, какія представляются при изученіи произведеній Котляревскаго, является вопросъ о степени самостоятельности его «Энеиды». Правильное рѣшеніе этого вопроса имѣетъ не только чисто-научное, теоретическое значеніе, но до нѣкоторой степени и практическое: оно позволитъ сдѣлать окончательную оцѣнку этого художественнаго произведенія и по степени его важности поставить въ надлежащее мѣсто среди прочихъ произведеній украинской литературы.

Рѣшеніе упомянутой задачи можетъ быть достигнуто только путемъ сравненія всѣхъ существовавшихъ до Котляревскаго передѣлокъ Энеиды Вергилія, и въ особенности путемъ сравненія Энеиды Котляревскаго съ русской передѣлкой Осипова. Кромѣ того, какъ мы покажемъ далѣе, въ силу недостатка историческихъ данныхъ по вопросу о взаимоотношеніи двухъ послѣднихъ произведеній, важное, даже рѣшающее значеніе должны имѣть нѣкоторыя логическія соображенія: отъ большей или меньшей ихъ удачности должно, по нашему мнѣнію, зависѣть и болѣе или менѣе удачное разрѣшеніе нашего вопроса.

Рѣшеніе даннаго вопроса уже имѣетъ свою небольшую исторію: по вопросу о самостоятельности Энеиды Котляревскаго имѣется рядъ мнѣній, извѣстной, конечно, цѣнности и правильности. Изъ разсмотрѣнія этихъ мнѣній мы можемъ убѣдиться въ томъ, что рѣшавшіе вопросъ о самостоятельности Энеиды, за немногимъ исключеніемъ, болѣе останавливались на логическихъ соображеніяхъ по данному вопросу, чѣмъ на сравненіи передѣлокъ Энеиды, этомъ фундаментѣ для рѣшенія данной зядачи. Сравненія Энеидъ до сихъ поръ почти не было, и въ этомъ заключается слабая сторона нѣкоторыхъ изслѣдователей Энеиды затрогивавшихъ вопросъ о ея самостоятельности.

Первымъ болѣе или менѣе серьезно отнесшимся къ рѣшенію даннаго вопроса былъ извѣстный ученый А. Котляревскій. Въ 1856 г., въ замѣткѣ о малорусской литературѣ, А. Котляревскій (скубентъ Чупрына [1]) высказалъ мнѣніе, что Энеида И. Котляревскаго есть только удачное продолженіе Энеиды Осипова ея подражаніе. Въ томъ же году [2]), на основаніи свидѣтельства „близко знавшихъ“ И. П. Котляревскаго людей, онъ высказалъ противоположное мнѣніе: онъ разсказывалъ при этомъ, что рукопись Ив. Петровича попала въ Петербургъ, въ руки Осипова, что послѣдній ее издалъ въ переводѣ на русскій языкъ, что возмущенный этимъ Ив. Петровичъ поспѣшилъ скорѣй издать свою Энеиду подъ своимъ именемъ и наказалъ Осипова въ извѣстномъ стихѣ въ III-й части Энеиды [3])

Якусь особу мацапуру
Тамъ шкварылы на шашлыку...

Нечего и говорить, что основанія мнѣнія А. Котляревскаго, опиравшагося на сообщеніе „близко знавшихъ“ людей, совершенно шатки, невѣрны и для рѣшенія вопроса, который занималъ А. Котляревскаго, не имѣютъ никакой цѣны. Нѣкоторая внимательность къ первымъ текстамъ Энеиды Котляревскаго уже могла-бы сообщить А. Котляревскому болѣе скептическое отношеніе

1) Московскія Вѣдомости 1856 г. № 41.
2) Ib — № 46.
3) Энеида Котляревскаго изд. 1842, стр. 46.

къ свѣдѣніямъ знакомыхъ Ивана Петровича, чѣмъ то, которое мы видѣли только-что. Въ самомъ дѣлѣ, умомянутый обличительный стихъ автора украинской Энеиды находится въ изданіяхъ ея, начиная только съ 1809 г. (авторскаго),—и его нѣтъ еще даже во второмъ ея изданіи 1808 г., между тѣмъ какъ по утвержденію А. Котляревскаго этотъ стихъ долженъ уже былъ находиться въ первомъ изданіи Энеиды, т. е. въ 1798 г. Очевидно, что этотъ стихъ долженъ былъ относиться не къ Осипову, а къ кому-то другому... Точное и вполнѣ правильное указаніе на то, противъ кого возмутился Иванъ Петровичъ въ дѣйствительности, даетъ другой, болѣе компетентный, знакомый Ив. Петровича—С. Стеблинъ-Каминскій. Онъ именно и выясняетъ [1]) что Ив. Петровичъ былъ обманутъ черниговскимъ помѣщикомъ Парпурой, издавшимъ данныя ему для прочтенія три пѣсни украинской Энеиды безъ спроса автора, и вотъ за это-то послѣдній и помѣстилъ впервые въ своемъ изданіи 1709 г. обличающіе Парпуру стихи. Созвучное же слову Парпура—«мацапура», взятое авторомъ для того, чтобы скорѣй можно было узнать, кого онъ разумѣлъ въ своемъ обличеніи, еще болѣе подтверждаетъ достовѣрность сообщенія Ст.-Каминскаго и опровергаетъ доводы А. Котляревскаго. А разъ дѣло обстоитъ такъ, то и мнѣніе А Котляревскаго о подражаніи Осипова И. П. Котляревскому теряетъ свой смыслъ и значеніе.

Послѣ А. Котляревскаго вплоть до 80-хъ годовъ вопросомъ о самостоятельности Энеиды интересуются мало. Такъ напримѣръ, громившій въ 60-хъ годахъ И. Котляревскаго Кулишъ заявилъ даже: [2]) „кому онъ (Ив. Петровичъ) подражалъ и былъ ли ему извѣстенъ тогда Скарронъ или Баумгартенъ (?!), это занимаетъ насъ мало“. Не больше почти сказалъ по данному вопросу и упомянутый біографъ И. П. Котляревскаго—Ст.-Каминскій. Онъ, впрочемъ, высказалъ мысль о томъ, что на избра-

---

[1]) Біографическій очеркъ жизни И. П. Котляревскаго. Полтавскія Губ. Вѣд 1866 г., № 46.

[2]) Основа 1861 г. 1-я кн. стр. 245.

ніе Энеиды Вергилія для передѣлки повліяла его любовь къ Вергилію [1]) и что Котляревскій при передѣлкѣ имѣлъ передъ собой [2]) латинскій оригиналъ; но эти его мысли только лишь догадки, ни на чемъ прочномъ неоснованныя.

Сверхъ ожиданія, ничего проливающаго свѣтъ на данный вопросъ не даетъ и г. Петровъ, историкъ украинской литературы; правда, въ одномъ мѣстѣ очерка объ И. Котляревскомъ [3]) г. Петровъ рѣшительно заявляетъ, что онъ имѣетъ *основанье* полагать, что самая идея перелицованной „Энеиды", вывороченной на изнанку, не принадлежитъ Котляревскому и заимствована у «Энеиды вывороченной на изнанку» Осипова и Котельницкаго, 1791—1807,—однако этого основанія онъ не показываетъ и остается голословнымъ. Поэтому и послѣ него вопросъ о самостоятельности Энеиды Котляревскаго остается совершенно открытымъ.

Болѣе, но не вполнѣ обстоятельно, высказывается по тому-же поводу г. Минскій (Н. М. В). Онъ говоритъ: [4]) „нѣтъ никакого сомнѣнія, что русская передѣлка (Осипова) вдохновила малороссійскаго поэта (Котляревскаго), подала ему первую мысль и служила образцомъ и канвою"... Основаніемъ для такого убѣжденія г. Минскаго служатъ три разнообразныхъ доказательства. Во-первыхъ, г. Минскій изъ прочитанной, очевидно, передѣлки, Блумауера и сравненія съ ней Энеиды Осипова пришелъ къ заключенію, что послѣдняя есть „искаженная копія передѣлки Блумауера"... Если значитъ, Осиповъ подражалъ Блумауеру, то онъ не подражалъ Котляревскому, а слѣдовательно, и близость послѣдняго къ Осипову только тѣмъ и можно объяснить, что Котляревскій подражалъ ему. Во-вторыхъ, послѣ сравненія Энеидъ Осипова и Котляревскаго въ подражательности послѣдняго убѣждаетъ г. Минскаго то обстоятельство, что въ обѣихъ передѣлкахъ „тотъ-же размѣръ—четырехстопный ямбъ строфами

---

[1]) Полтавскія Губ. Вѣд. 1866 № 46.
[2]) Ibidem—№ 47.
[3]) Очерки ист. украин. лит. XIX ст. Н. И. Петрова, 1884 г., стр. 30.
[4]) Новь, 1885 г. т. I и II, №№ 4 и 5, И. П. Котляревскій, статья Н. М. В.

въ десять строчекъ, то-же расположеніе рифмъ въ строфахъ, та-же канва разсказа, тотъ-же колоритъ, тѣ-же подробности, а мѣстами тѣ-же слова, выраженія и даже цѣлые стихи». Это еще болѣе заставляетъ г. Минскаго думать, что Энеида Котляревскаго есть подражаніе Осипову. Третьимъ рѣшающимъ доказательствомъ служитъ для Минскаго тотъ фактъ, что въ 1795 г., по свидѣтельству современника И. Петровича [1]), послѣдній *только* писалъ свою Энеиду въ то время, какъ Осиповъ уже напечаталъ свою передѣлку въ 1791 г.

Эти главнѣйшія положенія и обусловили собой вышеупомянутое мнѣніе г. Минскаго о томъ, что пальма первенства по времени принадлежитъ Осипову.

Какъ вполнѣ видно, такое безповоротное мнѣніе г. Минскаго является продуктомъ дѣйствительнаго изученія имъ всѣхъ передѣлокъ: это изученіе дало ему возможность высказать опредѣленное возрѣніе на данный вопросъ, но для убѣжденія другихъ—совершенно не достаточно даже всѣхъ его соображеній, какъ *документально* необоснованныхъ.

Разсужденія г. Минскаго о близости Осипова къ Блумауэру, а съ другой стороны Котляревскаго къ Осипову теряютъ свою цѣнность именно потому, что авторъ статьи о Котляревскомъ не показываетъ цитатами справедливости своихъ выводовъ, полученныхъ изъ сравненія Энеидъ. Въ силу этого, хотя-бы разсужденія г. Минскаго были безукоризненно вѣрны, они все-таки отзываются голословностью и не достигаютъ значенія безспорной научной истины.

Но помимо этого чисто методическаго или формальнаго недостатка статьи г. Минскаго, послѣдняя представляетъ и матеріальные пробѣлы. Прежде всего г. Минскимъ оставлена совершенно безъ вниманія роль и вліяніе настоящей Энеиды Вергилія при созданіи передѣлокъ, какъ Осипова, такъ и Котляревскаго... Благодаря этому, остается непонятнымъ, откуда, напр., Осиповъ бралъ мѣста, которыхъ нѣтъ у Блумауэра, какъ въ

[1]) Сѣверн. Пчела 1863 г. № 80.

свою очередь и то, откуда Котляревскій взялъ цѣлыя *пѣсни*, которыхъ нѣтъ у его образца—Осипова? Все это и было-бы рѣшено, если-бъ къ изслѣдованію привлеченъ былъ Вергилій, который, можетъ быть, и для подтвержденія мысли самого г. Минскаго далъ-бы прекрасный матеріалъ.

Впрочемъ, вопросъ о самостоятельности украинской передѣлки занималъ, вѣроятно, г. Минскаго не особенно, иначе для болѣе доказательнаго изложенія своей мысли по данному вопросу онъ приложилъ-бы больше обстоятельности и вниманія. Необстоятельность эту мы видѣли, а не особенно глубокое вниманіе къ данному вопросу ясно изъ того предположенія, которое онъ дѣлаетъ въ объясненіе факта, почему Осиповъ не продолжилъ своей работы; объясняетъ онъ это тѣмъ, что Блумауэръ пересталъ служить образцомъ для Осипова, кончивъ, какъ и послѣдній, на седмой пѣснѣ [1]).....

Это странное заключеніе только и можно объяснить тѣмъ неглубокимъ интересомъ, который проявилъ г. Минскій при рѣшеніи взаимоотношеній извѣстныхъ ему передѣлокъ Энеиды: иначе занимающемуся изученіемъ послѣднихъ трудно не знать, что Блумауэръ остановился не на седмой, а на девятой пѣснѣ, и что Осиповъ могъ-бы поэтому продолжать подражаніе Блумауеру, *если-бы* послѣдній былъ единственнымъ его руководителемъ.

Обошелъ также г. Минскій вопросъ о присутствіи въ Энеидѣ Осипова словъ, признаваемыхъ за малорусскія и являющихся поэтому наиболѣе сильнымъ возраженіемъ противъ мысли, что Котляревскій подражалъ Осипову.

Всѣ эти недостатки много умаляютъ достоинство работы г. Минскаго и служатъ причиной того, что мнѣнія его являются какъ-бы висящими въ воздухѣ.

Дальнѣйшимъ изслѣдователемъ, затронувшимъ вопросъ о самостоятельности Энеиды Котляревскаго, является проф. Дашке-

[1]) Новь 1885 г. № 4-й стр. 708.

вичъ. Судя по его работѣ [1]), написанной въ видѣ рецензіи на книгу упомянутаго проф. Петрова, проф. Дашкевичъ отличается прекрасной эрудиціей въ области украинской литературы, и поэтому его сужденія по интересующему насъ вопросу, естественно, должны были стоять au courant всѣхъ существующихъ мнѣній.

Дѣйствительно, проф. Дашкевичъ показываетъ знакомство со всѣми предыдущими рѣшеніями даннаго вопроса, и если и не рѣшаетъ его, за то выдвигаетъ такія положенія, которыя обнаруживаютъ правильное пониманіе условій, необходимыхъ для его рѣшенія, и поэтому наводятъ на серьезныя размышленія. Нечего и говорить, что мысли проф. Дашкевича по данному вопросу основаны на тщательномъ и болѣе глубокомъ изслѣдованіи различныхъ передѣлокъ, чѣмъ мы видѣли это до сихъ поръ. Обратимся-же къ его соображеніямъ.

Не смотря на знакомство пр. Дашкевича, съ различными передѣлками Энеиды, онъ не рѣшаетъ прямо вопроса о томъ, кто кому подражалъ—Котляревскій-ли Осипову или наоборотъ. Онъ говоритъ [2]): „этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только послѣ обстоятельнаго сравненія Энеидъ Осипова и Котляревскаго и сопоставленія ихъ съ латинскимъ подлинникомъ и французскими и нѣмецкими передѣлками его. Такого сравненія мы еще не имѣемъ“.

Вопросъ ставится совершенно правильно: нужно *обстоятельное* сравненіе передѣлокъ Энеиды, котораго мы еще не имѣемъ. Преимущество этого мнѣнія, по сравненію въ особенности съ г. Минскимъ, заключается въ томъ, что проф. Дашкевичъ настаиваетъ на необходимости привлеченія къ дѣлу латинскаго оригинала, что г. Минскимъ игнорировалось.

Въ этомъ замѣчаніи обнаружился вполнѣ научный пріемъ въ отношеніи къ вопросу, который затронулъ проф. Дашкевичъ, и вѣрное указаніе пути, по которому долженъ идти каждый из-

---

[1]) Отзывъ о сочиненіи г. Петрова „Очерки исторіи украинской литературы XIX ст“.—Зап. Имп. Ак. Наук. т. 59-й 1889 г.

[2]) ibidem, стр. 66.

слѣдователь даннаго вопроса. Самъ пока не рѣшая этого вопроса, проф. Дашкевичъ высказываетъ однако рядъ замѣчаній, которыя позволяютъ заключить, что онъ склоненъ считать не Котляревскаго подражателемъ Осипову, а наоборотъ. Доводы его въ пользу этого мнѣнія имѣютъ, разумѣется, свое значеніе, какъ попытки хоть мелькомъ бросить свѣтъ на темный вопросъ о самостоятельности Энеиды, но не всѣ они безусловно достигаютъ своей цѣли. Эти его замѣчанія и доводы мы и разберемъ. Прежде всего, проф. Дашкевичъ видитъ намекъ на слѣдованіе Котляревскаго Вергилію въ слѣдующихъ его стихахъ [1]):

Я може що-небудь прыбавлю,
Переминю и що оставлю,
Пысну, якъ одъ старыхъ чувавъ.

Намъ это замѣчаніе не говоритъ ничего подобнаго, хотя внѣ всякаго сомнѣнія, что Котляревскій Вергиліемъ пользовался, въ подлинникѣ или въ переводѣ [2])—это безразлично... Доказательствомъ этого служитъ уже одно то, что украинская Энеида заключаетъ передѣлку *всѣхъ* пѣсней Энеиды Вергилія, въ то время, какъ Осиповъ дошелъ только до 8-й пѣсни. Но хотя между Вергиліемъ и Котляревскимъ въ извѣстномъ отношеніи и есть большая связь, однако самый фактъ передѣлки Котляревскимъ непосредственно Энеиды Вергилія, даже если бы его можно было доказать относительно первыхъ четырехъ пѣсенъ украинской Энеиды (7 пѣсенъ Осипова и 7-же Блумауэра), не имѣетъ абсолютно *никакого* отношенія къ вопросу о связи между Котляревскимъ и Осиповымъ. Что пользованіе Вергиліемъ обоихъ „перелицовщиковъ" Энеиды не помѣшало одному изъ нихъ пользоваться другимъ,—это лучше всего доказывается самимъ фактомъ существованія подражанія одного изъ нихъ другому поэтому, повторяемъ, вполнѣ ясный фактъ пользованія *обоихъ* авторовъ настоящей Энеидой на рѣшеніе вопроса о томъ, кто кому подражалъ, не можетъ оказать никакого вліянія. Но, ра-

---

[1]) Энеида Котляревскаго 1842. стр. 26-я III-ей пѣсни.

[2]) Еней—геройческая поэма Виргилія Марона—въ переводѣ Петрова.

зумѣется, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вопросъ о *пользованіи Вергиліемъ для изслѣдователей* не имѣлъ значенія: наоборотъ, только сличеніе обѣихъ Энеидъ (русской и украинской) съ латинской и можетъ дать всякому изслѣдованію по настоящему вопросу правильность и потому цѣнность. Въ этомъ смыслѣ, замѣчаніе проф. Дашкевича о томъ, что Котляревскій могъ пользоваться Энеидой Вергилія [1]) имѣетъ большое значеніе.

Мы лично, будучи убѣждены, что Котляревскій пользовался *и* Вергиліемъ, не вполнѣ можемъ согласиться съ проф. Дашкевичемъ, что Энеида Котляревскаго „передаетъ лишь общую схему оригинала". Вопросъ въ томъ, что понимать подъ „общей схемой"? Если подъ ней разумѣть краткій перечень событій, заключающихся въ Энеидѣ Вергилія, то Энеиду Котляревскаго можно назвать общей схемой послѣдней съ большой натяжкой. У Котляревскаго имѣется такая масса пропусковъ по сравненію съ Вергиліемъ—и пропусковъ не только классическихъ легендъ,—а съ другой стороны такъ много своеобразныхъ передѣлокъ эпизодовъ Вергилія, что ее скорѣй можно назвать самостоятельной разработкой только отчасти заимствованнаго сюжета. Въ частности, не совсѣмъ вѣрно замѣчаніе проф. Дашкевича, что „Котляревскій въ описаніи ада пропустилъ Кентавровъ, Грифовъ и пр."; это сдѣлано только въ *3*-емъ изданіи Энеиды и имѣется еще въ изданіи ея 1808 г. [2]). Но если Котляревскій и могъ пользоваться Вергиліемъ во время передѣлыванія Энеиды, то ужъ Скарронъ [3]), о которомъ также упоминаетъ проф. Дашкевичъ, не оказалъ на украинскую Энеиду никакого вліянія. Врядъ-ли, Котляревскій такъ хорошо зналъ въ бытность еще въ семинаріи французскій языкъ, чтобы читать Скаррона, котораго впослѣдствіи, по написаніи первыхъ пѣсенъ своей передѣлки, онъ, разумѣется, могъ уже читать, научившись языку, какъ и другія французскія книги; но если-бы даже онъ и зналъ французскій языкъ, когда писалъ свою Энеиду, то, какъ видно, пере-

---

[1]) Отзывъ о соч. г. Петрова—Зап. Ак. 1889 г. т. 59-й—стр. 66, 67.

[2]) Энеида - перелицiованная И. П. Котляревскимъ изд. 1808 г. стр. 105.

[3]) „Virgile travesti en vers burlesques" (1618-1653). Paul Scarron.

дѣлка Скаррона не могла имѣть на него иного вліянія, кромѣ развѣ внушенія ему идеи передѣлки Энеиды Вергилія. Другого вліянія она на него и въ самомъ дѣлѣ не имѣла, и потому, при сравненіи передѣлки Скаррона съ украинской передѣлкой, общее между ними можно найти только въ одномъ—во взятомъ у Вергилія сюжетѣ. Скарронъ своими выходками противъ ханжества и клерикальнаго фарисейства могъ оказать вліяніе на Блумауэра, который въ своей Энеидѣ преслѣдовалъ почти тѣ-же цѣли, но все таки Котляревскій здѣсь не причемъ: французское общество 17-го вѣка и интересы Скаррона были чужды Котляревскому, и цѣль, преслѣдуемая имъ въ своемъ произведеніи—нѣсколько комической эпопеѣ украинскаго народа, ничего не имѣетъ общаго съ цѣлями Скаррона, осмѣивавшаго, какъ мы сказали, ханжество и классическихъ боговъ. Такъ или иначе, но тотъ фактъ, что между украинской и французской передѣлками Энеиды нѣтъ ничего общаго, указываетъ, что Скарронъ на Котляревскаго не воздѣйствовалъ совершенно, а если и воздѣйствовалъ, то только, какъ мы сказали, внушеніемъ идеи написать украинскую передѣлку.. Но согласившись даже съ этимъ послѣднимъ, мы все таки не можемъ рѣшить вопроса о причинѣ близости русской и украинской Энеидъ въ то время, какъ первая была сдѣлана подъ несомнѣннымъ вліяніемъ нѣмецкой Энеиды Блумауэра.

Поэтому, ни дѣйствительная близость украинской Энеиды къ латинской, ни близость ея къ французской, если-бы это можно-было когда-нибудь доказать, все-таки не разрѣшаютъ вопроса о томъ, заимствовался-ли Котляревскій у Осипова или наоборотъ? Мало что помогаютъ въ данномъ случаѣ и ссылки проф. Дашкевича на Ст.-Каминскаго, біографа И. Котляревскаго, который въ *старомъ* изданіи своихъ воспоминаній о Котляревскомъ [1]) высказываетъ мысли, наводящія проф. Дашкевича на соображеніе о томъ, что Котляревскій долго подготовлялся къ своему труду и, можетъ быть, написалъ его поэтому раньше Оси-

---

[1]) Сѣверная Пчела 1839 г. № 146.

пова... Говоря о томъ, что Котляревскій въ бытность на селѣ, изучалъ народную украинскую жизнь, проф. Дашкевичъ, основываясь на словахъ Ст.-Каминскаго, самъ замѣчаетъ, что авторъ украинской Энеиды дѣлалъ это, какъ бы подготовляя себя къ предстоящему труду... Послѣднія слова, отмѣченныя проф. Дашкевичемъ жирнымъ шрифтомъ, показываютъ, что изслѣдователь Энеиды придалъ большое значеніе свѣдѣніямъ, заимствованныхъ изъ Сѣверной Пчелы. Что-же говоритъ Стеблинъ-Каминскій?

По поводу „хожденія" Котляревскаго въ народъ, онъ замѣчаетъ: „время показало, что это было слѣдствіемъ поэтической дѣятельности, для удовлетворенія которой Котляревскій избралъ поэму Вергилія".

Въ другомъ мѣстѣ онъ заявляетъ: „по долгомъ, обдуманномъ приготовленіи, Котляревскій рѣшился пародировать Энеиду Вергилія на Малороссійскомъ языкѣ". Изъ собранныхъ нами свѣдѣній извѣстно, что первыя три части Энеиды написалъ онъ, едва вступивъ въ военную службу".

Эти два замѣчанія С. Каминскаго и послужили проф. Дашкевичу однимъ изъ основаній, на которомъ онъ, судя по его работѣ, склоненъ построить мнѣніе о первенствѣ по времени украинской Энеиды. Посмотримъ, насколько можно въ данномъ вопросѣ утилизировать свѣдѣнія С. Каминскаго, на которыя мы лично много опираться не можемъ. Прежде всего—первое свѣдѣніе: „время показало" и т. д.

Въ такой формѣ, въ какой эта мысль выражена въ Сѣверной Пчелѣ 1839 г., дѣйствительно, возможно *отчасти* предположить, что произведеніе Котляревскаго возникло независимо,—но только отчасти... Если предположить, что Котляревскій *сначала* писалъ, а *затѣмъ* изучалъ народную жизнь для создаваемой уже имъ Энеиды, что̀ немножко странно, ибо Энеида съ первой страницы обнаруживаетъ глубокое знаніе языка, обычаевъ, нравовъ народныхъ и т. д.,—то и тогда мысль о подражаніи Осипова Котляревскому разрушается слѣдующими хронологическими данными. Осиповой Энеиды 1-я часть (2 пѣсни)

была напечатана въ 1791 году, слѣдующія пѣсни—въ 1792—5 годахъ, а какъ разъ въ это время[1]) Котляревскій находился на селѣ и, *какъ-бы подготовлялся* къ будущему труду, т. е. Энеидѣ, по выраженію г. С. Каминскаго... Противорѣчіе многозначущее: если по свидѣтельству біографа Котляревскаго, послѣдній въ періодѣ 1793—1795 только изучалъ жизнь, т. е. готовился къ будушей работѣ, то очевидно, что Осиповъ написалъ свою Энеиду *внѣ* вліянія Котляревскаго и что, наоборотъ, послѣдній, имѣя подъ руками печатную Энеиду Осипова 1791 г., могъ, слѣдовательно, и подражать ей,—на что и наталкиваетъ насъ очевидная близость Котляревскаго къ Осипову. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, вѣрны-ли хронологическія даты, указывающія, что Котляревскій именно въ срединѣ девятидесятыхъ годовъ ходилъ въ народъ съ упомянутой уже цѣлью? Вполнѣ вѣрно! У насъ есть данныя, почерпнутыя непосредственно нами изъ *документовъ* о Котляревскомъ, которыя свидѣтельствуютъ, что Котляревскій могъ заниматься хожденіемъ въ народъ только между 14-мъ сентября 1793 г. и 1-мъ іюля 1796 г., т. е. послѣ гражданской его службы (вопреки С. Каминскому и проф. Дашкевичу)[2]) и до военной службы. Такимъ образомъ, 1-е свидѣтельство С. Каминскаго идетъ какъ противъ него самого, такъ и противъ проф. Дашкевича, и если что-нибудь и доказываетъ, такъ только то, что Котляревскій готовился къ своему труду, вдохновившись уже Осиповымъ, а не, какъ можно было раньше думать, Скарропомъ.

Но такія минимальныя колебанія по поводу того, кто изъ двухъ авторовъ Энеидъ заимствовался одинъ у другаго, возможны только тогда, если мы будемъ строить свои мысли о самостоятельности Энеиды на упомянутомъ свидѣтельствѣ С. Каминскаго въ *старой* редакціи. Совсѣмъ не то получится, если мы обратимся къ мыслямъ С. Каминскаго въ новой ихъ редакціи, т. е. къ его замѣткамъ въ Полтавскихъ губ. Вѣдомостяхъ 1866 г., издан-

---

[1]) Савиновъ—Сѣверная пчела 1863 г. № 80.

[2]) Отзывъ о сочин. г. Петрова—стр. 58.

нымъ отдѣльно послѣ 1869 года [1]). Еще въ первой редакціи усматривается хронологическое противорѣчіе въ отношеніи къ времени написанія Энеиды Котляревскаго; но даже и это противорѣчіе не важно по сравненію съ тѣмъ логическимъ противорѣчіемъ, которое находится въ свидѣтельствѣ С. Каминскаго еще первой редакціи и окончательно подтверждается тѣми-же мыслями второй редакціи,—и это противорѣчіе опять таки говоритъ противъ мнѣнія проф. Дашкевича... И вотъ почему: въ приведенной нами 1-й цитатѣ С. Каминскаго старой редакціи говорится, что „это“, т. е. хожденіе въ народъ, было *слѣдствіемъ* поэтической дѣятельности (Котляревскаго), для удовлетворенія которой Котляревскій избралъ поэму Вергилія». Логическое противорѣчіе этихъ мыслей очевидное, и проф. Дашкевичъ могъ основаться на нихъ только по недоразумѣнію. А именно: С. Каминскій, какъ мы упомянули, говоритъ, что Котляревскій хожденіемъ въ народъ какъ-бы подготовлялся къ своему труду, т. е. идея Энеиды была причиной того, что онъ изучалъ народъ,—это вполнѣ понятно... Но дальше говорится, что хожденіе въ народъ Котляревскаго было слѣдствіемъ не идеи Энеиды, а «поэтической дѣятельности», для удовлетворенія которой Котляревскій избралъ Энеиду», т. е, по просту говоря, слѣдствіемъ самого процесса созиданія Энеиды... Выходитъ въ одно и то-же время, что нашъ поэтъ и не писалъ Энеиды, а только *какъ-бы* готовился къ ней, и писалъ ее, не зная народа, и только изучая его... Мысль крайне неясная, и ужъ для вывода изъ нея мнѣнія о первенствѣ по времени Энеиды Котляревскаго совершенно непригодная.

И вотъ изъ тумана логическаго противорѣчія этой мысли выводитъ насъ вторая редакція ея 1866-го года. Тамъ то-же свидѣтельство выражено слѣдующимъ образомъ [2]): «время показало, что это все было прямое *внушеніе поэтическаго дара*, было потребностью его души, и для удовлетворенія вспыхнув-

[1]) Полтавскія Епарх. Вѣдомости 1669 г. № 18.

[2]) Полтавскія Губ. Вѣд. 1866 г. № 46.

шаго въ ней творчества онъ избралъ поэму Вергилія, какъ-бы подмѣтивъ въ ней нѣкоторое сходство похожденій Троянцевъ съ подвигами козачества». Нечего и говорить, что основная мысль настоящей цитаты и по ясности и по логичности превосходитъ первую... Не говоря уже о томъ, что самъ С. Каминскій смотритъ на свою редакцію *всѣхъ* вообще мыслей и свѣдѣній въ 1866 г. какъ на болѣе точную и «дополненную совершенно новыми данными» [1],—большее совершенство второй редакціи по поданному пункту бросается въ глаза сразу... Теперь С. Каминскій опредѣленно говоритъ, что авторъ украинской Энеиды изучалъ народную жизнь въ силу внушенія своего поэтическаго дара, что это изученіе было потребностью его души и что затѣмъ, когда у него въ душѣ зародилось желаніе создать *что-нибудь*, «удовлетворить вспыхнувшее въ ней (душѣ) творчества», онъ и выбралъ для себя Вергилія. Да и то этотъ выборъ, по словамъ С. Каминскаго, обусловливался тѣмъ, что нашъ поэтъ подмѣтилъ въ Энеидѣ Вергилія черты нѣсколько близкія его родному народу... Словомъ, связь между предъидущимъ изученіемъ народа Котляревскимъ и послѣдующимъ писаніемъ Энеиды—у Ст. Каминскаго можетъ считаться установленной только въ томъ смыслѣ, что хожденіе Котляревскаго въ народъ не зависѣло отъ желанія его написать именно передѣлку Энеиды, а являлось безсознательнымъ инстинктомъ души поэта,—это во-первыхъ, и во-вторыхъ, что самое созданіе украинской Энеиды было, если не совершенно, то почти слѣдствіемъ того, что Котляревскій нашелъ въ ней нѣчто близкое по духу украинскому народу, который онъ, конечно, долженъ былъ изучать раньше. Только такой выводъ и можно сдѣлать изъ приведенныхъ теперь словъ С. Каминскаго... Что дѣлая такой выводъ изъ словъ С. Каминскаго, мы правы, указываетъ, напримѣръ, самый взглядъ его на тотъ-же предметъ нѣсколько выше. С. Каминскій говоритъ, что изучая народъ, нашъ поэтъ, *какъ-бы* подготовлялся къ будущему труду. Вотъ это-то «какъ-бы» въ

[1]) Полт. Губ. Вѣд. 1866 г. № 46—примѣчаніе въ началѣ очерка.

данномъ случаѣ имѣетъ огромное значеніе. Если-бы С. Каминскій предполагалъ, а тѣмъ болѣе зналъ, что Котляревскій изучалъ народъ съ предвзятой уже цѣлью написать передѣлку римской Энеиды, то онъ прямо сказалъ-бы, что нашъ поэтъ подготовлялся, а не *какъ-бы* подготовлялся къ будущему труду. Во-вторыхъ, ему нечего было-бы говорить нѣсколько ниже, что хожденіе въ народъ Котляревскаго было только внушеніемъ его поэтическаго дара или потребностью души; онъ прямо могъ-бы сказать, что Котляревскій потому именно и ходилъ въ народъ, что ему нужно было написать украинскую Энеиду. Однако ничего этого С. Каминскій не сдѣлалъ и даже прибавилъ, что Котляревскій написалъ Энеиду, какъ-бы подмѣтивъ въ ней черты, родственныя украинскому козачеству. Очевидно, что и словамъ «какъ-бы подготовляясь» С. Каминскій придавалъ иное и, конечно, вполнѣ опредѣленное значеніе. Какое же именно? Объ этомъ говоритъ самъ С. Каминскій въ томъ-же мѣстѣ: изучая народъ, Котляревскій, по словамъ его біографа, дѣлалъ это, «какъ-бы подготовляясь къ предстоящему труду,— и, дѣйствительно, изъ этой практической школы вынесъ онъ глубокое знаніе малорусскаго нарѣчія и быта народнаго». Въ этой тирадѣ совершенно ясно, что хотѣлъ сказать ея авторъ: Котляревскій, изучая народъ, вынесъ глубокое его знаніе, которое затѣмъ, дѣйствительно, и пригодилось ему для будущаго труда. Смыслъ этого толкованія вполнѣ гармонируетъ съ прочими мыслями того-же автора и показываетъ, что выраженію «какъ-бы подготовляясь» онъ придавалъ поэтому совсѣмъ не то значеніе, которое ему придалъ профессоръ Дашкевичъ.

Изслѣдованіе той же второй редакціи, выясняя путаницу первой, показываетъ не только то, что соотвѣтствующія мысли первой редакціи нельзя понимать въ смыслѣ сознательнаго изученія Котляревскимъ народа, но даже и то, что онъ безъ этого изученія не могъ Энеиды даже и начать! И это потому, что самъ С. Каминскій слишкомъ серьезно смотритъ на роль изученія народа въ написаніи украинской Энеиды. Вотъ какъ Котляревскій, по свидѣтельству біографа, готовился, повторяемъ—без-

сознательно, къ предстоящему труду[1]): „онъ бывалъ на сходбищахъ и играхъ народныхъ и самъ переодѣтый участвовалъ въ нихъ, прилежно вслушивался въ народный говоръ, записывалъ пѣсни и слова, изучалъ языкъ, нравы, обычаи, повѣрія, преданія украинцевъ". При такомъ отношеніи къ дѣлу, разумѣется, Котляревскій безъ знанія народа не могъ написать и строчки своей Энеиды, которая, какъ мы сказали, представляетъ глубокое знаніе народнаго украинскаго языка и самого народа... А разъ это такъ, то изъ путаницы первой редакціи мы можемъ совершенно вычеркнуть ту мысль, что Котляревскій уже писалъ Энеиду, послѣ чего или одновременно съ чѣмъ сталъ изучать и народъ... Что-же тогда останется въ первой редакціи послѣ приданія ей дѣйствительнаго смысла? Отнюдь не то, что приписалъ ей проф. Дашкевичъ, а только то, что послѣдній на туманной и противорѣчивой мысли С. Каминскаго остановился съ нѣкоторой вѣрой въ нее и поставилъ ее въ число тѣхъ основаній, на которыхъ онъ мелькомъ строитъ свое предположеніе о первенствѣ по времени нашей Энеиды.

Упоминанія С. Каминскаго о томъ, что привязанность поэта къ римскому писателю (Вергилію) также имѣла вліяніе на выборъ имъ для передѣлки Энеиды, нашихъ возраженій проф. Дашкевичу не опровергаетъ ничѣмъ: разумѣется, Котляревскій долженъ былъ знать Вергилія, чтобы передѣлывать его Энеиду, но можетъ ли Вергилій объяснить слишкомъ большую связь между Котляревскимъ и Осиповымъ, это вопросъ другой... Мы показали выше, что не можетъ, а потому и пунктъ о пользованіи Котляревскаго Вергиліемъ къ данному вопросу никакого отношенія не имѣетъ. Взаимоотношеніе Осипова и Котляревскаго остается и послѣ этого нерѣшеннымъ у проф. Дашкевича, а у С. Каминскаго даже незатронутымъ. Перейдемъ теперь ко второму свидѣтельству С. Каминскаго, которое гласитъ, что Котляревскій рѣшился пародировать Энеиду „по долгомъ, обдуманномъ приготовленіи". Въ разборѣ перваго свидѣтельства мы уже показали, что, основываясь на свѣдѣніяхъ С. Каминскаго, ду-

[1]) Полт. Губ. Вѣд. 1866. № 46.

мать о какомъ-бы то ни было обдуманномъ хожденіи въ народъ Котляревскаго съ цѣлью написать Энеиду, никакъ не возможно. Изъ другого свидѣтельства выходитъ совершенно иное: біографъ поэта говоритъ въ немъ, что Котляревскій написалъ Энеиду по долгомъ обдуманномъ приготовленіи [1]). Но откуда-же это заключеніе слѣдуетъ? Откуда угодно, но только не изъ предшествовавшихъ мыслей того же автора!

Прежнія заявленія его о томъ, что Котляревскій „какъбы приготовлялся", что ходилъ въ народъ лишь подъ вліяніемъ поэтическаго внушенія, что самое изученіе народа дало возможность только избрать Энеиду,—все это не даетъ никакихъ основаній для того, чтобы вывести заключеніе, что нашъ поэтъ обдуманно готовился къ своему труду. Очевидно, это—новое противорѣчіе С. Каминскаго, къ логической устойчивости вообще не особенно склоннаго. Итакъ, мы видимъ, что ни одному изъ замѣчаній С. Каминскаго нельзя придавать серьезнаго значенія, поэтому ни одно изъ приведенныхъ проф. Дашкевичемъ свидѣтельствъ знакомаго Котляревскаго, въ силу своей противорѣчивости и неясности, для рѣшенія вопроса о самостоятельности Энеиды не имѣетъ никакой цѣны. С. Каминскій, безъ всякаго сомнѣнія, получалъ свои свѣдѣнія не отъ самаго Котляревскаго,—иначе, напримѣръ, онъ долженъ былъ-бы знать, что Энеида издана впервые въ 1798 г.,—поэтому не на всѣ его свѣдѣнія можно и обращать вниманіе. Вопросъ о самостоятельности Энеиды у него обставленъ самымъ слабымъ образомъ, и эта слабость его рѣшенія такъ очевидна, что свидѣтельства его совершенно нужно исключить изъ числа тѣхъ, которыя могутъ пролить какой-нибудь свѣтъ на данный вопросъ. Итакъ, въ данномъ пунктѣ, точка опоры проф. Дашкевича, въ силу слабости мнѣній С. Каминскаго, также слаба...

Еще слабѣе основательность того замѣчанія проф. Дашкевича, въ которомъ онъ высказываетъ мысль о первенствѣ по времени украинской Энеиды, руководствуясь преданіемъ, что Кот-

1) Полт. Губ. Вѣст. 1866 г. № 46.

ляревскій передѣлывалъ Энеиду еще въ семинаріи... Гдѣ же это преданіе? О томъ, что оно есть, только мелькомъ вспоминаетъ въ своей статьѣ Кулишъ[1]), но его упоминаніе не имѣетъ никакой цѣнности, такъ какъ не опирается на фактахъ... Предположимъ, что такое преданіе, дѣйствительно, есть,—но насколько оно вѣроятно, это другое дѣло, а въ этомъ-то и весь вопросъ! Мы лично не придаемъ вѣры этому преданію именно потому, во первыхъ, что оно недокументально, а во-вторыхъ, еслибы оно имѣло, въ самомъ дѣлѣ, какое-нибудь основаніе, то уже, навѣрно, о немъ что нибудь сообщили-бы знакомые Котляревскаго—Сементовскій и С. Каминскій... Между тѣмъ первый ничего о немъ не говоритъ, а второй замѣчаетъ[2]).—„Кто знаетъ, не въ эти ли молодые годы (семинарскіе) зародилась въ немъ первая мысль о переложеніи Энеиды Вергилія на малороссійское нарѣчіе, мысль такъ удачно выполненная потомъ?" Послѣдняя мысль скорѣй указываетъ на противоположное, именно, что Энеида была начата не въ семинаріи, а *потомъ*... Ясно теперь, что и упомянутое преданіе мало чѣмъ можетъ намъ помочь въ рѣшеніи нашей задачи: оперируя съ ними одними, мы не подвигаемся впередъ ни на шагъ... Разумѣется, всякія соображенія по данному вопросу важны, и за нихъ мы проф. Дашкевичу весьма благодарны, но разсмотрѣніе этихъ соображеній, или, собственно говоря, ихъ основаній, показываетъ намъ, что, не довѣряя послѣднимъ, мы не можемъ воспользоваться и первыми...

Остается послѣднее и самое цѣнное соображеніе проф. Дашкевича: это именно замѣчаніе его о присутствіи въ „Энеидѣ" Осипова словъ, какъ ему кажется, малорусскихъ....

Замѣчаніе это, повторяемъ, цѣнно; но свой взглядъ на вызываемыя имъ соображенія мы выскажемъ ниже,—при сравненіи Энеидъ... Вотъ, такимъ образомъ, и всѣ замѣчанія по данному поводу проф. Дашкевича. Что-же они намъ говорятъ или

---

[1]) Основа 1861 г. стр. 245 I-я книга.

[2]) Полтав. Губ. Вѣд. 1866 г. № 46.

какое въ нихъ можно предположить рѣшеніе главнаго нашего вопроса—о взаимоотношеніи русской и украинской Энеидъ? Рѣшенія вопроса въ нихъ нѣтъ, есть только нѣкоторыя соображенія, принять которыхъ мы не можемъ, а на одно изъ нихъ, какъ уже сказано, мы должны обратить особенное вниманіе. Поэтому, и послѣ его замѣчаній, мы должны все-таки, какъ соглашается и проф. Дашкевичъ, обратиться къ непосредственному сравненію передѣлокъ Энеидъ. Вопросъ, значитъ, и теперь все-таки остается открытымъ!

Въ одномъ году съ профессоромъ Дашкевичемъ мнѣніе свое по тому-же поводу высказалъ и львовскій профессоръ Ом. Огоновскій [1]. Но насколько мнѣнія профессора Дашкевича самостоятельны, настолько мысли проф. Огоновскаго заимствованы у г. Минскаго. Проф. Огоновскій счелъ, вѣроятно, вопросъ о несамостоятельности Энеиды вполнѣ рѣшеннымъ и поэтому безъ дальнѣйшихъ оговорокъ заявляетъ: „тая-то Энеида вывороченная на изнанку Осиповымъ, послужыла подекуды взирцемъ до писання Енеиды перелицьованои. Видъ Осипова переймывъ Котляревскій засновокъ пысання й особлыво сатиричне высмиювання всякихъ пьяныць: опроче украинскій поетъ користувався тою самою формою пысаня, яку выбравъ соби Осиповъ. Се-бо добачаемо въ «перелицьованій» Енеиди Котляревського таки сами чотыро-стопови ямбы, зложени въ строфы по десять стричекъ и таке саме рифмоване, що й въ Енеиди Осипова». Нѣсколько далѣе проф. Огоновскій замѣчаетъ еще, что между обоими произведеніями есть и разница, но, какъ показываетъ дальнѣйшее изложеніе мыслей упомянутаго историка литературы, эта разница заключается только въ идеяхъ, но не въ чемъ-либо другомъ. Приведенное-же замѣчаніе его показываетъ зависимость проф. Огоновскаго отъ г. Минскаго, на котораго онъ, впрочемъ, и ссылается, такъ что его (Огоновскаго) мысли особеннаго значенія для насъ не имѣютъ: убѣжденіе его есть убѣжденіе г. Минскаго, а поэтому и всѣ наши возраженія послѣднему остаются тѣми-же и для проф. Огоновскаго.

---

[1]) Исторія литературы рускои (украинской) ч. II, 1-й вôддилъ, Львивъ 1889 г. стр. 195—6.

Затронулъ также данный вопросъ въ своихъ «Desiderata до ювілею Котляревского“ и г. Сергіенко [1]), но только затронулъ... Стоя на той реальной почвѣ, необходимость которой указалъ и проф. Дашкевичъ, даже послѣ рѣшительной статьи г. Минскаго, г. Сергіенко еще разъ подтвердилъ своей статьей настойчивость и необходимость сличенія передѣлокъ Энеидъ. Большаго онъ не далъ ничего, да впрочемъ это и не было его задачей. Цѣлью desiderata г. Сергіенко было только желаніе указать на тѣ вопросы, которые возникаютъ при изученіи личности Котляревскаго и его произведеній и которые важно было бы рѣшить.

Ничего новаго по данному вопросу не говоритъ и г. Н. С-въ, авторъ замѣтки о Котляревскомъ въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза [2]). Замѣчанія его сводятся къ слѣдующему: „при передѣлкѣ Энеиды Котляревскій имѣлъ въ виду вышедшую въ 1791 г. русскую передѣлку Осипова, а послѣдній, въ свою очередь, подражалъ нѣмецкому писателю Блумауэру († 1788 года)»,—и затѣмъ: „К. подражалъ Осипову въ выборѣ стиха и обрисовкѣ пьянства. Самостоятельность К. обнаруживаетъ въ языкѣ и во многихъ оригинальныхъ эпизодахъ, написанныхъ съ большимъ талантомъ“. Вотъ и все... Нужно сказать, что эти мысли автора замѣтки о Котляревскомъ, при всей ихъ рѣшительной формѣ, мало фактичны и совсѣмъ не обоснованы. Вѣрны ли эти мысли или нѣтъ, это другой вопросъ,—а дѣло только въ томъ, что ихъ безапелляціонность отнюдь не соотвѣтствуетъ фактическому положенію вопроса о самостоятельности Энеиды Котляревскаго.

Итакъ, мы начертали краткую исторію вопроса о самостоятельности украинской Энеиды. Соображенія по поводу него различныя, но и въ этомъ разнообразіи мнѣній мы можемъ видѣть два основныя теченія: во-первыхъ, одни считаютъ необходимымъ для выводовъ объ украинской Энеидѣ подвергнуть различныя передѣлки Виргиліевой Энеиды сравненію, а во-вторыхъ,—другіе признаютъ это сравненіе еще не совсѣмъ достаточнымъ для

[1]) Записки науковсго товариства імени Шевченка 1893 г. кн. II-я, Львовъ.

[2]) Энциклопедическій словарь—полутомъ 31-й.

произнесенія окончательнаго рѣшенія и прибѣгають, кромѣ того, къ различнымъ логическимъ соображеніямъ. Значитъ, эти двѣ черты въ изслѣдованіи вопроса о самостоятельности Энеиды являются наиболѣе важными. Остается теперь приложить оба эти метода къ рѣшенію нашей задачи.

II.

Знаменитое произведеніе римскаго поэта Вергилія Энеида оказало на потомство большое вліяніе. Благодарный ея сюжетъ—странствованіе Троянскаго Энея не только на землѣ, но и подъ землею—давалъ богатую канву для изображенія на ней самыхъ разнообразныхъ идейныхъ узоровъ... Формой Энеиды можно было съ удобствомъ пользоваться для бичеванія пороковъ различныхъ эпохъ, для помѣщенія въ адъ многихъ представителей всевозможныхъ жизненныхъ золъ и, наоборотъ, для возвеличенія добродѣтелей. И дѣйствительно, всѣ послѣдующія поколѣнія, занимавшіяся подражаніемъ Энеидѣ, утилизировали ее съ упомянутой цѣлью. Разумѣется, смотря по эпохамъ, въ передѣлкахъ Энеиды присутствуетъ въ большей или меньшей степени тотъ элементъ, который можно назвать реакціей псевдоклассицизму, но тѣмъ не менѣе сатирическій элементъ занимаетъ въ нихъ выдающееся мѣсто и ничуть не затемняется теченіями посторонними.

Процессъ воздѣйствія Вергилія на дальнѣйшія поколѣнія имѣетъ свою литературную исторію. Первымъ въ европейской исторіи на котораго онъ могъ оказать поэтическое воздѣйствіе, можетъ считаться Данте [1]). При непосредственномъ знакомствѣ съ Энеидой, послѣдній не могъ не замѣтить ея удобной формы для воплощенія своихъ идеаловъ и, конечно, воспользовался этой формой для своихъ цѣлей. Особенно могли затронуть фи-

---

[1]) Всеобщ. литерат. І. Шерра, 1867 г., стр. 234—5.

лософскій умъ Данте мѣста Энеиды объ адѣ и раѣ, которыя могли послужить ему основой для изложенія собственныхъ воззрѣній на различные метафизическіе и соціальные вопросы. И, въ самомъ дѣлѣ, Данте до нѣкоторой степени былъ подъ вліяніемъ Вергилія. Въ своей „Divina comedia“ онъ пользуется изреченіями послѣдняго, называетъ его самыми высокими эпитетами [1]) и, наконецъ, избираетъ одинъ изъ эпизодовъ Энеиды для развитія, изъ него собственнаго произведенія. Но при несомнѣнномъ фактѣ воздѣйствія Вергилія на Данте, необходимо, разумѣется, замѣтить, что послѣдній, въ отличіе отъ прочихъ послѣдователей великаго римскаго поэта, отличался глубокой самостоятельностью. У Вергилія онъ взялъ только одинъ эпизодъ—сошествіе Энея въ адъ,—и разработалъ его своеобразнымъ и оригинальнымъ образомъ. Кромѣ того, къ Вергилію и ко всей изображенной классической миѳологіи онъ относится такимъ образомъ, что въ этомъ его отношеніи нѣтъ и тѣни какой-нибудь каррикатурности и смѣхотворства. Вергилій для Данте является даже руководителемъ въ нѣкоторомъ отношеніи, въ то время какъ для послѣдующихъ передѣлывателей Энеиды классическій ея элементъ служитъ если не предметомъ осмѣянія, то во всякомъ случаѣ полнаго равнодушія. Поэтому италіанскаго писателя, хотя и возможно считать находившимся подъ вліяніемъ Вергилія, но въ рядъ съ прочими подражаніями послѣдняго ставить невозможно.

Комически-сатирическія передѣлки Энеиды начинаются только съ 17-го столѣтія... Первымъ, послѣ Данта, итальянцемъ, снявшимъ съ Энея классическую драпировку, былъ Battista Lalli [2]); въ его передѣлкѣ впервые Энеида обращается въ комическое похожденіе Энея, носящее черты современной передѣлывателю эпохи.. Произведеніе Лалли вызвано было духомъ времени, требовавшимъ сатиры надъ древними богами, и поэтому примыкаетъ къ ряду подобныхъ-же произведеній, творцами которыхъ были такіе писатели 17-го вѣка, какъ Франческо Брач-

---

[1]) Этюды и очерки В. Лесевича, стр. 13, 15.

[2]) Eneida travestita—1663.

чіолини, Лоренцо Липпи, Паоло Минуччи и другіе. Но независимо отъ него, даже нѣсколько раньше, такую-же передѣлку Энеиды сдѣлалъ во Франціи Paul Scarron [1]), и его произведеніе имѣло громадный успѣхъ, вызвавъ массу подражаній. Задачей Скаррона было осмѣяніе классическихъ боговъ и героевъ, что шло въ разрѣзъ съ глубокимъ уваженіемъ 17-го вѣка къ древности, и кромѣ того, порицаніе современныхъ ему общественныхъ недуговъ... Изъ послѣднихъ Скарронъ отмѣчалъ ханжество, невѣжество, деспотизмъ и проч., которыя и бичевалъ своей сатирой. Въ томъ-же 17-мъ вѣкѣ, въ подражаніе Скаррону, была издана въ Англіи Карломъ Котономъ новая передѣлка Энеиды [2]), также пользовавшаяся громаднымъ успѣхомъ... Эта передѣлка въ свою очередь отличается комически-сатирическимъ характеромъ... Наконецъ, въ 18 в. нѣмцемъ Блумауэромъ также была сдѣлана передѣлка Вергилія [3]), пользовавшаяся большимъ успѣхомъ и, подобно прежнимъ произведеніямъ одного съ нею типа, въ обиліи вмѣщавшая сатирическій элементъ. Нападки на псевдо-классицизмъ Блумауэромъ оставлены въ сторонѣ, и вмѣсто этого вся передѣлка Энеиды (9 пѣсенъ) наполнена выходками противъ монаховъ, суевѣрія, невѣжества и т. п.

Вотъ и всѣ главнѣйшія передѣлки Энеиды, сдѣланныя зап.-европейскими поэтами. Ни одна изъ этихъ передѣлокъ, кромѣ французской, на Котляревскаго не могла имѣть никакого воздѣйствія по самой простой причинѣ: нашъ поэтъ не зналъ ни одного зап.-европейскаго языка, кромѣ французскаго. Но и французская передѣлка, какъ мы упоминали выше, не стоитъ ни въ какой связи съ произведеніемъ нашего поэта: ни въ эпизодахъ, ни въ манерѣ писать, ни въ отдѣльныхъ выраженіяхъ между украинской и французской передѣлкой общаго нѣтъ. При сравненіи обѣихъ Энеидъ это обнаруживается вполнѣ. Причины такого несовпаденія двухъ Энеидъ могутъ быть разныя: или нашъ поэтъ, когда думалъ писать свой трудъ, не

---

[1]) Virgile travesti—1648—1653. Paris.

[2]) Scarronidea of Virgil travestie.

[3]) Virgils Aeneis travestirt 1784—1793.

зналъ французскаго языка,—что намъ кажется наиболѣе вѣроятнымъ; или-же, если даже предположить, что онъ зналъ языкъ и могъ читать Скаррона, то все-таки послѣдній не могъ содержаніемъ своей передѣлки такъ повліять на Котляревскаго, чтобы нашъ поэтъ написалъ свой трудъ близко къ его труду: у послѣдняго были свои цѣли, которыя были чужды уже и для Блумауэра, а тѣмъ болѣе для нашего поэта. Правда, нашъ поэтъ, отбросивъ, подобно Блумауэру, осмѣяніе боговъ древности, могъ-бы заняться осмѣяніемъ всякаго фарисейства, монашества и т. п.,—но дѣло въ томъ, что русская жизнь, особенно современная нашему поэту, для такой сатиры была-бы неблагопріятной...

Какъ бы то ни было, но Котляревскій со Скарропомъ общаго не имѣетъ. Не находя образца Котляревскому въ видѣ передѣлокъ Энеиды предшествующими ему зап.-европейскими писателями, мы, разумѣется, легко могли-бы подумать, что произведеніе нашего поэта, если не совершенно самостоятельно, то написано только подъ непосредственнымъ вліяніемъ одного Вергилія... Знакомство Котляревскаго съ Энеидой Вергилія въ семинаріи, затѣмъ преданіе, впрочемъ не документальное, о томъ, что нашъ поэтъ передѣлывалъ свою Энеиду еще въ бытность въ семинаріи,—эти соображенія, вмѣстѣ съ другими, также должны были-бы укрѣпить насъ въ той мысли, что Энеида Котляревскаго есть произведеніе почти самостоятельное. Но къ утвержденію такой мысли не позволяетъ намъ окончательно придти одно препятствіе: русская передѣлка Энеиды Осипова, вышедшая 1-мъ изданіемъ 1791—1795 г.

Изслѣдователи произведеній Котляревскаго находятъ, что между русской и украинской передѣлками наблюдается большая близость, и нѣкоторые изъ нихъ категорически утверждаютъ, что Котляревскій подражалъ Осипову; другіе держатся противоположнаго мнѣнія и, приводя различныя соображенія, не раздѣляютъ категоричности перваго мнѣнія. На сторонѣ первыхъ—сравненіе передѣлокъ Энеиды и нѣкоторыя хронологическія данныя; на сторонѣ вторыхъ—такое-же сравненіе передѣлокъ и осно-

ванныя на свидѣтельскихъ показаніяхъ логическія соображенія. На чьей сторонѣ истина, пока не извѣстно, но самый фактъ спора о самостоятельности Энеиды заставляетъ уже сомнѣваться въ томъ, что Котляревскій писалъ Энеиду независимо отъ Осипова, издавшаго свою передѣлку въ 1791 г., въ то время какъ передѣлка украинская издана въ 1798 г. Разумѣется, ни одного изъ мнѣній безъ достаточныхъ данныхъ принять нельзя, но для того, чтобы увидать, на чьей сторонѣ правда, необходимо во всякомъ случаѣ продѣлать ту-же работу, которую сдѣлали болѣе обстоятельные изъ изслѣдователей даннаго вопроса,—т. е. подвергнуть сначала весь необходимый матеріалъ сравненію и привлечь къ дѣлу всѣ возможныя соображенія.

Только сдѣлавъ это, мы и можемъ надѣяться поставить рѣшеніе вопроса на болѣе или менѣе прочную почву и вывести по данному вопросу опредѣленное заключеніе. Итакъ, литература вопроса показываетъ, что можно сомнѣваться въ полной самостоятельности украинской Энеиды, что ее можно ставить въ зависимость отъ Энеиды русской. Основаніемъ этого предположенія является близость обѣихъ Энеидъ, находимая при ихъ сравненіи. Ясно поэтому, что первымъ и важнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ пунктомъ, на который нужно обратить особенное вниманіе для правильнаго рѣшенія вопроса, должно стать выясненіе близости обѣихъ славянскихъ передѣлокъ. Нужно, значитъ, прежде всего показать, существуетъ-ли между ними сходство и, если существуетъ, то въ какой мѣрѣ? Очевидно, что для отвѣта на эти первые вопросы нужно сравнить обѣ Энеиды, и это сравненіе дастъ въ отношеніи сходства богатѣйшіе результаты... Близость между обѣими Энеидами обнаруживается самымъ яркимъ образомъ: общихъ мѣстъ находится множество. Вотъ образцы ихъ:

Энеида Котляревскаго [1]).	Энеида Осипова [2]).
I-я пѣснь.	*I-я часть I-я пѣснь.*
Но Греки якъ спалывши Трою, Зробылы зъ неи скырту гною.	Но послѣ свальнаго какъ бою, Сожгли обманомъ Греки Трою.
—	—

[1]) Изд. 1808 г. [2]) Изд. 1801 г.

Да вже для тебе обищаюсь
. . . .
Я хутко разомъ постараюсь.

—

Хиба-бъ то вже та не Юнона,
Щобъ не вказала макогона...

—

Не дай загынуть головамъ!

—

Ось-ось де я, колы вамъ треба.

Однако быть такъ постараюсь.—

Изволь, навѣрно обѣщаюсь ..

—

Твоя супружница Юнона
Всегда во всемъ ему препона!

—

Не дай теперь погибнуть намъ..

—

Онъ здѣсь! вскричалъ Эней тутъ смѣло.

I я пѣснь.

Прыбигъ Меркурій, засапавшысь,
Въ тры ряды питъ зъ його котывъ.
Ввесь ремипцями обвязавшысь,
На голову винъ брыль надивъ;
На грудяхъ зъ бляхою ладунка,
А ззади съ сухарячи сумка.
Въ рукахъ нагайськый малахай...

—

Бижы лышъ швыдко въ Картагену
И пару розлучы скажену

—

Поганый, мерзькый, гыдкый, брыдкый!
Бурлакъ, розбійныкъ, кателыкъ.
Гульвиса, пакосный, престыдкый,
Негидный, злодій, еретыкъ!

—

Зъ двора, собака мовъ, побигъ.

2-я часть IV-я пѣснь.

Явился скорыми шагами
Меркурій въ шапочкѣ съ крылами.
Держа въ рукѣ претолсту плеть...
На шеѣ сумочка съ гербами
И опоясанъ весь ремнями.

—

Къ Дидонѣ въ нову Карфагену,
И въ городъ пролетя чрезъ стѣну

—

Негодный, дерзкой, плутъ, похабникъ
Мерзавецъ, пакостникъ, срамецъ;
Мошенникъ, воръ, злодѣй, нахальникъ,
Подлецъ, бродяга, сорванецъ.

—

Пустился словно какъ борзая...

II я пѣснь.

Сказавъ: „нехай ій вичне царство,
Мени же довголитне панство,
И щобъ друга вдова найшлась.

—

Трояици съ страху задрожалы,
И що робыты, вси не зналы.

—

По ихъ винъ звався Палипуръ
. . . .
Смиленькій бувъ и балагуръ.

—

2-я часть V-я пѣснь.

„Дай Богъ, сказалъ, ей память вѣчну
За всю любовь ко мнѣ сердечну,
Мнѣ-жъ свѣжую вдову достать!

—

Троянцы всѣ тряслись, дрожали
И дѣлать что, совсѣмъ не знали.

—

Онъ назывался Палипуромъ

И не послѣднимъ балагуромъ...

—

Троянцы добре прынялыся
И сталы весламы гребты;
Якъ стрилкы, човныкы неслыся...

—

Даресъ довгенько дожыдався

—

Даресъ не радъ своій лыхоти,
Ентеллъ потягъ не по охоти.

—

Въ Сыцыліи таке творытся

—

То пиднесла имъ пырожокъ

—

Прыймимося, човны попалимъ.
Тогди вже мусятъ тутъ остаться
И нехотя до насъ прыжаться,—
Оттакъ на лидъ ихъ посадимъ!

—

А ты зъ сидою бородою,
Пане-добродію Нептунъ!
Сыдышь, мовъ демонъ пидъ водою
Изморщившись, старый шкарбунъ,

—

Завивъ братерство изъ бисамы,
И въ свити нашимы бидамы
Не погорюе ни на часъ.
Не посылкуется ни мало,
Щобъ такъ палаты перестало,
И щобъ осей пожаръ погасъ...

—

Чого ты сыльно зажурывся
И такъ роздувся якъ индыкъ?
Зовсимъ охлявъ и занудывся.

—

И по Олымпському закону,
То пекла вже ты не мынешъ;
Бо треба кланяться Плутону..

—

Повіявъ витръ зъ рукы Энею.

III пѣснь.

А витры зъ-заду все трубылы
Въ потылыцю його човнамъ.

—

Грести всѣ дружно принялися,
Лишь только весла затряслися,
Суда летѣли, какъ стрѣла.

—

Даресъ не мало дожидался.

—

Даресъ потрусилъ мой тутъ плотно.
И въ бой вступалъ ужъ не охотно...

—

Въ Сициліи теперь творится

—

Съ грибками поднесла пирогъ.

—

Сожжемъ ихъ все и попалимъ;
Имъ будетъ неначемъ подняться,
То поневолѣ ужъ остаться,
Мы здѣсь на мѣстѣ имъ велимъ.

—

А ты съ густою бородою,
Захлюставшись, какъ мокра мышь.
На дно зарывшись подъ водою,
Съ трезубцемъ только что храпишь!

—

Привыкъ онъ жить все съ мертвецами,
То въ свѣтѣ нашими бѣдами
Не попечется ни на часъ.
Не постарается нимало,
Горѣть чтобъ пламя перестало,
И чтобъ и сей пожаръ погасъ!

—

Къ чему такъ вдругъ разгорячился,
И съ горя губы распустилъ?
Не кстати такъ въ кручину вдался?

—

Послѣдній въ томъ судьбы законъ,
И къ нашему царю Плутону
Тряхни съ почтеньемъ на поклонъ

—

Насталъ Троянцамъ вѣтръ споручный

3-я часть VI пѣснь.

А вѣтры между тѣмъ трубили
Въ затылокъ сильно кораблямъ.

—

Отъ-такъ, поплававшы чимало.
И поблудывшы по морямъ...

—

Покиль-же що, то ты послухай
Того, що я тоби скажу;
И головы соби не чухай,
Я въ пекло стежку покажу:
Въ лису велыкому, густому
Якеесь дерево росте:

На нимъ кыслыци не простыи

Ростуть, якъ жаръ все золотыи...

—

Якъ тильки сумрачна та темна
Изъ неба злизла чорна ночь,
Годына-жъ стала дуже певна,
Якъ повтикалы зирки прочь

—

А ты, мовляла ко Энею,
Моторный, смилый молодець,
Прощайся зъ юрмою своею,
Ходимъ у пекло, тамъ отець
Насъ твій давно вже дожыдае.

—

А потимъ смерть до артыкулу
Имъ отдала косою честь,
На передъ стоя калавуру,
Якый у йіи мосци есть

—

За смертію у слидъ валылось
Жинокъ, свекрухъ и мачухъ злыхъ...
Вотчымы шлы, тести-скупяги,
Булы и наши побродяги
Сердыти шурыны, браты,

Зовыци, братовы, ятровкы—

Що все грызутся безъ умовкы..

—

Насупротивъ сыхъ окаянныхъ...

—

Ненаськи-же булы: Горгоны,
Кентавры, Грифы, Бріареи,
Химеры, Карлы, Гарпагоны

—

Проѣздивши не мало время,
И понырявши по волнамъ...

—

Покамѣсть моего совѣта
Послушай, что тебѣ скажу,
И тѣмъ во адъ со здѣшня свѣта
Путь самой легкой покажу...
Въ лѣсу густомъ непроходимомъ
На деревѣ одномъ любимомъ...
. . . .
Зная тѣ деревья не простыя
. . . .
На нихъ все вѣтки золотыя!

—

Лишь только съ чорной епанчою,
Нахмуря брови, темна ночь,
Со всею свитою своею
Отъѣхала подалѣ прочь...

—

А ты, рекла она Энею,
Удалый добрый молодецъ,
Съ неустрашимостью своею
Ступай за мною, тамъ отецъ
Ждетъ насъ давно нетерпѣливо.

—

Потомъ имъ смерть косой своею
Отбрякнула по свойски честь,
Ведя толпами за собою
Все, что у ней въ командѣ есть...

—

За симъ злой смерти страшнымъ строемъ
Другіе злы попарно шли,
И будто-бы за ней конвоемъ,
Не отставаючи, брели.
Сердиты мачихи лихія,
Брезгливы вотчимы скупые,
Разсчетисты опекуны...
Зятья, невѣстки и золовки,
Свекрови—старыя колдовки.

—

Насупротивъ сихъ богомолокъ.

—

Кентавры, Грифы, Геріоны
Гиганты, Карлы, Бріарей...

—

И перевозчыкъ тутъ явывся
Якъ цыганъ, смуглой твари бувъ...
. . . .
А голова вся въ ковтунахъ
. . . .
Якъ клочье, борода скомшылась.

Явился перевозчикъ тутъ,—
Лицо чернѣе голенища...
Нечесаная бородища.
Вся въ колтунахъ и завиткахъ,

Висѣла до пупа клочками.

—

Эней узривъ свою Дидону
. . . .
Якъ разъ по нашому закону

Увидѣвши вдову Дидону,

По древню щоголевъ закону.

—

Хоть винъ на смерть не осуждае,
Да мучыты повелывае,
И, якъ звелыть, и мучыть такъ

Ко смерти онъ не осуждаетъ
Своимъ рѣшеньемъ никого,
Но муки тяжки налагаетъ...

—

Чи се-жъ тоби такы не стыдно,
Що я тебе такъ довго ждавъ.

Не стыдно-ль, милый мой дружочекъ,
Что я тебя такъ долго ждалъ?

Энеида Котл. [1]).

IV пѣсня.

Борщивъ якъ тры не поденькуешъ,
На моторошни засердчыть;
И заразъ тагломъ закышкуешъ
И въ буркоти закеньдюшыть.
Колы-жъ що напхомъ зъязыкаешъ,
И въ теребъ добре зжывотаешъ,
То на весели занутрыть;
Объ лыко вдаромъ заземлюешъ,
И ввесь забудъ свій зголодуешъ
И бигъ до горя за ортыгъ...
Та що обыщоты верзлыломъ,
На вазку кормомъ соловьятъ:
Ось ну сакалыткуй брязкаломъ,
То радощи залеможатъ,
Коды давало спьятакуешъ,
То море чуло зновынуешъ.
Якъ що съ тобою сперъдытъ:
Куды на плавахъ човноваты,

Энеида Осипова.

4-я часть VII пѣснь.

Какъ ѣдки трои не посутчишь,
Такъ на тощѣ заживотитъ,
На всемъ нытьѣ ты пожелгучишь
И на ворчалѣ забрюшнитъ
А если позубить жевало,
Не засердчитъ ужъ тосковало,
И все уйдило прочь сгруститъ;
Сбѣлятся туги всѣ въ забудку,
Скручинишь всю свою избудку
И улетило сголодитъ.
Но что пустячить намъ звониломъ,
Звенильцомъ лучше замошнуй,
Къ чему полтиниться скрипиломъ,
Жалѣломъ такъ ты не рублюй.
Подержи меня двабцомъ,
То воумлю я раскидальцомъ,
Росказы несублю всѣмъ вамъ.
Что спередитъ съ тобой въ случаѣ,

---

[1]) Изд. 1842 г.

Якъ угодыли Юнонаты
И якъ Эней заминервыть...

И какъ ты долженъ угодилѣ
Юнолить и Минервить самъ.

—

Заклятый островъ передъ намы,
И мы его не мынемо.

Чертовскій островъ передъ нами,
Нельзя его никакъ пройти.

—

Биду побачывъ немынучу,
Троянци вси и панъ Эней,
Зибралыся въ одну вси кучу
Подумать о биди своей...

Бѣду ту видя немивучу,
Удалый молодецъ Эней.
Собравши всѣхъ Троянцевъ въ кучу
Въ каютѣ убранной своей...

. . . .

Молебень-же втялы Эолу,
Щобъ витрамъ по його изволу...

И тамъ, схватясь полой за полу
Надъ бурей старостѣ Эолу...

—

Эней, по човну похожая.

Эней, по палубѣ гуляя...

—

Отъ Тыбръ передъ носомъ у насъ;
Ся ричка Зевсомъ обищана
И зъ берегамы намъ отдана.

Вотъ Тибръ—рѣка намъ обѣщанна
И вотъ земля обѣтованна,
Гдѣ будемъ мы спокойно жить...

—

Латынъ сей хоть не дуже блызько
А все Олымпськымъ бувъ ридна,
Не кланявся никому нызько,
Для його все була брыдня

И такъ онъ былъ хотя не близко,
Олимпскимъ жителямъ сродни
И для себя считалъ все низко—
Простые бары гдѣ одни.

—

Дородна, росла и красыва,
Прыступна, добра, не спесыва

Росла, стройна, свѣжа, красива,
Приступна всѣмъ и не спесива

—

Но ненечка іи Амата
Въ души своій була строката...

Но матушка ея Амата
Ее цѣнила пуще злата

—

Одынъ бувъ Турнъ. царьокъ нешпетный,
Зъ Латыномъ у сусидстви жывъ
. . . .
Не въ шутку молодець бувъ жвавый...

Сей Турнъ владѣлъ у нихъ въ сосѣдахъ
. . . .
Вездѣ являлся молодцомъ...

—

Колы чого въ рукахъ не маешъ,
То не хвалыся, що твое.

Что есть въ рукахъ, то только наше

—

Не розглядивши, кажуть, броду,
Не лизь прожогомъ першый въ воду,
Бо щобъ не посмишывъ людей...

Въ рѣкѣ, не испытавши броду,
Идти не суйся въ быстрину,—
Наквасишь потонувши въ воду...

—

И заразъ лыстъ пославъ къ Энею,
Щобъ выйшовъ бытысь самъ на самъ,
Помирявсь сылою своею,
Доставъ одъ Турна по усамъ;
Хоть на кіи, хоть кулакамы
Поштурхатысь по-пыцъ бокамы...

Тотчасъ потомъ схватя бумагу,
Письмо къ Энею написалъ,
И къ утрему съ собой на шпагу
На поединокъ вызывалъ,
Иль молодецкими руками
Извѣдать силы кулаками...

—

В рыльця, пляшечки, носатку,
Суліи, тыквы, боклажкы,

Все высушылы безъ остатку

У жбановъ, флягъ, сулей бутылокъ,
Ко да уже обсохло дно,
А изъ ковшей, ендовъ. братинокъ,
Все высуслено вонъ вино

—

Пишлы ту землю обзырать

Пошли ту землю обзирать...

—

Сказалы: люде тутъ *бормочуть*,
Языкомъ дывнымъ намъ сокочуть.

Здѣсь только баютъ по-латински,
А мы бормочемъ по-фригійски.

—

Потимъ десятокъ що-мудрійшыхъ.
Въ лацыни що-найрозумнійшыхъ,
Зъ ватагы выбравшы якъ разъ,
Пославъ послами до Латына
Одъ имени свого и чына.
А съ чымъ пославъ, то давъ прыказъ.

И похваля ихъ за науку,
Десятокъ лучшихъ отобралъ
И съ пышностью, по царску чину
Къ Латинскому царю Латину
Послами отъ себя послалъ

—

Послы, прыйшовши до столыци,
Послалы до царя сказать,
Що до його и до царыци
Эней прыславъ поклонъ отдать,
И съ хлибомъ, съ сылью и другымы
Подаркамы предорогымы...

Послы, дошедши до столицы,
Стоявшимъ тамо часовымъ
Сказали: „для царя, царицы
Эней съ почтеніемъ своимъ
Дары чрезъ насъ препровождаетъ

—

Латыну тилькы що сказалы,
Що отъ Энея есть послы,
И съ хлибомъ, съ сылью прычвалалы
Та и подаркы прынеслы,
Хотятъ Латыну поклоныться,
Знакомытысь и подружыться...

Латину только доложили,
Что добрый молодецъ Эней
Желаетъ...
Притомъ прислалъ къ нимъ по подарку,
Распить намѣренъ съ ними чарку
И дружбой клясться имъ своей...

—

Велывъ тутъ заразъ прыбыраты

Свитлыци, сины, двиръ месты...

Въ...
Свѣтелкахъ, чердакахъ, проходахъ
Всѣ стѣны приказалъ убрать.

—

Послывъ ввелы къ царю съ пыхою,
Якъ водылося у Латынъ

Послы велися церемонно,
Какъ водится во всѣхъ дворахъ

—

А старшый Рацію сказавъ

—

Велы акцыпере подаркы
Зъ ласкавымъ выдомъ и безъ сварки,
Що прислани черезъ мене.

—

Скажите вашому Энею,
Латынъ и зъ цилою симьею,
Кый Боже, якъ вси ради вамъ
И вся моя маетность рада.

—

Латынъ по царскому звычаю

—

И на! черезъ штафетъ къ Плутону
За пид псомъ своимъ прыказъ,
Щобъ Фурію винъ Тезырону
Пославъ къ Юнони той-же часъ.

—

Прыбигла Фурія изъ пекла

—

Кого? мене! и хто?—Троянецъ!

—

Троянци, въ рогы затрубывшы,
Пустылы гончыхъ въ чагары.

—

Но у Троянського народу
За шагъ алтына не просы.

—

Въ сіе-то нещаслыве времья
И въ самый штурхобочный бой,
Троянське и Латынське племья,

Якъ умывалося мазкой;
Прыбигъ гонець съ пысьмомъ къ Латыну,
Не радосну прывизъ новыну,—
Князь Турнъ йому війну пысавъ...

—

Колы я тишывся війной?

Не звирь я—людьску кровъ пролыты,
И не Харцызъ людей щобъ быты,
Для мене гыдкый всякый бій...

—

Покыньте-жъ се дурне юнацтво

—

Сталъ рацію свою читать.

—

Подарки ся принять прошу
Которые онъ...
Чрезъ насъ осмѣлился прислать

—

Скажите вашему Энею,
Что мнѣ онъ и съ семьей моею,
Какъ будто сынъ родимой милъ,
Вся здѣшняя земля вамъ рада

—

И по старинну обычаю

—

И голову сломя спѣшите
Къ Плутону въ преисподній адъ
И, тамъ нашедши Тезирону,
Тотчасъ представьте предъ Юнону.

—

Явилась Фурія изъ ада

—

Кого? меня? кто? побродяга!

—

Асканій, въ роги затрубивши,
Со псами въ поле поскакалъ.

—

Но у Троянской молодежи
Не выторговать ничего.

—

А между тѣмъ въ то само время,
Когда за мызницына пса
Латинско и Троянско племя
. . . .
Къ Латину вдругъ тогда примчали ь
Отъ Турна грозные гонцы
Съ весьма нерадостною вѣстью,
Что Турнъ дышитъ ужасной местью.

—

Латина...
Никто не задиралъ войной!
Лить кровь людскую я боюся
И ни за что не соглашуся
Ни въ шпажной, ни въ кулачной бой.

—

Покиньте глупое геройство!

—

Колы сверблять изъ васъ у кого
Чи спына, ребра, чи бокы,—
На що просыты вамъ чужого?
Мои велыкы кулакы
Почешуть ребра вамъ и спыну...

—

Розгадуйте, що исть и пыть,
Хто-жъ о війни проговорыться,
Або кому війна прысныться...

—

Сказавшы се, махнувъ рукою
И заразъ самъ пишовъ съ камнатъ
Бундючно-гризною ходою...

—

Що на Латына всякъ плюе

Когда у васъ въ чесоткѣ спины,
Изволь я васъ поколочу
Своими царскими руками.

—

Но лучше лишь объ томъ смекните,
Чтобъ было что попить, поѣсть,
А если кто мнѣ заикнется
Хотя полъ-слова про войну.

—

Сказавъ сіе, махнулъ рукою
И, съ мѣста вставъ, отъ нихъ пошелъ
Въ сердцахъ, гнѣвливыми шагами.

—

На царску плюнуть всю невзгоду.

Итакъ, вотъ тѣ общія мѣста, которыя обнаруживаются при сравненіи русской и украинской передѣлокъ Энеиды; мы могли бы указать подобныхъ мѣстъ еще не мало, но это было бы излишне... Однако помимо отдѣльныхъ мѣстъ въ Энеидахъ славянскихъ писателей есть еще одинъ пунктъ, который говоритъ объ ихъ близости: это именно построеніе стиха. Возьмемъ примѣръ:

Энеида Котл. (1842 г.).

IV-я.

Таке дивча кусочокъ ласый,
Заслынысся, якъ глянешъ разъ...
Що ваши греческьки ковбасы!
Що вашъ первакъ грушевый квасъ!
Завійныця одъ неи вхопыть,
На голову васяде хлопитъ;
А може тьохне и не тамъ,
Поставыть рогомъ ясни очи,
Що не доспышъ петривськой ночи,—
Те по соби я знаю самъ.

Энеида Осипова.

VII-я.

На лакомой такой кусочекъ
И нехотя разинешь ротъ;
Зачешется небось усочекъ
И мигомъ подведетъ животъ...
Развѣсишь отъ зѣванья нюни
Покажутся на губѣ слюни
И поневолѣ дрожь проймётъ;
Заекаетъ, какъ отъ испуга,
Сердчишко, будто отъ натуга,
Ничто на умъ ужъ не пойдетъ!

Такими строфами написана вся Энеида,—при чемъ самый размѣръ, четырехстопный ямбъ въ 10 строчекъ, присутствуетъ во всей Энеидѣ безъ исключенія, а расположеніе рифмъ даетъ нѣкоторыя уклоненія. Но, въ общемъ, слѣдовательно, и раз-

мѣръ, и расположеніе рифмъ представляютъ большое сходство... Къ какому же теперь заключенію можемъ мы придти? Къ одному несомнѣнному,—именно, что между обѣими передѣлками есть большая близость; и теперь, имѣя въ виду указанные образцы, фактъ этой близости мы должны считать безспорнымъ, стоящимъ внѣ всякаго сомнѣнія. Однако сдѣланное выше сравненіе славянскихъ Энеидъ, само по себѣ, все таки не можетъ рѣшить вопроса, кто у кого заимствовался, хотя теперь фактъ заимствованія долженъ быть ясенъ. Теперь сказатъ, что одинъ изъ передѣлывателей Энеиды не зналъ произведенія другого, нельзя совершенно, и съ этимъ фактомъ нужно уже серьезно считаться. Не рѣшая вопроса о первенствѣ по времени той или другой передѣлки, фактъ ихъ близости долженъ все-таки стать исходнымъ пунктомъ по данному вопросу, долженъ стать руководящей нитью. Какъ же теперь данный вопросъ рѣшить?

При мысли о способѣ этого рѣшенія, прежде всего напрашивается обычный въ такихъ случаяхъ вопросъ,—не является-ли близость между обѣими передѣлками именно потому, что авторы одинаково пользовались общимъ первоисточникомъ—Энеидой Вергилія? Но небольшая доза сообразительности и, кромѣ того, самое сравненіе общихъ мѣстъ славянскихъ передѣлокъ съ римскимъ ихъ оригиналомъ даетъ на упомянутый вопросъ чисто-отрицательный отвѣтъ. Во первыхъ, если-бы оба поэта переводили римскую Энеиду, то близость ихъ переводовъ могла-бы быть еще понятной, но при передѣлкѣ даже очень близкой, вѣроятность независимаго совпаденія обѣихъ передѣлокъ дѣлается болѣе сомнительной. Будучи уже сомнительной въ послѣднемъ случаѣ, безсознательная и независимая близость разно-національныхъ передѣлокъ дѣлается совершенно невозможной при пародированіи общаго образца. Пародіей произведеніе является только тогда, когда поэтъ вкладываетъ въ него совершенно новыя мысли, слова, даетъ совершенно иное направленіе, чѣмъ то, которое можно наблюдать въ подлинникѣ. Пародія поэтому имѣетъ общее съ оригиналомъ только въ сюжетѣ, въ формѣ эпизодовъ, но сущность послѣднихъ, ихъ ко-

лоритъ и поэтому самое изложеніе должно быть оригиналу совершенно незнакомымъ. Говоря опредѣленнѣе,—пародія даетъ новое содержаніе прежней формѣ. Очевидно поэтому, что пародія должна быть на оригиналъ похожа очень мало. А разъ такъ, то и общность различныхъ передѣлокъ можетъ быть объяснена никакъ не изъ отношенія ихъ къ Энеидѣ Вергилія, а только изъ взаимнаго ихъ отношенія. Это положеніе вполнѣ примѣняется именно къ даннымъ двумъ пародіямъ, общее между которыми заключается въ способѣ изложенія, въ массѣ одинаковыхъ, иногда совершенно тождественныхъ выраженій. Ясно, что тождественность въ выраженіяхъ и изложеніи не можетъ быть истолкована случайнымъ совпаденіемъ,—черезчуръ ужъ это совпаденіе часто и ярко. Ясно также, что въ близости славянскихъ передѣлокъ римская Энеида совершенно неповинна. Въ этомъ убѣждаютъ насъ приведенныя логическія соображенія прежде всего. Но эти логическія соображенія находятъ себѣ полное подтвержденіе при сличеніи обѣихъ передѣлокъ съ Энеидой Вергилія,—и это будетъ второе доказательство неповинности Энеиды римской въ созданіи близости между Энеидами славянскими.

Результатомъ упомянутаго сличенія является слѣдующій выводъ: ни одно мѣсто, общее славянскимъ передѣлкамъ, даже и тѣнью своей не находится въ Энеидѣ римской, и, наоборотъ, эти общія мѣста указываютъ подчасъ на радикальнѣйшее отступленіе отъ Вергилія. Въ этихъ общихъ мѣстахъ оба славянина обнаруживаютъ полную самостоятельность по отношенію къ Вергилію, полную независимость, хотя оба они, конечно, съ Вергиліемъ были знакомы. Что же это значитъ? Ничего больше, какъ опять таки то, что близость передѣлокъ Энеиды стоитъ внѣ ихъ отношенія къ Энеидѣ Вергилія и можетъ быть объяснена только изъ нихъ самихъ. Итакъ, вопросъ о роли Вергилія въ близости славянскихъ Энеидъ долженъ быть рѣшенъ въ смыслѣ отрицательномъ.

Очевидно, значитъ, что одинъ поэтъ заимствовался у другого, но кто-же у кого? Въ этомъ и заключается весь вопросъ,

который нуждается въ разрѣшеніи. Оставимъ пока всякія посторонні—логическія и хронологическія соображенія и постараемся подходить къ рѣшенію даннаго вопроса, только опираясь на непосредственныя данныя—различныя передѣлки Энеиды. Въ рѣшеніи вопроса о самостоятельности Энеиды Котляревскаго мы будемъ находиться въ безпомощномъ положеніи, если будемъ опираться только на Вергилія—съ одной стороны и Осипова—съ другой; ни первый, ни послѣдній не могутъ сами по себѣ объяснить близости украинскаго произведенія къ русскому, тѣмъ болѣе, что украинской Энеиды нельзя поставить въ связь даже ни съ какой другой иностранной передѣлкой: никакого иностраннаго языка, кромѣ французскаго, Котляревскій не зналъ, а французская передѣлка съ украинской общаго не имѣетъ. Къ счастью, изъ этого затрудненія есть слѣдующій выходъ,—это именно временное перемѣщеніе центра тяжести даннаго вопроса въ другую сторону. Мы до сихъ поръ старались опредѣлить сущность отношенія Котляревскаго къ Осипову, интересуясь только самостоятельностью украинской Энеиды, интересуясь только тѣмъ, какъ Котляревскій относится къ Осипову, а не наоборотъ. Теперь перевернемъ данный вопросъ и, оставивъ въ покоѣ Котляревскаго обратимъ все вниманіе на Осипова, и, можетъ быть, тогда рѣшеніе вопроса о самостоятельности Осипова дастъ положительныя и вѣрныя указанія и на способъ рѣшенія главнѣйшей нашей задачи. Вопросъ теперь, значитъ, такой: насколько самостоятельна Энеида Осипова? При отвѣтѣ на этотъ вопросъ у насъ рождается другой,—въ какомъ отношеніи Энеида русская стоитъ къ Энеидѣ римской? Хотя сразу заняться разрѣшеніемъ этого вопроса было-бы и важно, но болѣе подробное его разсмотрѣніе мы отложимъ до другого мѣста; теперь же пока предположимъ, что Осиповъ Вергиліемъ пользовался дѣйствительно,—позже мы увидимъ, что отъ такого апріорнаго предположенія мы въ своемъ изслѣдованіи не теряемъ ничего, такъ какъ Осиповъ въ самомъ дѣлѣ былъ знакомъ съ Энеидой Вергилія и ею пользовался. Значитъ, Энеида Вергилія была для Осипова образцомъ; но значитъ-ли это, что послѣдній былъ самостоятеленъ,

что никакихъ другихъ образцовъ онъ не имѣлъ въ виду? Предидущее изслѣдованіе показало, что нѣтъ, и поставило русскую Энеиду въ тѣсную связь съ украинской. Какъ объяснить эту связь по отношенію къ Осипову? На этотъ вопросъ можно отвѣтить такимъ-же образомъ, какъ и на подобный-же вопросъ объ отношеніи къ Осипову Котляревскаго. Но относительно Котляревскаго мы еще выяснили то, что ни одна изъ иностранныхъ передѣлокъ на него не имѣла вліянія, и что ими нельзя объяснить общности изложенія въ славянскихъ Энеидахъ. Можно-ли то же самое сказать и объ Осиповѣ,—т. е., что онъ находится въ своей работѣ внѣ вліянія на него зап.-европейскихъ образцовъ? Для этого стоитъ только обратиться къ сличенію передѣлки Осипова съ западно-европейскими передѣлками Энеиды Вергилія, и тогда окажется слѣдующее: итальянская и англійская пародіи Вергилія на него, какъ и на Котляревскаго, повліять не могли,—крайне сомнительно, чтобы Осиповъ зналъ языки этихъ пародій; французскій языкъ онъ могъ знать, но Скарронъ не отразился въ русской передѣлкѣ нисколько.

Остается Блумауэръ. Была-ли его передѣлка извѣстна въ Петербургѣ, гдѣ находился тогда Осиповъ? Да, была: въ числѣ подписчиковъ на нее подъ рубрикой „Петербургъ“ стоитъ указаніе „1. Ungenannter“ [1]). Вопросъ только въ томъ, кто этотъ подписчикъ? Если-бы на это были указанія, то это одно могло-бы уже зародить въ насъ мысль о томъ, что Осиповъ подражалъ Энеидѣ Блумауэра... Но на это мы указаній не имѣемъ и остаемся при одномъ только свѣдѣніи, что Блумауэра Энеида въ Петербургѣ была извѣстна непосредственно. Зналъ-ли ее Осиповъ? На это опять таки данныхъ нѣтъ,—приходится обратиться къ сравненію обѣихъ Энеидъ—русской и нѣмецкой. При первомъ-же взглядѣ на ту и другую, мы замѣчаемъ, что и у Осипова, и у Блумауэра передъ каждой пѣсней Энеиды находится кратчайшее изложеніе, почти заглавіе—соотвѣтствую-

---

[1]) Virgils Aeneis—von Blumauer 1793. См. Fortgesestes Pränumeranten-Verzeichniss.—„Petersburg“.

щей пѣсни,—въ одинаковыхъ выраженіяхъ. И эта находка для насъ неоцѣнима по своему значенію: значитъ, обѣ передѣлки находятся въ связи между собой, значитъ Блумауэръ или Осиповъ заимствовали одинъ у другого!

Фактъ присутствія въ обѣихъ передѣлкахъ конспектовъ пѣсенъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ почти дословный переводъ другого, не оставляетъ по этому поводу никакого сомнѣнія... Вопросъ только въ томъ, кто у кого заимствовалъ и въ какой степени? На первый вопросъ отвѣтить легко: первая часть Энеиды Блумауэра вышла въ 1784 г., а Осипова въ 1791 г., затѣмъ остальныя части изданы были Осиповымъ въ 1792 и 1795 гг., а Блумауэромъ въ 1788 и 1793 гг., т. е. опять таки раньше Осипова, и притомъ на двѣ пѣсни больше, чѣмъ у послѣдняго... Очевидно, что Блумауэръ не могъ пользоваться Энеидой Осипова, издававшейся всегда послѣ нѣмецкихъ передѣлокъ. Мы даже вполнѣ убѣждены, что Блумауэръ и не слыхалъ никогда объ Осиповѣ, и ужъ менѣе всего полагаемъ, что Блумауэръ могъ знать русскій языкъ. Да если-бы онъ и зналъ его, то для того, чтобы предположить зависимость Блумауэра отъ Осипова, необходимо также предположить, что Блумауэръ знакомился съ русской передѣлкой въ рукописи,—а это представляется черезчуръ уже фантастическимъ. Скорѣй можно предположить, что Осиповъ могъ быть знакомъ съ рукописями Котляревскаго, чѣмъ Блумауэръ съ рукописями Осипова!...

Да впрочемъ, на такія фантастическія предположенія не стоитъ обращать и вниманія: у Блумауэра, въ примѣчаніяхъ, находятся указанія, что онъ пользовался непосредственно Вергиліемъ, котораго излагалъ очень кратко. А если онъ пользовался Вергиліемъ, то зачѣмъ ему нуженъ былъ Осиповъ? У Блумауэра главное мѣсто занимаетъ осмѣяніе соціальныхъ предразсудковъ, у Осипова ничего этого нѣтъ. Чѣмъ-же могла быть интересна блѣдная, неталантливая передѣлка Осипова, чтобы занять талантливаго сатирика Блумауэра,—да еще тогда, когда она находилась въ рукописи? Конечно ничѣмъ,—и смѣшно даже объ этомъ много говорить. И время написанія, и самая

обработка Энеиды Блумауэра говорятъ за ея первенство по времени и, слѣдовательно, само собой устанавливаютъ фактъ, что Осиповъ пользовался Блумауэромъ. Итакъ, первый вопросъ рѣшенъ: нѣмецкая Энеида повліяла на русскую, но въ какой степени? Этотъ частичный вопросъ можетъ быть выясненъ только при сличеніи обѣихъ передѣлокъ. Сдѣлавъ это, мы найдемъ между ними столько-же почти общихъ мѣстъ, сколько ихъ получилось послѣ сравненія передѣлокъ русской и украинской. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ:

Virgils Aeneis
von Blumauer
Erster Buch.

„Er soll, nicht wahr, ich merk'es wohl,
Italien nicht finden?
Verspracht ihr mir nicht selbst, er soll
Noch Roms Triregnum gründen?
„Sagt mir, wie heisst die Gegend hier?
Giebt's etwa Menschenfreesser hier?

—

Nun kam Askan. Die Königinn
Erblickte kaum den Knaben,
So wollte sie vor allen ihn
Auf ihren Schosse haben..

—

Beim ersten Kusse vom Askan
Da trollte schon ihr seel'ger Mann
Sich fort aus ihrem Herzen.

Энеида Осипова.
I-я пѣснь.

Теперь я вижу очень ясно,
Ему что Рима не видать,
Старанье все мое напрасно,
Чтобъ тамо царство основать!
Живутъ какіе люди тутъ?
. . . .
Не дикіе ли людоѣды?
И землю какъ сію зовутъ?

—

Царица только лишь узрѣла,
Вошелъ Энеевъ сынъ что къ нимъ,
Тотчасъ призвать къ себѣ велѣла
И начала рѣзвиться съ нимъ—
Въ колѣни у себя сажала

—

Какъ первый разъ поцѣловала *)
Тогда-жъ изъ сердца вонъ изгнала

II я пѣснь.

Im rothdamasten Armstuhl sprach
Aeneas nun mit Gähnen

—

Der Bauch des Rosses schreckte bass
Uns seiner Grösse wegen;
Es war das Heidelberger Fass
Ein Fingerhut dagegen,

II-я пѣснь.

На креслахъ штофныхъ съ бахромою,
Разнѣжившись, сидѣлъ Эней.

—

Онъ съ башню былъ величиною,
А въ брюхѣ съ копну толщиною,
И весь наполненъ былъ людьми;
Натискали и надавили

Und in dem Bauch—o Iemine!
Da lagen euch, wie Häringe
Zehn tausend Mann beisammen.

И брюхо все такъ уложили,
Какъ будто, бочку въ торгъ сельдми!

—

Die Politiker thaten breit,
Und machten tausend Glossen,
Doch halten alle meilenweit
Das Ziel vorbeigeschossen

О немъ всѣ разно разсуждали,
Но въ цѣль нимало не попали.

—

So eben hatt'ich den Achill—
Im Traume—überwunden,
Da wecke mich das Mordgebrüll
Von diesen Fleischenhunden.
Ich ging zum Fenster—heil'ger Gott!
Da sah ich nichts, als Mord und Tod...

Мнѣ снилось, будто Грековъ племя,
Я какъ свиней дубиной гналъ,
И подлѣ небольшого лѣса
Трезвонилъ въ рыло Ахиллеса,
И задалъ таску не одну.—
Но вдругъ, услышавши тревогу,
Не зналъ куда найти дорогу,
И бросился скорѣй къ окну..

—

Mach ein Narr zehn, so macht im Krieg
Ein braver Kerl oft zwanzig..

Всегда народа цѣлы тучи
Сбираются вокругъ глупца;
Такъ на войнѣ героевъ кучи
Толпятся подлѣ храбреца...

—

Doch da ich, schwitzend durch und durch,
Mein Hemd zu wechseln laufe,
Da komm'ich, ach, beim Thor der Burg,
Vom Regen in die Traufe.

Лилъ потъ тогда съ меня ручьями,
Какъ будто въ банѣ на полу,
И я несчастными судьбами
Попалъ изъ полоньи въ рѣку.

—

Man träumte hier nichts von Gefahr,
Und, ach, der ganze Hoffstatt war
Beinahe noch im Hemde.

Весь дворъ того никакъ не зная,
И сей бѣды не ожидая,
Въ одной еще рубашкѣ спалъ.

—

Ja, so gering der Ruhm auch ist,
Eie schwaches Weib zu tödten,
So muss doch jeder gute Christ
Die Welt von Sünden retten.

Я мнилъ, хотя и непристойно
Герою женщину убить,
Но ужъ давно ее достойно
Скорѣй изъ свѣта истребить!

—

Und fühlt'es, dass die Ehre,
Von einer Göttin Sohn zu sein,
Nicht zu verachten wäre.

Увидѣлъ ясно, сколь полезно
Богининымъ чтобъ сыномъ быть.

—

Kourage, rief ich, fasst euch! Wisst,
Frau Venus hat mir eben
Ein Land, wo Milch und Honig fliesst,
Statt diesem Nest gegeben...

Не бойтесь всѣ и не робѣйте,
Я здѣсь! вамъ нечего тужить!
Скорѣе только лишь успѣйте
Помягче что-нибудь схватить.

Со мной Венера говорила,
Мнѣ нову землю насулила,
Гдѣ медъ и молоко текутъ...

—

Glaubt mir, es giebt auch anderwärts
Noch Wein und schöne Weiber.

Тамъ будетъ пиво, медъ и жены

III-я пѣснь.

So giingen wir voll Muths dahin,
Und sahn beim Mondesschimmer
Ein kleines Grab und hörten drinn
Ein klägliches Gewimmer.

—

Die hohlen Augen sahn—o Kraus!—
Als wie zwei Dinterfässer aus
Und Dinte rann aus beiden.

—

Der Geist fieng an: „Was wollt ihr mir?
O schonet mein im Grabe!
Ich büsse schwer für das Papier,
Das ich verschieret habe;
Denn ach! ich war einst in der Welt
Ein schöner Geist, der Zeit und Geld
Den Menschenkindern raubte!"

—

Steurte drauf
Mit meinen Schiffen weiter.
Kaum war das Land und aus dem Blick,
So kam ein neues Ungelück
Auf Wolken hergesegelt.

—

Den Winter über suchten wir
Uns weidlich zu ergötzen,
Und frequentirten fleissig hier
Theater, Ball und Hetzen

III-я пѣснь.

Вошедши въ лѣсъ, намъ показался
Надгробный камень межъ деревъ;
И жалкій стонъ въ лѣсу раздался
Похожій на медвѣжій ревъ...

—

Глазища страшные мигали,
Ручьемъ чернила проливали...

—

Зачѣмъ ты пакости мнѣ строишь,
Незваный гость,—пришелъ сюда
Меня и въ гробѣ безпокоить?"—
Сказалъ мертвецъ тотъ мнѣ тогда,—
„Терплю и такъ я наказанье
За все бумажное маранье,
Что въ жизни я моей творилъ.
Когда я жизнью наслаждался,
То только тѣмъ и утѣшался,
Что всѣхъ бумагами душилъ.

—

Но только лишь пустился въ море
Изъ вида берегъ потерялъ,
Настало новое намъ горе,
И въ новую бѣду попалъ.

—

Мы зиму всю тамъ проводили
Въ забавахъ, шуткахъ и играхъ;
Заботы наши только были
О вечеринкахъ и пирахъ.
Театры, балы, маскарады
. . . .
Другъ за другомъ перемѣнялись.

—

Ich fand Andromachen auch hier,
Die Pyrrhus einst entführte,
Und seinem Mädchenfalkonier,
Dem Helenus, cedirte.

Нашелъ тамъ нашу Андромаху
Мнѣ ближнюю сватью иль сваху,
Что Пирръ изъ Трои подцѣпилъ;
Но послѣ, какъ наскучилъ ею,
Тогда съ придачей небольшею
Сему Гелену уступилъ.

—

Hier (fuhr Aeneas fort, und zog
Ein Schnupftuch aus der Tasche)
Hier leerte der, der mich erzog...

Въ семъ мѣстѣ для меня несчастномъ...
(Сказалъ Эней и зарыдалъ
И на лицѣ своемъ прекрасномъ
Платочкомъ слезы утиралъ)...

IV пѣснь.

„Dein Sohn, der saubre Kavalier,
Wird doch wohl nicht drauf Zielen,
Sich so nur en passant bei ihr
Ein Bischen abzukühlen?

—

Allein dergleichen Kinder sind
Stets feuriger, als ächte.

—

„Frag ihn, ob er den glaubt, dass man
Im Bette Reiche finde,
Und ob er seinen Vatikan
Auf einem Sopha gründe?

—

Allein man muss: die Liebe hat
Ein Katzenaug.

—

Nicht Venus, nein, ein Wäschenweib
Hat dich zur Welt geboren!

—

Das Ende von dem Liebsroman
Ist nun in Dido's Händen!
Sie kann mit einem dritten Mann
Ihn recht gemächlich enden;
Allein der Herr Virgilius

2-я часть IV пѣснь.

Ужели ты ему позволишь,
Что бы ее онъ обманулъ,
И съ ней теперь попрохлаждавшись
. . . .
Какъ чижъ, изъ клѣтки ускользнулъ?

—

Такія дѣти незаконны
Тишкомъ родившись отъ любви,
Въ сердцахъ всегда неугомонны
И самой огненной крови.

—

Неужто, лежа на постелѣ,
Онъ хочетъ строить города?

—

Любовь, какъ всякому извѣстно,
Имѣетъ кошечьи глаза;
Всегда пильнуетъ повсемѣстно,
Не прозѣваетъ ни-аза.

—

Не правда, что тебя Венера
Въ любви съ Анхизомъ родила!

—

Теперь конецъ любовной сказки
Въ Дидониныхъ однихъ рукахъ.
Она вольна то безъ огласки
Окончить все не на словахъ.
И съ лишкомъ ежели досужа

Befielt ihr, dass sie sterben muss:
Nun gut: so soll sie sterben

И третьяго себѣ пусть мужа
На мѣсто бѣглеца возьметъ!
Вергилій предписалъ въ законѣ,
Что должно умереть Дидонѣ,
Пускай-же и у насъ умретъ.

V пѣснь у Блумауэра.

Doch Dido's Thrähnen, die der Schmerz
Ihr aus dem Aug' gemolken,
Erhoben sich nun himmelswärts
In schweren Regenwolken.

—

Und schon wallte Paar und Paar
Im Leichenzug die Trojenschaar

V пѣснь у Осипова.

Дидоной слезы пролитыя
Межъ тѣмъ на небѣ собрались
Въ дождливы тучи громовыя.

—

Туда попарно всѣ пошли ..

VI пѣснь у Блумауэра.

Fi donc! Monsieur Manlaffe, Fi!
Ist denn itzt Zeit zum Gaffen?"

—

Ihr Haar erhob sich unter'm Schley'r,
Ihr Busen unterm Wieder,
Es fuhr ihr ein elektrisch Feu'r
Zikrak durch alle Glieder...

—

Kam unsre Madam Mentorinn
Mit ihrem Telemach bis ihn...

3 ч. VI пѣснь у Осипова.

Не стыдно-ли тебѣ, герою,
Такой бездѣлицей пустою
Напрасно время погублять?

—

Сверкнулъ огонь не чередою
Изо всего ея лица

. . . .

Взъерошился рогаткой волосъ.

—

Но Менторъ новаго покроя
Съ Троянскимъ Телемакомъ симъ...

VII пѣснь.

Sagt ihm: d'Lavend l sei schon alt
Genug für ihn, er soll nur bald
Zum Grosspapa mich machen.

—

Der lag auf seinem Kanapee
Und schnarchte, wie ein Igel.

—

4 часть. VII пѣснь.

Пріятнѣе и веселѣе,
Что съ нимъ Лавинія моя
Не титулярною женою,
Но точно будущей весною
Нарядитъ въ дѣдушки меня.

—

Турнъ—
Храпѣлъ, съ мычаньемъ ротъ разинувъ.

—

Dies Hündchen trank mit ihr Kaffee, Und frass ihr aus dem Munde, Oft suchten sie einander Flöh'...	Съ ней съ сухарями чай пивала, Повсюду блохъ у ней искала...
Aus Mangel an Makulatur Liess man aus der Registratur Des Staats Patronen machen	Изъ всѣхъ конторъ, архивъ, приказовъ Набрали кучами указовъ, Катать патроны чтобъ изъ нихъ.
Aus allen Klöstern machte man Jtzt überall Kasernen...	Повсюду кельи монастырски Въ казармы преобращены...
Zugleich liess man das ganze Land Im kleinen porträtiren, Und um—ob auch des Mahlers Hand Es traf—zu judiciren.	Потомъ съ всѣхъ солдатъ портреты Велѣли вкратцѣ живо снять Весь ростъ ихъ, ѣта и примѣты.

Вотъ часть общихъ мѣстъ, находящихся въ обѣихъ разбираемыхъ Энеидахъ; при сравненіи ихъ съ римской Энеидой окажется, что соотвѣтствующихъ имъ у Вергилія или совершенно нѣтъ, или, если и есть, то между ними, съ одной стороны, и русскими приведенными цитатами—съ другой, нѣтъ ни малѣйшаго сходства... Все это взятое вмѣстѣ указываетъ на то, что Осиповъ подражалъ Блумауеру, и что, когда создавалъ свою передѣлку, то нѣмецкую пародію имѣлъ передъ собой всегда. Фактъ подражанія Осипова нѣмецкому пародисту долженъ считаться теперь несомнѣннымъ и поэтому можетъ пролить уже нѣкоторый свѣтъ на взаимоотношеніе славянскихъ передѣлокъ,—русской и украинской. Въ самомъ дѣлѣ, если Осиповъ почти рабски подражалъ Блумауеру, то вполнѣ логически будетъ заключить, что онъ тѣмъ-же самымъ не подражалъ Котляревскому или, иными словами, что близость Котляревскаго къ Осипову можетъ быть объяснена только предположеніемъ, что Котляревскій подражалъ Осипову, а не наоборотъ. И такое предположеніе намъ кажется вполнѣ правильнымъ послѣ установленнаго факта подражанія Осипова Блумауеру.

На основаніи этого факта мы уже можемъ сдѣлать упомянутый выводъ, что если Осиповъ копировалъ Блумауера, то,

значитъ, не копировалъ Котляревскаго... Намъ лично кажется, что уже одного этого вывода достаточно для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, колебаться въ мнѣніи о первенствѣ времени украинской Энеиды и независимости ея отъ русской, но не всѣмъ, вѣроятно, наши соображенія явятся достаточнымъ основаніемъ для утвержденія противоположнаго мнѣнія,—что Котляревскій подражалъ Осипову. Пойдемъ поэтому дальше, имѣя сначала въ виду опять таки только Осипова. Разбираясь въ вопросѣ о взаимоотношеніи славянскихъ Энеидъ, проф. Дашкевичъ сдѣлалъ одно важное замѣчаніе [1]): для рѣшенія упомянутаго вопроса онъ указалъ на необходимость выясненія тѣхъ источниковъ, которыми пользовался Осиповъ, такъ какъ, и по его мнѣнію, послѣдній пользовался не однимъ Блумауеромъ. Для бóльшаго доказательства проф. Дашкевичъ приводитъ соотвѣтствующій примѣръ,—именно, что „у Котляревскаго и Осипова, какъ и у Скаррона, Энея съ Сивиллою встрѣчаетъ смерть, и слѣдующія затѣмъ у Осипова строфы не имѣютъ соотвѣтствующихъ у Блумауера“. Замѣчаніе, повторяемъ, совершенно справедливое, и не стоитъ большого труда, чтобы убѣдиться въ томъ, что Осиповъ, въ дѣйствительности, пользовался не однимъ Блумауеромъ. Кѣмъ-же? Рѣшеніе этого вопроса должно еще болѣе отдалить насъ отъ мысли, что Осиповъ писалъ, находясь въ какой-бы то ни было зависимости отъ Котляревскаго. Изслѣдуя вопросъ о самостоятельности русской Энеиды, мы пришли къ заключенію, что Осиповъ писалъ подъ сильнымъ вліяніемъ Блумауера; однако это вліяніе не объясняетъ того обстоятельства, почему у Осипова встрѣчаются многія мѣста, которыхъ нѣтъ у Блумауера? Но въ самомъ-ли дѣлѣ можно считать фактомъ это послѣднее,—т. е. что Осипова Энеида является полнѣе по содержанію въ сравненіи съ Энеидой Блумауера? Это пока остается неизвѣстнымъ и нужно это доказать, чтобы въ дальнѣйшемъ изложеніи исходить только изъ вполнѣ

[1]) Отзывъ о сочиненіи г. Петрова—стр. 67, примѣч. 6.

выясненныхъ фактовъ; для этого, конечно, нужно лишь указать мѣста изъ русской передѣлки, отсутствующія въ нѣмецкой. Вотъ они,—разумѣется, только нѣкоторыя: въ 4-й, очень типичной для сравненія, части обѣихъ передѣлокъ появляется разностишіе съ совершенно различнымъ содержаніемъ: у Блумауера Дидона ввѣряетъ тайну своей любви „патеру“, у Осипова—сестрѣ Аннѣ, причемъ самыя разсужденія въ обоихъ случаяхъ очень различны. Въ той-же части у Блумауера пропущено описаніе охоты—у Осипова очень обширное; далеко шире у Осипова о Молвѣ; наконецъ, въ той же части у Блумауера отсутствуетъ обширное изображеніе скорби Дидоны передъ Анной,—находящееся у Осипова. Въ 5-й части у Блумауера иначе, чѣмъ у Осипова, изображенъ бѣгъ кораблей, затѣмъ очень кратко, по сравненію съ Осиповымъ, описаніе Энтелла; въ 6-й пѣснѣ у Блумауера пропущена встрѣча Энея въ аду со смертью.

Въ седьмой пѣснѣ у Блумауера, по сравненію съ Осиповымъ, выпущено мѣсто о совѣтѣ Латина съ Фавномъ; затѣмъ о чудесахъ, являвшихся Латину и его народу; отсутствуетъ у Блумауера очень важное мѣсто объясненія съѣдѣнія троянцами корокъ, замѣнявшихъ имъ тарелки, и т. д. Намъ нечего подробно останавливаться на перечисленіи мѣстъ русской Энеиды, или отсутствующихъ въ нѣмецкой передѣлкѣ, или радикально иначе въ ней изображенныхъ; довольно и указанныхъ примѣровъ, чтобы убѣдиться, что Осиповъ пользовался не только Блумауеромъ. Считая этотъ фактъ за несомнѣнный, мы уже болѣе увѣренно можемъ отвѣчать на поставленный выше вопросъ,—кѣмъ-же еще, кромѣ Блумауера, пользовался Осиповъ? При этомъ сразу же напрашивается отвѣтъ, что Осиповъ могъ таки пользоваться Котляревскимъ. Но сравненіе обѣихъ славянскихъ Энеидъ вовсе не допускаетъ такого отвѣта, такъ какъ и у Котляревскаго нѣтъ тѣхъ мѣстъ, которыя отсутствуютъ у Блумауера, — слѣдовательно, опять - таки Осиповъ не могъ всѣхъ упомянутыхъ мѣстъ заимствовать у Котляревскаго. Ясно теперь, что ни у кого изъ подражателей Вергилія Осиповъ не

могъ взять упомянутыхъ нами эпизодовъ; остается предположить, что онъ ихъ заимствовалъ у самаго Вергилія. И это наше предположеніе будетъ самымъ вѣрнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только сличить хоть упомянутыя мѣста съ римской Энеидой, и мы всѣ ихъ найдемъ тамъ до единаго. Мало того, мы увидимъ, что во многихъ мѣстахъ, именно въ тѣхъ, гдѣ Осиповъ не подражалъ Блумауеру, онъ почти переводилъ Вергилія: поэтому у него и эпизодовъ больше, чѣмъ у Блумауера, потому-же вообще и изложеніе его шире, чѣмъ у послѣдняго; такимъ образомъ, большую обстоятельность въ изложеніи Осипова слѣдуетъ объяснять не такъ, какъ г. Минскій,—т. е. растянутостью,—какъ отличительнымъ свойствомъ Осипова, а только тѣмъ, что онъ во многихъ мѣстахъ слѣдовалъ обстоятельному изложенію Вергилія. Укажемъ для иллюстраціи нашего положенія одинъ примѣръ, *отсутствующій* у Блумауера и имѣющійся у Осипова,—и этотъ примѣръ покажетъ, насколько Осиповъ вообще близокъ къ Вергилію:

IV пѣснь у Вергилія [1]).	*IV пѣснь у Осипова* [2]).
Esto: aegram nulli quondam flexere mariti,	Вкругъ насъ живущіе сосѣды Любви не могутъ воспалить...
Non Libyae, non ante Tyro; despectus Jarbas,	. . . . Возможенъ-ли въ насъ Ярбъ собою.
Ductoresque alii, quos Africa terra triumphis	Своею рожею смазною Къ себѣ желаніе возжечь?
Dives alit: placitone etiam pugnabis amori?	И прочи здѣшніе царишки И Африканскіе старичишки Въ любовь не могутъ насъ привлечь!

Итакъ, мы нашли стоящій внѣ сомнѣнія фактъ подражанія Осипова Блумауеру и, кромѣ того, только что обнаружили, что первый пользовался и римской Энеидой. Нѣмецкая и римская Энеида должны такимъ образомъ считаться единственными источниками Осипова и тѣмъ самымъ исключать

---

1) Virgilii Maronis Aeneidos Libri I—VI. Edidit P. Hofman Peerlkamp. Leidae MDCCCXLIII стр. 228.

2) Стр. 15.

всякіе другіе источники, которыми, слѣдовательно, Осиповъ не пользовался. Теперь мы смѣло можемъ утверждать, что всѣ недоумѣнія по вопросу о генезисѣ русской Энеиды должны разсѣяться, лишь только мы обратимся къ римской и нѣмецкой Энеидамъ [1]). Осиповъ, очевидно, хотѣлъ дать хоть и пародію Энеиды, но все таки возможно полнѣйшую пародію: потому непосредственнымъ его образцомъ былъ Блумауэръ, а Вергилій служитъ только подспорьемъ, помогая въ тѣхъ случаяхъ, когда матерьялъ у Блумауэра становился довольно скуднымъ. Въ какомъ-же положеніи, послѣ утвержденія двухъ данныхъ фактовъ—пользованія Осипова 1) Блумауеромъ и 2) Вергиліемъ, долженъ теперь оказаться вопросъ о взаимоотношеніи русской и украинской Энеидъ? Во всякомъ случаѣ упомянутые факты свидѣтельствуютъ не въ пользу Котляревскаго. Если уже послѣ утвержденія перваго положенія, что Осиповъ копировалъ Блумауера, можно было думать, что Котляревскій совершенно не повліялъ на Осипова, то послѣ утвержденія второго положенія—о пользованіи Осипова Вергиліемъ, независимость Осипова отъ Котляревскаго можно считать почти безспорной. Теперь оказывается, что если-бы даже Осиповъ и зналъ рукопись Котляревскаго, то она для него была совершенно безполезна,— такъ какъ у Котляревскаго онъ не только не нашелъ-бы тѣхъ мѣстъ, которыхъ нѣтъ у Блумауера, но не нашелъ бы цѣлыхъ пѣсенъ [2])... Ясно, что при всѣхъ натяжкахъ, трудно предположить, чтобы Котляревскій, при крайне неразвитомъ иногда содержаніи своей передѣлки, могъ служить какимъ-бы то ни было образцомъ для Осипова. У послѣдняго были могущественные учителя—самъ Вергилій и Блумауеръ, у которыхъ онъ могъ найти и нашелъ все содержаніе Энеиды, далеко не

---

[1]) Такимъ образомъ можно объяснить и отсутствующій у Блумауэра эпизодъ со смертью (въ 6-й пѣснѣ Осипова); изъ изложенія проф. Дашкевича можно предположить, что встрѣчу Энея со смертью Осиповъ заимствовалъ у Скаррона; но это предположеніе будетъ неправильное: о смерти упоминаетъ самъ Вергилій (VI—стр. 388)... Изъ Вергилія-же и Осиповъ взялъ это мѣсто о смерти, а Блумауэръ его упустилъ,—вотъ и все! Скарронъ здѣсь не причемъ.

[2]) По Вергилію 2-й, 3-й и 1/24-й!

полное у Котляревскаго. Такимъ образомъ, всѣ упомянутыя положенія говорятъ за первенство по времени русской Энеиды. Сильное подражаніе Осипова Блумауеру, извлеченіе недостающихъ у Блумауера мѣстъ изъ Вергилія, наконецъ, отсутствіе въ украинской Энеидѣ нѣскольких пѣсенъ, имѣющихся въ руской Энеидѣ,—все это вмѣстѣ говоритъ о полной независимости Осипова отъ Котляревскаго. Для насъ лично и всего только что найденнаго довольно, чтобы утверждать совершенно объективно, что Котляревскій сильно подражалъ Осипову, а не наоборотъ. Но, повторяемъ снова, и новыя, приведенныя нами доказательства могутъ показаться скептикамъ все-же недостаточными. Поэтому мы приведемъ еще новый аргументъ, который извлеченъ нами изъ самихъ передѣлокъ, и на этотъ разъ уже полагаемъ, что приводимый ниже аргументъ долженъ рѣшить нашъ главный вопросъ окончательно: онъ убѣдитъ самыхъ скептическихъ людей въ томъ, что первенство по времени принадлежитъ русской Энеидѣ, и что Котляревскій подражалъ послѣдней.

III.

Въ предъидущей главѣ, при изслѣдованіи вопроса о взаимоотношеніи славянскихъ передѣлокъ Энеиды, мы пришли къ заключенію, что даннаго вопроса нельзя выяснить, оставаясь на почвѣ сравненія только двухъ упомянутыхъ передѣлокъ. Для болѣе успѣшнаго хода изслѣдованія, мы оставили на время украинскую Энеиду и занялись вопросомъ о генезисѣ русской Энеиды. Это измѣненіе постановки вопроса дало уже извѣстные намъ результаты, которые мы можемъ считать плодотворными: на основаніи послѣднихъ мы можемъ безъ колебанія утверждать, что Осиповъ находился подъ неопровержимымъ вліяніемъ двухъ писателей—Блумауера и Вергилія,—и можемъ, съ другой стороны, глубоко сомнѣваться въ томъ, что Осиповъ подражалъ Котляревскому. Обнаруженная нами близость между обѣими

славянскими передѣлками не доказываетъ ничего и только сама становится загадкой, разрѣшеніе которой и составляетъ главную сущность нашего изслѣдованія. Удовольствуемся найденными результатами и приложимъ къ рѣшенію нашей задачи совсѣмъ новый методъ. Мы до сихъ поръ дѣлали сравненіе различныхъ Энеидъ только частичнымъ образомъ, т. е. сравнивали Осипова съ Котляревскимъ, Осипова съ Блумауеромъ, Осипова съ Вергиліемъ и т. д.; теперь мы оставимъ эти частичныя сравненія и дадимъ картину общаго сравненія, гдѣ въ одномъ стройномъ и послѣдовательномъ ряду будутъ заключаться мѣста изъ украинской Энеиды, русской, нѣмецкой и римской. Отъ такого метода мы ожидаемъ положительнаго результата и думаемъ, что только онъ и дастъ вѣрное и окончательное рѣшеніе главнаго нашего вопроса. Но почему? Отвѣтомъ на это послужитъ болѣе подробное объясненіе сущности нашего послѣдняго метода, который будетъ заключаться вотъ въ чемъ: мы будемъ цитировать прежде всего мѣста, общія украинской и русской Энеидамъ; сами по себѣ они, разумѣется, ничего не въ состояніи обнаружить, кромѣ только того, что обѣ славянскія Энеиды близки. Поэтому мы подыщемъ соотвѣтствующія этимъ мѣстамъ эпизоды въ нѣмецкой Энеидѣ. Если въ нѣмецкой Энеидѣ мы найдемъ въ подробностяхъ изложеніе, одинаковое съ славянскими Энеидами, то уже это можетъ зародить мысль, что Котляревскій подражалъ Осипову,—и ясно почему: если близость Осипова къ Блумауеру объясняется подражаніемъ перваго второму, то и близость Котляревскаго къ Осипову въ мѣстахъ, которыя этотъ послѣдній заимствовалъ у Блумауера, должна быть также объяснена изъ подражанія Котляревскаго Осипову. Впрочемъ и на этой ступени наше изслѣдованіе не достигаетъ безспорности и логической необходимости, такъ какъ, несмотря на всѣ только-что высказанныя нами соображенія, мѣста, общія Котляревскому, Осипову и Блумауеру, могутъ находиться у Вергилія, и потому общность всѣхъ трехъ пародистовъ можетъ быть объяснена тѣмъ именно, что всѣ они пользовались однимъ источникомъ—

римской Энеидой. Такое, также логически-законное объясненіе если и не разрушило-бы успѣшности нашего метода на указанной ступени изслѣдованія, то во всякомъ случаѣ дало-бы поводъ къ новымъ сомнѣніямъ и рѣшительнаго отвѣта на главный нашъ вопросъ не позволило-бы дать совершенно. Поэтому мы идемъ дальше и къ тремъ общимъ мѣстамъ у названныхъ пародистовъ подыскиваемъ у Вергилія четвертое. Вотъ въ этомъ-то послѣднемъ пріемѣ и заключается центръ нашего метода и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательное и вѣрное рѣшеніе нашей задачи. Если, въ самомъ дѣлѣ, общія мѣста славянскихъ передѣлокъ, близкихъ и нѣмецкой передѣлкѣ, не находятся въ римской Энеидѣ или находятся въ ней совершенно иными, радикально измѣненными, слѣдовательно, въ трехъ передѣлкахъ,—то сомнѣній уже не можетъ быть никакихъ: какимъ образомъ мѣста, находящіяся у Осипова и Блумауера и отсутствующія у Вергилія или изображенныя имъ совершенно иначе, могли попасть въ украинскую Энеиду? Очевидно, что Котляревскій взялъ ихъ у Осипова, взявшаго ихъ въ свою очередь у Блумауера; очевидно, значитъ, что Котляревскій подражалъ Осипову и позаимствовалъ у него даже такія мѣста, которыхъ нѣтъ у Блумауера. Противъ такого заключенія спорить уже будетъ трудно, даже невозможно.

Вотъ первый образецъ, необходимый для нашихъ цѣлей.

Энеида Котляр.	**Энеида Осипова.**
I пѣснь.	*I пѣснь.*
Впрягла у таратайку паву...	Своихъ павлиновъ запрягла.

I пѣснь.

Энеида Блумауера.

Sie liess sich nach Aeolien
Auf ihrem goldnen Wagen
Bis hin, wo itzt Paris zu sehn,
Von ihren Pfauen tragen.

Какъ очевидно, во всѣхъ трехъ передѣлкахъ Энеиды говорится, что Юнона отправилась въ Эолію на павлинахъ. Обращаясь къ Вергилію, мы видимъ, что о павлинахъ нѣтъ даже упоми-

нанія,—они введены въ изложеніе Блумауеромъ, переняты Осиповымъ и, наконецъ, очутились у Котляревскаго. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, соотвѣтствующее мѣсто у Вергилія:

I пѣснь.

Talia flammato secum dea Corde volutans,
Nimborum in patriam, loca feta furentibus austris
Aeoliam venit.

Вотъ и все: ни о какихъ павлинахъ нѣтъ здѣсь и рѣчи! Затѣмъ слѣдующее мѣсто:

У Котляревскаго.

Борей недужъ лежыть съ похмилля.
А Нодъ поихавъ на весилля,
Зефиръ-же, давній негодяй,
Зъ дивчатамы заженыхався,
А Эвръ у вынныкы наняэся...

У Осипова.

Борей съ похмѣлья въ лазаретѣ,
А Нотъ еще въ прошедшемъ лѣтѣ
Ушибенъ больно на бою;
Зефиръ въ наймахъ у стихотворцевъ,
Эвръ водитъ за носъ крючкотворцевъ...

У Блумауера.

Mein Auster hat die Lungensucht,
Mein Eurus ist nun auf der Flucht
Und dient den Zeitungsschreiben..
Mein Nordwind, den wir itzt zum Wehn,
Am besten brauchen könnten,
Ist athemlos: ich lieh ihn den
Berlinerrezensenten,
Die machen ihn zum Hekticus,
. . . .
Sogar den Zevhir haben mir
Die Dichter weggenommen...

Всѣ эти цитаты являются въ передѣлкахъ Энеиды въ видѣ отвѣта Эола на просьбу Юноны, желавшей, чтобы царь вѣтровъ приказалъ своимъ подчиненнымъ взбушевать море и потопить корабли Энея. У Вергилія нѣтъ ничего подобнаго: Эолъ и не думаетъ отговариваться отсутствіемъ вѣтровъ и сразу-же заявляетъ богинѣ:

Tuus, o regina, quid optes,
Explorare labor; mihi iussa capessere fas est, и т. д.

Вышеупомянутый отвѣтъ изобрѣтенъ Блумауеромъ, почти дословно переведенъ Осиповымъ и, какъ ясно, воспринятъ Котляревскимъ... Теперь дальше:

У Котляревскаго 1 пѣснь.

Згадай, якый прыйщовъ до мене,
Що ни сорочкы не було,
И постоливъ чортъ мавъ у тебе,
Въ кышени-жъ пусто, ажъ гуло.

У Осипова 4 пѣснь.

Ахъ, вспомни ты, злодѣй негодный,
Подумай, съ чѣмъ сюда пришелъ;
Какъ песъ ты бы былъ тогда голодный
И рубашенки не имѣлъ;

У Блумауера 4 пѣснь.

Ha, Bösewich ohn alle Scham!
Denn ich einst küsst' und drückte,
Den ich, als Bettler zu mir nahm
Und seine Hemden flickte...

Во всѣхъ этихъ цитатахъ Дидона намекаетъ Энею на его нищету, говоря, что онъ, придя къ ней, не имѣлъ даже сорочки. Объ этой сорочкѣ у Вергилія нѣтъ и помину; въ 4-й пѣснѣ онъ вкладываетъ въ уста Дидоны слѣдующія слова:

Eiectum litore, egentem
Excepi, et regni demens in parte locavi;
Amissam classem, socios a morte reduxi..

Еще новый примѣръ:

У Котляревскаю 2 пѣснь.

Эней
Сказавъ: „нехай ій вичне царство,
Мени-же довголитне панство,
И щобъ друга вдова найшлась...

У Осипова V пѣснь.

Дай Богъ, сказалъ, ей память вѣчну,
За всю любовь ко мнѣ сердечну,
Мнѣ-жъ свѣжую вдову достать!

У Блумауера V пѣснь.

Er sah ihr End und rief ihr zu:
„Der Herr geb'ihr die ew'ge Ruh,
Und mir—ein ander Weibchen“...

Эти элегическіе возгласы Энея по поводу кончины Дидоны и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно откровенныя желанія найти себѣ „другую вдову“ опять таки не имѣютъ мѣста у Вергилія. Тамъ въ соотвѣтствующей пѣснѣ (V-й) сказано даже, что троянцы, а не исключительно Эней, могли только догадываться о причинѣ пожара въ Карѳагенѣ, но никакихъ замѣчаній по поводу этого пожара, да еще въ такой формѣ, въ какой мы это видимъ у Блумауера и прочихъ пародистовъ,—у Вергилія нѣтъ.

Вотъ это мѣсто у Вергилія.

Quae tantum accenderit ignem,
Caussa latet; duri magno sed amore dolores
Polluto, natumque, furens quid femina possit,
Triste par augurium Teucrorum pectora ducunt...

Рѣчей Энея здѣсь нѣтъ. Пойдемъ дальше.

У Котляревскаго 3 пѣснь.

Якъ гуща въ сыровци играе,
Шипять, якъ киснуть, буряки...
Якъ противъ сонця рій гуляе,
Гулы си такъ неборакы.
Харона, плачучы, прохалы,
До його рукы простягалы,
Щобъ взявъ съ собою на каюкъ...

У Осипова 6 пѣснь.

Какъ будто ряпушки въ затонѣ
Иль сельди невода въ матнѣ,
Какъ овцы въ тѣсномъ гдѣ загонѣ,
Квасная гуща какъ на днѣ,
Такъ точно люди тамъ стояли,
Другъ друга въ тѣснотѣ толкали,
Впередъ старался всякъ долѣзть,
Къ Харону руки простирая.

У Блумауера 6 пѣснь.

Unzählbar, gleich den Häringen,
Die in gedrängten Schaaren
In's Fischnetz der holländischen
Grossháringsnrämer fahren,
So drängten hier sich haufenweis
Die armen Seelen um den Greis
Und schrieen: Ueberfahren.

У Вергилія въ 6-й пѣснѣ находимъ слѣдующее соотвѣтствующее мѣсто:

Quam multa in silvis auctumni frigore primo
Lapsa cadunt folia; aut ad terram gurgite ab alto
Quam multae glomerantur aves ubi frigidus annus
Trans pontum fugat, et terris immittit apricis.
Stabant orantes primi transmittere cursum,
Tendebantque manus ripae ulterioris amore...

Во всѣхъ этихъ параллельныхъ мѣстахъ заключается сравненіе толпившихся возлѣ Харона душъ съ соотвѣтственными явленіями изъ міра физическаго и органическаго, но, по сравненію съ римскимъ оригиналомъ, прочія передѣлки представляютъ крупное отличіе: въ нѣмецкой и русской передѣлкахъ Энеиды толкотня душъ сравнивается съ рыбой (сельдями),—

въ украинской передѣлкѣ въ упомянутомъ мѣстѣ „рыбы“ не фигурируютъ; однако, если обратиться нѣсколько выше, то мы увидимъ почти то-же сравненіе съ рыбой въ предъидущей строфѣ:

На ярмальци якъ слобожане,
Або на кресному лугу
До рыбы товпляться мыряне,—
Була на свому такъ лугу...

Итакъ, снова мы находимъ мѣсто, которое изобрѣлъ Блумауеръ и безсознательно повліялъ имъ на Осипова, а черезъ него и на Котляревскаго,—но которое совершенно инымъ является у Вергилія. Путь, которымъ въ украинскую Энеиду попало данное мѣсто, представляется намъ теперь вполнѣ очевиднымъ. Котляревскій не могъ взять своего сравненія изъ Энеиды Вергилія, ибо тамъ такого, какъ у Котляревскаго, сравненія нѣтъ,—значитъ онъ взялъ его у Осипова, ибо Осиповъ получилъ его отъ Блумауера. Еще примѣръ:

У Котляревскаго 3 пѣснь.

Эней узривъ свою Дидону,
Осмалену, мовъ головня.
Якъ разъ по нашому закону
Предъ нею шапочку изнявъ.

У Осипова 6 пѣснь.

Увидѣвши вдову Дидону,
По древню щеголевъ закону
И по маneру волокитъ
Спѣшитъ къ красавицѣ проворно...

У Блумауера 6 пѣснь.

Auch die verlassne Dido fand
Aeneas hier in Thränen.
Er küsste zärtlich ihr die Hand
Und wollte sie versöhnen...

Всѣ эти мѣста, указывающія на кавалерскія пріемы Энея по отношенію къ найденной имъ Дидонѣ, у Вергилія отсутствуютъ; у него только упоминается, что Эней...

Demisit lacrimas, dulcique offlatus amore est.

Ничего донжуанскаго ни въ этихъ дѣйствіяхъ, ни въ послѣдующей затѣмъ рѣчи Энея къ Дидонѣ, у Вергилія нѣтъ,—

какъ это замѣчается, наоборотъ, у Блумауера и съ легкой его руки у Осипова, а затѣмъ и у Котляревскаго.

Но въ той-же 3-й пѣснѣ, у Котляревскаго есть одно очень интересное мѣсто, котораго нѣтъ у Вергилія, да,—какъ мы увидимъ позже, не могло и быть. Наоборотъ, у Блумауера и затѣмъ у Осипова оно есть и опять таки, какъ мы увидимъ послѣ, немогло въ нихъ и не быть, такъ какъ самый характеръ его таковъ, что оно не вяжется съ общимъ колоритомъ украинской Энеиды и римской,—и должно было быть заимствовано изъ совершенно иныхъ источниковъ,—въ данномъ случаѣ изъ Осипова—Блумауера. При встрѣчѣ Энея съ Анхизомъ, послѣдній, по Котляревскому, даетъ ему возможность узнать свою будущую судьбу. По редакціи украинской Энеиды это предсказаніе дѣлаетъ горшокъ, въ который было наложено различныхъ травъ и откуда вскорѣ послышался голосъ, произнесшій, между прочимъ, слѣдующія слова:

Эней
Тамъ буде жыть та пожываты,
Покыль не будуть цылуваты
Ногы якоись постола...

Вотъ это-то „ногы якоись постола“, при всей незначительности даннаго мѣста въ общемъ содержаніи, играетъ громадную роль при опредѣленіи взаимоотношеній славянскихъ передѣлокъ Энеиды. Въ самомъ дѣлѣ, что это за таинственная „нога“, чей это „постолъ“? Изъ украинской Энеиды этого нельзя понять совершенно; само это мѣсто кажется въ ней какъ-будто лишнимъ, непонятнымъ, и, во всякомъ случаѣ, требуетъ разрѣшенія и объясненія. Гдѣ-же это послѣднее найти? Естественно, конечно, прежде всего искать въ римскомъ оригиналѣ Энеиды. Однако, при разсмотрѣніи подобнаго-же предсказанія Энею у Вергилія, на всемъ протяженіи его, мы не находимъ даже намека на то, что кому-то будутъ цѣловать „постолъ“. Очевидно, такимъ образомъ, что Котляревскій заимствовалъ это мѣсто у кого-то другого, только не у Вергилія. Обращаясь

къ Осипову, мы, въ самомъ дѣлѣ, видимъ упомянутое мѣсто о цѣлованіи кому-то туфли, но и у Осипова это мѣсто въ предсказаніи Энею является очень непонятнымъ и требующимъ объясненія... Обращаемся къ Блумауеру и у него находимъ соотвѣтственное мѣсто съ опредѣленнымъ смысломъ, вполнѣ гармонирующимъ при этомъ съ общимъ направленіемъ нѣмецкой пародіи... Вотъ это мѣсто [3]):

Dem wird das Pabstthum sein Papa
Einst erblich hinterlassen,
Und den wird seine Frau Mama
Zum Pabsten machen lassen,
Eh'er in's Mannesalter tritt,
Und dem dort küsst man ga schon mit
Zwölf Jahrn den Pantoffel.

Какъ мы только что сказали, это мѣсто вполнѣ гармонируетъ съ общимъ колоритомъ нѣмецкой Энеиды: въ данномъ отрывкѣ, какъ и въ относящихся къ нему примѣчаніяхъ Блумауера видно, что послѣдній насмѣхается надъ папскимъ достоинствомъ и саркастично замѣчаетъ, что предметомъ поклоненія для всего католическаго міра являлись даже 12-лѣтніе мальчуганы, которымъ вѣрующіе, какъ святынѣ, цѣловали туфли. Выраженіе „папская туфля“ употребляется въ соотвѣтствующихъ случаяхъ очень часто и понынѣ и сдѣлалась вполнѣ законнымъ выраженіемъ съ легкой руки различныхъ осмѣивателей злоупотребленій папскаго престола, въ многочисленный рядъ которыхъ нужно поставить и Блумауера. Поэтому у Блумауера оно стоитъ совершенно кстати, ибо ему соотвѣтствуетъ извѣстный эпизодъ и общая сатира поэта, направленная противъ папства. Итакъ, вотъ что обозначаетъ эта туфля у Блумауера,—„постолъ“ у Котляревскаго... Какъ-же объяснить теперь присутствіе этой туфли у Котляревскаго? Ни съ колоритомъ его Энеиды, ни съ послѣдующимъ и настоящимъ изложеніемъ, въ которое включено мѣсто о туфлѣ,—это послѣднее не имѣетъ никакой связи. Какъ-же оно появилось туда? Самымъ простымъ образомъ,—въ видѣ подражанія соотвѣтствующему мѣсту въ Энеидѣ Осипова. А разъ дѣло обстоитъ такимъ образомъ, то

значитъ, Котляревскій зналъ Осипова, слѣдовательно, первый пользовался произведеніемъ послѣдняго, а потому и близость его къ Осипову, можетъ быть объяснена, послѣ всего вышесказаннаго, тѣмъ, что онъ подражалъ Осипову,—и только тѣмъ! Послѣ этихъ, какъ мы думаемъ, не опровержимыхъ доказательствъ въ пользу того мнѣнія, что Котляревскій отсутствующія мѣста Вергилія взялъ чрезъ Осипова у Блумауера, —мы приведемъ еще болѣе сильныя доказательства.

4-я пѣснь Котляревскаго и 7-я—Блумауера и Осипова въ этомъ отношеніи неоцѣнимы по своему глубочайшему значенію. Остановимся, напримѣръ, на слѣдующемъ мѣстѣ украинской Энеиды [1]):

Цесарци ходять журавлямы,
Цырцеи служать за гусаръ
И въ острови тихъ сторожамы.
Италіянець-же маляръ
И скваппишый на всяки штукы,
Спивакъ, танцюра, на вси рукы,
Уміе и чыживъ ловыть...
Сей—перегаженъ въ обезьяну,
Ошийныкъ носыть изъ сапьяну
И осужденъ людей смишыть.
Французы-жъ—давніи свпакы,—
Головоризы, ризныкы,
Си перегернути въ собакы...
. . . .
Повзуть Швейцарци червьякамы,
Голландци квакають въ багни,
Чухонци лазють муравьямы,
Пизнаещъ жыда тамъ въ свыни.
Индыкомъ ходыть тамъ Гишпанець,
Кротомъ-же лазыть Португалець,
Звиркуе Шведыкъ вовкомъ тамъ...

У Осипова 7 пѣснь.

Здѣсь Англійской милордъ надменный
Поетъ гитарой на суку,
А Нидерландецъ, въ крюкъ согбенный,
Кричитъ сквозь на кукареку;
Французы, собравшись кружками,
Борзыми рѣзвятся щенками;
Голландецъ-же, забившись въ грязь,
Лягушкою въ водѣ клокочетъ,
И тонко горлицей хохочетъ
Изнѣженный германскій князь.
Гишпанецъ, въ гордости раздувшись,
Ходилъ индѣйскимъ пѣтухомъ,
Ступалъ ходой, не спотыкнувшись,
Хвостъ расщеперя колесомъ...
Тирольцы-же и Савояры
И прочи Римскіе бояры
Щипя, мурлыча и ревя
Коверкались, какъ обезьяны,
Плясали, пѣли, какъ цыганы,
Ползли, оборотясь въ червя...

Эти два параллельныя мѣста очень характерные. У Вергилія есть соотвѣтствующее мѣсто гдѣ также говорится о

[1]) Изд. 1842 г. IV-я пѣснь—стр. 11—12.
[2]) Virgilii—Aeneidos VIII—XII—стр. 3.

томъ, что на островѣ Цирцеѣ находится много оборотней—звѣрей, но, разумѣется, ни о какихъ Испанцахъ, Швейцарцахъ, Голландцахъ нѣтъ и помину... Можно было-бы, хотя и съ большимъ теперь рискомъ, предположить, что Осиповъ и Котляревскій создали приведенныя здѣсь мѣста независимо другъ отъ друга,—однако это предположеніе разрушается сравненіемъ этихъ мѣстъ съ нѣмецкой передѣлкой. Тамъ мы найдемъ тождественное мѣсто,—тѣ-же имена и тѣ-же почти характеристики. Вотъ это большое мѣсто [1]):

Hier singt sein Geldschmidbub, als Fink
Ein junger Engelländer.
Dort schimpfet als ein Rohrsperling
Ein toller Niederländer,
Als Windspiel läuft hier ein Franzcs,
Dort bittet ein Hollänpertross
Als Frösch'um einen König.
Hier kommt als Truthan stolz ein Don
Hidalgos angeschritten,
Ein Deutscher als Chamäleon
Schnappt dort nach fremden Sitten.
Als Faulthier schläft ein Römer hier,
Verwandelt in sein Murmelthier
Tanzt dort ein Sarogarde.

Стоитъ только сравнить это мѣсто съ приведенными выше, чтобы убѣдиться въ зависимости въ данномъ случаѣ Осипова отъ Блумауера, а Котляревскаго отъ Осипова. Всѣ эти Голландцы, Португальцы, Швейцарцы, находящіеся въ украинской и нѣмецкой передѣлкахъ, могли попасть въ первую изъ послѣдней опять-таки только при посредничествѣ Осипова. Иного объясненія близости Котляревскаго къ Блумауеру нельзя и подыскать. Пойдемъ дальше... Всѣмъ извѣстно слѣдующее мѣсто въ украинской Энеидѣ, пересыпанное латинскими выраженіями:

4 пѣснь у Котляревскаго.	*7 пѣснь Осипова.*
Энеусъ ностеръ магнусъ панусъ И славный Троянорумъ князь,	Къ тебѣ, какъ мужику богату, Пришли мы, серениссиме!

---

[1]) Virgils Aeneis—von Blumauer Dritter Band 1788 (?) Siebentes Buch—стр. 14—15.

Шмыглявъ по морю, якъ цыганусъ
Адъ те, о рексъ, прыславъ нункъ насъ.
Рогамусъ, домине латыне,
Нехай нашъ капутъ не загыне,
Пермитте жыть въ земли своей,
Хоть за пекуніи, хоть гратисъ,
Мы дякуваты будемъ сатисъ
Бенефиценціи твоей.
О Рексъ, будь нашимъ Меценатомъ
И ласкамъ туамъ покажы
Энеусу зробыся братомъ
О, оптиме, не откажы
Энеусъ—принцепсъ есть моторный ..
и т. д.

. . . .
Позволь намъ бенигниссиме,
. . . .
Въ твоей землѣ пожить въ покоѣ;
Экзавди насъ ты, домине,
. . . .
Любя тебя инномине...
Пожалуй, не оставь насъ бѣдныхъ
И милостію не покинь,
Не дай въ бѣдахъ скитаться вредныхъ
И просьбы нашей не отринь...
Энеусъ нашъ дѣтина славный...
и т. д.

Не смотря на близость этихъ двухъ мѣстъ, Котляревскій конечно, могъ свои латинскія выраженія взять непосредственно изъ Энеиды римской (VII пѣснь); но дѣло въ томъ, что у Вергилія въ соотвѣтствующей рѣчи Энеевыхъ пословъ нѣтъ ни одного изъ упомянутыхъ латинскихъ словъ украинской Энеиды, за исключеніемъ „rogamus“ и „rex“... Посмотримъ, что мы въ данномъ случаѣ найдемъ у Блумауера; у него соотвѣтственное мѣсто мы находимъ въ такомъ видѣ:

Wir kommen, Serenissime,
Zu dir, als reichem Prasser!
Verleih'uns Benegnissime,
Ein Bischen Luft und Wasser!
Wir brannten im Diluvio
Vor Troja, wie das liebe Stroh
Beinah zu Staub und Asche
Drum, domine, exaudi nos
Und unsern grossen Helden...
. . . .
Lasst dir auch unsre Munera
. . . .
Es sind noch drauf die Funera...

Сравнивая это мѣсто съ соотвѣтствующимъ русскимъ, мы видимъ, что Осиповъ почти перевелъ нѣмецкій оригиналъ въ данной части. Латинскія слова не взяты Котляревскимъ ни изъ какой передѣлки,—они принадлежатъ только ему; но дѣло въ томъ, что они являются отчасти простымъ переводомъ русскаго текста, взятаго у Осипова,—напр.:

У Котляревскаго.	*У Осипова.*
Пермитте жыть въ земли своей	Позволь Въ твоей землѣ пожить въ покоѣ.

Ясно изъ этого, что подобно тому, какъ Осиповъ соблазнился латинскими выраженіями Блумауера и помѣстилъ ихъ у себя, такъ и Котляревскій вдохновился тѣми-же латинизмами у Осипова и, находя это, вѣроятно, очень остроумнымъ, уснастилъ рѣчь своихъ троянцевъ латинизмами въ обильной степени. Здѣсь снова видно подчиненіе его Осипову. Приведемъ еще примѣръ, который хотя и нѣсколько циниченъ, но показываетъ вполнѣ очевидно, какъ иногда остроумныя мѣста Котляревскаго брались имъ у Осипова... Вотъ это мѣсто:

	У Осипова 17 пѣснь.
Латынъ старый бувъ не рубака	Латинъ былъ царь миролюбивый
И воюватысь не любывъ,	И драки вовсе не любилъ,
Одъ слова смерть винъ неборака	Смиренъ, не сморливъ, не гнѣвливый
Бувъ безъ души и мовъ не жывъ.	И весь свой вѣкъ спокойно жилъ,
Винъ стычку тилько мавъ на лижку,	Со всѣми убѣгая спору,
Амати якъ не гравъ пидъ нижку	Одну имѣлъ лишь только ссору.
И то тоди, якъ пидтоптавсь;	Ночною изрѣдка порой
Безъ того-жъ завжды бувъ тыхенькый...	Со вздорливой своей женой...

У Вергилія о характерѣ Латина сказано только слѣдующее:

Rex arva Latinus et urbis
Jam senior longa placidas in pace regebat,

Да затѣмъ, когда латинцы требовали отъ него войны, то онъ былъ уподобленъ за твердость характера скалѣ, не поддающейся бурямъ... Но никакихъ эпизодовъ, касающихся отношеній его къ супругѣ Аматѣ, нѣтъ у него совершенно... Ясно поэтому, что упомянутый плоскій эпизодъ взятъ обоими авторами славянскихъ Энеидъ не у Вергилія, но также и не изобрѣтенъ ими. Легко догадаться, что Котляревскій посредственно, а Осиповъ непосредственно обязаны этимъ понравившимся имъ мѣстомъ Блумауеру. Стоитъ только обратиться къ последнему, и мы сразу-же увидимъ, что нѣмецкій оригиналъ былъ для обоихъ славянскихъ поэтовъ первоисточникомъ. Чтобы не быть голословными, приводимъ это мѣсто:

Des guten Königs Milch natur
Bestand aus lauter Frieden,
Ihm war in seinem Leben nur
Ein eins'ger Krieg beschieden:
Der war, wenn Nachts mit ihm im Bett
Der Ehkonsortium Majestät
Ein Bischen harcelirte.

Итакъ вотъ откуда попалъ къ Котляревскому упомянутый эпизодъ объ отношеніяхъ Латина къ его женѣ... Слѣдующее мѣсто еще болѣе характерно.

У Котляревскаго.

У няньки бувъ билеиькый цуцыкъ,
Іи винъ завжды забавлявъ;
Не дуже простый—родомъ муцыкъ,
Носывъ поноску, танцювавъ,
И паніи лызавъ одъ скукы
Частенько ногы скризъ, и рукы,
И тименыци выгрызавъ..
Царивна часто зъ нымъ игралась,
Сама царыця любовалась...

У Осипова.

У царской мызницы старухи
. . . .
Была болонска собаченка,
Котору больше, какъ робіонка,
Лелѣяла и берегла
. . . .
Съ ней съ сухарями чай пивала,
Повсюду блохъ у ней искала.
и т. д.

Въ обѣихъ передѣлкахъ говорится, что троянскіе охотники убили нечаянно собаченку, принадлежавшую приближенной царя Латина. Посмотримъ, что мы найдемъ у Блумауера...

Вотъ что:

Die Försterinn des Walds, wo er
Sich itzt im Schiessen übte,
Besass ein Hündchen, das sie mehr,
Als ihren Ehmann liebte;
Es war ein Bologneserchen
Und just so zottelhaarichs schön
Wie unsre Damenköpfe
Dies Hündchen trank mit ihr Kaffee и т. д.

И у Блумауэра фигурируетъ та-же „собачка"... Что-же теперь имѣется въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ у Вергилія? Въ римскомъ оригиналѣ мы находимъ слѣдующее:

Cervus erat forma praestanti et cornibus ingens.—
. . . .
Assuetum imperiis soror omni Silvia cura
Mollibus intexens ornabat cornua sertis,
Pectebatque ferum, puroque in fonte lavabat.

Ясно, что у Вергилія говорится не о собачкѣ, а объ оленѣ, изъ-за котораго и произошла борьба между Латинцами и Троянцами. Ясно поэтому, что Котляревскій своего эпизода о собачкѣ не могъ заимствовать у Вергилія, а взялъ его у Осипова, который въ свою очередь былъ несамостоятеленъ, а взялъ данное мѣсто у Блумауера.

Итакъ, мы имѣемъ новое ясное доказательство, что Котлявевскій зналъ Осипова и пользовался имъ. Но пойдемъ еще дальше. У Котляревскаго, при описаніи военныхъ приготовленій Латинцевъ, мы находимъ слѣдующее мѣсто:

Дивки на пруттяхъ розъижжалы
Цинкамы хлопцивъ муштровалы...

Тоже и у Осипова:

Для лучшей въ войскѣ дисциплины
И строгости во всѣхъ полкахъ,
Должны тамъ были всѣ мужчины
У женъ своихъ побыть въ рукахъ.

Само собой понятно, что такого мѣста, гдѣ говорится объ обученіи военнымъ пріемамъ, которыми занимаются мужчины подъ наблюденіемъ женъ, у Вергилія нечего и искать: это мѣсто есть пародія на военныя приготовленія и не могла, конечно, попасть въ серьезное изложеніе римскаго поэта. Но у Блумауера есть и это мѣсто въ такомъ видѣ:

Vom Weibe musste jeder Mann
Das Kommandiren lernen...

Сходство этого мѣста съ указанными выше полное. Что-же этотъ новый фактъ показываетъ? Опять таки, что Осиповъ ревностно подражалъ Блумауеру, но за то съ другой стороны, что и Котляревскій почти перевелъ въ данныхъ эпизодахъ Осипова. Но и эти факты еще не всѣ... Въ томъ-же самомъ отдѣлѣ, гдѣ говорится о военныхъ приготовленіяхъ, мы находимъ:

У Котляревскаго.	*У Осипова.*
Къ роздачи порціи—обтекарь;	Артилеристомъ сдѣланъ лекарь,
Картьожныкъ,—хлибный добрый пекарь,	За инженера былъ аптекарь,
Гевальдыгеромъ бувъ шынкарь,	А пушки вычищалъ скорнякъ.
Вожатымы,—слипци, калики,	Десяцкихъ—выбрали въ шпіоны

Ораторамы—недориеы,
Шпыгономъ—съ церкви паламарь.

И повезли на почтовыхъ
и т. д,

Ничего подобнаго, конечно, у Вергилія найти нельзя. За то у Блумауера мы находимъ то-же самое:

Die Pred'ger wurden enrollirt
Zu lauten Trommelschlängern,
Die Rauchfangkehrerzunft formirt
Ein Regiment von Negern,
Und weil am Pulver Mangel war,
Liess sich Apothekerschaar
Zu Pulvermachern brauchen...

Разумѣется, каждый изъ предъидущихъ пародистовъ, смотря по силѣ своего остроумія, надѣлилъ каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ этой пародіи различными, даже отчасти оригинальными функціями, но не трудно видѣть, что нѣкоторые дѣйствующія лица фигурируютъ во всѣхъ трехъ передѣлкахъ. Очевидно, что такая близость всѣхъ трехъ мѣстъ, при доказанномъ фактѣ подражанія Осипова Блумауеру, можетъ быть объяснена только тѣмъ, что Котляревскій заимствовалъ ихъ у Осипова, а не Блумауеръ у Котляревскаго.

Интересно также, что стихи изъ извѣстнаго мѣста украинской Энеиды.—

Такъ просто військо шыковало,
Не знавши: стій, не шевелысь...—

являются, какъ и указанныя выше мѣста, опять таки не оригинальными. У Вергилія соотвѣтствующихъ имъ стиховъ нѣтъ,—за то у Осипова они есть, и не трудно видѣть, что они заимствованы у Блумауера. Въ самомъ дѣлѣ, у Осипова мы находимъ слѣдующее:

На мѣсто всѣхъ проповѣдей
Попы кричали: „стой, равняйся,
Смотри направо, не шатайся,
Впередъ всѣ разомъ, не робей!

или у Блумауера.

Und aus den Kanzeln und zu Haus
Erscholl itzt nichts als: Brust heraus!
Und March! und Rechts um kehrt euch!

Сходство между обоими мѣстами положительное, и изъ него явствуетъ, какъ данныя строфы Осипова повліяли на Кот-

ляревскаго. Итакъ, всѣ перечисленныя мѣста ясно указываютъ на то, что самостоятельность ихъ у Котляревскаго должна подлежать большому сомнѣнію. Мы бы могли привести еще много мѣстъ такого же характера, т. е. соотвѣтствующихъ которымъ у Вергилія не находится, но довольно и приведенныхъ; и съ помощью ихъ мы можемъ сдѣлать рѣшительный выводъ. Что же, слѣдовательно, показало послѣднее сравненіе различныхъ передѣлокъ? Показало слѣдующее: въ украинской Энеидѣ есть много эпизодовъ, имѣющихся въ русской и нѣмецкой передѣлкахъ римскаго произведенія, но въ послѣднемъ отсутствующихъ. Въ объясненіе найденнаго факта можетъ быть приведено три слѣдующихъ соображенія: во-первыхъ, всѣ три писателя, одновременно и независимо другъ отъ друга, ввели въ свои передѣлки эпизоды, которыхъ нѣтъ въ римской Энеидѣ. Такое положеніе—слишкомъ фантастичное и кромѣ внутренней, психологической несостоятельности разрушается указанными выше фактами. Другое объясненіе можетъ заключаться въ томъ, что Осиповъ подражалъ Котляревскому. Однако это предположеніе опровергается тѣмъ, что Осиповъ копировалъ Блумауера и широко пользовался Вергиліемъ,—т. е. у него было два могучихъ образца, по сравненію съ которыми украинская Энеида является крайне неполной и сокращенной. Слишкомъ точное подражаніе Осипова Блумауеру въ особенности даетъ основаніе думать, что Котляревскій не повліялъ на Осипова совершенно.

Третье объясненіе даетъ разрѣшеніе всѣмъ недоумѣніямъ: мы предполагаемъ, что Котляревскій подражалъ Осипову. Въ самомъ дѣлѣ, если несомнѣнно, что Осиповъ подражалъ Блумауеру, то для объясненія присутствія въ украинской Энеидѣ мѣстъ, отсутствующихъ у Вергилія, но находящихся у Осипова и Блумауера, только тѣмъ и можно объяснить, что Котляревскій заимствовалъ эти мѣста у Осипова. Это объясненіе, повторяемъ мы, самое логическое и единое возможное, ибо къ Котляревскому упомянутыя мѣста могли попасть изъ Блумауера только черезъ Осипова...

Такимъ образомъ, всѣ приведенные факты и особенно послѣдній, воочію доказываютъ, что Котляревскій подражалъ Осипову. Изъ всего приведеннаго здѣсь нѣтъ ни одного положенія, которое могло-бы опровергнуть это заключеніе и дать почву для противоположнаго мнѣнія. Послѣднее доказательство—именно присутствіе въ украинской Энеидѣ мѣстъ, общихъ русской и нѣмецкой, но чуждыхъ римской Энеидѣ, рѣшаютъ вопросъ въ самомъ безповоротномъ смыслѣ.

Теперь, если-бы сдѣланы были даже самыя блестящія по логичности предположенія о томъ, что Осиповъ подражалъ Котляревскому, а не наоборотъ,—если-бы даже найдено было указаніе самого Котляревскаго (чего никогда не можетъ быть!), что онъ написалъ свою Энеиду независимо отъ Осипова,—ничто все-таки не можетъ разрушить правильности нашего заключенія о томъ, что Котляревскій зналъ Осипова Энеиду и подражалъ ей. Для опроверженія нашего вывода необходимо показать, какимъ образомъ найденныя у Котляревскаго мѣста, столь общія Блумауеру, могли попасть къ первому, когда украинскій поэтъ не зналъ ни Блумауера, ни Осипова.

Впрочемъ объ этомъ довольно... Теперь можно сказать, что сравненіе различныхъ передѣлокъ между собою и затѣмъ всѣхъ ихъ съ римской Энеидой дало много фактовъ въ пользу мнѣнія о несамостоятельности украинской Энеиды и ни одного факта въ пользу противоположнаго мнѣнія, такъ что къ нашему выводу мы подошли прямо логическимъ путемъ, не находя при этомъ ни малѣйшаго препятствія. Впрочемъ, проф. Дашчевичъ ихъ находитъ. Посмотримъ, насколько предостереженія проф. Дашкевича могутъ служить помѣхой для нашего заключенія. Вначалѣ нашего изслѣдованія мы упоминали, что проф. Дашкевичъ, какъ-бы въ пользу мнѣнія о самостоятельности нашей Энеиды, указываетъ на присутствіе въ русской Энеидѣ малорусскихъ словъ. Это замѣчаніе проф. Дашкевича мы назвали важнымъ,—и оно дѣйствительно таково, ибо наводитъ насъ на слѣдующія размышленія: вѣдь если въ русской Энеидѣ есть малорусскія слова, а ихъ проф. Дашкевичъ даже

цитируетъ, то это, конечно, большой плюсъ въ пользу мнѣнія о самостоятельности украинской Энеиды; нельзя предположить что эти слова попали къ Осипову внѣ вліянія на него Котляревскаго! Близость Осипова къ Котляревскому еще болѣе позволяетъ думать, что малорусскія слова перешли къ Осипову съ массой мѣстъ, заимствованныхъ имъ, очевидно, у Котляревскаго. Нечего и говорить, что такой оборотъ дѣла много подрываетъ наше заключеніе по данному вопросу, хотя и теперь, конечно, не вполнѣ его опровергаетъ. Предположимъ, значитъ, на основаніи указанія проф. Дашкевича, что Осиповъ, дѣйствительно, подражалъ Котляревскому; но тутъ сразу возникаетъ недоумѣніе,—откуда-же все таки попали къ Котляревскому тѣ мѣста, которыхъ нѣтъ у Вергилія, но которыя есть у Осипова и взяты послѣднимъ, какъ нами доказано, изъ Энеиды Блумауера. Выясняющаго что-нибудь отвѣта на этотъ вопросъ не можетъ быть дано, и въ концѣ концовъ получится cirkulus vitiosus, изъ котораго никакого выхода нѣтъ, такъ какъ въ одно и то-же время выходитъ, что Осиповъ, судя по малорусскимъ словамъ, подражалъ Котляревскому, а Котляревскій, судя по упомянутымъ мѣстамъ, подражалъ Осипову! Получается путаница, и въ рѣшеніи вопроса мы не подвигаемся съ нею ни на шагъ...

Къ счастью, данное недоумѣніе разрѣшается легко и вотъ почему: это недоумѣніе возникло при предположеніи, что указаніе проф. Дашкевича безусловно вѣрно; если-же въ этомъ указаніи есть погрѣшности, то и рождаемое имъ недоумѣніе исчезаетъ совершенно... И оно, дѣйствительно, исчезаетъ, такъ какъ мнѣніе проф Дашкевича совершенно не вѣрно!

Почтенный профессоръ ошибся, допустивъ на данный пунктъ о малорусскихъ словахъ въ русской Энеидѣ односторонній взглядъ. При болѣе широкомъ взглядѣ на указываемыя проф. Дашкевичемъ малорусскія слова, мы легко замѣчаемъ, что эти слова или великорусскія или-же *общія* обѣимъ славянскимъ народностямъ—великорусской и украинской. Если это, въ самомъ дѣлѣ, такъ, и проф. Дашкевичъ ошибся дѣйстви-

тельно, значитъ, наше прежнее заключеніе вѣрно и не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ. Посмотримъ, кто изъ насъ правъ, и остановимся прежде всего на словахъ, указанныхъ самимъ проф. Дашкевичемъ.

Первымъ словомъ у него стоитъ „забобоны". Это слово столько-же малорусское, сколько и великорусское,—и дѣйствительно, въ словарѣ великорусскаго языка Даля мы находимъ это слово съ соотвѣтствующими значеніями: „вздоръ, пустяки, враки, вздорные слухи".

Второе слово „пильнуетъ"—также и великорусское слово; у Даля оно имѣется съ значеніемъ „стеречь, стараться"—одинаковымъ, какъ и его значеніе въ малорусскомъ языкѣ.

Третье слово „завсегда" совершенно отсутствуетъ въ переяславо-чигиринскомъ нарѣчіи украинскаго языка, на которомъ писалъ Котляревскій, но оно—коренное слово въ народной великорусской рѣчи, которой пользовался Осиповъ. „Всегда" на нарѣчіи Котляревскаго есть „завжды".

Выраженіе „безъ перестатку" чисто великорусское и совершенно правильно образовано отъ „перестать"; въ малорусскомъ языкѣ есть только формы „безъ устанку, безъ перестанку", образованныя отъ „перестануты, устануты".

Слово „сгодиться" одинаково обще обоимъ языкамъ. Кромѣ этихъ, указанныхъ проф. Дашкевичемъ словъ, есть еще довольно похожихъ на приведенныя сейчасъ,—большинство ихъ мы укажемъ.

„Тасовали" — слово общее обоимъ языкамъ, напр.,—въ русскомъ „тасовать карты".

„Притуляся" — отъ слова „тулиться" также общее слово; у Даля находится оно съ значеніями „прятаться, хорониться".

„Съ-позаранку" — отъ „позаранокъ" — общее слово и находится въ словарѣ Даля.

„Слизко"—общее слово, находящееся и у Даля.

„Храбровать"—имѣется и у Даля.

„Повсечасно“—только похоже на малорусское „повсякчасно“.

Общими словами являются даже такія, какъ „облещать“, „варъ“ и „сивочалой“!

Итакъ, большинство приведенныхъ здѣсь словъ указываютъ ясно, что проф. Дашкевичъ ошибся... У Осипова нѣтъ ни одного спеціально малорусскаго слова; употребляя ихъ въ своей Энеидѣ, онъ считалъ эти слова такъ-же великорусскими, какъ считалъ-бы ихъ, вѣроятно, Котляревскій малорусскими. Оба они были-бы правы съ своей точки зрѣнія, но оба говорили-бы неправду, если-бы стали утверждать, что упомянутыя слова принадлежатъ только одной народности—великорусской или украинской, все равно... По тому-же самому неправъ съ своимъ утвержденіемъ и проф. Дашкевичъ, и онъ тѣмъ болѣе не правъ еще потому, что многихъ изъ этихъ общихъ словъ совершенно даже нѣтъ въ украинской Энеидѣ,—откуда-же Осиповъ ихъ взялъ, это является загадкой, а по указанію проф. Дашкевича все-таки выходитъ, что Осиповъ взялъ ихъ изъ украинской Энеиды. Слабость этого указанія является теперь вполнѣ ясною... Возвратимся теперь къ прежнимъ положеніямъ.

Мы пришли къ заключенію, что Котляревскій подражалъ Осипову и что это заключеніе не опровергается никакими данными, выходящими изъ сравненія украинской Энеиды съ прочими Энеидами. Это заключеніе явилось у насъ путемъ сравненія: бóльшихъ доказательствъ нашего положенія, чѣмъ тѣ, которыя мы имѣемъ, врядъ-ли можно найти; они почти лишни, да и то явятся изъ другой области, если только явятся... Новыя доказательства могутъ явиться только въ видѣ хронологическихъ данныхъ, которыя должны быть вполнѣ точны и документальны, но на это разсчитывать нельзя, да почти и не нужно... Конечно, къ этимъ даннымъ было-бы прибѣгнуть лучше всего, но и они, какъ мы убѣждены вполнѣ, только подтвердили бы главный нашъ выводъ. Наше убѣжденіе еще болѣе строится на тѣхъ хронологическихъ данныхъ, которыя по данному вопросу уже имѣются. Мы не хотимъ сказать,

чтобы мы этимъ даннымъ довѣряли, совершенно наоборотъ,— но и эти данныя только подтверждаютъ нашу главную мысль. Въ самомъ дѣлѣ: еще въ „Воспоминаніяхъ" о Котляревскомъ Савинова [1]) есть указаніе на то, что Котляревскій въ промежуткѣ 1793—96 г. и, собственно говоря, въ 1795 г. только писалъ свою Энеиду, въ то время, какъ Энеида Осипова, частью напечатанная въ 1791 г., къ 1795 году была уже закончена въ печати. Какимъ-же образомъ могъ Осиповъ заимствоваться у Котляревскаго Энеидой, если послѣдняя только находилась еще въ рукописи и врядъ-ли кому была извѣстна?

Другой біографъ Котляревскаго г. Сементовскій [2]) еще яснѣе заявляетъ, что Котляревскій „написалъ нѣсколькао частей извѣстной всѣмъ образованнымъ читателямъ Энеиды въ годы военной службы", т. е., прибавимъ мы отъ себя, не ранѣе 1796 года!

Наконецъ, самое главное: г. С. Каминскій, на котораго такъ сильно опирается проф. Дашкевичъ, даетъ показаніе опять таки въ нашу пользу,—и это въ томъ-же самомъ мѣстѣ, откуда уважаемый профессоръ почерпнулъ основаніе для своего главнаго предположенія. Раньше мы только на основаніи логическихъ построеній старались показать, что изъ свидѣтельствъ С. Каминскаго нельзя было выводить тѣхъ основаній, на которыхъ строилъ свое мнѣніе проф. Дашкевичъ. Теперь мы увидимъ, что и хронологическія данныя подтверждаютъ нашу мысль о времени и способѣ написанія Энеиды и идутъ противъ всѣхъ прочихъ мнѣній по тому-же поводу. Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ-же мѣстѣ, гдѣ С. Каминскій говоритъ, что Котляревскій „по долгомъ, обдуманномъ приготовленіи рѣшился пародировать Энеиду", прибавлено: „изъ собранныхъ нами свѣдѣній извѣстно, что первыя три части Энеиды -написалъ онъ, едва вступивъ въ военную службу". Дальше прибавлено, конечно, невѣрно, что это было въ 1803 г., но эта прибавка не важна,

---

[1]) Сѣв. Пчела 1863 г. № 80.

[2]) Сѣв. Пчела 1846 г. № 82.

такъ какъ С. Каминскій не зналъ просто, въ которомъ именно году поступилъ нашъ поэтъ въ военную службу. Отбросивъ этотъ придатокъ къ мысли С. Каминскаго, мы получаемъ новое доказательство того, что Котляревскій написалъ свою Энеиду послѣ Осипова, такъ какъ, по С. Каминскому, онъ писалъ ее при вступленіи въ военную службу, т. е. не ранѣе 1796 года. Одно это замѣчаніе С. Каминскаго могло-бы уже опровергнуть всѣ построенія проф. Дашкевича, если-бы только послѣдній не остановился съ черезчуръ большой вѣрой на однихъ показаніяхъ біографа Котляревскаго и не игнорировалъ другихъ...

Такъ или иначе, но мы видимъ, что главнѣйшіе біографы Котляревскаго, не упоминая объ отношеніяхъ Котляревскаго, къ Осипову, всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что первый написалъ свое произведеніе не раньше 1793—6 года, и такимъ образомъ подтверждаютъ сдѣланный нами выше выводъ. Мы, конечно, при этомъ еще разъ повторяемъ, что упомянутымъ свѣдѣніямъ мы придаемъ не много значенія и приводимъ ихъ вовсе не затѣмъ, чтобы убѣдить кого-нибудь въ правотѣ нашего заключенія, а только для того, чтобы показать, что и болѣе достовѣрныя біографіи нашего поэта, при всей ихъ противорѣчивости, все таки говорятъ въ одно,—именно: что наша Энеида была написана въ періодъ до поступленія или даже въ первые годы военной службы поэта. Очевидно значитъ, что уже одни эти свѣдѣнія способны дать основаніе мнѣнію о зависимости Котляревскаго отъ Осипова,—а сравненіе Энеидъ различныхъ авторовъ подкрѣпляетъ эту мысль еще болѣе. На этомъ мы свое разсужденіе о первенствѣ той или другой Энеиды и закончимъ и, пользуясь имѣющимся у насъ фактическимъ матерьяломъ, постараемся разрѣшить другіе вопросы, съ даннымъ находящіеся въ тѣсной связи.

Послѣ выясненія вопроса о томъ, Котляревскій ли подражалъ Осипову или наоборотъ, очень важно въ отношеніи украинской Энеиды рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) когда была написана Энеида Котляревскаго и 2) какова литературная субстанція Энеиды, или тѣ литературныя вліянія, подъ воздѣй-

ствіемъ которыхъ сложилось украинское произведеніе. Прежде выясненія обоихъ вопросовъ мы считаемъ нужнымъ прибавить, что эти вопросы мы будемъ обсуждать только относительно четырехъ первыхъ частей украинской Энеиды, ибо послѣднія двѣ части сложились при совершенно другихъ вліяніяхъ, которыя намъ еще нужно будетъ доказать въ другой статьѣ и которыя съ выведенными теперь фактами и, значитъ, съ Энеидой Осипова ничего общаго не имѣютъ. Предупредивъ объ этомъ, вернемся теперь къ нашей послѣдней задачѣ. Итакъ, когда были написаны первыя четыре части нашей Энеиды? Точнаго, не приблизительнаго отвѣта на данный вопросъ получить нельзя...

Біографы Котляревскаго даютъ на этотъ счетъ самыя разнорѣчивыя показанія, и если поэтому ихъ совершенно отбросить и нельзя, то, во всякомъ случаѣ, пользоваться ими нужно съ крайней осторожностью. Впрочемъ, даже помимо біографій нашего поэта, намъ въ данномъ вопросѣ поможетъ сдѣланный только что выводъ о подражаніи Котляревскаго Осипову. Украинская Энеида издана была впервые въ 1798 г. именно — напечатаны были три ея части. Значитъ, написаны онѣ были до 1798 г., но въ какіе-же сроки? Это приблизительно можетъ намъ указать Осиповъ.

Первыя части Энеиды Осипова были напечатаны въ 1791 и 1792 гг., причемъ въ первой части (1791 г.) заключается 2 пѣсни Блумауера—Вергилія. Котляревскій, какъ мы доказали, подражалъ Энеидѣ Осипова, слѣдовательно, Энеиду началъ писать или могъ начать послѣ 1791 г. или въ томъ-же году. Извѣстно, что первая пѣснь украинской Энеиды соотвѣтствуетъ 1-й пѣснѣ Энеиды Осипова (I-я часть) и 4-й пѣснѣ (II-я часть); а вторая часть Энеиды Осипова (3, 4, 5 пѣснь) вышла только въ 1792 г., слѣдовательно, кончить свою первую пѣснь (или часть) нашъ поэтъ могъ или послѣ 1792 г., или въ томъ-же году.

Вторая пѣснь украинской Энеиды соотвѣтствуетъ 5-й русской, относящейся къ II-й части и вышедшей также, зна-

читъ, приблизительно въ 1793 году. Третья и четвертая пѣснь украинской Энеиды соотвѣтствуютъ III-ей и IV-й частямъ русской Энеиды, изданнымъ въ 1795 году. Извѣстно, что напечатаны были въ 1798 г. только три первыя части нашей Энеиды, слѣдовательно, въ то время, когда Котляревскій отдавалъ Парпурѣ свою Энеиду для прочтенія, этой четвертой части тамъ не было. Вотъ, съ этими данными и нужно попытаться хоть приблизительно разрѣшить поставленный нами вопросъ. Вся трудность въ рѣшеніи даннаго вопроса заключается въ томъ, что совершенно нельзя установить точно, какое количество времени употреблялъ Котляревскій на созданіе каждой своей части. Поэтому, къ рѣшенію нашей задачи можно подходить только ощупью. Первую часть Котляревскій, какъ мы говорили, могъ начать въ 1791 году, въ крайнемъ случаѣ, въ 1792 г., когда вышли обѣ части Энеиды Осипова, составляющія (4 пѣсни) содержаніе первой части украинской Энеиды. Но начавъ свою Энеиду даже въ 1791 году, нашъ поэтъ не могъ окончить первой пѣсни раньше 1792 года, ибо конецъ этой пѣсни какъ разъ и заключался въ 4-й пѣснѣ русской Энеиды, вышедшей въ 1792 г. Однако мы лично думаемъ, что врядъ-ли Котляревскій могъ начинать въ 1791 г. первую свою пѣснь, видя, что у него нѣтъ полнаго образца для его изложенія, и зная, что этотъ образецъ будетъ, можетъ быть, только впослѣдствіи.

Котляревскій зналъ, что ему придется оставить начатую работу на срединѣ ея, такъ какъ заключительнаго эпизода 1-й его части—именно подробностей смерти Дидоны въ 1-й вышедшей части Энеиды Осипова не было. Вѣроятнѣе всего, что Котляревскій рѣшился подождать выхода второй части русской Энеиды, которая и не замедлила появиться въ 1792 г.

Теперь, т. е. въ 1792 или началѣ 1793 года, Котляревскій могъ уже приниматься за свой трудъ и однако, какъ мы думаемъ, онъ его еще не началъ... и вотъ почему. Всякому извѣстно, что украинская Энеида есть отчасти широкая картина народнаго быта въ его подробностяхъ;—для того, чтобы сдѣ-

лать ее таковой, необходимо было имѣть глубокое знаніе народной жизни. Котляревскій самъ, конечно, понималъ необходимость этого знанія и потому долженъ былъ его пріобрѣсти. Всѣ старѣйшіе біографы и знакомые поэта говорятъ, что онъ тщательно изучалъ украинскую жизнь, а С. Каминскій говоритъ даже, что онъ какъ-бы подготовлялся къ своей Энеидѣ. Эти свидѣтельства біографовъ вполнѣ понятны, правильны и съ нашими предъидущими построеніями совпадаютъ вполнѣ; одна только бѣда, что ни одинъ изъ біографовъ не указываетъ точно, когда-же нашъ поэтъ ходилъ въ народъ? Къ счастью, какъ мы сказали раньше, у насъ имѣются данныя, которыя позволятъ намъ опредѣлить это точно [1]).

Эти данныя говорятъ ясно, что въ 1793 г. Котляревскій оставилъ свою первую гражданскую службу по причинамъ, впрочемъ, неизвѣстнымъ. Чрезъ нѣсколько времени, по Савинов, мы видимъ уже его дающимъ уроки въ Полтавской губерніи. Отсюда можно сдѣлать вполнѣ правильное заключеніе, гармонирующее притомъ опять таки съ нашимъ построеніемъ: въ 1793 году нашъ поэтъ Энеиды еще не писалъ, въ томъ-же году онъ былъ уже на селѣ и, воодушевленный, безъ сомнѣнія, передѣлкой Осипова, сталъ готовиться и къ своей передѣлкѣ, ходя въ народъ.

Чрезъ нѣсколько времени,—положимъ, даже, черезъ годъ или полгода, Котляревскій подготовился къ своему труду, т. е. болѣе или менѣе совершенно изучилъ народную жизнь, хотя отчасти зналъ ее, вѣроятно, и раньше. Теперь онъ могъ начинать свой трудъ и началъ, вѣроятно, въ концѣ 1793 г., вѣрнѣе всего въ 1794 г. Въ этотъ годъ онъ могъ написать первую часть своей Энеиды, въ слѣдующемъ 1795 году—и 2-ю часть, и на этомъ остановился. Дальше онъ снова не имѣлъ подъ ру

---

[1]) Эти данныя почерпнуты нами изъ оффиціальныхъ документовъ объ И. П. Котляревскомъ, хранящихся въ архивѣ Полтавскаго губернскаго земства и съ готовностью доставленныхъ намъ уважаемымъ Л. В. Падалкою. Свѣдѣнія, почерпнутыя нами изъ этихъ документовъ, будутъ напечатаны послѣ.

кой образца, ибо остальныя части Энеиды еще не вышли. Наконецъ, въ 1705 г. вышли и эти послѣднія. Котляревскій снова могъ начинать работу и въ томъ-же году или въ началѣ 1796 г. началъ 3-ю часть и кончилъ. Итакъ, три части Энеиды, написанныя въ 1794, 5 и 6 годахъ были уже готовы, конечно, вчернѣ. Тутъ подвернулся Парпура и списалъ у нашего поэта эти три части: если-бы у Котляревскаго было больше трехъ пѣсенъ, то онъ, конечно, ихъ отдалъ-бы Парпурѣ, какъ и первыя три; съ другой стороны, послѣднему ничто не помѣшало-бы издать вмѣстѣ съ тремя пѣснями Энеиды м четвертую, если-бы только послѣдняя существовала. Ясно, что послѣдняя еще не была написана. Впрочемъ, нужно замѣтить, что изъ разсказа Савинова [1]) выходитъ даже, что Котляревскій писалъ уже въ 1795 г. V-ю часть своей Энеиды: на это указываютъ слѣдующіе приводимые имъ стихи Котляревскаго [2]).

Мій друже вирный, справедлывый,
Чи дуже любышъ ты мене?

Легко увидать, что настоящее мѣсто въ показаніи Савинова, отличающееся анекдотическимъ характеромъ, не имѣетъ никакой цѣны. Оно приведено для эффекта, который заключается въ нѣкоторомъ qui pro quo, вышедшемъ между Котляревскимъ, яко-бы декламировавшимъ упомянутые стихи, и помѣщикомъ, вообразившимъ, что эти слова относятся къ его дочери. Но кромѣ этого эффекта,—повторяемъ мы,—за приведеннымъ свидѣтельствомъ Савинова другого значенія не имѣется. По приведеннымъ доказательствамъ очевидно, что Котляревскій не могъ въ 1795 году написать и четвертой пѣсни, а тѣмъ болѣе пятой. Во первыхъ, если-бы она была, то она попала-бы къ Парпурѣ навѣрно, а во вторыхъ, что самое главное, новыя точныя историческія данныя, помимо уже приведенныхъ, вполнѣ убѣждаютъ, что въ 1793—6 году пятой пѣсни не могло и существовать.

---

[1]) Сѣверная пчела 1863 г. № 80.

[2]) Энеида Котляревскаго 1842 г. V пѣснь стр.—18.

Эти данныя слѣдующія: дописавъ четвертую часть Энеиды и желая издать исправленныя первыя три части, Котляревскій подъ личной редакціей выпустилъ въ 1809 г. свою Энеиду,—и что же мы видимъ? Въ этомъ изданіи больше четырехъ пѣсенъ нѣтъ ни одной... Почему? Да просто потому, что пятой части не существовало еще даже въ 1809 году! Такимъ образомъ, приводимое Савиновымъ свидѣтельство—не вѣрно. Оставимъ теперь въ покоѣ 5-ю пѣснь Энеиды Котляревскаго и возвратимся къ четвертой. Въ 1796 г., какъ мы видѣли выше, Котляревскій кончилъ третью часть своей Энеиды. За четвертую онъ приняться уже не успѣлъ, такъ какъ, въ силу неудачной любви, долженъ былъ оставить помѣщика, гдѣ поэтъ давалъ уроки. Въ апрѣлѣ 1796 г. Котляревскій былъ уже на военной службѣ. Однако замыселъ окончить подражаніе Осипову у нашего поэта остался, и Котляревскій, вѣроятно, на военной еще службѣ окончилъ свою 4-ю часть, соотвѣтствующую седьмой и послѣдней пѣснѣ передѣлки Осипова. Когда-же, все таки, онъ написалъ четвертую часть своей Энеиды? Точно объ этомъ не говоритъ никто, а С. Каминскій противорѣчитъ на каждомъ шагу, такъ что цифрамъ его довѣрять нельзя совершенно... Вообще-же говоря, опредѣлить время написанія 4-й пѣсни болѣе или менѣе достовѣрно—крайне трудно. Впрочемъ, можно сказать навѣрно, что она была написана до 1806 г., такъ какъ съ этого года начинаются военные походы, въ которыхъ участвовалъ поэтъ и гдѣ ему было уже не до Энеиды. Между тѣмъ въ 1809 г. четвертая часть была уже напечатана,—очевидно, она должна была уже быть готовой къ печати, а, не будучи написанной въ промежутокъ 1806—1808 г., должна была быть готовой, значитъ, до 1806 года. Но все-таки, когда именно? Нѣкоторыя соображенія позволять намъ сдѣлать, какъ кажется, болѣе или менѣе правильный выводъ. Какъ извѣстно, остальныя 2 части украинской Энеиды были напечатаны только въ 1842 году; такая медлительность Котляревскаго въ изданіи и, конечно, написаніи послѣднихъ пѣсенъ Энеиды въ данномъ случаѣ для насъ знаменательна. Объясняетъ ее С. Каминскій

довольно правильно тѣмъ, что Котляревскому мѣшали писать свою Энеиду различныя обязанности по службѣ и другія обстоятельства [1]). Но если нашему поэту трудно было уже писать во время покойной гражданской службы, то тѣмъ труднѣе было писать въ службѣ военной, и послѣ 1806 года въ особенности: во первыхъ, эта жизнь была для офицерства довольно таки бурной, а во вторыхъ, и простое исполненіе служебныхъ обязанностей всегда могло отвлекать поэта отъ бесѣдованій съ музами. Это видно уже потому, что за 13 лѣтъ (1796—1809), Котляревскій успѣлъ написать только одну часть Энеиды, въ то время, какъ первыя три онъ написалъ сравнительно очень быстро. Итакъ, врядъ-ли нашъ поэтъ могъ написать четвертую часть близко отъ безпокойнаго 1806-го года,—онъ долженъ былъ написать ее какъ можно дальше отъ этого года, и именно—едва вступивъ въ военную службу. Въ этомъ пунктѣ мы согласны съ С. Каминскимъ, который при томъ заявляетъ (вопросъ о трехъ частяхъ), что у него имѣются для утвержденія такого мнѣнія собранныя данныя. С. Каминскій сдѣлалъ по данному пункту правильное замѣчаніе, только неправильно пріурочилъ къ тому-же времени первыя три пѣсни, напечатанныя уже въ 1798 году,—и написанныя, очевидно, далеко раньше.

Но сдѣлать такой выводъ о четвертой части можно вполнѣ логично. Въ самомъ дѣлѣ, до половины 1796 года, когда Котляревскій не поступалъ еще въ войско, четвертая часть Энеиды написана быть не могла: въ ней находится мѣсто о войскѣ, съ различными спеціально-военными терминами, знать которыхъ не-военный не можетъ. Это одно показываетъ, что четвертая часть была написана Котляревскимъ, какъ военнымъ. Медлительность писанія послѣднихъ частей Энеиды (3, 4, 5), сообразно нашему и С. Каминскаго объясненіямъ, имѣла главной причиной обязанности службы, въ особенности военной. Поступивъ на службу, Котляревскій далекъ былъ отъ писаній, врядъ-

[1]) Полтавскія губ. вѣд. 1866 г. № 47.

ли притомъ тогдашнимъ офицерствомъ и одобряемыхъ, поэтому написать четвертую часть во время службы,—напримѣръ, въ серединѣ ея и концѣ въ особенности,—поэтъ не могъ: для этого нужно было-бы слишкомъ сильнаго стимула, у поэта отсутствовавшаго. Наиболѣе достовѣрно предположить, что Котляревскій написалъ свою четвертую часть въ самомъ началѣ военной службы; но въ 1796 году, даже въ концѣ его, онъ еще не успѣлъ-бы ее написать, такъ какъ обучался военной наукѣ и, вѣроятно, былъ сначала довольно занятъ. Нужно, значитъ, предположить, что онъ написалъ четвертую часть въ 1797 году и, кончивъ ее, почилъ на лаврахъ. Послѣднія части и другія произведенія онъ написалъ далеко позже, но рѣчь о нихъ будетъ въ другихъ мѣстахъ, а теперь пока онѣ насъ не интересуютъ.

Послѣ всего этого, можно, значитъ, болѣе или менѣе опредѣленно отвѣтить на заданный нами выше вопросъ о времени написанія такимъ образомъ: 1-я часть украинской Энеиды была написана въ 1794 г., 2-я—въ 1795-мъ, 3-я—въ 1796-мъ и, наконецъ, четвертая—въ 1797-мъ. Болѣе точныхъ датъ мы указать не можемъ, да врядъ-ли, за трудностью вопроса, можно указать и вообще. Обратимся теперь къ второй частичной нашей задачѣ—къ выясненію литературной *субстанціи* первыхъ частей Энеиды.

Послѣ всего вышесказаннаго, эту задачу можно рѣшить очень легко, въ особенности, если къ прежнимъ фактамъ мы прибавимъ еще найденные новые.

Мы раньше нашли, что Котляревскій писалъ въ сильной зависимости отъ Осипова. Очевидно, первый источникъ вліянія на нашего поэта найденъ: это есть Осиповъ, которому Котляревскій подражалъ... Но что нужно разумѣть подъ этимъ подражаніемъ? Сравненіе славянскихъ передѣлокъ даетъ на это вполнѣ точный отвѣтъ. Мы видѣли массу мѣстъ, общихъ обѣимъ даннымъ передѣлкамъ, общій размѣръ и употребленіе рифмъ, общіе обороты и слова. Однако до сихъ поръ мы не указывали

на отличіе Котляревскаго отъ Осипова, замѣчающееся въ трехъ даже общихъ мѣстахъ,—а между тѣмъ указаніе это въ данномъ случаѣ очень важно. Не смотря на то, что Котляревскій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ просто почти переводитъ Осипова, однако и въ этихъ мѣстахъ видѣнъ самостоятельный колоритъ, сообщаемый имъ украинскимъ поэтомъ, и большая свѣжесть и остроуміе, отсутствующія у Осипова. Видно затѣмъ далѣе, что всей обстановкѣ и внѣшности самихъ персонажей Энеиды приданъ чисто украинскій, національный и народный характеръ, въ силу чего украинская Энеида является широкой картиной народнаго быта. Но самое главное—это то, что характеры или психика персонажей украинской Энеиды изображены типично-украинскими, и притомъ необыкновенно правдиво... Мы указывали уже въ другихъ мѣстахъ на украинскіе характеры и внѣшнія этнографическія черты Энеиды, теперь только приведемъ тѣ эпизоды, гдѣ эта *этнографичность* проявляется необыкновенно ярко. Такими мѣстами являются въ 1-й книгѣ: все времяпрепровожденіе Троянцевъ у Дидоны съ играми и танцами и обѣдъ у царицы; во 2-й книгѣ—поминальныя приготовленія троянцевъ, новыя игры и кулачный бой; въ 3-й—все описаніе ада и рая, сдѣланное почти самостоятельно: въ 4-й—намеки на школу, домашнее устройство и т. д. Въ этихъ мѣстахъ нашъ поэтъ обнаруживаетъ крупную самостоятельность и отъ Осипова удаляется совершенно. Особенно самостоятельность Котляревскаго видна въ массѣ діалоговъ, переработанныхъ имъ иначе, чѣмъ у Осипова. Итакъ, мысль о подражаніи Осипову Котляревскаго, въ виду только-что сказаннаго, должна подлежать большому ограниченію: Котляревскій дѣйствительно, имѣлъ образцомъ Осипова и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ держался его точно. Но въ чемъ-же Осиповъ былъ для нашего поэта образцомъ? Это теперь ясно: Котляревскій держался фабулы или канвы разсказа Осипова, перерабатывая однако эпизоды его Энеиды совершенно оригинально и самостоятельно: въ чемъ заключается эта самостоятельность переработки, мы уже видѣли. Но и этого мало: Котляревскій не только пересоздавалъ эпизоды, взятые у Осипова,—онъ дѣлалъ боль-

шее... Художественное чутье подсказало нашему поэту, что эпизоды Вергилія, даже въ томъ ихъ сокращенномъ видѣ, въ какомъ они часто имѣются у Осипова, будутъ совершенно лишни для его цѣлей изображенія украинскаго народа. Поэтому онъ сдѣлалъ надъ русской Энеидой большую операцію, сокращая ея изложеніе и выбрасывая много эпизодовъ, а то и цѣлыя пѣсни; благодаря этому, мы видимъ такіе пропуски въ украинской Энеидѣ, по сравненію съ русской: въ 1-й ея книгѣ пропущена встрѣча Энея съ Венерой, у Осипова—съ цыганкой; 2-я и 3-я пѣсни русской Энеиды пропущены нашимъ поэтомъ совершенно, а 4-ю ея пѣснь онъ начинаетъ передѣлывать съ середины. Во 2-й части пропущены нѣкоторыя игры; въ 3-й пропущены—эпизодъ о Дедалѣ, мѣсто о встрѣчѣ Энея у лѣса съ трубачемъ его, разговоръ Энея съ Палипуромъ въ аду, объясненія Сивиллы о мучимыхъ Тезифоной и о причинѣ ихъ муки; въ 4-й части пропущены видѣнія Латину и его народу; объясненія его съ Фавномъ—прорицателемъ; эпизодъ съ корками и т. д. Какъ можно изъ этого видѣть, Котляревскій обращался съ русской передѣлкой весьма радикально. Очевидность этого для насъ очень важна; на основаніи ея мы можемъ сдѣлать такое заключеніе: безспорно, что нашъ поэтъ имѣлъ своимъ образцомъ русскую Энеиду, но безспорно и то, что рабомъ послѣдней онъ не былъ: она ему служила только канвой, на которой онъ создалъ совершенно оригинальный міръ украинскихъ образовъ и обстановки, чего, конечно, не могло-бы быть, если-бы нашъ поэтъ только переводилъ Осипова. Итакъ, первый источникъ, откуда заимствовалъ чисто формальную сторону Котляревскій, нами опредѣленъ: это совершенно передѣланная Котляревскимъ русская Энеида. Какіе-же дальнѣйшіе источники украинской Энеиды? Біографы говорятъ, что Энеида Вергилія, но это большой вопросъ; хотя нашъ поэтъ и зналъ римскую Энеиду, однако слѣды послѣдней въ украинской передѣлкѣ совершенно отсутствуютъ, и, намъ кажется, понятно почему: нашему поэту нужны были существенные эпизоды, которые всѣ онъ и нашелъ въ русской передѣлкѣ. Очевидно, что

Вергилій, при обширности изложенія, могъ-бы мѣшать нашему поэту, который, какъ мы видѣли, страшно даже урѣзалъ передѣлку Осипова. Послѣдней для Котляревскаго было болѣе, чѣмъ достаточно,—а вѣдь Вергилій, кромѣ нѣкоторыхъ эпизодовъ, имѣвшихся и у Осипова, ничего больше Котляревскому не могъ и сообщить!.. Тотъ-же фактъ, что у Котляревскаго нѣтъ ни одного эпизода, который былъ-бы у Вергилія и отсутствовалъ у Осипова, и тѣмъ самымъ указывалъ-бы, что Котляревскій пользовался непосредственно и Вергиліемъ, — этотъ фактъ доказываетъ, что хотя нашъ поэтъ и знакомъ былъ съ римской Энеидой, однако послѣдняя ничего больше не прибавила, да и не могла прибавить, къ украинской Энеидѣ, кромѣ того, что нашъ поэтъ взялъ у Осипова и что прибавилъ отъ себя. Вергилій, конечно, могъ повліять на идею написанія пародіи Энеиды до появленія таковой-же русской пародіи, но это, во первыхъ, вопросъ, а во вторыхъ, и выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи: мы опредѣляемъ не генезисъ Энеиды, какъ идеи, а только степень ея литературной самостоятельности. Итакъ, пока на украинской передѣлкѣ отразились только формальное вліяніе Осипова и существенное вліяніе самого Котляревскаго. Но послѣднее, какъ мы сказали, заключается въ сообщеніи передѣлкѣ украинскаго колорита, выражающагося въ характерахъ, обстановкѣ, преданіяхъ и т. д. Откуда-же нашъ поэтъ могъ этотъ колоритъ почерпнуть? Какъ мы знаемъ, онъ этимъ обязанъ изученію народной жизни, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней ея стороны. Этотъ фактъ можетъ помочь намъ сдѣлать заключеніе, что нашъ поэтъ былъ также подъ вліяніемъ и народной поэзіи: многія мѣста Энеиды свидѣтельствуютъ объ ея народно-поэтическомъ элементѣ, а 3-я часть особенно нуждалась въ помощи народнаго творчества съ его представленіями о загробной жизни. Въ этомъ отношеніи всѣ первыя части Энеиды, особенно четвертая, находятся подъ несомнѣннымъ вліяніемъ народнаго творчества вообще и легендъ объ адѣ и раѣ въ частности. На существованіе подобныхъ легендъ указываетъ напечатанная легенда о Маркѣ, о которой

упоминаетъ въ своемъ мѣстѣ и проф. Дашкевичъ и которой также пользовался и Котляревскій... Впрочемъ, широко распространяться здѣсь о вліяніи на Котляревскаго легендъ въ родѣ вышеприведенной, мы не будемъ: это дѣло совершенно отдѣльнаго изслѣдованія о генезисѣ украинской Энеиды, какъ эволютивной формѣ ея въ ряду соотвѣтственныхъ произведеній украинской народной литературы. Намъ важно было еще разъ напомнить, что украинская типичность нашей Энеиды есть продуктъ вліянія народной поэзіи. Разъ это такъ, то мы можемъ сдѣлать окончательный выводъ, что субстанція Энеиды есть переработанная фабула русской передѣлки Энеиды, измѣненная однако вліяніемъ украинской поэзіи и бытовой колоритностью настолько, что украинскую Энеиду скорѣй нужно разсматривать, какъ почти совершенно самостоятельное произведеніе.

И. Стешенко.

И. П. КОТЛЯРЕВСКІЙ ВЪ СВѢТѢ КРИТИКИ.

I.

Имя творца новѣйшей украинской литературы—И. П. Котляревскаго издавна привлекало вниманіе образованной публики; издавна произведенія его подвергались оцѣнкѣ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, разсматривались въ различныхъ перспективахъ и, соотвѣтственно этому, получали то или другое освѣщеніе. Разумѣется, ни одна изъ оцѣнокъ нашего поэта не могла быть абсолютно правильной: вѣрныя черты въ характеристикахъ его часто перемѣшаны съ неправильными, объективныя наблюденія переплетены съ тенденціозными, и, такимъ образомъ, почти ни одна изъ этихъ характеристикъ не можетъ быть названа вполнѣ удачной. Но за то, съ другой стороны, во многихъ изъ оцѣнокъ нашего поэта находится такое богатство вѣрныхъ мыслей и указаній, такое иногда художественное истолкованіе сущности его творчества, что современный судья послѣдняго миновать этихъ оцѣнокъ не можетъ. Современному критику эти оцѣнки, особенно болѣе раннія, должны ясно показать, чтó въ нашемъ поэтѣ нравилось публикѣ, чтó порицалось и, чтó, наконецъ, всѣми ставилось ему въ безспорную заслугу. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, правильно-ли опредѣленъ предъидущими критиками характеръ творчества Котляревскаго и, что уже менѣе важно, вѣрно-ли выяснено его значеніе,—но это и есть задача современной критики. Рѣшить эту задачу можно, разумѣется, только путемъ изученія прежде

всего литературы о Котляревскомъ, которая довольно обильна и разнообразна. Разсмотрѣніе этой литературы будетъ нами вестись въ хронологическомъ порядкѣ, имѣющемъ несомнѣнныя выгоды: держась такого порядка въ разсмотрѣніи литературы о Котляревскомъ, мы легко подведемъ итогъ всему разсмотрѣнному, и тогда намъ только останется провѣрить истинность основныхъ выводовъ критики. Имѣя все это въ виду, обратимся теперь къ разсмотрѣнію указанной литературы.

Первое свое произведеніе Котляревскій, какъ извѣстно, напечаталъ въ 1798 году. Нужно было-бы ожидать, что различные отзывы о его Энеидѣ появились въ печати, какъ въ 1799 году, такъ въ особенности, начиная съ 1808—9 годовъ, т. е. послѣ трехъ изданій Энеиды. Однако украинская библіографія, впрочемъ почти еще не существующая, не представляетъ намъ никакихъ отзывовъ о произведеніяхъ Котляревскаго вообще, а объ Энеидѣ въ частности, ранѣе 1816 года. Единственный-же существующій въ Россіи библіографическій указатель по украинской литературѣ, [1]) начинаетъ литературу о нашемъ поэтѣ только съ 1839 года, т. е. спустя годъ послѣ его смерти. Нечего и говорить, конечно, что такія упущенія въ библіографіи даннаго вопроса нѣсколько съуживаютъ матеріалъ, необходимый для нашихъ выводовъ, но на правильность самихъ выводовъ вліянія не оказываютъ. Прежде всего, сомнительно, чтобы въ отзывахъ до 1816 года, если они были, могла заключаться настолько обстоятельная критика, чтобы имѣть для нашего времени дѣйствительную цѣнность: отрывочность отзывовъ, въ теченіе не одного десятка лѣтъ даже послѣ 1816 года, позволяетъ думать основательно, что такой обстоятельности именно и не было.

И такъ, первое извѣстное намъ упоминаніе о литературной дѣятельности поэта относится къ 1816-му году. Нѣкто Акимовъ, сообщая въ печати о посѣщеніи Полтавы великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, [2]) говоритъ, что

---

[1]) Рада—1883, украинскій альманахъ. Покажчикъ Комарова.

[2]) Украинскій Вѣстникъ 1816 г. іюль стр. 93.

послѣдній—„многихъ удостоилъ обѣщаній высокаго покровительства своего, особливо извѣстнаго дарованіями своими автора Вергиліевой Энеиды на изнанку на Малороссійскомъ языкѣ капитана Котляревскаго, и изъявилъ желаніе имѣть у себя два экземпляра оной“. Замѣчаніе это бѣглое, но важное въ томъ отношеніи, что нашъ поэтъ называется уже за свою Энеиду „извѣстнымъ дарованіями“. Въ слѣдующемъ году рецензентъ фарса Шаховскаго „Козакъ-стихотворецъ“, жестоко порицая это произведеніе, противопоставляетъ ему украинскую Энеиду [1]). „Читая въ объявленіи о представленіи онаго (т. е. фарса Шаховскаго), я (говоритъ рецензентъ) воображалъ увидѣть что-нибудь похожее на несравненную малороссійскую Энеиду“... Смыслъ этого противопоставленія становится яснымъ изъ дальнѣйшаго изложенія рецензіи: авторъ послѣдней упрекаетъ фарсъ Шаховскаго за его антиреальность, за ложное изображеніе украинской народности; очевидно, значитъ, что произведеніе нашего поэта привлекало рецензента именно своею реальностью и жизненностью. Съ 1817-го года и вплоть до 1838-го печатные отзывы о Котляревскомъ, насколько намъ извѣстно, почти замолкаютъ [2]). Объясняется это тѣмъ, что, кромѣ первыхъ четырехъ частей Энеиды, нашъ поэтъ вплоть до самой почти смерти не напечаталъ ничего, а слава первыхъ частей утвердилась настолько прочно, что новаго о нихъ говорить, вѣроятно, было нечего. Вѣрно-ли это послѣднее наше предположеніе или нѣтъ, [3]) но только мнѣніе о Котляревскомъ по другому поводу появилось уже въ 1838 году. Задумавъ издавать памятники

[1]) Украинскій Вѣстникъ 1817 г. декабрь стр. 369.

[2]) Впрочемъ, авторъ малорусской грамматики Павловскій еще въ 1818 году причисляетъ нашу Энеиду къ народнымъ произведеніямъ и говоритъ, что она была „публикою съ удовольствіемъ принятая“. Какъ причину этого, онъ указываетъ вѣрное изображеніе въ ней украинскаго народа.

[3]) Что оно вѣрно, указываетъ высокое мнѣніе о Котляревскомъ Бантыша-Каменскаго, появившееся въ 1830 г.—(см. его исторію стр. 243).—Здѣсь онъ говоритъ, что поэтъ показалъ въ Энеидѣ—„съ отличнымъ искусствомъ, до какой степени умъ гибкій и оборотливый можетъ управлять гармоническими звуками“.

украинской словесности, извѣстный И. И. Срезневскій первымъ дебютомъ избралъ для себя нигдѣ до-того времени ненапечатанную „Наталку-Полтавку".

Выбору именно этого произведенія для начала изданія онъ придавалъ большое значеніе. Харектеризуя Наталку-Полтавку, какъ одно „изъ первыхъ книжно-народныхъ произведеній Украины", и называя ее „первымъ сборникомъ памятниковъ украинской народности, образцемъ для всѣхъ послѣдовавшихъ", Срезневскій прибавляетъ: [1]) „можно было-бы послѣ этого и не упоминать о томъ, что Наталка-Полтавка изъ книжно-народныхъ украинскихъ произведеній большаго размѣра по своему внутреннему достоинству занимаетъ первое мѣсто, что она болѣе всѣхъ любима по всей Украинѣ"... Вполнѣ ясно отсюда, что Срезневскій такъ высоко ставитъ это новое произведеніе опять таки за его жизненность или реальность въ изображеніи народа. Такимъ образомъ, къ прежней оцѣнкѣ Котляревскаго, какъ талантливаго изобразителя народной жизни въ Энеидѣ, присоединяется новая оцѣнка его и похвала за правдивое отношеніе поэта къ народу и въ „Наталкѣ-Полтавѣ".

Въ слѣдующемъ году „Украинскій сборникъ" И. И. Срезневскаго или, говоря иначе, „Наталка-Полтавка" вызвали въ русской печати различные толки. Ихъ, впрочемъ, не могъ услыхать самъ авторъ „Наталки", ибо въ 1838 году онъ умеръ... Одинъ изъ рецензентовъ, хваля Срезневскаго за его неутомимую дѣятельность въ области „славянщины", пересказываетъ сочувственно отзывъ о «Наталкѣ» самого Срезневскаго и прибавляетъ отъ себя слѣдующее: [2]) главное достоинство этой оперы заключается не въ содержаніи, но въ прекрасномъ, чистомъ языкѣ, въ характерѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, особенно самой „малороссійской дивчыны", и въ миломъ простодушіи, которымъ проникнута вся пьеса. Многія мѣста, напримѣръ монологи Наталки, разговоры ея съ матерью, свиданіе съ возлюбленнымъ,

---

[1]) Украинскій сборникъ И. И. Срезневскаго. Книжка первая 1838 г. стр. 6, 7.
[2]) Сѣверная Пчела 1839 г. № 69. Отдѣлъ—Русская литература.

согрѣты непринужденною теплотою чувства и истинно могутъ тронуть хотя нѣсколько чувствительное сердце. Между тѣмъ вы встрѣтите въ оперѣ и чрезвычайно комическое лицо—Вознаго: оно невольно заставитъ улыбнуться. Наконецъ, обратите вниманіе на народныя пѣсни малороссійскія, вмѣсто обыкновенныхъ арій, пѣсни замѣчательныя во многимъ отношеніяхъ, и тогда увидите, почему эта піеса сдѣлалась любимой народной пьесой Украинцевъ".

Эта рецензія дополняетъ оцѣнку Срезневскаго, такъ какъ, кромѣ указанія чисто объективныхъ достоинствъ Наталки-Полтавки, авторъ рецензіи говоритъ еще объ эстетическихъ ея достоинствахъ, т. е. не только какъ о реально-вѣрномъ изображеніи народнаго быта, но и какъ о художественномъ созданіи. Другой рецензентъ „Наталки", упоминая о смерти поэта, обращается затѣмъ къ упомянутому его произведенію, долго и съ вниманіемъ, между прочимъ, останавливается на извѣстной пѣснѣ Вознаго и съ увлеченіемъ заключаетъ, что—„Наталка-Полтавка проста, какъ поэзія народная, и такъ-же, какъ эта поэзія, ярка и цвѣтиста" [1]). Еще болѣе подробно и обстоятельно, чѣмъ предъидущіе писатели, изложилъ свое мнѣніе объ Энеидѣ и Наталкѣ-Полтавкѣ послѣдующій критикъ. Принося благодарность Срезневскому за его сборникъ, этотъ послѣдній обращается къ недавно умершему Котляревскому. Съ грустью упоминаетъ онъ о недавней кончинѣ поэта и прежде всего направляетъ, очевидно, по адресу знакомыхъ съ его жизнью слѣдующія укоризненныя слова: [2]) „скоро уже полгода, какъ умеръ этотъ замѣчательный человѣкъ, и о смерти и о дѣлахъ его никто ни слова, какъ-будто умеръ какой-нибудь незначительный, мелкій чиновникъ, о коемъ

.... Лишь въ газетахъ
Осталось: „выѣхалъ въ Ростовъ".

---

[1]) Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду 1839 г. томъ I № 11. стр 236—7.

[2]) Отечественныя записки 1839 г. № 3-й. Русская литература стр. 132—138.

Одни „Литературныя прибавленія съ горестью извѣстили своихъ читателей о его смерти—и только". Почему-же упомянутаго критика такъ непріятно поразило нерадѣніе къ памяти украинскаго поэта? Отвѣтомъ на это послужитъ то мнѣніе, которое имѣлъ онъ о Котляревскомъ, какъ писателѣ... По его убѣжденію, родоначальникъ нашей литературы [1]) „былъ поэтъ остроумный, оригинальный, юмористъ великій. Онъ умѣлъ подмѣтить въ малороссійскомъ языкѣ неподражаемую самобытность и первый рѣшился выразить на немъ свои мысли и чувства. Замѣтимъ, что это было въ началѣ XIX столѣтія, когда еще такъ мало толковали у насъ о народности, когда еще жили люди закоренѣлые въ предразсудкахъ прошедшаго вѣка, вѣка галломаніи".

Высказавъ эти взгляды на произведенія Котляревскаго вообще, критикъ дѣлаетъ новыя замѣчанія на каждое изъ нихъ въ частности. Такъ, объ Энеидѣ онъ говоритъ: „коренные русскіе, читавшіе „Энеиду" Котляревскаго, хоть и вполовину понимали ее, однако-жъ дивились и чудному языку, и остроумію автора; между тѣмъ, какъ передѣлка „Энеиды" на великорусское нарѣчіе Осипова, совершенно имъ доступная, наводила глубокій сонъ. Такова сила таланта"!—О „Наталкѣ" онъ говоритъ, что „опера шла, идетъ и будетъ идти, пока останется въ Украинѣ хоть одинъ звукъ родного нарѣчія"... [2]) На чемъ-же основываетъ критикъ свое предположеніе? Да на томъ, что въ Наталкѣ-Полтавкѣ „отражается бытъ малороссіянъ, какъ въ зеркалѣ, безъ натяжекъ, безъ преувеличеній".

По сравненію съ предшествующими цѣнителями Котляревскаго, въ этомъ приговорѣ мы находимъ еще новыя черты, дополняющія всѣ прежнія характеристики поэта: критикъ подмѣчаетъ юморъ послѣдняго, называя его великимъ юмористомъ и писателемъ, постигшимъ красоты украинскаго языка. Однако этими отзывами критика 1839 года не ограничилась... Упреки

---

[1]) ibidem—стр. 132—3.
[2]) ibid —стр. 134, 136.

только что приведеннаго рецензента по поводу того, что печать мало сказала о недавно скончавшемся талантливомъ украинскомъ поэтѣ, безслѣдно не пропали: спустя немного времени появилась его біографія, написанная однимъ изъ его знакомыхъ— С. Каминскимъ. Сообщивъ различныя біографическія данныя, рисующія Котляревскаго, какъ человѣка и чиновника, С. Каминскій коснулся и литературной его дѣятельности. Въ самомъ началѣ біографіи поэтъ называется уже „знаменитымъ соотечественникомъ“ и „извѣстнымъ авторомъ Энеиды на малороссійскомъ языкѣ“, [1]) и эта характеристика его вполнѣ гармонируетъ съ тѣми отзывами біографа о его поэзіи, которые мы находимъ ниже.

Вотъ что, напримѣръ, говоритъ біографъ объ Энеидѣ: „комизмъ его Энеиды неподражаемъ,—вездѣ дышетъ самая непринужденная сатира, блестящая неподдѣльною веселостью и остротами наблюдательнаго ума. Вся Украина читала Энеиду съ восхищеніемъ. Легкость разсказа, вѣрность красокъ, тонкія шутки были въ полной мѣрѣ новы, очаровательны. Списывая съ природы, авторъ нигдѣ не погрѣшилъ противъ истины; народность отражается въ поэмѣ, какъ въ зеркалѣ“. Нѣсколько ниже С. Каминскій называетъ то-же произведеніе (двѣ послѣднія части) „рѣдкимъ сокровищемъ“. Не менѣе благопріятный отзывъ даетъ біографъ и о пьесахъ Котляревскаго—„Наталкѣ-Полтавкѣ“ и „Москалѣ-Чиривныкѣ“, тогда еще ненапечатанномъ. „Обѣ пьесы, говоритъ онъ, являютъ новую сторону прекраснаго таланта автора. Въ обѣихъ пьесахъ, при легкомъ комизмѣ, господствуютъ самыя нравственныя идеи“... Наконецъ, авторъ біографіи заключаетъ свой очеркъ слѣдующими словами: „драгоцѣнное имя творца Энеиды сохранится навсегда въ памяти народной, подобно народной пѣснѣ, которая никогда не умираетъ“. Въ отзывахъ С. Каминскаго наблюдается, какъ можно видѣть, новая черта, вызванная, конечно, самой поэзіей Котляревскаго; именно въ „Наталкѣ“ замѣчается нравственный элементъ, которымъ

---

[1]) Сѣверная Пчела—1839 г. № 146. Біографія поэта Котляревскаго—С. С. К.

дополняются прежнія, указанныя уже достоинства творчества нашего поэта. Біографія С. Каминскаго оказала свое дѣйствіе: подъ ея вліяніемъ еще больше укрѣпилось уваженіе къ Котляревскому, симпатичный обликъ котораго сталъ извѣстенъ теперь публикѣ. Слѣды этого вліянія оказались на отзывѣ еще одного критика. Этотъ послѣдній съ самаго начала заявляетъ, что [1]—„имя Котляревскаго извѣстно всѣмъ по его перелицованной Энеидѣ, въ Украйнѣ оно народное имя, наравнѣ съ именемъ Климовскаго и философа-циника Сковороды"... О „Наталкѣ" онъ замѣчаетъ, что она,—можетъ быть также примѣромъ прекрасныхъ, народныхъ, даже, если угодно, простонародныхъ созданій, которыя нравятся своею простотою, безыскусственностью и вѣрностью характера народа и мѣстности".

Нѣсколько ниже критикъ объясняетъ причину такого отзыва. По его мнѣнію, «характеры Наталки, ея матери, Петра, пана Browнаго, друга и совѣтчика его Выборнаго, даже Миколы, родственника Наталки, удивительно вѣрны и схвачены съ живой природы; вся пьеса дышитъ такимъ добродушіемъ; народныя пѣсни введены въ нее такъ кстати и умѣстно; языкъ ея такъ хорошо выдержанъ, что мы не дивимся ея народности у Малороссіянъ и причисляемъ ее къ прекраснымъ произведеніямъ народнаго ума Русскаго»...

Этотъ отзывъ, какъ видимъ, совпадаетъ съ прежними отзывами о томъ-же предметѣ.

Примѣръ С. Каминскаго оказался заразительнымъ еще больше, такъ какъ, по напечатаніи имъ упомянутой біографіи, въ различныхъ изданіяхъ были помѣщены такія-же біографіи, большею частью перепечатанныя изъ Сѣверной Пчелы. Первая изъ нихъ появилась въ декабрѣ 1839 года [2]). Она была повтореніемъ нѣсколько сокращенной біографіи С. Каминскаго и даже повторила существенный отзывъ послѣдняго. Самостоятельно

[1]) Сынъ Отечества 1839 г. т. IX. Критика и библіографія стр. 139—142.

[2]) Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ. 1839 г. ч. 24-я отдѣлъ VI-й стр. 166—8.

редакція не сказала о Котляревскомъ ничего, но и тотъ фактъ, что она помѣстила у себя отзывъ С. Каминскаго, очень характеренъ. Въ 1841 году также была написана біографія Котляревскаго В. Пассекомъ, посѣтившимъ поэта за годъ до его смерти. Эта новая біографія интересна отзывомъ ея автора объ Энеидѣ. По утвержденію В. Пассека,—„Энеида была принята въ Малороссіи съ восторгомъ, всѣ сословія читали ее, отъ грамотнаго крестьянина до богатаго пана" [1]). Упоминая затѣмъ въ концѣ своей замѣтки о предполагавшемся изданіи всей Энеиды Волохиновымъ, Пассекъ высказываетъ желаніе,—„чтобы были экземпляры и для столицъ, въ которыхъ много цѣнителей прекраснаго дарованія г. Котляревскаго".—Эти отзывы, конечно, кратки, но для показанія прежней устойчивости славы нашего поэта, очень цѣнны.

Подъ ихъ вліяніемъ, въ томъ-же году снова была написана біографія Котляревскаго, причемъ авторъ ея повторилъ и отзывъ о послѣднемъ Пассека [2]). Такимъ образомъ слава Котляревскаго утверждалась все болѣе. Наконецъ, въ томъ-же году всѣ прежніе его критики были какъ-бы резюмированы въ блестящемъ поэтическомъ отзывѣ Шевченка, сказавшемъ слѣдующія слова: [3]).

Не вмре кобзарь, бо на викы
Его (слава) прывитала.
Будешъ, батьку, пануваты,
Покы жывуть люде:
Покы сонце зъ неба сяе,
Тебе не забудуть...

Въ 1842 г. сдѣланъ былъ разборъ „Ластовки",—сборника, гдѣ были напечатаны эти стихи Шевченка. Сборникъ этотъ далъ возможность сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ украинской литературѣ вообще и о Котляревскомъ въ частности. Говоря о

[1]) Москвитянинъ 1841 г. ч. 2—3 стр. 567.
[2]) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія 1841 г. ч. 32-я (октябрь) стр. 44.
[3]) Ластовка-Гребенки 1841 г. Шевченко, На вичну память Котляревскому.

послѣднемъ, рецензентъ сборника замѣтилъ, что—„Наталка-Полтавка по образцово-наивному характеру героини пьесы и типическимъ характерамъ другихъ лицъ, была-бы украшеніемъ и не столь юной литературы“ [1]). Говоря о Москалѣ-Чаривныкѣ, который въ 1841 г. былъ весь изданъ Срезневскимъ, а въ 1842 г. частью помѣщенъ въ „Ластовкѣ“, Евецкій, авторъ той-же статьи, замѣчаетъ слѣдующее: „два отрывка изъ оперы „Москаль-Чаривныкъ“ Котляревскаго, кромѣ внутренняго своего достоинства, драгоцѣнны еще, какъ голосъ изъ-за могилы творца малороссійской литературы“. Коснувшись-же вслѣдъ за этимъ приведенныхъ выше стиховъ Шевченка, Евецкій говоритъ, что „весьма кстати въ этомъ-же сборникѣ молодой поэтъ Шевченко почтилъ память его прекраснымъ стихотвореніемъ, исполненнымъ одушевленія и чувства“. Послѣ этихъ отзывовъ о Котляревскомъ другихъ оцѣнокъ его въ 1842 г. не было. Въ 1842 году изданы были, наконецъ, всѣ части Энеиды, проданныя авторомъ Волохинову. Новое изданіе не замедлило вызвать различные о себѣ отзывы: ихъ было два—въ 1843 и 1844 годахъ, и оба они являются для насъ очень важными. Авторъ перваго не сразу приступаетъ къ самой оцѣнкѣ украинскаго произведенія; онъ прежде всего считаетъ нужнымъ заявить, что напрасно на сочиненіи Котляревскаго поставлено русское заглавіе: произведеніе его онъ признаетъ прежде всего не русскимъ, а затѣмъ и мало-понятнымъ для русскихъ даже и съ помощью словаря... Съ оттѣнкомъ шутки и ироніи говоритъ онъ о „малороссійскомъ“ юморѣ, который и является главной причиной этой непонятности Энеиды для великорусскихъ губерній; съ нѣкоторой насмѣшкой отзывается онъ о грубоватости этого юмора и даетъ всѣмъ изложеніемъ своимъ понять, что послѣдній нѣсколько уже устарѣлъ. Такой тонъ даетъ возможность предположить, что критикъ въ концѣ концовъ подорветъ прочную славу поэта и умалитъ его значеніе. Однако этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Уже въ началѣ своей замѣтки

---

[1]) Денница 1842 г. № 7. Малороссійская литература. Статья Евецкаго.

онъ называетъ Энеиду „знаменитой малороссійской пародіей"; въ концѣ же критики, отношеніе автора ея къ украинскому произведенію выясняется окончательно. Не смотря на признанную имъ малопонятность юмора Энеиды и его нѣкоторую устарѣлость, критикъ тѣмъ не менѣе заявляетъ: [1]) „сочиненіе господина Котляревскаго въ состояніи восхитить многими прекрасными мѣстами и силою таланта, который, при такомъ огромномъ объемѣ книги, до конца выдержалъ свой особенный юморъ и своего рода занимательность".

Таковъ этотъ интересный отзывъ, но онъ еще болѣе интересенъ не по силѣ новой похвалы нашему поэту, а по тому пріему, который примѣняетъ авторъ ея къ своей оцѣнкѣ. Для него украинская пародія является уже отчасти историческимъ памятникомъ, соль и свѣжесть котораго нѣсколько повывѣтрились. Въ виду этого, критикъ становится въ своей оцѣнкѣ почти на историческую точку зрѣнія, и эта послѣдняя, при всѣхъ его сужденіяхъ о нѣкоторой устарѣлости Энеиды, все-таки даетъ ему возможность найти въ ней крупныя достоинства. Какъ-бы то ни было, но такая оцѣнка является, какъ мы видимъ впервые. Въ слѣдующемъ году новый цѣнитель произведеній Котляревскаго—Костомаровъ далъ о немъ свой интересный отзывъ, представляющій также попытку болѣе или менѣе прочно установить какъ достоинства, такъ и недостатки произведеній нашего поэта—главнымъ образомъ Энеиды.

Сужденія Костомарова особенно рѣзко подчеркиваютъ ихъ историческое значеніе и въ окончательномъ выводѣ вполнѣ удовлетворяютъ научнымъ требованіямъ исторической перспективы. Эта черта въ мнѣніи Костомарова и составляетъ особенный интересъ его замѣчаній, которыя, при другихъ недостаткахъ, заслуживаютъ большого вниманія. Центръ ихъ тяжести сосредоточивается, какъ мы сказали, на Энеидѣ. Говоря объ этомъ произведеніи, Костомаровъ разсматриваетъ его съ двухъ сторонъ: со стороны литературной формы и реальнаго содержанія.

---

[1]) Библіотека для чтенія 1843 г. ч. 56-я отдѣлъ 6, стр 49.

Со стороны формы украинская Энеида принадлежитъ къ пародіи; какъ пародія, отвѣчавшая духу времени, она заключаетъ въ себѣ насмѣшку надъ классическими богами и героями. Это осмѣяніе классическихъ типовъ было тогда въ Россіи въ модѣ: оно являлось какъ-бы реакціей псевдо-классицизму, царившему нѣсколько раньше въ русской литературѣ, но утратившему, наконецъ, свой raison d'être, чтобы дать мѣсто болѣе свѣжимъ теченіямъ. Переходною ступенью къ болѣе жизненному направленію и явилась именно пародія, все еще нелишенная классическаго элемента. Связанный узами политической жизни съ Россіей, нашъ поэтъ не могъ, конечно, не интересоваться проявленіями литературной дѣятельности послѣдней: для этого у него была черезчуръ пытливая душа, еще болѣе развитая въ этомъ направленіи образованіемъ. Будучи сыномъ опредѣленной эпохи, онъ естественно долженъ былъ отразить въ своихъ произведеніяхъ типичныя ея особенности,—или, иными словами, примкнуть къ школѣ пародистовъ. Такое явленіе и считаетъ вполнѣ нормальнымъ Костомаровъ и только въ отношеніи оцѣнки значенія Котляревскаго придаетъ ему особенную окраску. Считая Энеиду образцомъ пародіи 18-го вѣка, важной для времени поэта, Костомаровъ отрицаетъ эту важность для современной ему, Костомарову, эпохи, т. е. для сороковыхъ годовъ. Объ этомъ онъ заявляетъ прямо: [1]) „Энеида, какъ пародія, потеряла для насъ свою цѣну"... Такимъ образомъ, форму Энеиды, преслѣдующей цѣль „осмѣянія псевдо-классицизма", Костомаровъ считаетъ устарѣлой. Но пародированьемъ псевдо-классицизма значеніе Энеиды не исчерпывается,—оно простирается далѣе. Въ отношеніи формальномъ Костомаровъ отмѣчаетъ еще одну важную особенность Энеиды—это ея языкъ. По его мнѣнію, языкъ Энеиды—«правильный, блестящій, народный въ высшей степени, остается самымъ лучшимъ памятникомъ». Въ формальную заслугу Энеиды ставитъ критикъ и стихъ послѣдней. Высказавъ мнѣніе, что четырехстопный ямбъ есть будто-бы „чуж-

---

[1]) Молодикъ 1844 г. „Обзоръ сочиненій, написанныхъ на малороссійск. яз.".

дый малороссійскому языку“, Костомаровъ все-таки замѣчаетъ, что этотъ ямбическій стихъ „едва-ли у кого достигаетъ такой игривости и непринужденности“. Однако вся важность, приписываемая имъ Энеидѣ, относится главнымъ образомъ къ содержанію послѣдней. Въ отношеніи ея содержанія критикъ отмѣчаетъ два неотъемлемыя достоинства: художественное изображеніе народнаго быта и характеровъ и всюду выдержанное чувство юмора. Эти главныя достоинства Энеиды были, по его мнѣнію, скрыты отъ современниковъ Котляревскаго и вполнѣ обнаруживаются только теперь. Энеида, по убѣжденію Косто, марова, представляетъ—„вѣрную картину малороссійской жизни Авторъ зналъ хорошо Малороссію, жилъ въ ней и съ нею. пользовался всѣмъ, что было у него передъ глазами. Характеры его боговъ и героевъ истинно малороссійскіе въ малѣйшихъ его пріемахъ. Во вторыхъ, она драгоцѣнна для насъ по неподражаемому юмору, съ которымъ авторъ изображаетъ пороки и смѣшную сторону своего народа. Стоитъ только вспомнить описаніе ада,—всѣ грѣшники носятъ на себѣ черты малороссійскія и даже осуждены на муки, которыя только придутъ въ голову малороссіянину“...

Отмѣтивъ такія крупныя заслуги украинской Энеиды, Костомаровъ не забываетъ однако указать и матеріальные ея недостатки. Всѣмъ извѣстно, что, создавая свою Энеиду и облекая ее въ комическую форму, Котляревскій нерѣдко пересаливалъ; благодаря этому, комизмъ его смахиваетъ нѣсколько на карикатуру, а нѣкоторыя сцены Энеиды черезчуръ уже разятъ откровенностью. Это, конечно, были пріемы устарѣлые; на ихъ устарѣлость указалъ и предыдущій критикъ, указываетъ на нихъ и Костомаровъ. Только ссылки на нѣкоторую устарѣлость юмора Энеиды соединены у Костомарова съ указаніемъ причины такой устарѣлости, въ силу чего главныя заслуги поэта остаются незначительно умаленными. По данному вопросу Костомаровъ выражается слѣдующимъ образомъ: „что касается до тривіальностей, соблазнительныхъ сценъ и нѣкоторыхъ отвратительныхъ писаній, которыхъ, къ сожалѣнію, много у Котляревскаго, то онѣ

суть плодъ ложнаго понятія о смѣшномъ; тогда думали, что все отвратительное можетъ забавлять". Такъ объясняетъ онъ недостатокъ Энеиды, заключающійся въ нѣкоторыхъ излишествахъ изложенія. Въ общемъ, приговоръ его довольно обоснованъ и, дополняя мнѣніе предыдущаго критика, для сороковыхъ годовъ очень характеренъ. Не такъ цѣненъ отзывъ Костомарова о Наталкѣ-Полтавкѣ, такъ какъ здѣсь онъ впадаетъ въ противорѣчіе. Сказавъ разъ, что въ этой пьесѣ „сочинитель хотѣлъ представить вѣжное сердце малороссійской дѣвушки", Костомаровъ вдругъ рядомъ съ этимъ говоритъ, что содержаніе Наталки-Полтавки „отзывается устарѣлою сентиментальностью прошлаго вѣка". Противорѣчіе очевидное, такъ какъ сантиментальное изображеніе чего-нибудь и изображеніе сантиментальнаго или чувствительнаго, очевидно, не одно и то-же.

Въ 1845 году о Котляревскомъ въ печати молчали; вспоминаютъ о немъ снова въ 1846 году. Нѣкто Сементовскій, кажется товарищъ по службѣ нашего поэта, прочиталъ въ Сѣверной пчелѣ замѣтку о домикѣ послѣдняго и подъ ея вліяніемъ рѣшилъ написать его біографію. Въ этой біографіи онъ кое-что говоритъ и о произведеніяхъ Котляревскаго. Объ Энеидѣ и Москалѣ-Чаривныкѣ онъ только упоминаетъ, а на „Наталкѣ" останавливается съ большимъ вниманіемъ. По его мнѣнію, „Наталка-Полтавка не какое-нибудь оперное либретто, въ которомъ выставлено нѣсколько эффектныхъ сценъ и забавныхъ пьесокъ и выведены лица безъ характера, души и цѣли; но по преимуществу драма, которая станетъ въ рядъ съ извѣстными нашими сочиненіями въ этомъ родѣ. Ни одна повѣсть, ни одно какое-либо сочиненіе до сихъ поръ не пришлось такъ по душѣ Малороссіянъ, какъ Наталка И. П. Котляревскаго; сотни списковъ ея ходятъ и теперь еще по всей Малороссіи, народъ усвоилъ себѣ пѣсни, написанныя Иваномъ Петровичемъ, и есть много такихъ лицъ, которыя знаютъ наизусть всю оперу" [1]. Мнѣніе это, какъ вполнѣ очевидно, радикально противоположно

[1]) Сѣверная Пчела 1846 г. № 82. „Иванъ Петровичъ Котляревскій".

сужденію о Наталкѣ Костомарова, и наряду съ прежними критиками опредѣленно констатируетъ фактъ распространенія пьесы Котляревскаго въ Малороссіи [1]).

Другихъ отзывовъ о Котляревскомъ въ 1846 году уже не было. Не появлялись они и въ 1847—48 годахъ. Въ 1849 году исполнилось 80 лѣтъ со времени рожденія Котляревскаго. Вѣроятно, въ виду этого, старый его знакомецъ написалъ, или, вѣрнѣе говоря, перепечаталъ въ Кіевскихъ Г. Вѣдомостяхъ [2]) прежнюю свою біографію... Здѣсь онъ повторяетъ и прежніе свои отзывы, но прибавляетъ къ нимъ еще новыя черты, характеризующія, впрочемъ, произведенія Котляревскаго въ томъже направленіи. Такъ въ Энеидѣ онъ видитъ—„живую картину домашняго, простого быта Малороссіянъ—со всѣми ихъ достоинствами и общими человѣчеству слабостями и недостатками; при всемъ видимомъ комизмѣ и рѣдкомъ, оригинальномъ юморѣ, сочиненіе имѣетъ нравственную сторону,—полно полезныхъ уроковъ, понятныхъ по выраженію каждому малороссу достоинство не случайное и важное въ сочиненіи народномъ“

Равнымъ образомъ называетъ онъ и Наталку-Полтавку—„прекрасную“, по его мнѣнію, пьесу—„вѣрнымъ очеркомъ мѣстныхъ характеровъ“. Статейкой С. Каминскаго воспользовались различныя періодическія изданія и въ свою очередь перепечатали ее у себя вмѣстѣ съ его отзывами [3]). Отзвукомъ этихъ біографій, а главнымъ образомъ напечатанной въ Кіевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ, явился въ Галиціи очеркъ Головацкаго [4]), восторженно отозвавшагося о Котляревскомъ слѣдующими словами С. Каминскаго: [5]) „цила Украина съ почестью спомынае

---

[1]) Сдѣланное въ „Покажчикѣ“ г. Комарова указаніе, будто-бы къ 1846 году относится еще упоминаніе о Котляревскомъ въ „Современникѣ“ т. 41-мъ,—невѣрно.

[2]) Кіевскія Губ. Вѣдомости 1849 г. сентябрь, С. Каменскій.

[3]) Сѣверная Пчела 1849 г. №№ 83 и 84. и Журналъ Мин. Нар Просвѣщенія № 10 (часть 64) отд. VI стр. 37—41.

[4]) Огоновскій—Исторія литературы руськоѣ. Часть II, I вѣддѣлъ.

[5]) Сѣверная Пчела 1849 г. № 84.

Котляревского... Кождый Малорусынъ зъ глубыны души вздыхае за нымъ. Дорогоцинне имья его заховано буде на завсигды въ памяти народній, якъ писня народна, котра не умирае николы". Послѣ ряда сочувственныхъ отзывовъ о Котляревскомъ въ 1849 г., новая оцѣнка его появляется только въ 1851 году,— да и то оцѣнка эта выразилась въ весьма оригинальной формѣ. Подобно Шевченку, малоизвѣстный поэтъ Рудыковскій написалъ по поводу Котляревскаго большое стихотвореніе—пародію на Наталку-Полтавку. Мнѣніе свое о Наталкѣ названный поэтъ выражаетъ въ очень рѣзкой, даже грубой формѣ, но къ справедливости отзыва такая форма не прибавляетъ ничего подкрѣпляющаго... Не высказываясь лично по поводу стихотворнаго отзыва Рудыковскаго, мы приведемъ существенныя выдержки изъ этого отзыва.

По ироническому замѣчанію Рудыковскаго, Наталка-Полтавка

Брехенька хочь куды! нема вже що й сказаты!
Але-жъ,—якъ-бы те все по наській розскубаты—
То мы-бъ наткнулысь тутъ не на одну брыдню! [1])

По мнѣнію цѣнителя, въ пьесѣ Котляревскаго вообще

Нисенитныць тьма!

Почему-же эта пьеса такъ не понравилась Рудыковскому? Причины этого излагаются имъ въ ироническомъ пересказѣ содержанія пьесы. Не нравится ему эта пьеса прежде всего за подмѣченную имъ будто-бы растянутость ея. Объ этомъ онъ говоритъ такъ:

Наталька та Петро,—вона незгирша казка;
Есть що и въ рукы взять—паперу добра вязка...
Що-жъ тутъ въ середыни? Насылу я добывсь,
Що той-такы Петро зъ Наталкой оженывсь.
Хочъ довго першъ воны въ тимъ малы перешкоду
И ледве вже зъ нудьгы не повкыдалысь въ воду;
Та добри люде, бачъ, загынуть не далы,
За щирую любовъ до купы ихъ звелы...

---

[1]) Кіевская Старина 1892 май. Изъ семейнаго архива. стр. 221—3.

Не нравится она ему и за ея будто-бы неправильность и антиреальность въ изложеніи.

По насмѣшливому замѣчанію Рудыковскаго, въ Наталкѣ-Полтавкѣ:

. . . . писни все та пляскы!
Стара, дочка, Петро и Возный—вси ревуть,
Едынъ по едному,—якъ ти жмели гудуть.
Та письни всякому прыточени до шмыгы,
Якъ нибы на верби поростыкавъ хто фыгы...
До сватання,—то вси спивалы писенькы,
По шлюби-жъ ни одынъ, помовклы, мовъ пенькы...
Мовъ першъ тоби ввесь медъ уперлы у капусту,
А потимъ въ шулыкы свынину клалы тлусту...

Вообще-же говоря, по убѣжденію поэта, Котляревскій

Брехунъ брехавъ брехню, чортъ ма еи чымъ змирыть...

Нечего и говорить, насколько это рѣзкое мнѣніе Рудыковскаго противоположно прежнимъ отзывамъ, въ которыхъ хоть и указывались недостатки другихъ произведеній Котляревскаго, но Наталка-Полтавка хвалилась единодушно. Мы лично далеки отъ пѣнія дифирамбовъ послѣднему, но можемъ положительно сказать, что съ тенденціей пародій, подобныхъ вышеприведенной, не согласится, вѣроятно, никто: черезчуръ уже эта пародія является уничтожающей пьесу нашего поэта, и черезчуръ уже отзывъ Рудыковскаго блистаетъ отсутствіемъ подкрѣпляющихъ его положеній. Да, впрочемъ, отъ поэтической вещицы такихъ доказательствъ и требовать нельзя; отзывъ Рудыковскаго мы привели только для того, чтобы характеристику мнѣній о Котляревскомъ сдѣлать возможно болѣе полной... Надѣемся, что значеніе этого отзыва будетъ всякимъ оцѣнено по достоинству и безъ дальнѣйшихъ комментаріевъ. Съ 1851 года и вплоть до 1856, насколько позволяютъ судить наши данныя, отзывовъ о Котляревскомъ не было. О немъ какъ-бы забыли: въ русской литературѣ не имѣли особеннаго повода заниматься часто анализомъ его произведеній, а органовъ украинскаго слова не существовало, поэтому до 1856 года о Котляревскомъ не было сказано

ничего. Только въ 1856 году въ одномъ изъ русскихъ періодическихъ изданій помѣщена была замѣтка о его домикѣ. Авторъ ея сѣтуетъ о томъ, что домикъ разрушается, и называетъ его „историческимъ", какъ-бы имѣя въ виду всѣ указанныя выше заслуги поэта и считая его за эти заслуги лицомъ дѣйствительно историческимъ [1]).

Въ томъ же году появился новый отзывъ о его произведеніяхъ, принадлежащій А. А. Котляревскому: отзывъ этотъ кратокъ, но за то мѣтокъ, довольно оригиналенъ и, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія. А. А. Котляревскій касается всѣхъ вышедшихъ до него произведеній нашего поэта и прежде всего Энеиды. Основываясь неизвѣстно на чемъ, покойный профессоръ заявляетъ объ этомъ произведеніи, что оно—„никоимъ образомъ не могло быть вызвано потребностями украинскаго общества". Энеида, по его мнѣнію, была плодомъ современнаго направленія собственно русской словесности, а для самого автора не болѣе, какъ литературною шуткою, забавою"... Смотря такимъ образомъ на данное произведеніе, А. Котляревскій долженъ былъ, конечно, и отнестись къ нему сурово. И эта строгость обнаруживается въ дальнѣйшихъ строкахъ его отзыва, впрочемъ, нѣсколько парадоксальнаго. Нужно замѣтить, что вѣрность изображенія Котляревскимъ народнаго быта критикъ считаетъ стоящей внѣ сомнѣнія. По его убѣжденію, въ Энеидѣ „ходъ разсказа, названіе мѣстностей, обычаи и нравы—все это совершенно малороссійское". Однако этого для критика мало...—„При всей, повидимому, выдержанности въ изображеніи малороссійскаго характера въ перелицованной Энеидѣ, мы не можемъ—говоритъ онъ—назвать это произведеніе вполнѣ малороссійскимъ, народнымъ: уже одно то, что оно, какъ мы сказали, было явленіемъ случайнымъ, вызваннымъ совершенно посторонними причинами,—значительно уменьшаетъ право его на народность; далѣе, вглядываясь въ него пристальнѣе, мы не встрѣтимъ того милаго простодушія, того природнаго юмора,

---

1) Журналъ Министерства Народ. Просвѣщенія 1856 г. № 2-й стр. 143-4.

который составляетъ отличительную черту малороссійскаго народнаго характера. Взглядъ автора, имѣющій цѣлью смѣшить своихъ читателей во что-бы ни стало, выставляющій потѣхъ ради, воочію міра, все съ смѣшной стороны—совершенно противенъ кореннымъ чертамъ украинскаго характера. Малороссіянинъ и теперь не безъ удовольствія прочтетъ Энеиду Котляревскаго и посмѣется вдоволь, да не тѣмъ смѣхомъ, которымъ смѣемся мы при чтеніи свѣжихъ произведеній Гоголя!"—Какъ очевидно всякому, мнѣніе это довольно рѣзкое и радикально противоположное сужденію о томъ-же предметѣ Костомарова. Нельзя, конечно, послѣдняго упрекнуть въ панегиризмѣ, но и онъ въ первомъ своемъ разсужденіи о нашемъ поэтѣ далъ отзывъ крайне симпатичный и съ оцѣнкой А. Котляревскаго со-совершенно несходный. Костомаровъ находитъ въ Энеидѣ вѣрную картину быта и характеровъ народныхъ т. е. народность, а А. Котляревскій ее отрицаетъ; Костомаровъ восхищается юморомъ Энеиды, Котляревскій этого юмора въ ней не находитъ. Очевидно, что мнѣнія обоихъ критиковъ—трудно согласимы и что одинъ изъ нихъ неправъ. Кто неправъ, мы не будемъ пока объ этомъ говорить и замѣтимъ только, что А. Котляревскій, слишкомъ выдѣляющійся изъ среды прочихъ критиковъ серьезнымъ умаленіемъ достоинствъ Энеиды, какъ разъ и не представляетъ данныхъ, подтверждающихъ справедливость этого умаленія. А извѣстно всѣмъ, что отрицать легче, чѣмъ утверждать что нибудь съ помощью вѣскихъ данныхъ. Совершенно иначе отнесся А. Котляревскій къ Наталкѣ-Полтавкѣ. Словно задавшись цѣлью говорить наперекоръ Костомарову, онъ снова расходится съ послѣднимъ во мнѣніи о пьесѣ И. Котляревскаго. „Нѣкоторые находятъ въ Н.-Полтавкѣ устарѣлую сентиментальность прошлаго вѣка,—говоритъ критикъ, цитируя мнѣніе Костомарова,—напротивъ: въ ней столько жизни, простоты и драматичности, и все совершается въ такой обыденной сферѣ, безъ всякихъ запутанныхъ завязокъ и развязокъ, такъ полно малороссійской природы и легкаго юмора, что рѣшительно не узнаешь въ творцѣ ея автора перелицованной Энеиды!". Нѣ-

сколько далѣе онъ продолжаетъ: „для насъ очень замѣчательно такое отступленіе старѣйшаго дѣятеля украинской литературы на другую, болѣе твердую дорогу; Котляревскій попалъ прямо въ цѣль: сдѣлалось яснымъ, что въ сферѣ пародіи едва ли возможно истинно народное развитіе украинской словесности, что для этого есть другая, болѣе надежная сторона, какъ бытъ и жизнь народа". Изъ этой цитаты видно, что въ Наталкѣ-Полтавкѣ критикъ видитъ отраженіе перелома, происшедшаго въ творчествѣ Котляревскаго. Насколько это мнѣніе справедливо и насколько послѣдній пересталъ быть въ Наталкѣ творцомъ Энеиды, мы здѣсь распространяться не будемъ. Для характеристики мнѣнія А. Котляревскаго о творчествѣ И. П. Котляревскаго мы сообщимъ теперь только тотъ фактъ, что двѣ послѣднія части Энеиды написаны почти одновременно съ Наталкой-Полтавкой. А разъ это такъ, то весьма сомнительно, чтобы поворотъ въ направленіи И. Котляревскаго, отразившійся будто-бы въ „Наталкѣ", не отразился и въ послѣднихъ частяхъ Энеиды. А между тѣмъ это такъ,—послѣднія части Энеиды отличаются тѣмъ же характеромъ, что и первыя; очевидно, значитъ, что творчество нашего поэта не мѣняло своего характера до послѣдней строчки его произведеній. Для болѣе полнаго представленія о характерѣ критики А. Котляревскаго, укажемъ еще на мнѣніе его о Москалѣ-Чаривныкѣ. По утвержденію его, такъ восторженно отозвавшагося о „Наталкѣ", „нельзя того-же сказать о комедіи Москаль-Чаривныкъ: она гораздо ниже и слабѣе по выполненію Наталки-Полтавки". Такимъ образомъ по мнѣнію А. Котляревскаго истинная заслуга нашего поэта заключается главнымъ образомъ въ созданіи „Наталки".

Послѣ этой критики произведеній И. Котляревскаго, толки о немъ въ литературѣ замолкли вплоть до 1860 г.; но въ этомъ году появляется мимолетный отзывъ Кулиша, скрывающій уже въ зародышѣ тѣ филиппики которыя онъ направилъ противъ Котляревскаго въ 1861 году. Говоря въ 1861 г. о появленіи и значеніи украинской литературы, Кулишъ называетъ Энеиду

„бурлацкимъ юродствомъ"... [1]) Далѣе онъ говоритъ: „якъ появывсь Котляревскій изъ своимъ Енеемъ, уси зареготалы щиро, що який-то, справди чудный той простый людъ украинський, одъ котрого мы, дякуючи деякимъ старосвицькимъ добродіямъ, одризнылысь... Зареготалы, и той реготъ бувъ найстрашниша проба нашему пысаному слову украинскому. То було все одно, якъ родыться дытына середъ пьяныхъ бабъ, да ще й сама повытуха впьеться... Колы выдержить бидолашне немовлятко, перве безумне прывитання на Божому свити, то то буде ознака, що вродылось оно соби живуще ажъ надто. Вже такои страшнои пробы навпосли ему й не трапиться... Тимъ реготомъ надъ Енеидою мало-мало не згубылы сами земляки своего жъ новонарожденнаго слова".—Нечего и говорить, что въ Энеидѣ Кулишъ находитъ насмѣшку надъ народомъ, за которую онъ въ дальнѣйшемъ и набрасывается на ея автора. Но и изъ этого отрывка видно, что серьезнаго значенія Энеидѣ Кулишъ не придавалъ: для него она была важна только, какъ первое произведеніе новѣйшей украинской литературы, какъ первый опытъ. Какъ смотрѣлъ Кулишъ вообще на произведенія Котляревскаго, онъ показалъ въ обширной статьѣ о немъ въ 1861 г. Эта статья представляетъ историко-литературный этюдъ, гдѣ произведенія нашего поэта разсматриваются, какъ продуктъ опредѣленной исторической эпохи. Кулишъ, передъ разсужденіемъ собственно о его творчествѣ, считаетъ нужнымъ предпослать нѣсколько обширныхъ замѣчаній о той дифференціаціи классовъ, которая имѣла мѣсто въ Малороссіи въ 18 в. Эта дифференціація привела къ полному идеологическому разъединенію между низшими и высшими украинскими слоями: создала обособленные нравы, обычаи, чувства, и интересы. Крѣпостные находились въ угнетеніи, крупная шляхта смотрѣла на нихъ или съ презрѣніемъ, или съ равнодушіемъ и, разумѣется, относиться къ нимъ могла только съ классовой точки зрѣнія. Въ силу могущественности крупной шляхты, положеніе мелкихъ

---

[1]) Хата. 1860. Передне слово, стр. VIII, XVII.

дворянъ было крайне незавидное: они должны были искать себѣ покровителя въ лицѣ малорусскаго магната и только тогда могли жить спокойно. Но для этого нужно было или родства съ магнатами, или умѣнія заискивать передъ ними въ чемъ-бы то ни было. Однимъ изъ надежнѣйшихъ способовъ этого заискиванья являлось потѣшанье именитыхъ особъ юмористическими разсказами или анектодами изъ народной жизни. Образовался цѣлый слой юмористовъ, къ которымъ Кулишъ причисляетъ и Котляревскаго. Ихъ задачей было развеселять магнатовъ и выманивать за это различныя „имѣньица". Извѣстный эпизодъ о „лукѣ", случившійся съ Котляревскимъ еще болѣе укрѣпляетъ Кулиша въ той мысли, что Котляревскій былъ талантливый анекдотистъ, талантомъ своимъ служившій для потѣхи крупныхъ пановъ. Ставъ на такую токку зрѣнія, Кулишъ подъ угломъ ея разсматриваетъ и произведенія нашего поэта, вполнѣ развивая при этомъ тотъ взглядъ, который мелькомъ уже онъ показалъ въ 1860 году.

Остановимся сначала на мысляхъ Кулиша объ Энеидѣ. Почти съ первыхъ же строкъ онъ заявляетъ, что это произведеніе „носитъ на себѣ признаки глубокаго упадка народнаго чувства самосознанія и самоуваженія" [1]) и что—„въ (его) перелицованной Энеидѣ собрано все, что только могли найти паны карикатурнаго, смѣшного и нелѣпаго въ худшихъ образщикахъ простолюдина" [2]).

Подобно проф. Котляревскому, Кулишъ говоритъ далѣе, что „уже самая мысль — написать пародію на языкѣ своего народа показываетъ отсутствіе уваженія къ этому языку" [3]), хотя сейчасъ-же за этимъ и замѣчаетъ, что—„Котляревскій заплатилъ дань своему вѣку."—Подобно профессору-же Котляревскому, Кулишъ говоритъ, что нашъ поэтъ—„заговорилъ впослѣдствіи другимъ языкомъ о томъ народѣ, который ему, какъ

---

[1]) Основа 1861 года № 1-й Котларевскій стр. 236.

[2]) ib—стр. 244.

[3]) ib.—стр. 245.

семинаристу, какъ домашнему учителю въ помѣщичьихъ семействахъ и армейскому офицеру, представлялся только съ каррикатурной своей стороны...“ [1]) Вообще-же говоря, Котляревскій, по мнѣнію Кулиша,—„до того увлекся своимъ каррикатурнымъ комизмомъ, до того обезобразилъ украинскій народъ своей пародіей, что и его природный талантъ, и знаніе языка украинскаго, и множество характеристичныхъ подробностей простонароднаго быта—все это гибнетъ попусту на ложной дорогѣ, указанной ему его вѣкомъ и обществомъ“ [2]). Но неужели за Энеидой нѣтъ никакой заслуги? Совершенно уничтожая это украинское произведеніе, Кулишъ все таки говоритъ о Котляревскомъ, что онъ „былъ единственный писатель, воспроизведшій всѣми забытую или пренебреженную жизнь украинскаго простонародья... Онъ одинъ отдѣлился отъ хора писателей, твердившихъ на другомъ языкѣ, каждый по своему: „о Россъ, о подвигъ исполина!“ или въ сладостномъ упоеніи обнимавшихся съ чужеземными музами. Это его заслуги“ [3]). Заслуги, какъ видите, не особенно большія, а по сравненію съ предыдущими отзывами Кулиша о той-же Энеидѣ и совершенно ничтожныя. Въ томъ-же духѣ написаны Кулишомъ отзывы и о двухъ пьесахъ Котляревскаго—Наталкѣ-Полтавкѣ и Москалѣ-Чаривныкѣ. „Обѣ онѣ, заявляетъ критикъ, говорятъ много въ пользу его природнаго таланта, но очень мало въ пользу его литературнаго вкуса. Авторъ знаменитой пародіи, разсмѣшившій всю Украину, умѣлъ отыскать въ украинской простонародной жизни трогательное рядомъ съ комическимъ и до извѣстной степени сообщить нѣкоторымъ изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ художественную индивидуальность; но его герои и героини часто выражаются языкомъ Добронравовыхъ, Правдолюбовыхъ и терпимы до сихъ поръ на сценѣ, въ исправленномъ видѣ, больше за свои костюмы и напѣвы“! [4]) Но и эти напѣвы Кулишомъ порица-

[1]) ib.—стр. 247.
[2]) ib.—стр. 260.
[3]) ib.—стр. 249.
[4]) ib.—стр 248.

ются... Находитъ еще Кулишъ въ „Наталкѣ“ шагъ „къ вѣрному изображенію украинскаго народа“ и „уваженіе къ его простымъ, человѣческимъ чувствамъ“, но и эти положительныя черты затемняются тѣмъ обстоятельствомъ, что, по мнѣнію критика,—„Котляревскій впалъ тутъ въ другую крайность—въ аффектацію и сантиментальность“,—хотя и здѣсь замѣчаетъ Кулишъ, что отъ этихъ качествъ—„въ то время не былъ свободенъ ни одинъ русскій писатель“.—Такъ отозвался онъ объ упомянутыхъ произведеніяхъ, становясь въ разрѣзъ даже съ наиболѣе рѣзкими цѣнителями, которые до него говорили о нашемъ поэтѣ. Въ той-же статьѣ Кулиша впервые было напечатано новое произведеніе Котляревскаго—„Ода до князя Куракина“, которое еще болѣе укрѣпило его въ упомянутыхъ воззрѣніяхъ. Говоря впрочемъ о томъ, что авторъ оды не забываетъ напомнить Куракину о творящихся въ Малороссіи неправдахъ, Кулишъ все таки считаетъ ее—„наполненной грубою лестью“ [1]), и рѣшительно говоритъ, что это—уродливые и антинародные вирши... [2]) Приведенныхъ здѣсь цитатъ считаемъ достаточнымъ для того, чтобы о мнѣніи Кулиша относительно Котляревскаго составить опредѣленное понятіе: насколько-же это мнѣніе вѣрно, мы скажемъ впослѣдствіи. Въ слѣдующемъ номерѣ Основы помѣщена была новая статья о Котляревскомъ, имѣвшая цѣлью умѣрить очеркъ Кулиша. Часть этой статьи заключаетъ въ себѣ подробную біографію поэта; въ концѣ же статьи авторъ обѣщаетъ поговорить съ читателями и о значеніи его творчества. Къ сожалѣнію, конца ея не послѣдовало. Но и изъ начальныхъ строкъ статьи видно, что авторъ ея, по достовѣрнымъ фактамъ, думалъ дать иной отзывъ о Котляревскомъ, чѣмъ Кулишъ. Одно уже сообщеніе имъ біографическихъ данныхъ имѣло цѣлью яснѣе обрисовать Котляревскаго, эту, по его мнѣнію,—„истинно-почтенную личность прошлаго времени“... [3]) Жизни Котлярев-

---

[1]) ib.—стр. 251.

[2]) ib.—стр. 255-6

[3]) Основа—1861 г. № 2—Иванъ Петровичъ Котляревскій—стр. 163.

скаго, судя по тону статьи ея автора, Кулишъ достаточно не зналъ, а—„зная ее поверхностно, нельзя вѣрно объяснить многія явленія общественной его дѣятельности и легко впасть въ заблужденіе при оцѣнкѣ его личности, какъ человѣка и гражданина“ [1]). Вотъ данныя, которыя позволяютъ намъ думать, что авторъ этой статьи съ оцѣнкой Кулиша не былъ солидаренъ. Сильный и энергическій голосъ послѣдняго, раздавшійся противъ крѣпко установившейся славы Котляревскаго, безъ вниманія, конечно, не остался. Уже во 2-мъ номерѣ Основы стала печататься статья, которая, какъ мы видѣли, имѣла цѣлью реабилитировать личность и творчество поэта, развѣнчаннаго Кулишомъ. Но впечатлѣніе отъ статьи Кулиша распространилось еще далѣе. Нѣкто Чибисовъ, въ обзорѣ журналовъ за 1861-й годъ, упоминаетъ и объ Основѣ со статьей Кулиша. Онъ пересказываетъ сужденія послѣдняго о Котляревскомъ и, очевидно, не соглашаясь съ ними, прибавляетъ въ концѣ своей замѣтки: [2]) „не смотря на такую строгость сужденій о дѣятельности Котляревскаго, все таки нельзя ему отказать въ извѣстной исторической роли въ судьбѣ украинской письменности, хотя бы уже потому, что онъ отлично владѣлъ языкомъ“!—Разумѣется, пунктъ несогласія съ Кулишомъ не важный, но самый фактъ несогласія все-таки характеренъ. Въ томъ-же году, по поводу концерта, даннаго въ Петербургѣ въ честь Шевченка, появилось замѣчаніе нѣкоего Мокрицкаго, съ укоромъ отнесшагося къ развѣнчиванію Котляревскаго Кулишомъ. Въ нѣсколько лирической формѣ онъ выражаетъ недоумѣніе, зачѣмъ—„нарушенъ прахъ давно почившаго Котляревскаго, малороссіянина съ замѣчательнымъ талантомъ, котораго пародія Энеида считалась всегда удачнѣйшею изъ пародій и въ свое время была выучена наизусть всѣми украинцами; котораго „Наталка-Полтавка“ и „Москаль-Чаривныкъ играются десятки лѣтъ на театрѣ и до сихъ поръ не прискучили. Общая симпатія публики даромъ не

---

[1]) ibidem.

[2]) Одесскій Вѣстникъ 1861 г. № 25-й Обзоръ Журналовъ.

дается; украинская пословица говоритъ: „громада—велыкый чоловикъ“; она не издаетъ книгъ, а читаетъ, присматриваясь“... [1]) Какъ-бы ни былъ преувеличенъ этотъ отзывъ о Котляревскомъ, но онъ имѣетъ право быть помѣщеннымъ въ ряду другихъ отзывовъ такъ-же, какъ и преувеличенный отзывъ Кулиша... Во всякомъ случаѣ, мнѣніе Мокрицкаго очень характерно, какъ реакція упомянутымъ сужденіямъ Кулиша... Въ 1862 году издавшій произведенія Котляревскаго Кулишъ снова возвращается къ послѣднимъ, собственно говоря, къ „Москалю Чаривныку“. Вспоминаетъ онъ объ этомъ произведеніи по поводу напечатанной имъ комедіи Гоголя-отца „Простакъ“... Сравнивая оба произведенія украинскихъ писателей, Кулишъ говоритъ о Москалѣ-Чаривныкѣ слѣдующее: [2]) „у Котляревскаго хозяинъ хаты—зажиточный мужикъ, а роль Ловласа играетъ судовый панычъ. Повидимому, въ этомъ нѣтъ ничего, что можно было-бы поставить въ упрекъ авторству Котляревскаго, а между тѣмъ изъ выбора лицъ видно, что Котляревскій далеко не такъ симпатично относился къ народу, какъ отецъ Гоголя“. Нечего и говорить, что этотъ отзывъ Кулиша о пьесѣ Котляревскаго радикально противоположенъ предыдущему отзыву того-же Кулиша о Москалѣ-Чаривныкѣ, въ которомъ онъ, какъ мы указывали, находитъ уваженіе къ чувствамъ народа. Противорѣчіе очевидное, но въ устахъ Кулиша весьма обычное, ибо вся дѣятельность послѣдняго отличается такимъ непостоянствомъ убѣжденій, которое находилось въ движеніи, подобномъ Гераклитовскому.

Въ томъ-же году Данилевскій, писавшій подъ псевдонимомъ Халявскаго статью о Сковородѣ, называетъ его вмѣстѣ съ—„Каразинымъ, Квиткою-Основьяненкомъ и *Котляревскимъ*, первыми настоящими умственными двигателями малороссійскаго общества“ [3])... Компанія, въ которую здѣсь помѣщенъ Котля-

---

1) Основа 1861 г. № 6-й „концертъ 27 апрѣля“ стр. 155.

2) Основа—февраль 1862 г.

3) Основа 1862 г. Сентябрь. Григорій Сковорода стр. 69—70.

ревскій, очень почтенная, и весьма интересной поэтому является такая характеристика послѣ жестокаго порицанія его Кулишомъ.

На этомъ и кончаются отзывы о Котляревскомъ въ 1862 году. Въ слѣдующемъ году появляются въ печати путевыя замѣтки нѣкоего Савинова [1]), въ которыхъ разсказываются со словъ знакомца Котляревскаго нѣкоторыя интересныя событія изъ молодыхъ лѣтъ послѣдняго. Какихъ-нибудь оцѣнокъ его тамъ нѣтъ, но самый фактъ появленія эпизодовъ о немъ въ печати показываетъ ту степень интереса, которую въ различныхъ сферахъ производило имя нашего поэта. Въ 1864-мъ году о Котляревскомъ въ печати молчали. За то въ 1865 году появляется о немъ довольно большая замѣтка Маруси К. Эта замѣтка написана была подъ очевиднымъ вліяніемъ упомянутой статьи Кулиша, и разсужденія въ ней автора ведутся въ подобномъ-же духѣ. Статейку свою авторъ написалъ въ дополненіе отзыва Кулиша о пьесахъ нашего поэта, о которыхъ, по его мнѣнію, читатель, основывающійся только на Кулишѣ, будетъ имѣть „неопредѣленное понятіе“. По неправильному увѣренію Маруси К. ,замѣтка Кулиша объяснила только, что „Котляревскій написалъ двѣ пьесы (Н.-П. и М.-Ч.) и что пьесы эти терпимы на сценѣ до сихъ поръ за свои костюмы и напѣвы“... Мы внесемъ поправку въ заявленіе Маруси К. И о Наталкѣ-Полтавкѣ, и о Москалѣ-Чаривныкѣ Кулишъ сказалъ далеко больше, нежели указываетъ Маруся К., хотя послѣдняя почему-то выдергиваетъ нѣсколько несущественныхъ строкъ изъ отзыва Кулиша, а существенное въ этомъ отзывѣ провозитъ подъ своимъ флагомъ. Это покажутъ слѣдующія ниже цитаты изъ разсужденій Маруси К. Сообщивъ нѣсколько данныхъ объ условіяхъ, при которыхъ возникли обѣ пьесы Котляревскаго, и пересказавъ сначала содержаніе „Наталки“, критикъ говоритъ о ней слѣдующее [2]): „читатель видитъ, что пьеса построена на

[1]) Сѣверная Пчела 1863 г. № 80. „Первая любовь Котляревскаго“.

[2]) Русская сцена 1865 г. № 6 и 7-й. Очерки украинской драматической литературы.

романической случайности и эффектахъ; поэтому не удивительно, что и дѣйствующія лица иногда впадаютъ въ нѣмецкую сантиментальность, о которой украинскій народъ и понятія не имѣетъ". Эта мысль есть ничто иное, какъ повтореніе извѣстной уже намъ мысли Кулиша объ аффектаціи и сантиментальности пьесъ Котляревскаго, и Маруся К. къ отзыву Кулиша не прибавляетъ ничего новаго. Повторивъ общую мысль послѣдняго, Маруся К. развиваетъ ее на разборѣ отдѣльныхъ характеровъ „Наталки-Полтавки". Она объясняетъ читотелю характеръ Вознаго и въ концѣ разъясненія своего говоритъ, что—„отказъ его отъ брака съ Наталкою намъ кажется неестественнымъ и натянутымъ". Въ характерахъ Наталки и ея матери, при всей вѣрности ихъ изображенія, критикъ также находитъ пробѣлы, такъ-какъ и Наталка и ея мать—„часто говорятъ рѣчи, не свойственныя украинскому народу". Петро, по его мнѣнію, резонерствуетъ и заводитъ лишніе разговоры, такъ что Маруся К. совѣтуетъ даже выбросить сцену разговоровъ его съ Макогоненкомъ и Тетерваковскимъ, не только какъ лишнюю, но „просто странную". А странность этой сцены заключается въ томъ, что Петро хладнокровно говоритъ съ женихомъ своей возлюбленной, хотя и получилъ только что извѣстіе о ея выходѣ замужъ. Характеръ Макогоненка, по мысли Маруси К., „не вездѣ ровно выдержанъ авторомъ".—Намѣтивъ такіе крупные недостатки пьесы Котляревскаго, критикъ прибавляетъ:—„указывать подробно на всѣ неестественности піесы не стоитъ; народнаго въ пьесѣ только пѣсни, мѣстами перековерканныя, и изрѣдка неподдѣльный украинскій юморъ. „Наталка-Полтавка" не выдерживаетъ строгой литературной и этнографической критики, но на сценѣ она идетъ живо и завлекательно". Почему плохая, по мнѣнію критика, пьеса можетъ идти на сценѣ „живо и завлекательно", онъ, къ сожалѣнію, не указываетъ и это остается непонятнымъ. Но что „Наталкѣ" онъ не придаетъ почти никакого значенія, это вполнѣ ясно. Такихъ-же воззрѣній держится Маруся К. и относительно Москаля-Чаривныка. Эта пьеса, по ея убѣжденію,

„и по содержанію своему, и по мысли, и по исполненію стоитъ далеко ниже „Наталки-Полтавки".—На чемъ-же строитъ она свое убѣжденіе? Отвѣтомъ на это служитъ разборъ характеровъ пьесы, причемъ критикъ снова пишетъ подъ вліяніемъ Кулиша. Сначала онъ опровергаетъ возможность самой интриги, т. е. волокитства судового „паныча" за украинской „жинкой";—въ силу высокой нравственности послѣдней, такое волокитство онъ считаетъ фантазіей автора и говоритъ, что—„здѣсь Котляревскій сильно погрѣшилъ противъ дѣйствительности!" По мнѣнію критика,—„не менѣе погрѣшилъ онъ и въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ! Противорѣчій у него бездна!"—Указывая недостатки въ изображеніи характера Чупруна, онъ повторяетъ мысль Кулиша о томъ, что въ Чупрунѣ искаженъ характеръ чумаковъ. Татьяна, по приговору Маруси К.,—„говоритъ вычурно, фразисто, по книжному, словомъ, говоритъ такъ, какъ не говорятъ въ Украйнѣ".—Фынтыкъ, какъ соглашается Маруся К., изображенъ вѣрно:—„такія личности,—говоритъ она,—безжалостно надо осмѣивать".—Однако и осмѣивать нужно—„не такими пьесами-какъ Москаль-Чаривныкъ, не заключающій въ себѣ даже намековъ на обыкновенный украинскій юморъ".—Такимъ образомъ и эту пьесу Котляревскаго Маруся К. сводитъ, по ея значенію, къ нулю. Нечего, конечно, прибавлять, что эта оцѣнка превзошла въ своей разрушительности даже критику Кулиша, признающаго за драматическими произведеніями нашего поэта хоть какое-нибудь значеніе. Въ томъ-же году предпринялъ изданіе своей исторіи славянскихъ литературъ извѣстный ученый А. Н. Пыпинъ. Въ отдѣлъ ихъ включена была, конечно, и малорусская литература съ упоминаніемъ о Котляревскомъ. Пыпинъ, безъ сомнѣнія, овладѣлъ литературой о немъ и познакомился съ произведеніями самого Котляревскаго, поэтому его наблюденія должны быть для насъ интересны. Этотъ интересъ еще болѣе увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что Пыпинъ является крупной величиной въ области исторіи литературы и человѣкомъ, смотрѣвшимъ на дѣло съ объективно-научной точки зрѣнія. Пыпину не безъизвѣстно было разъеди-

неніе малорусскихъ критиковъ во взглядахъ на сущность творчества Котляревскаго и въ особенности рѣзкій взглядъ Кулиша. Цитируя мнѣніе послѣдняго, обвиняющаго нашего поэта въ пренебрежительномъ отношеніи къ народу, Пыпинъ по этому поводу говоритъ [1]):—„это обвиненіе, конечно, ослабляется прежде всего тѣмъ, что у добродушнаго Котляревскаго, конечно, не было такихъ злостныхъ цѣлей: его пародія не была, конечно, одной пошлой угодливостью вкусамъ пановъ, она была отголоскомъ начавшейся оппозиціи старому классицизму и слѣдствіемъ собственнаго юмористическаго настроенія". Такъ какъ главное обвиненіе Кулиша падаетъ спеціально на Энеиду, то и реабилитація Котляревскаго Пыпинымъ, выражающаяся въ приведенныхъ только что строкахъ, относится также спеціально къ Энеидѣ: на счетъ драматическихъ произведеній Котляревскаго у Пыпина имѣются также отдѣльныя мнѣнія. Оправдывая его отъ нападокъ вродѣ Кулиша, Пыпинъ по поводу пьесъ Котляревскаго говоритъ:—„въ своихъ драматическихъ пьесахъ Котляревскій удачно схватываетъ черты народныхъ нравовъ, и если, по характеру времени, впадаетъ въ преувеличенную сантиментальность, то все-таки изъ нихъ можно видѣть, что для него народная жизнь не была однимъ поводомъ къ глумленью". Но самое главное оправданіе для Котляревскаго Пыпинъ видитъ въ томъ, что настроеніе его совсѣмъ не являлось исключительно принадлежащимъ ему, а свойственно было даже Основьяненку. Пыпинъ говоритъ: „въ сочиненіяхъ Основьяненка мы находимъ опять въ сущности тѣ-же мотивы: ту-же сантиментальность и шутливое отношеніе къ народной средѣ".—Ту-же черту подмѣчаетъ онъ и въ Гоголѣ—сынѣ. Чѣмъ-же объясняетъ Пыпинъ такое явленіе въ области украинской литературы? Онъ склоняется къ тому мнѣнію, что—„Котляревскій несетъ на себѣ, хотя можетъ быть въ бóльшей степени, общую вину; качества этого взгляда на народную жизнь опредѣлялись не личнымъ капризомъ, а общимъ подчиненнымъ характеромъ народ-

[1]) Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ Пыпина и Спасовича 1865 г. стр. 221.

ности, которая всегда принуждена была подчиняться чужимъ цивилизующимъ нравамъ и господству. У самого Котляревскаго пропадаетъ шутовской характеръ, когда онъ вспоминаетъ въ той-же Энеидѣ о прошедшихъ временахъ гетьманщины—времени національной автономіи". Такъ оправдываетъ Пыпинъ Котляревскаго отъ жестокихъ на него нареканій: въ этомъ оправданіи и заключается центръ сужденій его о нашемъ поэтѣ. Положительный отзывъ критика не такъ рельефенъ, но и онъ тѣмъ не менѣе весьма точенъ и характеренъ. Сущность его заключается въ томъ, что Котляревскій—„былъ первый писатель, заговорившій настоящимъ малороссійскимъ языкомъ; въ его поэмѣ было столько веселой шутки, что она и послѣ надолго осталась любимымъ чтеніемъ грамотнаго люда—стихи ея запоминались и обращались въ пословицы. Котляревскій имѣетъ несомнѣнное историческое значеніе по тому впечатлѣнію, которое онъ произвелъ въ свое время [1]).—Итакъ, вотъ какъ думалъ о нашемъ поэтѣ Пыпинъ. Прибавлять лишнее, что его мнѣніе по данному вопросу совершенно стоитъ въ разрѣзъ, какъ съ мнѣніемъ Кулиша, такъ въ особенности и Маруси К. Отзывомъ Пыпина критика Котляревскаго въ 1865 году заканчивается. Съ новой силой возрастаетъ она въ слѣдующемъ году. Прежде всего въ Галиціи помѣщена была въ переводѣ на украинскій языкъ статья Маруси К. Редакторъ сборника [2]), гдѣ эта статья нашла себѣ мѣсто, никакихъ подстрочныхъ замѣчаній противъ нея не сдѣлалъ и такимъ образомъ показалъ съ ней полное согласіе: фактъ этотъ важенъ и достоинъ упоминанія. Въ томъ-же году, писавшій нѣсколько лѣтъ назадъ о Сковородѣ Данилевскій издалъ рядъ статей объ украинскихъ дѣятеляхъ. Въ статьѣ о Квиткѣ онъ дѣлаетъ краткій обзоръ украинской литературы до Основьяненка и упоминаетъ, конечно, о Котляревскомъ. Говоритъ Данилевскій почти о всѣхъ его произведе-

---

[1]) Обзоръ ист. слав. литературъ—стр. 220.

[2]) Русалка 1866 р. Критичний огляд украинскоі драматичноі літератури №№ 5—6.

ніяхъ, но отзывъ даетъ только объ Энеидѣ. По мнѣнію цѣнителя, въ Энеидѣ Котляревскаго—„хотя для насъ и заключается порядочная частица снотворности и воды, господствуеть, тѣмъ не менѣе, чистый малороссійскій языкъ „puritatis legitimae", какимъ впослѣдствіи писалъ рѣдкій изъ южнорусскихъ писателей, не исключая и Квитки" [1]). Собственно говоря, отзывъ этотъ для Котляревскаго далеко не лестенъ. Недостатки его произведеній указаны очень крупные, а между тѣмъ изъ достоинствъ только одно: чистый языкъ. Если-бы это мнѣніе о языкѣ было и безусловно-вѣрнымъ, то и то получается недоумѣніе. Неужели въ предыдущемъ отзывѣ критика о Котляревскомъ послѣдній названъ былъ „умственнымъ двигателемъ" только за то, что писалъ на чистомъ украинскомъ языкѣ? Врядъ-ли это такъ! Очевидно, что въ отзывахъ критика есть большой недочетъ: или мнѣніе первой редакціи сказано наобумъ, безъ достаточныхъ основаній, и тогда второе мнѣніе есть дѣйствительное и болѣе выражающее воззрѣнія Данилевскаго; или-же, первое мнѣніе—правильно, и во второмъ отзывѣ критикъ погрѣшаетъ противъ истины.

Въ томъ-же году снова вспомнилъ о Котляревскомъ обширной статьей извѣстный уже намъ біографъ его С. Каминскій. Статья его, заключающая воспоминанія и біографію поэта, написана, какъ рефлексъ, вызванный извѣстной статьей Кулиша, который, по мнѣнію С. Каминскаго,—„ложно истолковалъ личный характеръ Котляревскаго, исказивъ истину" [2]). Одинъ очеркъ въ этой статьѣ авторъ посвящаетъ изображенію характера поэта, другіе два—біографіи и оцѣнкѣ его. Для насъ, конечно, важна послѣдняя. Въ ряду мнѣній о творчествѣ Котляревскаго С. Каминскій отчасти повторяетъ прежнія свои мысли, отчасти вноситъ нѣчто новое, представляющее интересъ. Біографъ касается прежде всего Энеиды. Какъ-бы желая сбросить съ поэта обвиненіе въ насмѣшкѣ надъ народомъ, С.

---

[1]) Украинская Старина—Г. П. Данилевскаго 1866 г. стр. 198.

[2]) Полтавскія Губ. Вѣдомости 1866-й годъ № 45-й.

Каминскій говоритъ, что въ ней видна—„отнюдь не злая сатира надъ простотой и обычаями народа, а, такъ сказать, сочувственный, умный и веселый разсказъ добродушнаго человѣка" [1]). Въ томъ-же духѣ говоритъ онъ объ Энеидѣ и дальше. Вотъ собственныя слова біографа:—„списывая больше съ натуры, Котляревскій не погрѣшилъ противъ правды вещей: народность отразилась въ поэмѣ, какъ въ зеркалѣ".—Нѣсколько словъ говоритъ онъ и о Наталкѣ-Полтавкѣ. Въ ней онъ находитъ „художественное достоинство" и полагаетъ, что—„вѣрность характеристики лицъ, выведенныхъ на сцену въ „Наталкѣ", а, главное, правдивое изображеніе народныхъ добрыхъ типовъ—возвышаютъ Котляревскаго на степень истиннаго поэта". О Москалѣ-Чаривныкѣ С. Каминскій не говоритъ ничего новаго, но за то высказываетъ мнѣніе объ „Одѣ до князя Куракина", разобранной только однажды Кулишомъ. Объ этой одѣ онъ говоритъ слѣдующее;—„ода эта, по замѣчанію современниковъ Котляревскаго, имѣла ироническій смыслъ и потому сочинитель не хотѣлъ выпускать ее въ свѣтъ, хотя и въ ней отражается прекрасный талантъ автора, заставляющій сожалѣть, что онъ не писалъ ничего въ лирическомъ родѣ". Какъ извѣстно, Кулишъ на счетъ оды былъ совершенно иного мнѣнія, и потому противоположный отзывъ біографа Котляревскаго, основанный, какъ онъ говоритъ, на фактахъ, имѣетъ для насъ большую важность.

Вообще-же говоря, С. Каминскій продолжаетъ держаться прежнихъ своихъ воззрѣній на творчество Котляревскаго съ удивительной устойчивостью. Резюме этихъ воззрѣній онъ даетъ въ концѣ своей статьи, выражаясь такимъ образомъ:—„я не возвышаю Котляревскаго до степени генія, какимъ нѣкоторые считаютъ Тараса Шевченка, но убѣжденъ, что Котляревскій заслужилъ вѣнокъ безсмертія или, по крайней мѣрѣ, долговѣчной и чистой памяти въ малороссійской литературѣ. Можетъ быть, зоркій глазъ критика съ новыми взглядами най-

[1]) ibidem № 47.

детъ въ немъ погрѣшности и недостатки, но въ комъ ихъ нѣтъ?"—Затѣмъ біографъ обрисовываетъ новыми штрихами личность поэта, но это пока къ намъ не относится. Для насъ только интересна его оцѣнка, сдѣланная въ совершенно иномъ направленіи, чѣмъ Кулишомъ и Марусей К.

До 1869 года извѣстій о Котляревскомъ не появляется снова. Въ 1869 году исполнилось сто лѣтъ со дня его рожденія, и кружокъ полтавскихъ почитателей собрался на его могилѣ съ цѣлію отслужить панихиду. Во время этого скромнаго празднества С. Каминскимъ произнесена была прочувствованная рѣчь, напечатанная затѣмъ съ дополненіями въ мѣстной газетѣ. Заканчивая свою замѣтку, С. Каминскій говоритъ между прочимъ:—„кто изъ Малороссовъ не читалъ Энеиды, не плѣнялся Наталкой-Полтавкой и не знаетъ Москаля-Чаривныка, до сихъ поръ не сходящаго со сцены провинціальныхъ мѣстныхъ и даже столичныхъ театровъ" [1])? О достоинствахъ произведеній Котляревскаго С. Каминскій говорить не хочетъ; самая постановка приведеннаго риторическаго вопроса показываетъ ясно, что всякія сомнѣнія по поводу этихъ достоинствъ онъ считаетъ невозможными. Юбилейнаго торжества въ честь Котляревскаго пресса не замолчала. Послѣ празднованія памяти поэта надъ его могилой, въ Харьковской печати появился пересказъ этого торжества, сдѣланный на основаніи замѣтки С. Каминскаго, причемъ самый пересказъ этотъ проникнутъ сочувствіемъ къ памяти украинскаго поэта [2]). Вѣсть о полтавскомъ торжествѣ распространилась и далѣе: вслѣдъ за упомянутыми замѣтками, появилось новое сообщеніе о немъ въ газетѣ „Донъ", гдѣ, на основаніи харьковской газеты и вслѣдъ за полтавской, нашъ поэтъ называется „ветераномъ изъ малороссійскихъ писателей" [3]). Впечатлѣніе отъ этого юбилея пошло и еще дальше: въ одномъ изъ періодическихъ изданій было помѣщено новое

---

[1]) Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости 1869 г. № 18.

[2]) Харьковскія Губернскія Вѣдомости 1869 г. № 98.

[3]) Донъ 1869 г. № 97. Столѣтній юбилей Котляревскаго.

сообщеніе о домикѣ Котляревскаго, сдѣланное на основаніи замѣтки въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія и только сокращенное. Въ этомъ сообщеніи перепечатывавшая упомянутую замѣтку редакція повторяетъ и сожалѣнія о томъ, что этотъ „историческій" домъ совершенно разрушается [1]). Въ 1870 году упоминаній о Котляревскомъ нѣтъ. Новые о немъ толки снова появляются въ 1871 году. Въ своей замѣткѣ объ украинской литературѣ извѣстный уже намъ критикъ Костомаровъ даетъ также рядъ замѣчаній и о нашемъ поэтѣ. Говоря сначала объ Энеидѣ, онъ старается объяснить ту смѣхотворность, ради которой, по его мнѣнію, написалъ свое произведеніе Котляревскій. „По господствовавшему тогда образу воззрѣній,—говоритъ Костомаровъ,—рѣчь мужика непремѣнно должна была смѣшить и, сообразно съ такимъ взглядомъ, Котляревскій выступилъ съ пародіей на „Энеиду" Вергилія, составленную по-малорусски, гдѣ античные боги и герои изображены дѣйствующими въ кругу жизни малорусскаго простолюдина, въ обстановкѣ его быта, и самъ поэтъ представляетъ изъ себя также малорусскаго простолюдина, разсказывающаго эти событія" [2]). Объяснивъ посильно появленіе Энеиды, Костомаровъ повторяетъ о ней первый свой отзывъ, сущность котораго мы уже видѣли. Нѣсколько съуживая, впрочемъ, этотъ отзывъ, критикъ теперь говоритъ о прекрасномъ юморѣ Энеиды, который и составляетъ крупную заслугу ея автора. Форма пародіи и четырехстопный ямбъ кажутся ему теперь, какъ и прежде, помѣхой, нѣсколько воспрепятствовавшей поэту обнаружить всю силу своего таланта,—однако и при этомъ, по его мнѣнію, Котляревскій создалъ цѣнную вещь. Все это объясняется тѣмъ, что нашъ поэтъ, какъ думаетъ Костомаровъ,—„былъ человѣкъ въ высокой степени талантливый". Какъ можно видѣть изъ пересказанныхъ мыслей, сущность ихъ ничѣмъ не разнится отъ мыслей, выраженныхъ въ 1844 г. Вмѣстѣ съ Энеидой критикъ говоритъ о

---

[1]) Воскресный досугъ 1869 г. № 313. Домикъ Котляревскаго въ Полтавѣ.

[2]) Поэзія Славянъ-Гербеля стр. 1871 г. стр. 158—9.

пьесахъ Котляревскаго. Вотъ его подлинныя слова, сначала о Москалѣ-Чаривныкѣ:—„и правду сказать; эта небольшая пьеса, сюжетъ которой заимствованъ изъ народной сказки, не встрѣтила у насъ до сихъ поръ ничего такого, что бы стало выше ея по достоинству, въ качествѣ простонародной комедіи". О Наталкѣ-Полтавкѣ критикъ почему-то не повторяетъ прежнихъ обвиненій въ сантиментализмѣ и только говоритъ, что—„Наталка" очень любима въ Малороссіи; пѣсни изъ нея распространились до того, что сдѣлались почти народными".—Больше о пьесахъ Котляревскаго онъ не говоритъ, но, какъ видно изъ цитатъ, склоненъ относиться къ нимъ сочувственно. Послѣ этого отзыва Костомарова, о Котляревскомъ упоминаютъ лишь въ 1874 году.

Въ вышедшемъ въ этомъ году изданіи сочиненій послѣдняго былъ помѣщенъ „вмѣсто предисловія" очеркъ о немъ Катранова [1]. Говоря о Котляревскомъ, Китрановъ, къ сожалѣлѣнію, высказываетъ не свои собственныя мысли: весь панегирикъ его украинскому поэту цѣликомъ почти заимствованъ изъ различныхъ статей С. Каминскаго, хотя авторъ „предисловія" почему-то нигдѣ объ этомъ не говоритъ. Въ виду этой несамостоятельности мыслей Катранова, мы ихъ не станемъ и приводить, такъ какъ это было-бы повтореніемъ отзывовъ С. Каминскаго.

Новыя воззрѣнія на творчество Котляревскаго появляются только въ 1877 году. Издавая произведенія Гулака-Артемовскаго, Пискуновъ считалъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о мѣстѣ, занимаемомъ имъ среди прочихъ украинскихъ писателей. По этому поводу онъ касается и Котляревскаго. Заговоривъ объ Энеидѣ, Пискуновъ повторяетъ извѣстную, но весьма странную мысль Костомарова о томъ, что ямбъ совершенно непригоденъ для украинской поэзіи. Употребленіе ямба онъ ставитъ въ упрекъ и Гулаку, заявляя при этомъ, что—„и

---

[1]) И. П. Котляревскій—Собраніе сочиненій на малороссійскомъ языкѣ. 1874 г. изданіе Федорова.

на ему одбылася трохы котляревщына негодными для украинскои народнёи поезіи ямбами, котрыхъ накыдавъ багато Котляревськый въ свою чудасійну „Энеиду", що такъ довго потишала наше панство небувалыми украинскыми Троянамы" [1])— За то, въ противоположность уже Костомарову и другимъ критикамъ, Пискуновъ совершенно отрицаетъ народность поэзіи Котляревскаго. Говоря въ томъ же мѣстѣ о значеніи Гулака, критикъ замѣчаетъ, что произведенія его—„вповни народни, якъ по духу своему, такъ и по чыстій народній мови, до чого не досягавъ панъ Котляревскый ни своею „Энеидою", ни своимы оперетамы"... Вотъ мнѣніе Пискунова о Котляревскомъ. Если основываться на этомъ мнѣніи, то сдѣлается совсѣмъ непонятнымъ, на какомъ основаніи причисляетъ онъ нашего поэта къ той тройцѣ писателей, которую нѣсколько выше называетъ „славной". Несомнѣнно только одно, что въ отрицаніи народности его произведеній, Пискуновъ примыкаетъ къ группѣ Кулиша, положившаго, какъ мы знаемъ, такому отрицанію начало. Въ томъ-же году произведенія Котляревскаго изданы были и въ Галиціи г. Оныщкевичемъ. При этомъ изданіи помѣщена была біографія поэта и оцѣнка его издателемъ. Біографія для насъ не интересна, такъ какъ она есть пересказъ существующихъ его біографій и въ Россіи, но оцѣнка Котляревскаго, сдѣланная Оныщкевичемъ, можетъ представить нѣкоторый интересъ,—поэтому сущность ея мы теперь и изложимъ.

Какъ въ сообщеніи біографическихъ данныхъ, такъ и въ произнесеніи сужденій надъ произведеніями нашего поэта, Онишкевичъ примыкаетъ, главнымъ образомъ, къ мнѣніямъ Кулиша и отчасти Катранова, хотя послѣднія нѣсколько и умѣряетъ. Изложивъ необстоятельную біографію Котляревскаго и приступая къ характеристикѣ его творчества, критикъ, въ видѣ начальнаго резюме, такъ излагаетъ его заслуги: „в літературнім взглядi належить Котляревскій до тихъ людей, котрі появляются на сто, а часом на кілька сот літ раз. Як зоря утрення

[1]) Кобзарь П. П. Артемовского-Гулака 1877 г. Передне слово стр. 4.

усувае тьму, заповідае світ і оборот в природі, так і такі люде устороняють старі ошибочні погляди, заповідають новий вік і становлять епоху в літературі. В тім взгляді занімае у нас Котляревскій трояке становище: 1) він робить літературу доступною для цілого народа 2) увільняе від борби межи классицизмом и романтизмом і 3) виступае, яко писатель на часі". [1]) Говоря о первомъ достоинствѣ произведеній Котляревскаго, которое возникло, благодаря введенію имъ въ литературу народнаго языка, Онишкевичъ по этому поводу замѣчаетъ: „в тім взгляді рівняються его заслуги тим заслугам, які положив у польскій літературі Mikołaj Reiz Nagłowic, котрого поляки называють: „gwiazda pierwschego rżędu na widnokręgu pismiennictwa polskiego".

Говоря о второмъ значеніи Котляревскаго, какъ оказавшаго сильную реакцію псевдоклассицизму, критикъ говоритъ: „над чим у інших народів трудилося много писателів, того доконав у нас сам Котляревскій". Наконецъ, Онишкевичъ разъясняетъ свою характеристику Котляревскаго, какъ писателя „на часі". Вслѣдъ за Кулишомъ, онъ указываетъ на совершившуюся въ украинскомъ обществѣ дифференціацію сословій, изъ которыхъ отмѣчаетъ только пановъ-козаковъ и народъ, подвергшійея закрѣпощенію. По мнѣнію Онишкевича, поэтъ въ своей Энеидѣ осмѣялъ козаковъ и тѣмъ доставилъ большое удовольствіе народу. Поэтому-то,—„в тім взгляді зробив він таку саму прислугу як в польскій літературі Jgnacy Krasicki, уродившійся тільки 34 літ перед Котляревским і виступивший в тій самій цілі, іменно, аби поправити попсувшійся смак".—Вкусъ этотъ поправлялъ Котляревскій украинской націи, которая въ междоусобномъ осмѣяніи доходила часто, по мнѣнію критика, до „екстрем". Высказавъ, такимъ образомъ, общій свой взглядъ на историческое значеніе творчества Котляревскаго, критикъ переходитъ къ оцѣнкѣ художественнаго значенія каждаго изъ его произведеній въ отдѣльности. Эту частичную оцѣнку Онишкевичъ начинаетъ

---

[1]) Руска бібліотека. Т. I Львів 1877 стр. I—X.

съ цитаты изъ Катранова, гдѣ послѣдній, между прочимъ, говоритъ о Н.-Полтавкѣ, что подобнаго ей произведенія въ украинской литературѣ нѣтъ. Въ общемъ, эта цитата представляетъ компилятивный отзывъ о Котляревскомъ, на основаніи, главнымъ образомъ, С. Каминскаго, о чемъ мы говорили уже и раньше. Приведя мнѣніе Катранова, Онишкевичъ по поводу его замѣчаетъ: „я признаю, що Катранов місцями пересадив вартість творів Котляревського, но все-таки его слова служать доказом, що Украіна інакше задивляеся на першого свого поета і не так, як Куліш". Сдѣлавъ такую оговорку, критикъ, передъ разсмотрѣніемъ произведеній Котляревскаго, дѣлаетъ новую оговорку въ томъ смыслѣ, что называетъ авторитеты, послужившіе ему руководителями въ данномъ случаѣ. Такими его учителями являются—„Палацкій, Лібельт, Кремер і Дастих"., которые—„опираються на засадах чисто народних". Стоя на почвѣ ихъ возрѣній, критикъ прежде всего приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Сначала онъ говоритъ, что нашъ поэтъ—„не вознісся високо над окружаюче его товариство, але преставляв річі, як з свого становиська на них задивлявся"... Далѣе, объ Энеидѣ онъ замѣчаетъ:—„нема у него вищого вдохновенія, але-ж за то гумор незрівнаний, сатира не вимушена, оповідання легке і основна відочність того, о чім пише. Розмір у нього, як і в наших народних піснях, тоничний, но як на нещастя, стопи ямбичні, для руского уха не дуже приятні. У Котляревського видим також брак обективного ідеалізму, для того він во всіх своіх творах впадае часто в каррікатурність, або, з другоі сторони, в афектацію і сантіменталізм... Всюди являеся у него природний талант, велика пластика, много життя, фантазій і гумору, много сили, енергіі в представленю характерів, але з другоі сторони брак літературного смаку, супокою гармоніи, природности, висшого полету, і в його індівідуальності лежаща ексцентричність,—через що его особи стаються перед нами нераз або реально-фантастичними, або поетично-ідеальними. Замітити тільки треба, що каррікатура в травестіі дасть ся оправдати". Нелишне отмѣтить то обстоятельство,—что, въ общемъ, біографъ повто-

ряетъ здѣсь пресловутое мнѣніе о нашемъ поэтѣ Кулиша. Въ замѣчаніи о стихѣ Энеиды, Онишкевичъ также слѣдуетъ мнѣнію Костомарова и Кулиша, причемъ довольно курьезно отмѣчаетъ этотъ стихъ, какъ чуть-ли для украинской литературы не несчастье.

Разсмотрѣвъ Энеиду, онъ обращается къ „Одѣ" Котляревскаго и замѣчаетъ о ней голословно только то, что она „не мае в літературнім взгляді великоі ваги". Затѣмъ онъ переходитъ къ оцѣнкѣ Н.-Полтавки и въ своихъ выводахъ опять таки нѣсколько находится подъ чужимъ вліяніемъ—именно Маруси К. Въ общемъ, объ упомянутой пьесѣ Котляревскаго критикъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Коли в Енеіді показав Котляревський темні сторони злившогося з народом козацтва, підупавшаго не по своій волі, то ту пригадує нам, що межи тим народом суть еще здорові зерна (Н.-Полтавка), істинні, красні характери, котрих і в палатах тяжко побачити". Говоря затѣмъ о типахъ „Н.-Полтавки", Онишкевичъ считаетъ характеры Петра и Наталки довольно удачно изображенными, объ остальныхъ-же типахъ говоритъ такъ:—„менч удачно перепроваджені характери прочих осіб, а що особливо в очі падае, то несподіване розвязання драмату. Автор зовсім не умотівовав, для чого Возный при кінці зробився такий добродушный і відступив від зачатого діла". Имѣя передъ глазами подобный отзывъ о Наталкѣ, какъ-то странно теперь сопоставить съ нимъ приведенное выше мѣсто того-же автора, говорящаго о сантиментальности произведеній Котляревскаго. Упрекъ этотъ, естественно, можетъ быть отнесенъ и къ „Наталкѣ-Полтавкѣ", а между тѣмъ въ разборѣ послѣдней Онишкевичъ этого упрека не повторяетъ. Получается странное впечатлѣніе, похожее болѣе всего на крайнее недоумѣніе: высказываетъ ли свое мнѣніе о Котляревскомъ галицкій критикъ серьезно и сознательно, или же онъ повторяетъ и перепутываетъ чужія сужденія такъ себѣ? О „Москалѣ-Ч." критикъ выражается такъ-же радикально и голословно, какъ и о „Наталкѣ"; онъ заявляетъ: „в водевилю „Москаль-Ч." представлений Москаль занадто пересадно, а

Чупрун не вірно. Послідній, яко чумак, бував много в сьвіті, для того дивно, якъ міг його москаль так легко обмануты".

Намъ нечего прибавлять, что упомянутый взглядъ на „Москаля-Ч." цѣликомъ взятъ изъ статьи Кулиша, соотвѣтственныя цитаты изъ которой мы привели выше. Такъ или иначе, но неоригинальныя мнѣнія Онишкевича значенія имѣютъ мало: существенное въ этихъ мнѣніяхъ или заимствовано у другихъ критиковъ, а если и не заимствовано, то выражено или недоказательно, или туманно.

Въ 1880 году начали печататься очерки по украинской литературѣ проф. Петрова,—сначала въ „Историческомъ Вѣстникѣ", а затѣмъ и отдѣльно. Въ первомъ изъ этихъ очерковъ проф. Петровъ разсматриваетъ, между прочимъ, произведенія Котляревскаго, какъ начинателя новой украинской литературы. Этюдъ его о послѣднемъ довольно обширенъ и заключаетъ въ себѣ много интересныхъ данныхъ. Можно даже сказать болѣе: съ проф. Петрова начинается особенно тщательное изученіе творчества нашего поэта, произведенія котораго лишь изрѣдка вызывали такія обширныя статьи, какъ упомянутая Кулиша,— и очень часто только небольшія замѣчанія. Разумѣется, и въ работѣ проф. Петрова можно найти не мало различныхъ недочетовъ, но все таки заслуга его несомнѣнно заключается въ томъ именно, что онъ воспользовался почти всѣми матерьялами, которые были ему доступны, и затѣмъ далъ въ своемъ изслѣдованіи все отъ него зависѣвшее. Въ этюдѣ профессора мы находимъ, конечно, біографію Котляревскаго и, что для насъ важно, оцѣнку его произведеній. Не высказываясь пока о значеніи послѣднихъ, проф. Петровъ излагаетъ рядъ важнѣйшихъ, по его мнѣнію, сужденій о Котляревскомъ. Онъ цитируетъ статью Кулиша, замѣтки Костомарова и почему-то Катранова, отзывы котораго, какъ мы сказали, не имѣютъ, въ силу ихъ неоригинальности, никакого интереса. Изложивъ сущность мнѣній упомянутыхъ критиковъ, проф. Петровъ не произноситъ пока надъ Котляревскимъ собственнаго суда и прежде всего рисуетъ передъ читателями предшествовавшія и современныя

поэту явленія культурной жизни. Это онъ дѣлаетъ для того, чтобы значеніе и смыслъ творчества Котляревскаго рельефнѣе выдѣлились на фонѣ этихъ разъясненныхъ явленій. Главнѣйшее, на что указываетъ въ данномъ случаѣ критикъ, было, съ одной стороны, существованіе украинскихъ интерлюдій съ оттѣнкомъ каррикатурнаго отношенія къ народу, а съ другой—развитіе болѣе высокой съ формальной стороны русской литературы. Въ связь съ этими двумя литературными теченіями на Украйнѣ и въ Великороссіи проф. Петровъ и ставитъ всѣ произведенія Котляревскаго вообще и Энеиду въ частности. Обращаясь къ послѣдней, онъ говоритъ [1]:—„въ своей „Энеидѣ" Котляревскій далеко не первый сталъ пародировать малорусскую народную жизнь на родномъ нарѣчіи: онъ только первый облагородилъ прежнее каррикатурное изображеніе простонародной жизни и сообщилъ ему лучшую техническую постройку и болѣе чистый и правильный языкъ".—Нѣсколько ниже онъ говоритъ въ томъ же направленіи: „Котляревскій, по мысли профессора,—„сдѣлалъ смѣлую попытку соединить малорусскую рѣчь и содержаніе съ современными формами господствующей русской литературы и такимъ образомъ дать этой рѣчи и содержанію бо́льшую подвижность и возможность дальнѣйшаго развитія". Нѣсколько далѣе проф. Петровъ ставитъ насъ втупикъ слѣдующимъ замѣчаніемъ:—„конечно, первые шаги Котляревскаго на новомъ для него и для всѣхъ малороссовъ поприщѣ не всегда были удачны: такъ и должно быть по естественному порядку вещей, и всѣ нареканія на Котляревскаго имѣютъ свою долю основанія" [2]). Въ чемъ заключаются эти неудачные шаги Котляревскаго и какимъ образомъ *всѣ* нареканія на него имѣютъ нѣкоторое основаніе, этого намъ историкъ, къ сожалѣнію, не разъясняетъ; а разъяснить было-бы крайне важно, такъ какъ безъ такого разъясненія и сами замѣчанія объ этомъ

---

[1]) Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія Н. И. Петрова 1884 г. стр. 29.

[2]) Ibid., стр. 30.

проф. Петрова теряютъ всякое реальное содержаніе. Въ силу этого промаха критика происходитъ еще и то, что являются какъ-то оторванными фразы его о Котляревскомъ, гласящіе, что—„чѣмъ дальше шелъ онъ по новому пути, тѣмъ болѣе сближался съ народомъ и изучалъ его дѣйствительную жизнь".— Не смотря на такіе „deus ex machina" проф Петрова, ничто не мѣшаетъ ему высказать наблюденіе, что—„уже въ раннихъ частяхъ своей „Энеиды" Котляревскій высказывалъ глубокое сочувствіе къ бѣдному классу народа".—Таково его описаніе праведныхъ въ третьей части „Энеиды".—„Съ дальнѣйшимъ развитіемъ поэта жизненная струя его поэзіи должна была получить еще большее развитіе. Такъ и было на самомъ дѣлѣ" [1]). Изъ приведенныхъ цитатъ видно, насколько серьезно все-таки относится проф. Петровъ къ Энеидѣ, въ которой онъ находитъ жизненность и реальность. Его отношеніе къ пьесамъ нашего поэта еще серьезнѣе. По мнѣнію проф. Петрова,—„еще болѣе жизненнаго народнаго элемента замѣчается въ драматическихъ пьесахъ Коляревскаго—„Наталкѣ-Полтавкѣ" и „Москалѣ-Чаривныкѣ", хотя и въ этихъ произведеніяхъ нужно отличать отрицательные типы отъ положительныхъ. Какъ и въ „Энеидѣ", Котляревскій осмѣиваетъ здѣсь отживающихъ свой вѣкъ представителей рутины и схоластики XVIII в. и, въ противоположность имъ, указываетъ на свѣжую, здоровую жизнь и рѣчь простолюдина, изображаемаго въ сантиментальномъ вкусѣ карамзинской школы".—Разсказавъ сначала содержаніе „Наталки", проф. Петровъ говоритъ:—„нѣкоторыя мѣста въ оперѣ запечатлѣны жизненною правдой. Такова особенно, по нашему мнѣнію, сцена объясненія Терпилыхи съ своей дочерью Наталкой" [2]). Итакъ, и за Наталкой-Полтавкой критикъ признаетъ большія достоинства. Въ томъ-же направленіи разбираетъ онъ и Москаля-Чаривныка. Объ этой пьесѣ онъ отзывается такъ:— „не менѣе, если не болѣе, находимъ народнаго элемента и въ водевилѣ Котляревскаго „Москаль-Чаривныкъ", не смотря на

---

[1]) ibibem стр. 31.

[2]) Ibid., стр. 32.

то, что г. Кулишъ не очень одобрительно отзывается объ этомъ произведеніи Котляревскаго". Затѣмъ у проф. Петрова слѣдуетъ изложеніе содержанія „Москаля" и опроверженіе мнѣнія Кулиша, доказывавшаго, какъ извѣстно, что фабула пьесы Котляревскаго не реальна. Разобравъ всѣ украинскія произведенія Котляревскаго, за исключеніемъ „Оды", и высказавъ о нихъ свое опредѣленное убѣжденіе, проф. Петровъ цитатами изъ статьи Кулиша показываетъ еще, что и послѣдній придавалъ произведеніямъ Котляревскаго большое значеніе. Тутъ почтенный историкъ допускаетъ неточность. Что Кулишъ придавалъ нѣкоторое значеніе творчеству нашего поэта, это правда,—но значеніе это онъ вовсе не считалъ большимъ. Изъ приведенной проф. Петровымъ цитаты Кулиша явствуетъ, что значеніе Котляревскаго зиждется только на томъ, что онъ показалъ публикѣ украинскій языкъ и пѣсню. Но вѣдь это крайне незначительная заслуга, которая совершенно уничтожается уже тѣмъ, что, напримѣръ, въ Энеидѣ Кулишъ видитъ поруганіе украинскаго народа. Во всякомъ случаѣ, по Кулишу, вліяніе Котляревскаго на развитіе культурной жизни Украйны есть только косвенное! Да, впрочемъ, это отчасти сознавалъ, вѣроятно, и самъ проф. Петровъ, такъ какъ указавъ тѣ данныя въ статьѣ Кулиша, которыя онъ считаетъ достаточными для того, чтобы увидѣть въ нихъ фактъ вліянія Котляревскаго на литературу и общество, проф. Петровъ указанныя Кулишомъ заслуги нашего поэта называетъ „мелочами". Очевидно, значитъ. что послѣднихъ цитатъ изъ Кулиша проф. Петровъ могъ и не приводить.

Въ слѣдующемъ году въ Галиціи напечатанъ былъ новый очеркъ о Котляревскомъ Кошоваго. Изложивъ его біографію, Кошовый приступаетъ затѣмъ къ оцѣнкѣ или, вѣрнѣе говоря, апологіи творчества Котляревскаго. Приступая къ этой оцѣнкѣ, Кошовый считаетъ долгомъ заявить сначала слѣдующее [1]:—„читаючи його (К—го) писання, не можемо не

[1]) Сьвітъ 1881 г. №№ 1 и 2-й Відчити з історіи русько-українського письменства XIX віку.

запримітити перш усього, що крітіки і біографи Котляревського ще ні разу не зрозуміли його духа і обвинувачували його в тім, від чого він цурався". Обвинивъ критиковъ Котляревскаго въ непониманіи послѣдняго, Кошовый вслѣдъ за этимъ говоритъ слѣдующее:—„ юморістичну форму сіеі „Енеіди" і „Оди" Котляревський вибрав не ради того глузування, котрим докоряе его Куліш, а ради тих обставин, котрих Куліш не вмів, чі не схотів зрозуміти. Там, де крітіки Котляревского бачуть „сьміх", ми бачемо „сльози", де йім здавалось „лакейство", ми бачемо зі сторони поета „жертвоприношеніе", котрим він хотів запомогти народові". Такъ относится критикъ къ юмористической формѣ украинской пародіи. Нечего и говорить, что взглядъ Кошового своеобразенъ, хотя все-таки объясненію его до вѣрности очень далеко. Что психологическая форма украинской Энеиды есть чувство юмора и даже смѣха, это фактъ; что Котляревскій, дѣйствительно, шутитъ почти на протяженіи всей Энеиды, это также нооспоримый фактъ, который подтверждаетъ въ Энеидѣ собственными словами самъ Котляревскій [1]). Зачѣмъ-же Кошовому отрицать шутливую форму Энеиды и видѣть въ ней какія-то слезы? Надобности въ этомъ нѣтъ никакой, такъ какъ и Кулишъ обвиняетъ нашего поэта не за шутку или юморъ, а исключительно за найденную имъ будто-бы въ Энеидѣ насмѣшку надъ народомъ [2]). Очевидно, значитъ, что бѣда не въ томъ, что нашъ поэтъ смѣется, а въ томъ, надъ чѣмъ онъ смѣется,—и если-бы даже Кошовый снялъ съ поэта брошенное ему Кулишомъ обвиненіе въ насмѣшкѣ надъ народомъ, то и это было-бы величайшей его заслугой. Но Кошовый какъ-будто беретъ на себя еще бóльшую задачу: онъ хочетъ показать, что Котляревскій плакалъ, а не смѣялся въ Энеидѣ. Нечего и говорить, что выполнить эту задачу критикъ ни въ коемъ случаѣ не могъ, ибо въ своемъ утвержденіи онъ пошелъ противъ самого Котляревскаго. То-же самое нужно сказать и о разсуж-

---

[1]) Энеида 1842 г. часть. VI стр. 49.

[2]) Основа 1861 г. № 1-й, статья Кулиша о Котляревскомъ стр. 258.

деніяхъ Кошового по поводу „Оды“. Мы далеки отъ того, чтобы видѣть въ ней какъ и въ Энеидѣ „лакейство“, но зато съ другой стороны такого высокаго порыва, какъ „жертвоприношеніе“ не видимъ въ ней также. Показавъ, какъ нужно понимать юмористическую форму Энеиды, критикъ обращается къ ея содержанію. Присмотрѣвшись къ послѣднему, Кошовый говорилъ:—„ми наперѳдъ всього в писаннях Котляревького бачимо його глибоку скорб про народню недолю. На першім місці у його стоіть потреба національно-демократичного розвою. Чуючи багато серцем, але не одержавши широкоі европейськоі освіти, Котляревський не міг поняти того, що народні недуги треба гоіти, ставлячи на перше місце не вузький націоналізм, а національний економічно-соціальний побит і устрій народа. Дак хто-же мае право докоряти сим Котляревського? Йому ще живо стояла перед очима недавня козаччина, йому й здавалося, що зломаний Москвою національно украинський устрій—всьому голова“. Далѣе онъ продолжаетъ снова:—„що національність і еі головніші ознаки високо ставив Котляревський, наврядъ хто стане сьому суперечити. Національностю дише кожне слово поета“. Нѣсколько ниже критикъ дѣлаетъ попытку срезюмировать значеніе произведеній Котляревскаго. По его мнѣнію,—„його велика заслуга вже в тім, що вин, як зумів і як можна було, так і говорив про тяжкий побут украінського народу, хоча не забувавъ згадати і инчі речі, котрі здавались йому нагідними і над котрими він сьміявся сьміхом сатири. Згадаймо тільки його сатиру на Олимпійських богів, на що вона вдаряе? Хіба вона не осьміюе панувавшаго тоді прямування на полі просвіти?“ Таковы заслуги нашего поэта, по мысли Кошового. Окончательная его характеристика, даваемая далѣе критикомъ, еще болѣе выясняетъ, что видѣлъ послѣдній въ его произведеніяхъ. Кошовый считаетъ Котляревскаго—„націоналістом, демократом, сатириком, осьміюючим схоластичну науку і панування чужоземноі мови въ школах і науці; він стоіть за гуманність“. Не разбирая пока мнѣній Кошового, мы только замѣтимъ, что, критикъ окрестилъ нашего поэта нѣсколько не тѣми

именами, что нужно. Ни Энеида, ни другія произведенія Котляревскаго отнюдь не даютъ матеріала для того, чтобы назвать нашего поэта, напримѣръ, націоналистомъ. Во первыхъ, это теченіе въ украинской жизни является далеко позже, а во вторыхъ, патріотизмъ, замѣчаемый у Котляревскаго, не есть націонализмъ, хотя съ послѣднимъ онъ и сходенъ. Впрочемъ, обо всемъ этомъ мы поговоримъ послѣ. А теперь сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе: если вѣрить „Покажчику Комарова", то Маруся К. и Кошовый есть одно и то-же лицо. Сдѣлать такое сближеніе для насъ очень важно. Какъ согласить тогда прежній уничтожающій приговоръ Кошового надъ Котляревскимъ съ теперешнимъ, панегирическимъ отзывомъ? Крайне трудно! Если-же вспомнить, съ другой стороны, что Кошовый уничтожилъ всю предшествующую критику обвиненіемъ въ непониманіи Котляревскаго, то интересно знать, включаетъ ли онъ въ эту критику и свой первый отзывъ? По всѣмъ даннымъ, онъ долженъ былъ-бы сдѣлать это особенно потому, что въ теперешнемъ отзывѣ онъ опровергаетъ Кулиша, въ то время, какъ въ первомъ соглашается безусловно. Во всякомъ случаѣ, въ данной замѣткѣ Кошового мы видимъ полную реабилитацію Котляревскаго отъ прежнихъ нападокъ на него не только различныхъ критиковъ, но даже и собственныхъ порицаній, перешедшихъ теперь въ панегирикъ. Нечего и говорить, что фактъ этотъ очень важенъ. Такую-же реабилитацію Котляревскаго произвелъ въ 1882 году и Кулишъ. Какъ-бы забывая свои прежнія филиппики противъ нашего поэта, Кулишъ даетъ о немъ совсѣмъ не такой отзывъ, какъ въ 60-е годы. Заговариваетъ онъ о немъ по поводу исторіи національнаго возрожденія Украйны, въ числѣ дѣятелей котораго ставитъ и нашего поэта. Упомянувъ о фактѣ этого возрожденія, критикъ говоритъ слѣдующее [1]): — „велике се діло роспочав простодушно, без особливого задуму, Котляревськiй, и роспочав так радикально, мов соціяльний реформатор. Постягував з Олимпу богів, і богинь с полубогами, а з высоких постаментів поспус-

[1]) П. А. Куліш. Хуторна поэзія. У ві-Львові 1882 стр. 123.

кавъ на долівку широкославных героів, що можновладці брали собі за взір, и все те олимпійске та боготворене по великих містах панство повернувъ у мужицьку простоту. Зъ уподобою прийняли письменні люде „перелицёвану Енеіду“ величнёго римлянина: бо побачили в ній свое поспільство, побачили, хоть и з вивороту, та все-ж таки не сліпуючи так, як сліпували, захилившись за чужомовні книжки“... Уже эти однѣ цитаты изъ статьи Кулиша показываютъ ясно, какъ высоко поставилъ онъ теперь нашего поэта. Дальнѣйшія мысли критика показываютъ это еще лучше. По его убѣжденію—„Котляревскій не знав добре, що він творить. Він покорявсь невідомому велінню народнёго духа; був тільки знаряддям украіньского світогляду. Чуючи-ж, по своій поэтичній природі, що смихотворна „Энеіда“ торкнула не всі струни в душі у земляків, змалював Котляревский житте народне идиллічне в своій опереттi „Наталка-Полтавка“. Тут же критика вбачае начерк літератури поважнійшоі“. Нѣсколько далѣе онъ говоритъ еще выразительнѣе [1]); „не хутко спроможетця яка-б ні була початкова громада на змалювання себе писаним словом. Се бо вже висока стадія розумовоі культури. Нашимъ оццямъ здавалось порожнёю забавкою те, що написав Котляревський. Умер він у своій рідній Полтаві, а з ним наче загинула и ёго проба пера серед невпокою життя громадського. Отже з малои и одрубаноі собі речі судилось народитися такому, що зрослось із нашею долею навики і т. д... народилась українська література“. Вотъ то значеніе, которое приписываетъ критикъ произведеніямъ Котляревскаго. Трудно себѣ представить болѣе полной реабилитаціи послѣдняго и болѣе внушительнаго отказа критика отъ прежнихъ воззрѣній. Кулишъ считаетъ теперь Котляревскаго и реформаторомъ, и дѣятелемъ украинскаго возрожденія, и родоначальникомъ нашей литературы; онъ какъ-бы съ упрекомъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что „отцамъ нашимъ“ произведенія Котляревскаго казались забавой. Читаешь и удивляешься: такъ далеки эти мысли Кулиша отъ тѣхъ его разсужденій, въ

[1]) ibidem стр. 124.

которыхъ Котляревскій являлся то сантиментальнымъ писателемъ, прибѣгавшимъ къ аффектаціи, то антинароднымъ стихотворцемъ, предающимъ поруганію народную жизнь и народныя воззрѣнія. Разумѣется, Кулишъ вѣдалъ о томъ, что написалъ; безъ всякаго сомнѣнія, ему трудно было поставить крестъ надъ прежними своими отзывами о Котляревскомъ, которые на многихъ, въ томъ числѣ и на Марусю К., произвели такое впечатлѣніе. Но чѣмъ радикальнѣе измѣнилъ свои воззрѣнія Кулишъ, вопреки даже уколамъ самолюбія, тѣмъ для насъ важнѣе: очевидно, что, высказывая новый взглядъ на поэзію Котляревскаго, Кулишъ тѣмъ самымъ отказался отъ стараго взгляда. Съ своей стороны и мы, при оцѣнкѣ поэзіи Котляревскаго, будемъ имѣть въ виду послѣдній отзывъ Кулиша предпочтительно передъ первымъ. Этотъ отзывъ вызвалъ замѣчанія Костомарова, снова коснувшагося поэзіи Котляревскаго. Оцѣнка ея Кулишомъ показалась Костомарову настолько уже хвалебной, что послѣдній считаетъ нужнымъ ослабить ея панегирическій оттѣнокъ.

Съ этой цѣлью онъ и разбираетъ упомянутую замѣтку Кулиша и, нужно отдать ему справедливость, и на этотъ разъ, какъ и въ прежніе два раза, вполнѣ послѣдовательно высказываетъ одни и тѣ-же воззрѣнія. Приступая къ разбору мнѣній Кулиша, Костомаровъ говоритъ, что Котляревскому—„г. Кулишъ даетъ большую заслугу. По его словамъ, это былъ соціальный реформаторъ". [1]) Приведя затѣмъ цитату изъ статьи Кулиша обнаруживающую реформатство Котляревскаго, Костомаровъ задаетъ вопросъ:—„такъ-ли все это на самомъ дѣлѣ? Смыслъ, какой даетъ Кулишъ Котляревскому, былъ-бы умѣстенъ, если-бъ это происходило въ странѣ, гдѣ классическое воспитаніе доходило уже до крайности; но этого нельзя сказать о южной Руси: число учившихся и проникнутыхъ классицизмомъ было слишкомъ ничтожно въ сравненіи съ безграмотною массою, которая никогда не слыхала ни о какихъ Олимпійскихъ богахъ и обоготворенныхъ герояхъ древности. Какое такое барство въ Мало-

---

[1]) Кіевская Старина 1883 г., февраль, стр. 233.

россіи, которое ставило себѣ за образецъ этихъ героевъ? Дѣйствительно, заслуга Котляревскаго велика, но она состоитъ не въ томъ, въ чемъ находитъ Кулишъ".—Нечего напоминать читателямъ, что въ этой репликѣ Костомаровъ повторяетъ старое свое замѣчаніе о томъ, что „Энеида", какъ пародія, не имѣетъ значенія. Другое дѣло, вѣренъ-ли этотъ взглядъ, но послѣдовательности Костомарова не замѣтить мы не можемъ. Слѣдующія далѣе возраженія его Кулишу еще ярче выставляютъ эту послѣдовательность. Желая показать дѣйствительную заслугу нашего поэта, критикъ говоритъ:—„Котляревскій взялъ Энеиду, перенесъ ея остовъ въ малороссійскій мужичій міръ и изобразилъ этотъ міръ чрезвычайно вѣрно и талантливо. Тутъ не главное дѣло въ богахъ древняго міра и его герояхъ. Если-бъ Котляревскій взялъ что-нибудь иное, откуда-бъ то ни было, хотя-бы изъ освобожденнаго Іерусалима Тасса или изъ Жильблаза, да одѣлъ взятое такъ искусно въ малорусскую плоть и одежду, какъ онъ сдѣлалъ это съ Энеидою, то результатъ вышелъ-бы все тотъ-же. Демократичность, какъ выражается самъ Кулишъ, явилась отъ того, что иного народа, говорящаго по малорусски, кромѣ простонародія, почти не было. Понятно, что и въ литературѣ нельзя было выводить никого, кромѣ малорусскаго простолюдина".

Въ 1883-же году появилось въ печати извѣстіе о бумагахъ Котляревскаго. Авторъ этой замѣтки г. Горленко коснулся также и его произведеній, о которыхъ далъ свой отзывъ. По справедливому замѣчанію г. Горленка—„литературную извѣстность при жизни доставили Котляревскому первыя части „Энеиды" и „Наталка". Это дѣйствительно, лучшее, что онъ произвелъ. Двѣ послѣднія части «перелицованной поэмы» блѣдны и слабы, „Москаль", при всей своей веселости, не болѣе, какъ грубоватый фарсъ. Но вѣчно юная „Наталка" упрочитъ за отцомъ малорусской литературы незыблемую славу. [1]) Такое предпочтеніе

[1]) Кіевская Старина 1883 г. № 5-й. Изъ бумагъ И. П. Котляревскаго, стр. 154.

„Наталкѣ", передъ другими произведеніями Котляревскаго, г. Горленко даетъ за то, что она полна—„достоинствъ типичной картины нравовъ, живой и трогательной". Изъ этихъ цитатъ видно, что, будучи самостоятельнымъ въ оцѣнкѣ „Наталки" и „Москаля", критикъ въ отзывѣ объ Энеидѣ примкнулъ къ мнѣнію Кулиша, считавшаго, какъ извѣстно, въ 1861 году первыя четыре части ея несравненно высшими послѣднихъ двухъ. Намъ нечего прибавлять, что какъ у Кулиша, такъ и у г. Горленка, подобное воззрѣніе на Энеиду ничѣмъ не обосновано: въ этомъ и заключается слабая его сторона.

Въ слѣдующемъ году и въ 1885-мъ печаталась статья о Котляревскомъ г. Минскаго, рѣшающая относительно перваго крайне важные вопросы. Много сказавши о роли украинцевъ въ выработкѣ русской культуры и выведя отсюда необходимость для великоруссовъ изученія украинской литературы, авторъ статьи обращается непосредственно къ Котляревскому. Оцѣнка произведеній послѣдняго перепутана у критика съ другими вопросами, поэтому, для болѣе рельефнаго представленія о его сужденіяхъ, мы вкратцѣ изложимъ ихъ шагъ за шагомъ. Г. Минскій разсказываетъ сначала часть біографіи поэта, разсматриваетъ отношеніе нашей Энеиды къ русской и рѣшаетъ вопросъ о первенствѣ ихъ по времени въ пользу второй. За то, съ другой стороны, украинскую Энеиду критикъ считаетъ далеко высшей по достоинству. Положительныхъ качествъ Энеиды Котляревскаго г. Минскій отмѣчаетъ множество,—изъ нихъ мы упомянемъ главнѣйшія. Однимъ изъ крупныхъ достоинствъ нашей Энеиды критикъ считаетъ прекрасный ея языкъ, котораго не знала существовавшая до Котляревскаго украинская литература. „Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію критика, Котляревскій можетъ занимать мѣсто наряду съ Ломоносовымъ и Карамзинымъ, творцами новаго стиля"... [1]) Очень цѣнитъ критикъ Энеиду и за ея стихъ. „Не имѣвши передъ собою никакихъ образцовъ, не знавши

[1]) Новь 1884—5 I—II т. Иванъ Петровичъ Котляревскій—Н. М. В. стр. 708 № 4-й.

даже о виршахъ Климентія, онъ (говоритъ критикъ) создалъ звучный и гибкій стихъ, богатый словами и весьма живописный". Интересно сапоставить это мнѣніе критика о ямбѣ Энеиды съ тѣми отзывами Костомарова и Пискунова, по которымъ этотъ стихотворный размѣръ не свойственъ будто-бы украинской поэзіи. Но достоинства Энеиды не исчерпываются вышеуказанными. По мнѣнію критика,—„забавы, пѣсни, карточныя игры украинцевъ, ихъ предразсудки и вѣра въ колдовство, патріархальность нравовъ, простота характера, смѣшанная съ нѣкоторымъ лукавствомъ, пристрастіе къ выпивкѣ и къ жирному столу, жениханіе и ухаживаніе молодыхъ людей—все это описано Котляревскимъ съ истиннымъ искусствомъ". Вообще говоря, главное достоинство Энеиды составляютъ, по мнѣнію г. Минскаго,—„народность, выражающаяся, во первыхъ, въ языкѣ, подслушанномъ у народа и впервые отлитомъ въ литературныя формы,—во вторыхъ, въ народномъ бытѣ, описанномъ живыми и талантливыми штрихами, и въ третьихъ, въ народномъ юморѣ, разлитомъ по всему произведенію" [1]). Имѣются въ Энеидѣ, по заключенію г. Минскаго, и недостатки. Главный изъ нихъ—„отсутствіе цѣльности въ замыслѣ и въ исполненіи: народная поэма задумана была съ намѣреніемъ позабавиться на счетъ народа! Цѣльность поэмы страдаетъ и отъ того, что послѣднія пѣсни, когда отношеніе Котляревскаго къ народу стало измѣняться, написаны въ другомъ тонѣ, нежели первыя".—Не смотря на указаніе этого недостатка, все-таки г. Минскій относится къ произведеніямъ Котляревскаго съ большимъ, какъ видно, уваженіемъ и считаетъ ихъ очень цѣнными. Естественно, что при такомъ отношеніи къ творчеству нашего поэта, онъ не могъ согласиться съ первымъ мнѣніемъ о немъ Кулиша, которое въ своей статьѣ и разбираетъ. Оцѣнку Котляревскаго, сдѣланную Кулишомъ въ 60-хъ годахъ, г. Минскій опровергаетъ мнѣніемъ того-же Кулиша въ 80-хъ годахъ. Изложивъ сущность послѣдняго, г. Минскій нѣсколько иронически замѣчаетъ: „вы-

[1]) Новь—1884 стр. 712 № 4-й.

ходитъ, слѣдовательно, что Котляревскій имѣлъ намѣреніе смѣяться не надъ простолюдиномъ, а надъ барствомъ, надъ сильными міра, но такъ искусно скрылъ свое намѣреніе, что г. Кулишу понадобилось 20 лѣтъ размышленій, чтобы проникнуть въ него".—Но и съ вторымъ отзывомъ Кулиша г. Минскій также не соглашается цѣликомъ и примыкаетъ скорѣе къ воззрѣніямъ насчетъ Энеиды Костомарова, писавшаго по данному вопросу въ 1883 году. Разсмотрѣвъ художественное значеніе украинской Энеиды, критикъ продолжаетъ излагать прерванную біографію поэта. Въ связи съ послѣдней, онъ разбираетъ и вопросъ о такъ называемомъ сервилизмѣ Котляревскаго, за который нѣкоторые господа упрекаютъ поэта и понынѣ. Нѣкоторый „сервилизмъ" Котляревскаго передъ знатными людьми г. Минскій не ставитъ ему въ укоръ. Опровергая грозное обвиненіе за этотъ сервилизмъ, брошенное Кулишомъ, г. Минскій, вслѣдъ за Пыпинымъ, объясняетъ такую черту въ характерѣ нашего поэта чисто историческими условіями. Объясняетъ и оправдываетъ онъ эту черту„—такъ какъ, по мнѣнію г. Минскаго, положеніе поэта въ 18 в. было безъ меценатства весьма не устойчиво и сомнительно: въ виду этого, къ меценатству прибѣгали всѣ виднѣйшіе писатели того времени, а не одинъ Котляревскій. Такъ какъ упреки за угодливость относились и къ его произведеніямъ,—Энеидѣ и Одѣ Куракину, то г. Минскій, естественно, долженъ былъ освободить и эти произведенія отъ неумѣренныхъ обвиненій Кулиша. Особенную апологію дѣлаетъ критикъ „Одѣ". Опровергая мысль Кулиша, не находящаго въ „Одѣ" почти ничего, кромѣ грубой лести, г. Минскій говоритъ: „намъ „Ода до князя Куракина" кажется во многихъ мѣстахъ весьма замѣчательнымъ произведеніемъ. Не говоря уже о ея честномъ, гражданскомъ тонѣ, о рѣзкихъ нападкахъ на „пановъ-людоѣдовъ", не дающихъ пахать нивъ", на „судей, потакающихъ панамъ и разоряющихъ цѣлыя семьи за голову сахара",—ода эта замѣчательна своей простотой, искренностью и веселымъ добродушіемъ". Высказавъ этотъ взглядъ на „Оду" радикально противоположный взгляду на тотъ-же предметъ Кулиша, критикъ нѣ-

сколько далѣе указываетъ новое достоинство „Оды“:—„ода Котляревскаго вполнѣ народна по языку, по тону, по образамъ и выраженнымъ въ ней мыслямъ“.—И такъ, безпристрастный критикъ нашелъ въ „Одѣ“ совсѣмъ не тѣ ужасныя вещи, которыя открылъ въ ней когда-то Кулишъ. Реабилитировавъ значеніе двухъ упомянутыхъ произведеній, г. Минскій обращается къ разсмотрѣнію драматическихъ пьесъ Котляревскаго. По мнѣнію критика,—„взятая сама по себѣ Наталка-Полтавка, какъ драматическое произведеніе, едва-ли представляетъ что-нибудь выдающееся, и хотя подобная комедія была-бы замѣтна во всякой литературѣ, но не занимала-бы такого почетнаго мѣста, какъ въ малороссійской“. Высказавъ такое мнѣніе о значеніи „Наталки“, г. Минскій снова снимаетъ и съ этой пьесы Котляревскаго брошенное на нее Кулишомъ обвиненіе въ сантиментальности. Онъ говоритъ, что чувствительность Котляревскаго вполнѣ народна, выдержана и не походитъ на болѣзненную сантиментальность Карамзина нисколько. [1]) Для подтвержденія своего положенія, критикъ сравниваетъ характеры и поступки дѣйствующихъ лицъ „Наталки“ и „Бѣдной Лизы“ Карамзина. Выводы получаются для „Наталки“ очень интересные; они подтверждаютъ вышесказанное и кромѣ того выясняютъ, что—„Наталка“ пользуется у малороссовъ долгимъ и заслуженнымъ успѣхомъ не за костюмы, какъ думали Кулишъ и Маруся К., а за то, что—„она вѣрно отражаетъ ихъ (малороссовъ) національный характеръ“. Вотъ резюме этихъ выводовъ. Объ изображеніи матери Наталки критикъ говоритъ: „такъ тонко и психологически-вѣрно проведено одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи“. О Наталкѣ и Петрѣ онъ выражается слѣдующимъ образомъ:—„мы тоже не видимъ никакой фальши въ изображеніи Наталки и Петра, представителей сантиментальности у Котляревскаго. Сантиментальность этихъ лицъ не выдуманная, а вполнѣ естественная и происходитъ въ предѣлахъ условій реальной жизни“. По мнѣнію критика,—„сантиментальная Наталка

---

[1]) Новь 1885 г. № 5-й, стр. 129.

поступаетъ такъ, какъ поступили-бы тысячи деревенскихъ дѣвушекъ въ Малороссіи". Вполнѣ естественнымъ считаетъ критикъ и характеръ такъ возмутившаго Марусю К. Петра. Не оставилъ онъ безъ вниманія и типы Вознаго и Выборнаго. Изображеніе перваго онъ считаетъ не вполнѣ удачнымъ по слѣдующей причинѣ:—„Котляревскій былъ силенъ только въ изображеніи народной жизни, а Возный не принадлежитъ къ народу". За то типъ Макогоненка, по мнѣнію г. Минскаго,—„въ высшей степени характеренъ". Разобравъ типы „Наталки", онъ указываетъ еще на цѣнность пѣсенъ въ этой пьесѣ и затѣмъ заключаетъ отзывъ о „Наталкѣ" слѣдующимъ образомъ:—„теперь, если сопоставить всѣ достоинства „Н.-П."—сочувственное отношеніе къ народу, вѣрные народные типы, юморъ и чувствительность, прекрасныя пѣсни и звучный языкъ, живость дѣйствій, сценичность,—то станетъ яснымъ, держится-ли эта пьеса такъ долго на малорусской сценѣ изъ-за костюмовъ и напѣвовъ, или по болѣе уважительнымъ причинамъ". Отзывъ г. Минскаго, какъ о предыдущихъ произведеніяхъ Котляревскаго, такъ и о „Наталкѣ" для насъ очень важенъ. Безпристрастный вполнѣ, онъ показываетъ наглядно, какъ болѣе новые люди, по сравненію съ Кулишомъ, способны были находить въ творчествѣ нашего поэта все болѣе и болѣе достоинствъ. Разобравъ «Наталку», критикъ обращается къ «Москалю-Чаривныку» и также даетъ о немъ рядъ цѣнныхъ сужденій.—«Что касается Москаля-Чаривныка,—говоритъ онъ,—то это не комедія типовъ, а забавный водевиль съ шаржемъ и случайностями, но самый веселый изъ посвященныхъ изображенію народнаго быта. Въ этомъ отношеніи онъ выше „Простака" Гоголя-отца, хотя послѣдняя глубже». Нѣсколько ниже г. Минскій снова говоритъ о „Москалѣ" въ такомъ родѣ: „Москаль-Чаривныкъ—народная шутка. И солдатъ, и простоватый мужъ, и умная баба, и этотъ несчастный паничъ, который оказался глупѣе всѣхъ,—все это въ высшей степени народно". Закончивъ разсмотрѣніе каждаго изъ произведеній Котляревскаго отдѣльно, критикъ въ концѣ статьи даетъ общее о нихъ заключеніе. По его сужденію,—„произве-

денія Котляревскаго имѣютъ не одно историческое, но и литературное значеніе и спустя сто лѣтъ по написаніи читаются съ интересомъ. Котляревскій бросилъ первое зерно той жатвы, которую впослѣдствіи собралъ Шевченко, и не даромъ этотъ лучшій народный поэтъ посвятилъ памяти Котляревскаго одну изъ самыхъ прочувствованныхъ думъ". Такъ кончаетъ свою интересную статью г. Минскій. Любопытно сопоставить это заключеніе новѣйшаго критика съ тѣмъ сужденіемъ, которое высказалъ въ 40-хъ годахъ Евецкій. Крайне симпатично, безъ всякихъ предвзятостей относясь къ литературной дѣятельности Котляревскаго, оба эти критика одинаково считаютъ справедливымъ восторженный отзывъ о немъ Шевченка. Что ни говорить, а совпаденіе весьма близкое и многозначущее!

Въ томъ-же 1885 году, когда кончилась печататься статья г. Минскаго, появился краткій пересказъ ея въ „Кіевской-Старинѣ". Авторъ пересказа, называя статью г. Минскаго интересной, не дѣлаетъ къ ней никакихъ своихъ комментаріевъ и возраженій: очевидно, что онъ соглашался съ критикомъ цѣликомъ [1]). Черезъ нѣсколько лѣтъ появился этюдъ о Котляревскомъ Львовскаго проф. Огоновскаго, которому принадлежитъ крупный трудъ вообще по исторіи украинской литературы. Пользовался покойный профессоръ незначительнымъ количествомъ матеріаловъ по вопросу о Котляревскомъ, въ силу чего этюдъ его страдаетъ различными неточностями; однако мнѣнія его по данному вопросу, въ ряду другихъ мнѣній, нѣкоторый интересъ представляютъ. Сначала историкъ литературы излагаетъ біографію Котляревскаго, которая оригинальностью данныхъ не отличается и вообще повторяетъ недостатки всѣхъ прежнихъ біографій. Разсказавъ жизнь поэта, проф. Огоновскій приступаетъ къ разсмотрѣнію его произведеній. Энеиду онъ называетъ „цілющим і живущим ліком люду украинського" [2]) и ставитъ ее очень вы-

---

[1]) Кіевская Старина 1885 Мартъ.

[2]) Исторія литературы рускои—написавъ Омелянъ Огоновскій ч. II 1 відділ Львів. 1889 стр. 196.

соко. По мнѣнію историка, Котляревскій въ своей Энеидѣ— „переймився високою ідеею, здвигнути своіх земляків із упадку морального і побудити перевертнів, щоб полюбили покинену, заплакану матір“ [1]). При этомъ, съ приведеннымъ выше мнѣніемъ Кошового проф. Огоновскій соглашается вполнѣ и считаетъ украинскую Энеиду—„твором високоі стійности літературноі“ [2]) и—„окрасою руско-украінськоі літетарури“ [3]). Такъ цѣнитъ Энеиду львовскій профессоръ; за то, по его мнѣнію,— „меншу вартість літературну мають оба драматичні твори Котляревского „Наталка-П.“ и „Москаль-Ч.“ [4]). Тѣмъ не менѣе,— „в них зявляеся вірна характеристика суспільного побуту на Украіні, особливо-ж в „Наталці-П“ добачаемо майже таку свіжу й чудову красу, якою визначаються безсмертні твори людовоі поезіі украінськоі“. Высказавъ такое мнѣніе о „Наталкѣ-П.“, проф. Огоновскій нѣсколько ниже противорѣчитъ самому сабѣ, обвиняя эту пьесу Котляревскаго въ „сантиментальной аффектаціи“ и говоря, что на ней—„видно вплив сентиментального напряму літературного“ [5]). Какъ-то не вяжется это обвиненіе съ той мыслью критика о „Наталкѣ-П.“, что послѣдняя есть—„вірним образом житя народного“; одно изъ двухъ,—или Котляревскій вѣрно изображалъ народную жизнь, и тогда обвиненіе въ аффектаціи падаетъ само собою,—или-же онъ дѣйствительно аффектировалъ,—тогда въ смыслѣ реальности пьеса Котляревскаго не стоитъ ничего. Какъ-бы то ни было, но въ сужденіяхъ по этому поводу львовскаго профессора видна нѣкоторая нелогичность. Мы уже не говорили о тѣхъ натяжкахъ Огоновскаго, къ которымъ онъ прибѣгаетъ въ своихъ сужденіяхъ о Наталкѣ, желая отыскать въ ея содержаніи какую-то аллегорію. Такого рода сужденія совсѣмъ уже не научны.

---

[1]) ibid стр. 198.
[2]) ib—стр 201.
[3]) ib—стр. 203.
[4]) ib.—стр. 203
[5]) ib.—стр. 205.

Тѣ-же попытки найти аллегорію дѣлаетъ критикъ и въ отношеніи „Москаля-Чаривныка", котораго онъ называетъ шутливой опереткой. Объ этой опереткѣ онъ говоритъ вообще мало и только вслѣдъ за проф. Петровымъ разбираетъ вопросъ о естественности ея содержанія. Упоминаетъ критикъ и объ „Одѣ" Котляревскаго, хотя только упоминаетъ. По мнѣнію проф. Огоновскаго—„хоча сеся ода есть панегирик, писаний по правилам середньовічноі науки схоластичноі в честь малороссійского генерал-губернатора, то однако проявляются тут тако-ж здорові гадки, позаяк поет виступае против деяким лукавим панам, що бідним людям не давали пільги, і відзивае ся з докором про тих судьів, що людей не судили по правді" [1]). Свою статью проф. Огоновскій заканчиваетъ, подобно г. Минскому, мыслями, показывающими солидарность его съ извѣстнымъ намъ стихотворнымъ отзывомъ о Котляревскомъ Шевченка. Этотъ новый примѣръ совпаденія критики современной намъ съ критикой прежней опять таки очень для насъ цѣненъ.

Въ томъ-же году написано было проф. Дашкевичемъ очень важное изслѣдованіе объ украинской литературѣ. Книга проф. Дашкевича является поправкой къ извѣстному намъ труду проф. Петрова и, превосходя послѣдній какъ по обилію матерьяла, такъ и по болѣе глубокому пониманію различныхъ явленій украинской литературы, представляетъ для насъ самый живой интересъ. Обратимся-же къ его этюду и остановимся на немъ подольше, такъ какъ и до настоящаго времени онъ является почти самымъ полнымъ сборникомъ тѣхъ мыслей, которыя можно сказать о нашемъ поэтѣ. Начавъ свое разсужденіе о послѣднемъ, проф. Дашкевичъ, наряду съ проф. Петровымъ, останавливается на его критикахъ и дѣлаетъ о Кулишѣ очень цѣнное для насъ замѣчаніе. По мнѣнію профессора, извѣстный отзывъ Кулиша въ Основѣ за 1861-й годъ,—„страдаетъ обычными у этого писателя преувеличеніями и предвзятостью и давно оцѣненъ съ этой стороны" [2]). Къ этому замѣчанію проф. Дашкевичъ при-

---

[1]) Ibid. стр. 208.

[2]) Записки Императорской Академіи наукъ. Томъ 59-й книжка 1-я Приложеніе: Отзывъ о сочиненіи г. Петрова стр. 60.

бавляетъ еще ниже, что „въ послѣднее время самъ г. Кулишъ какъ-бы считаетъ свое прежнее мнѣніе несостоятельнымъ. Дополняя общій взглядъ на Котляревскаго, высказанный проф. Петровымъ, проф. Дашкевичъ говоритъ, что „заслуга Котляревскаго состояла не только въ сближеніи украинской литературы съ современными формами русской литературы, но также въ весьма талантливомъ раскрытіи сокровищъ малорусскаго народнаго духа и слова“ [1]). Послѣ этого общаго замѣчанія о произведеніяхъ Котляревскаго, историкъ украинской литературы обращается непосредственно къ послѣднимъ—сначала къ Энеидѣ. Въ противоположность проф. Петрову, проф. Дашкевичъ ставитъ зависимость Энеиды отъ юмористическихъ созданій украинской народной поэзіи и касается вопроса о взаимоотношеніи русской и украинской Энеидъ, при чемъ, какъ видно, склоненъ признать независимость послѣдней. Рѣшеніе послѣдняго вопроса проф. Дашкевичъ считаетъ необходимымъ для правильнаго опредѣленія значенія самой Энеиды. Говоря о послѣдней, проф. Дашкевичъ возстаетъ особенно противъ той мысли проф. Петрова, изъ которой видно, что „всѣ нареканія на Котляревскаго имѣютъ свою долю основанія“. Удачно возражаетъ онъ и противъ того утвержденія автора разбираемой имъ книги, согласно которому нашъ поэтъ будто-бы постепенно сталъ изображать дѣйствительную жизнь. По мнѣнію профессора,—обстоятельное знакомство съ послѣднею видно во всѣхъ частяхъ Энеиды“ [2]). Тамъ-же онъ говоритъ, что поэтъ „не щадилъ никого и нарисовалъ довольно полную картину украинской жизни“. По мнѣнію историка,—„Малороссія встаетъ передъ читателемъ въ неприглядномъ видѣ, но „нечего пенять на зеркало, коли рожа крива“, да и слишкомъ яркія картины нарисованы Котляревскимъ не только съ цѣлью осмѣянія и одной пустой забавы: благородное настроеніе автора постоянно проглядываетъ въ Энеидѣ. Въ поэмѣ Котляревскаго господствуетъ крайній реа-

---

[1]) Ib.—стр. 61.

[2]) Ib.—стр. 68.

лизмъ, но за этимъ реализмомъ скрывается честность побужденій и горячая любовь къ народу и правдѣ. Комическое изображеніе украинскаго быта переходитъ иногда въ каррикатурное, но по большей части оно выполнено въ духѣ народнаго юмора" [1]). Очень удачно выражается профессоръ и объ языкѣ Энеиды; по его мнѣнію, — „онъ энергиченъ, выразителенъ, въ высшей степени характеренъ и мѣтокъ, хотя нерѣдко и грубоватъ". Сравнивая затѣмъ русскую Энеиду съ украинской, онъ ставитъ послѣднюю выше первой и говоритъ, что наша Энеида „оказывается въ подробностяхъ совершенно народною, написана весьма талантливо и получила значеніе самостоятельнаго произведенія" [2]). Высказавшись по поводу Энеиды, проф. Дашкевичъ обращается къ драматическимъ произведеніямъ Котляревскаго и прежде всего совершенно справедливо удивляется замѣчанію проф. Петрова о томъ, что пьесы нашего поэта написаны по образцу пьесъ указываемыхъ имъ русскихъ писателей. Вмѣстѣ съ г. Минскимъ, проф. Дашкевичъ опровергаетъ мысль проф. Петрова о томъ, что „Наталка-П." написана въ сантиментальномъ духѣ. Не ограничиваясь, конечно, г. Минскимъ, проф. Дашкевичъ говоритъ:—„до укзанной статьи г. Н. М. В., подробно сравнившаго оперу Котляревскаго съ повѣстью Карамзина, не было такого обстоятельнаго сопоставленія, но все-же было высказано въ литературѣ немало сужденій, хотя и кратко, но вѣрно отмѣчавшихъ прекрасное отраженіе народнаго характера въ „Наталкѣ-П.". Мы присоединяемся къ этимъ мнѣніямъ, оставленнымъ безъ вниманія у г. Петрова. Жизненною правдою запечатлѣны не только „нѣкоторыя мѣста", какъ говоритъ г. Петровъ,—ею проникнута вся пьеса" [3]). Особенно сочувственно отзывается историкъ объ изображеніи типа Наталки.—Въ героинѣ оперы—Наталкѣ,—говоритъ профессоръ—раскрыта прекрасная душа малороссійской дивчины съ такою

---

1) Ib.—стр. 69—70.
2) Ib.—стр. 71.
3) Ib.—стр. 73.

теплотою чувства, которая не можетъ не трогать читателя и зрителя и которой лишена сантиментальность. „Наталка-Полтавка“ показываетъ лучше всего, какъ несправедливо мнѣніе о Котляревскомъ, какъ о писателѣ, далекомъ отъ народа“ [1]). Въ доказательство правоты своего сужденія, критикъ упоминаетъ еще о мнѣніяхъ Евецкаго, Сементовскаго и Горленка, ставящихъ „Наталку“ такъ-же высоко, какъ и онъ. Вслѣдъ за „Наталкой“, профессоръ касается и „Москаля-Ч.“, при чемъ, вмѣстѣ съ С. Каминскимъ, склоненъ отчасти считать сюжетъ его за дѣйствительное событіе. На идею написанія этой пьесы оказала вліяніе, по мнѣнію проф. Дашкевича, рецензія на пьесу кн. Шаховскаго, хотя нѣкоторое вліяніе, какъ замѣтилъ еще и проф. Петровъ, оказала и сама пьеса Шаховскаго. Мнѣнія своего о „Москалѣ-Ч.“ историкъ не высказываетъ. Наконецъ, касается проф. Дашкевичъ „Оды до князя Куракина“. Въ ней видитъ онъ отраженіе русскаго вліянія, но считаетъ, что—„при подражаніи въ формѣ, ода Котляревскаго все-таки отличается значительною своеобразностью и отступаетъ отъ шаблонныхъ пріемовъ“ [2]). Высказавъ эти бѣглыя замѣчанія о творчествѣ Котляревскаго, критикъ въ концѣ статьи подводитъ итогъ своимъ разсужденіямъ, повторяя вкратцѣ вышеприведенныя мысли. Суть этихъ мыслей намъ извѣстна, и мы не станемъ уже о нихъ говорить, отмѣтимъ только одно новое замѣчаніе проф. Дашкевича, которое дастъ возможность оцѣнить и степень пониманія имъ нашего поэта. По заключенію историка,—Котляревскій „любилъ народъ и былъ оцѣненъ по достоинству всѣми сословіями народа: онъ сразу сталъ какъ-бы общенароднымъ поэтомъ, возбудивъ интересъ къ своимъ произведеніямъ не только въ интеллигентномъ классѣ украинцевъ, но и въ простомъ народѣ“ [3]). Совершенно излишне прибавлять, насколько этотъ безпристрастный отзывъ проф. Дашкевича гармони-

---

[1]) Ib.—стр. 74.

[2]) Ib.—стр. 81.

[3]) Ib.—стр. 83.

руетъ съ большинствомъ мнѣній о Котляревскомъ, ставящихъ послѣдняго очень высоко. Отзывы подрядъ четырехъ лицъ, г. Минскаго, проф. Петрова, Огоновскаго и Дашкевича, столь глубоко вдумавшихся въ творчество нашего поэта, какъ нельзя лучше показываютъ, какъ много цѣннаго представляютъ произведенія послѣдняго, способныя вызвать упрекъ только со стороны лицъ, или тенденціозно настроенныхъ, или Котляревскаго не понимающихъ.

Въ 1883 году появилась новая статья профессора Дашкевича, трактующая о генезисѣ „Москаля-Чаривныка" [1]). Эту пьесу профессоръ ставитъ, по фабулѣ, въ связь съ рядомъ подобныхъ-же сюжетовъ, существующихъ издавна и на Западѣ.—Ближайшимъ прототипомъ „Москаля-Ч." проф. Дашкевичъ кевичъ считаетъ французскую комическую пьесу „Le soldat magicien", которая, по приводимымъ имъ даннымъ, имѣетъ съ украинской пьесой много общаго. Фактъ подражанія Котляревскаго этой пьесѣ историкъ считаетъ достаточнымъ для того, чтобы признать „Москаля-Ч." самостоятельнымъ по отношенію къ „Простаку" Гоголя и написаннымъ раньше послѣдняго. Выяснивъ отношеніе украинской пьесы къ французской опереттѣ прошлаго вѣка, профессоръ дѣлаетъ замѣчанія о той степени художественности, съ какой обработалъ поэтъ заимствованную фабулу. Котляревскій, по мнѣнію проф. Дашкевича,—«упростилъ дѣйствіе, перенесъ его изъ буржуазной среды въ хату козака и сократилъ количество дѣйствующихъ лицъ (у него ихъ не шесть, какъ во французской пьесѣ, а четыре), но не совсѣмъ удачно передѣлалъ заимствованную фабулу». Эта неудачность въ разработкѣ фабулы произошла въ украинской пьесѣ потому, что вообще, по мнѣнію критика, интрига ея не правдоподобна: Тетяна вѣрна мужу, а между тѣмъ позволяетъ приходить къ себѣ Финтику,—получается противорѣчіе, составляющее слабое мѣсто „Москаля-Чаривныка". Но погрѣшивъ противъ разработки фабулы, Котляревскій, по мнѣнію изслѣдователя, «поднялся за

---

[1]) Кіевск. Стар. 1893 г.

то выше въ выразительности и богатствѣ рѣчи, въ бойкости діалога и въ обработкѣ характеровъ, которые въ „Le soldat magicien“ не столь индивидуальны, и обнаружилъ при этомъ гораздо болѣе самостоятельности и таланта». Разобравъ затѣмъ поступки дѣйствующихъ лицъ, проф. Дашкевичъ дѣлаетъ такое замѣчаніе:—„слѣдовательно, въ обрисовкѣ характеровъ дѣйствующихъ лицъ Котляревскій выказалъ много наблюдательности; онъ черпалъ данныя изъ живой дѣйствительности и изъ непосредственнаго соприкосновенія съ народомъ и его жизнью“. Вдумываясь въ послѣднюю, Котляревскій внесъ совершенно новыя идеи въ заимствованную имъ схему и притомъ идеи свѣжія, затрогивавшія животрепещущіе вопросы и глубоко гуманныя“ [1]). Правда, въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ проф. Дашкевичъ находитъ много разглагольствованій, но, по его замѣчанію, разсужденія на моральныя темы въ украинской пьесѣ „не лишены были глубокаго смысла въ ту пору, когда писалъ Котляревскій, да и теперь еще сохраняютъ свое значеніе“. Но помимо этихъ разсужденій, Москаль-Чаривныкъ есть все-таки веселая шутка, которой профессоръ придаетъ большое значеніе. Къ ней, говоритъ онъ, можно приложить слѣдующія слова: „шутка, кстати сдѣланная, больше дѣлаетъ иногда пользы, чѣмъ строгія наставленія“. Вообще-же говоря, по заключенію профессора, „украинская опера Котляревскаго — одна изъ самыхъ талантливыхъ и интересныхъ по идеѣ, вложенной въ скудную опереточную фабулу, и по обрисовкѣ характеровъ“ [2]). Такъ дополняетъ проф. Дашкевичъ свой отзывъ о Москалѣ-Чаривныкѣ, начатый имъ еще въ 1889 г. Въ цитируемой нами статьѣ есть еще одно интересное замѣчаніе, касающееся Энеиды. По поводу Тетяны изслѣдователь говоритъ слѣдующее: „въ ея рѣчахъ мы узнаемъ воззрѣнія автора „Энеиды“, горячо любившаго народъ и клеймившаго смѣшныя явленія жизни съ силою и яркостью, нѣсколько напоминающими кисть Гоголя“.—Этотъ новый

[1]) Ib.—стр. 478.
[2]) Ibid.—стр. 480.

отзывъ объ Энеидѣ рисуетъ намъ воззрѣнія проф. Дашкевича, на творчество нашего поэта еще ярче. Одновременно съ статьей проф. Дашкевича, появилась въ Галиціи статья г. Сергіенка, также относящаяся къ Котляревскому [1]). Новыхъ какихъ нибудь выводовъ о творчествѣ его эта статья не даетъ, за то она интересна самымъ фактомъ своего появленія: въ ней намѣчаются тѣ главнѣйшіе вопросы, которые нужно было-бы рѣшить въ отношеніи Энеиды, и указывается на то важное значеніе, какое имѣютъ въ исторіи украинскаго народа произведенія нашего поэта. Статья г. Сергіенка наглядно, такимъ образомъ, показываетъ, насколько прочно въ украинской наукѣ установилось серьезное реномме Котляревскаго, какъ писателя... Произведенія его заслуживаютъ тщательняго изученія и такое изученіе, отодвинутое отъ его времени почти на цѣлый вѣкъ, должно какъ нельзя лучше показать, что значилъ Котляревскій и для своего времени и для послѣдующей украинской литературы: сдѣлать это тѣмъ возможнѣй что въ наше время легче быть безпристрастнымъ въ оцѣнкѣ Котляревскаго, чѣмъ, напримѣръ, во время Кулиша, а съ другой стороны, широкая критика его произведеній уже проложила прекрасный путь для такой объективной оцѣнки. Какъ-бы то ни было, но возможность серьезнаго изученія произведеній Котляревскаго обратилась теперь въ существующій фактъ, который и статья г. Сергіенко подтверждаетъ также. Въ 1885 году о Котляревскомъ упоминаютъ снова. Оригинальнаго, впрочемъ, въ этомъ упоминаніи нѣтъ ничего, такъ какъ оно выразилось въ перепечаткѣ той части статьи г. Минскаго, гдѣ сравнивается Энеида Осипова съ украинской Энеидой [2]). Самая эта часть статьи г. Минскаго перепечатана была именно по поводу русской Энеиды, выдержки изъ которой помѣщены были въ числѣ отрывковъ изъ русскихъ писателей. Перепечатка мыслей г. Минскаго о Котляревскомъ также свидѣтельствуетъ ясно, что благо-

---

[1]) Записки тов. імени Шевченка 1893 р. „Desiderata до ювілею Котляревського".

[2]) Венгеровъ—Русская поэзія. 1895 г. I-й томъ 5-й выпускъ—стр. 806—810.

склонное отношеніе русской критики къ послѣднему существуетъ въ полной силѣ и по нынѣ. Какъ сводъ всѣхъ мнѣній о Котляревскомъ, въ Энциклопедическомъ Петербургскомъ Словарѣ помѣщена была замѣтка о его жизни и произведеніяхъ. Біографія страдаетъ, къ сожалѣнію, неточностями, но отзывы автора замѣтки о нашемъ поэтѣ нѣкоторый интересъ представляютъ. По мнѣнію біографа, украинская Энеида есть—„классическое произведеніе малорусской литературы по простотѣ и изяществу стиля и историко-хохлацкой (?) ироніи". Вопросъ о подражаніи Котляревскаго Осипову онъ считаетъ рѣшеннымъ въ смыслѣ положительномъ, но въ Энеидѣ перваго находитъ и самостоятельность, которая—„обнаруживается въ языкѣ и во многихъ оригинальныхъ эпизодахъ съ большимъ талантомъ". Не худшаго мнѣнія „біографъ и о другихъ произведеніяхъ Котляревскаго. Говоря о Нат.-Полт. и Моск.-Чаривн., онъ замѣчаетъ, что Котляревскій написалъ пьесы—„до настоящаго времени занимающія первостепенное мѣсто въ малорусскомъ репертуарѣ". Замѣчанія эти не вполнѣ точны, но все-таки болѣе или менѣе правдивы. На этомъ отзывѣ мы и закончимъ рядъ долголѣтнихъ оцѣнокъ Котляревскаго, упомянувъ только объ одной замѣткѣ г. Лазаревскаго [2]), перепечатавшаго нѣкоторыя данныя изъ статьи С. Каминскаго, которая появилась, какъ мы знаемъ, въ 1839 году. Замѣтка эта имѣетъ скорѣе біографическій характеръ и теперь для насъ интереса не представляетъ, поэтому говорить о ней пока мы не будемъ. Этой замѣткой упоминанія о Котляревскомъ въ литературѣ кончаются. Такимъ образомъ мы разсмотрѣли главнѣйшія сужденія о немъ, имѣвшія мѣсто въ русской и украинской печати. Остается только разобраться въ пестрой картинѣ этихъ сужденій, съ различной стороны оцѣнивавшихъ Котляревскаго и отводившихъ ему въ украинской литературѣ то или другое мѣсто. Сдѣлать это довольно не трудно, такъ какъ большинство этихъ сужденій въ глав-

---

[1]) Энциклопедическій словарь—изданіе Брокгауза.

[2]) Кіевская Старина—1897 г. Апрѣль. Поѣздка въ Полтаву стр. 66—67.

ныхъ своихъ чертахъ представляетъ очень много общаго. Насколько можно было видѣть изъ вышесказаннаго, сужденія о Котляревскомъ вплоть до 80-хъ годовъ: одни критики видѣли въ произведеніяхъ его только достоинства,—другіе—отмѣчали въ нихъ наряду съ достоинствами и недостатки, наконецъ, третьи,—сводили достоинства произведеній Котляревскаго почти къ нулю и какъ-бы хотѣли сказать, что онъ лучше сдѣлалъ-бы если-бы не писалъ ничего.

Къ первому типу критиковъ слѣдуетъ отнести, главнымъ образомъ, Срезневскаго, рецензентовъ Сына Отечества, Сѣверной Пчелы, Русскаго Инвалида и Отечественныхъ Записокъ за 1839 г., С. Каминскаго, и солидарнаго съ нимъ рецензента Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1839 г., затѣмъ В. Пассека, нашедшаго согласнаго съ собой рецензента Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1841 годъ; Шевченка, Евецкаго, Сементовскаго, затѣмъ рецензента солидарной съ критикомъ Сѣверной Пчелы за 1849 годъ. Головацкаго, Мокрицкаго и Катранова къ типу вторыхъ критиковъ слѣдуетъ отнести рецензента Библіотеки для чтенія за 1843 г., Костомарова, проф. Котляревскаго, Чибисова, Данилевскаго, Пыпина и Онишкевича. Къ третьему роду критиковъ слѣдуетъ отнести Рудыковскаго, Кулиша, Марусю К. и Пискунова. Послѣ указанія лицъ, такъ или иначе относившихся къ произведеніямъ нашего поэта, важно теперь систематически классифицировать какъ тѣ достоинства, такъ и недостатки его поэзіи, которые указывались критикой. Изъ положительныхъ качествъ отмѣчали народность ея (Срезневскій, Русскій Инвалидъ 39 года, Отечественныя записки 39 года, С. Каминскій, Костомаровъ, Сементовскій, отчасти проф. Котляревскій, Катрановъ, Пыпинъ), затѣмъ художественную обработку сюжета (Сѣверная Пчела 39 года, Сынъ Отечества 39 года, Евецкій), прекрасный языкъ произведеній (Отеч. Записки 39 года, Сѣверная Пчела 39 г. Костомаровъ, Чибисовъ, Данилевскій), неподдѣльный юморъ (Отеч. Записки 39 г., С. Каминскій, Библіотека для чтенія за 1843 г., Костомаровъ, Пыпинъ, Онишкевичъ—). Изъ главнѣй-

шихъ недостатковъ указывали на нѣкоторую сантиментальность (Кулишъ, Пыпинъ, Костомаровъ), на встрѣчающуюся каррикатурность (Костомаровъ, Котляревскій, Кулишъ), на неудачный стихотворный размѣръ (Костомаровъ, Кулишъ, Пискуновъ), на гвубоватость юмора (Библіотека для чтенія за 43 г.). При этомъ нужно замѣтить, что противъ нѣкоторыхъ замѣчаній о недостаткахъ произведеній Котляревскаго выставлялись возраженія, защищавшія послѣдняго (Котляревскій, Мокрицкій). За то нѣкоторые писатели, кромѣ указанія упомянутыхъ недостатковъ, отвергаютъ и всѣ почти отмѣченныя нами достоинства его поэзіи, сводя ихъ, какъ мы сказали, почти къ нулю. Изъ критиковъ, развѣнчивавшихъ нашего поэта, слѣдуетъ упомянуть Кулиша, Марусю К. и отчасти Данилевскаго. Первый, какъ мы видѣли, отнесся къ Котляревскому очень строго; онъ обвинилъ его въ антинародности, въ аффектаціи, въ неуваженіи къ народу и его языку, въ сервилизмѣ и вообще произведенія его не считалъ пріобрѣтеніемъ для украинской литературы. Маруся К. признала драматическія произведенія нашего поэта антихудожественными и потому антинародными. Данилевскій нашелъ въ Энеидѣ немало снотворности и воды. Онишкевичъ равно, какъ и Маруся К., повторилъ часть мнѣній Кулиша. Итакъ, до 1880 года въ литературѣ о Котляревскомъ замѣчается полная неустойчивость мнѣній о его творчествѣ, въ которой неопытному читателю оріентироваться довольно не легко. Съ 1880 г. картина этихъ мнѣній мѣняется постепенно почти совсѣмъ. Въ начатыхъ проф. Петровымъ статьяхъ объ украинской литературѣ произведенія Котляревскаго подвергаются особенно серьезному изученію и подводится итогъ ихъ критикѣ. Недостатковъ поэзіи Котляревскаго профессоръ не указываетъ, хотя, вѣроятно, ихъ подмѣтилъ, но изъ достоинствъ особенно ставитъ въ заслугу прежде указанныя: хорошій языкъ, народность и художественность. Въ 1881-мъ и 1882-мъ годахъ совершилось еще болѣе крупное событіе: Кулишъ и Кошовый (Маруся К.) отказались отъ своихъ прежнихъ мнѣній о Котляревскомъ и поставили его произведенія очень высоко. Первый

нашелъ въ нихъ даже демократичность, а второй называетъ его, преимущественно за Энеиду, сатирикомъ, надѣленнымъ самыми возвышенными настроеніями. Эти отзывы уничтожаютъ, конечно, прежнія мнѣнія тѣхъ-же критиковъ и ставятъ Котляревскаго на высокій пьедесталъ. Въ слѣдующемъ году Костомаровъ повторилъ прежній свой отзывъ о поэзіи Котляревскаго, причемъ, возражая Кулишу, главнымъ образомъ оспаривалъ значеніе Энеиды, какъ пародіи. Въ 1884—5 г.г. появилась хорошая въ общемъ статья г. Минскаго, который подтверждаетъ замѣчанія прежнихъ критиковъ, высоко ставившихъ произведенія нашего поэта за ихъ языкъ, народность, художественность и искреннюю отчасти чувствительность. Съ нѣкоторыми оговорками тотъ-же отзывъ повторилъ въ 1889 г. проф. Огоновскій, и, наконецъ, въ двухъ своихъ статьяхъ 1889 и 1893 г.г. проф. Дашкевичъ еще тверже установилъ мнѣніе о такихъ достоинствахъ произведеній Котляревскаго, какъ хорошій языкъ, юмористическій оттѣнокъ, реально-народное содержаніе и художественную до нѣкоторой степени разработку сюжетовъ. Вотъ, такимъ образомъ, рядъ систематизированныхъ мыслей о крупныхъ достоинствахъ произведеній Котляревскаго, недостатки котораго указывались, наоборотъ, самые незначительные. Послѣ всего вышесказаннаго, не трудно изобразить теперь, какъ сущность его творчества, такъ и вытекающее отсюда значеніе послѣдняго. На основаніи главнѣйшихъ сужденій о поэтѣ, произведенія его представляютъ, слѣдовательно, довольно художественныя созданія, отмѣченныя печатью народности, которая выражается въ народномъ языкѣ, юморѣ, въ картинахъ народнаго быта и народной психики. Высокое значеніе ихъ также поэтому ясно: какъ художественное изображеніе жизни, произведенія Котляревскаго являются важными источниками для многосторонняго познанія послѣдней. На это значеніе его произведеній, въ частности „Наталки-Полтавки", указалъ еще, какъ намъ извѣстно, въ 1838 г. Срезневскій. Помимо такого, такъ сказать, безотносительнаго или чисто-художественнаго ихъ значенія, можно отмѣтить также общественно-историческую ихъ важность, какъ

для современниковъ поэта, такъ и для его потомковъ, но распространяться объ этомъ мы пока не станемъ. Не говоря объ историческомъ значеніи Котляревскаго, мы скажемъ здѣсь только то, что оно должно считаться несомнѣннымъ. На фактъ существованія его указываетъ хотя-бы одно количество изданій произведеній Котляревскаго,—и въ частности его Энеиды. И при жизни поэта, и послѣ его смерти ихъ было не мало; а драматическія его произведенія хотя до конца его жизни и не издавались, но за то ставились на сценѣ безпрестанно. Этотъ фактъ показываетъ наглядно, что произведенія Котляревскаго, какъ замѣчено было когда-то и въ Основѣ (1861 г. № 2-й), удовлетворяли извѣстнымъ потребностямъ, украинскаго общества. Какимъ именно потребностямъ, мы указывать пока не станемъ; не станемъ теперь говорить и о томъ вліяніи, какое имѣлъ Котляревскій на послѣдующую украинскую литературу. И оно несомнѣнно было также, ибо первые украинскіе писатели были вмѣстѣ съ тѣмъ и читатели Котляревскаго. Но объ этомъ потомъ... Теперь-же остановимся на разсмотрѣніи данныхъ о художественномъ значеніи его творчества, которыя мы получили путемъ ихъ изученія. Субстанція этого творчества, какъ мы видѣли, критикой опредѣлена, художественное значеніе также,—остается только нерѣшеннымъ одинъ вопросъ: правильно-ли сдѣланы всѣ указанія по данному вопросу и вѣрно-ли, на основаніи ихъ, освѣщено творчество Котляревскаго? Этотъ вопросъ находится открытымъ и рѣшить его можно только путемъ анализа, къ чему мы теперь и приступимъ.

И. Стешенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Домикъ Котляревскаго въ Полтавѣ.

(*Къ рисунку*).

Какъ Шевченко относился къ памяти Котляревскаго это видно изъ его стиховъ „На вичну память Котляревського". Поэтъ говоритъ: „не вмре кобзарь, (Котляревскій), бо навики ёго привитала слава".—„Будешъ, батьку, панувати, продолжаетъ поэтъ, поки живуть люде, поки сонце зъ неба сяе, тебе не забудуть".

Мы не знаемъ, когда Шевченко посѣтилъ, или посѣщалъ, Полтаву, но несомнѣнно, что онъ въ ней былъ: приложенный къ этой книжкѣ Шевченковъ рисунокъ домика Котляревскаго (въ Полтавѣ)—свидѣтельствуетъ объ этомъ. Шевченко много ѣздилъ по Полтавской губерніи въ 1843—44 г.г.; очень можетъ быть, что въ это время посѣтилъ онъ и Полтаву, и не забылъ здѣсь не только осмотрѣть домикъ Котляревскаго, но и срисовать его. Этотъ рисунокъ сохраняется въ богатой „Шевченковіанѣ" В. В. Тарновскаго, которому редакція Кіевской Старины и обязана за возможность обнародовать этотъ интересный памятникъ уваженія автора *Кобзаря* къ автору *Энеиды*.

Рисунокъ домика Котляревскаго былъ уже разъ изданъ—покойнымъ Г. П. Данилевскимъ, при его статьѣ „Полтавская

Старина“, напечатанной въ февральской книгѣ Журн. М. Нар. Пр. за 1856 г. Издавая свой рисунокъ, Данилевскій пояснилъ его текстомъ, въ которомъ говоритъ: „этотъ полуразвалившійся домикъ находится за соборомъ, на самой окраинѣ обрыва. Здѣсь Котляревскій жилъ и здѣсь же скончался. Послѣ него домикъ достался Надеждѣ Педченковой, которой и теперь принадлежитъ. Домъ этотъ подъ № 57, 2 ч., 1-го кварт., отдается подъ постой и въ немъ помѣщается теперь часть солдатъ мѣстной гарнизонной команды. Грустно видѣть этотъ историческій домикъ въ его теперешнемъ положеніи. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ и онъ совсѣмъ разрушится. Домикъ помѣщается въ полуразвалившемся дворѣ, бокомъ противъ воротъ. Направо противъ длиннаго крыльца, обрывъ надъ Никольскимъ оврагомъ Налѣво—амбаръ и сарай; далѣе садъ, куда выходитъ задняя часть дома. Крыша на домѣ обваливается; трубы едва держатся. Противъ воротъ три окна. На крытое крыльцо выходитъ двѣ двери и еще три окна. Домъ весь длиною въ двадцать пять шаговъ. Въ садъ выходитъ четыре (?). При входѣ съ крыльца, въ сѣняхъ три двери: налѣво, прямо и направо. Комната прямо, мимо печки въ сѣняхъ, съ огромною печью и палатями. Направо изъ сѣней—комната также съ печью. Изъ этой комнаты еще двѣ свѣтелки: одна налѣво въ садъ; другая съ тремя окнами, къ сторонѣ обрыва надъ Ворсклой и второю двери (дверью?) на крыльцо. Потолокъ здѣсь подпертъ бревномъ, потому что давно грозитъ паденіемъ. Комната изъ сѣней налѣво—въ два окна противъ воротъ и въ два окна на крыльцо, вся длиною въ семь шаговъ. Въ этой комнатѣ замѣчательно поперечное толстое бревно подъ потолкомъ, по мѣстному названію—*сволокъ*. Въ старину домъ внутри не бѣлился; поэтому иногда дерево его украшалось рѣзьбою. На упомянутомъ сволокѣ, расчиствивъ замазку, мы нашли, по указаніямъ старожиловъ, слѣдующую достопамятную надпись: **Создася домъ сей во имя О҃ца и С҃на и С҃таго Д҃ха. Аминь. Року аѱе** (1705) **м҃ца ав. а** (августа 1-го)“.

Въ настоящее время домикъ Котляревскаго существуетъ въ перестроенномъ видѣ и принадлежитъ В. А. Сухиновой. Рисунокъ перестроеннаго домика помѣщенъ при замѣткѣ г. Бучневича *О домикѣ Котляревскаго*, напечатанной въ Историч. Вѣсн. въ прошломъ году (1897 г., № 12, стр. 943—947). Здѣсь мы читаемъ: „Домикъ Котляревскаго, говорятъ, стоялъ тамъ, гдѣ теперь проходитъ заборъ, раздѣляющій усадьбу на двѣ части. Въ кухнѣ флигеля отъ стараго дома сохранился одинъ лишь „трамъ“ или „сволокъ“, но уже не въ цѣломъ видѣ. Очевидно, съ двухъ концовъ онъ урѣзанъ, такъ что изъ прежней надписи (1705 г., которую г. Бучневичъ въ своей замѣткѣ также приводитъ) бывшей на немъ, можно прочесть лишь слѣдующія слова: „...сей во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Року 1705, мѣсяца авг...“ По срединѣ этихъ словъ есть пустое мѣсто, какое оставляется на такихъ же трамахъ и въ настоящее время“.

Изъ замѣтки г. Бучневича видно, что остатки домика Котляревскаго еще существуютъ... Желательно бы сберечь хотя этотъ несомнѣнно находившійся въ домикѣ Котляревскаго *сволокъ*...

Документы, извѣстія и замѣтки.

Два письма о Котляревскомъ. Въ 1860 г. П. А. Кулишъ собирался издать сочиненія Котляревскаго и по этому случаю справлялся въ Полтавѣ о родственникахъ автора перелицованной Энеиды, къ которымъ могли перейти авторскія права Котляревскаго. На этотъ запросъ Кулиша имъ было получено два письма: одно отъ Стронина, тогдашняго училеля, кажется, полтавской гимназіи, и Ст. П. Стеблина-Каменскаго, отецъ котораго былъ едва-ли не самымъ близкимъ человѣкомъ къ Котляревскому. Оба эти письма, доставленныя въ редакцію Гр. Ст. Вашкевичемъ, печатаемъ здѣсь полностью, такъ какъ заключающіеся въ нихъ факты могутъ имѣть кой-какой интересъ, особенно въ виду вообще бѣдности свѣдѣній о Котляревскомъ.

1) Письмо Стронина. М. г. Пантелеймонъ Александровичъ! За свѣдѣніями, для васъ нужными, я обращался, по совѣту майора, о которомъ Симонову писалъ я, къ семейству, находившемуся въ еще болѣе дружескихъ отношеніяхъ съ Котляревскимъ, семейству покойнаго друга его Стеблина, владѣтеля рукописей его. Здѣсь я узналъ слѣдующее. Ненапечатанныхъ сочиненій Котляревскаго всего только одно, и то переводъ, да еще переводъ Евангельскихъ размышленій на русскій языкъ 4 тома (съ французскаго). Впрочемъ, рукопись эту вы можете видѣть въ Публичной библіотекѣ, которой она, вмѣстѣ съ прочими, подарена отъ Стеблиныхъ, за что и получена ими благодарность отъ Корфа съ объясненіемъ, что до тѣхъ поръ въ библіотекѣ не было ни одной строчки автографа Котляревскаго.

Что касается біографіи, то она была уже написана и напечатана однимъ изъ сыновей покойнаго Стеблина въ Сѣверной Пчелѣ 1839 года, № 146. Этотъ же Стеблинъ написалъ теперь новую, дополнительную, но онъ обѣщалъ уже ее для сборника, который мы намѣрены издать въ пользу предполагаемой здѣсь женской гимназіи, а потому и передать ее Вамъ не можемъ [1]). Впрочемъ и здѣсь онъ не помѣстилъ многихъ чертъ, которыя теперь самъ разсказываетъ и которыми я просилъ его еще дополнить свою біографію. Такъ, напр., когда Александръ I былъ здѣсь въ Полтавѣ и хотѣлъ, благодаря видѣнной имъ здѣсь «Наталкѣ», наградить автора, по мѣсту его службы, чиномъ-гражданскимъ, то Репнинъ сказалъ Государю, что онъ этимъ обидитъ Котляревскаго, вслѣдствіе чего и послѣдовалъ чинъ маіора. Или, напр., Некрасовцы, перевозя однажды Котляревскаго черезъ рѣку, когда они узнали, кого они везутъ, упали ему въ ноги [2]).

Отъ этого то самого біографа и прилагаю я здѣсь удостовѣреніе, которое вамъ нужно.

Вопросъ о «Хатѣ» съ пріѣздомъ Пильчикова разрѣшенъ. А что касается прочихъ (о Словарѣ, о Коліяхъ), то я буду имѣть ихъ въ виду.

Пользуюсь этимъ случаемъ и для того, чтобы доставить вамъ счетъ о продажѣ мною вашихъ книжекъ, который давно за мной въ долгу, за это и прошу извинить меня великодушно: обыкновенно я бываю аккуратнѣе.

Желая счастливаго исхода всѣмъ вашимъ благимъ предначертаніямъ, остаюсь весь вашъ Александръ Стронинъ.

Полтава 1860. Марта 20.

2) *Письмо Стеблина-Каменскаго.* М. г. Пантелеймонъ Александровичъ! Покойный отецъ мой былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ друзей автора Энеиды на малороссійскомъ языкѣ, Ивана Петровича Котляревскаго, съ которымъ и я самъ былъ лично очень хорошо знакомъ; посему мнѣ совершенно извѣстно, что послѣ Котляревскаго, жившаго и умершаго одинокимъ, не осталось никакихъ прямыхъ наслѣдниковъ,—и права на печатаніе своихъ сочиненій онъ никому рѣши-

---

[1]) Сборникъ этотъ, кажется, не состоялся, п. ч. написанная С. П. Стеблинымъ-Каменскимъ „новая“ біографія Котляревскаго была напечатана въ Полтавѣ, отдѣльною брошюрою. *Ред.*

[2]) Что-то мало вѣроятный фактъ.... *Ред.*

тельно не передавалъ, о чемъ согласно вопросу вашему, спѣшу имѣть честь васъ увѣдомить.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою Степанъ Стеблинъ-Каменскій (Отставной учитель полтавской гимназіи).

Полтава. 1860 года, марта 15 дня.

Замѣтка по поводу Валлонскаго и Сицилійскаго сборниковъ по фольклору. (*Eugéne Monseur. Le Folklore Wallon.* Bruxelles. Charles Rozez.—*Arturo Trombatore. Folklore catanese.* Torino. 1896). Въ предисловіи къ валлонскому сборнику предметомъ фольклора признается совокупность данныхъ народной жизни, развившихся внѣ цивилизаціи и помимо ея (XX, XXI). Помощью фольклора уясняется ходъ развитія сознанія въ человѣчествѣ, и какое нибудь деревенское суевѣріе освѣщаетъ иногда темную историческую загадку (XXVI, XXXV). Согласно съ такимъ пониманіемъ задачи фольклора, въ валлонскомъ сборникѣ заключаются: народныя повѣрья, предразсудки, примѣты, лекарства, молитвы, пѣсни и сказки. Такое же почти содержаніе и сицилійскаго сборника. Живыми чертами обрисованы въ послѣднемъ праздники съ ихъ пышными процессіями, народнымъ разгуломъ и выдающеюся ролью женщинъ, которыхъ авторъ называетъ «megere infuriati» (...le donne, che fanno ciascuna per quattro uomini... Fl. cat. p. 124, 125),—что очень напоминаетъ наши малорусскія народныя увеселенія (напр., въ моей «деревенской оргіи» въ Кіев. Стар. 1894 г., XII, с. 488). Въ праздничномъ культѣ валлонскомъ, сицилійскомъ, малорусскомъ вообще много сходнаго. Такъ, въ Бельгіи въ день Св. Іоанна погружали прежде въ Маасъ статую святого, люди купались въ рѣкѣ или умывались освященной водой, а молодежь прыгала чрезъ костры (Fl. wal. p. 130)—мѣстное выраженіе общеевропейскаго обычая очищенія прыганьемъ чрезъ огонь и окропленіемъ водой, пріуроченнаго у римлянъ къ весеннимъ праздникамъ Pales (lustratio), у славянъ, въ томъ числѣ и у насъ — къ купалу. (См. Молодыкъ 1843 г. стр. 107—112; Б.-Кам.

Истор. Малор. ч. Ш, с. 198; Чуб. Тр. Эксп. III. стр. 194 и Сахар. Сказ. Рус. Нар. Спт. 1885 г., стр. 85). Затѣмъ, дѣти возлѣ Льежа молятся Св. Мартину объ урожаѣ яблокъ и грушъ въ саду:

Bon sin Mârtin
Avoyî de pom è di peûr
E nos djârdin

А хозяева окуриваютъ соломой и сѣномъ фруктовыя деревья, какой пріемъ наблюдается и у насъ (Fl. wal. 73, p. 133., Чуб. Ш. с. 2). У обоихъ народовъ Св. Катерина признается покровительницей дѣвицъ (Fl. wal. 73 Чуб. III, стр. 257), а Св. Антоній лошадей, какъ въ Катаньи, такъ и въ с. Подлисцахъ, Волынской губ., гдѣ его католическій образъ окруженъ серебряными подвѣсками съ конскими изображеніями (Fl. cat. p. 39, Кіев. Стар. 1893 г., IX, с. 325). Народныя молитвы объ исцѣленіи отъ болѣзней, отъ колдовства, сглаза (jettatura, mal'ochio) обращены между прочимъ къ Богородицѣ и св. Георгію, какъ и наши заговоры. Въ Сициліи только обращаются къ святымъ не съ одними молитвами и чествованіемъ; иногда ихъ подвергаютъ тамъ и наказанію. Въ Пьяно, напр., держали въ заключеніи статую Св. Антонина въ засуху, покуда не пошелъ дождь (Fl. cat. p. 47). Среди суевѣрій любопытенъ валлонскій способъ разысканія трупа, поглощеннаго водой, для чего опускаютъ въ воду освященный хлѣбъ и вѣрятъ, что утопленникъ останавливаетъ его рукой (Fl. wal. p. 27). Въ подобныхъ обстоятельствахъ чехи бросаютъ духу водъ хлѣбъ и свѣчи (Тэйл., Первоб. культура т. I, с. 270), а въ лубенскомъ уѣздѣ по берегамъ Сулы на воду пускаютъ деревянную тарелку съ хлѣбомъ, солью, ладаномъ, освященной пшеницей и горящей страстной свѣчей. Тарелка, приплывая къ мѣсту, гдѣ скрывается мертвое тѣло, останавливается и начинаетъ кружиться; по этому указанію отыскиваютъ тѣло, а самое мѣсто затягивается навсегда тиной. Мертвецы у валлоновъ, какъ у насъ, приходятъ за молитвами для улучшенія своей участи и чужой (Fl. wal p. 4). Еще болѣе общаго въ повѣрьяхъ о вѣдьмахъ; и у валлоновъ есть прирожденныя, наслѣдственныя вѣдьмы: старшая дочь вѣдьмы по смерти матери дѣлается вѣдьмой. Онѣ обладаютъ способностью: 1) извѣстными движеніями производить бурю, 2) вредить прикосновеньемъ, лаской, поцѣлуемъ, 3) превращаться въ кошку, собаку, жабу и т. д. (обожженныя кошки и жаба оказались: первая—сосѣдкой, вторая—тещей сжигавшимъ ихъ. (Fl. wal.

р. 85, 86, 90, 91). Близко къ разсказамъ о вѣдьмахъ стоятъ сицилійскія сказанія о душахъ живыхъ женщинъ (donne di casa), которыя блуждаютъ по опредѣленнымъ днямъ и часамъ, вредятъ людямъ, похищаютъ дѣтей, тогда какъ тѣла ихъ лежатъ на постеляхъ. Если однако душа не успѣетъ къ сроку войти въ тѣло, то donna di casa обращается въ жабу или лягушку (Fl. ct., p. 11, 12). Въ этомъ вѣрованіи отразилось древнѣйшее представленіе человѣчества о двойственномъ существованіи, по которому душа во снѣ, отдѣляясь отъ тѣла и живя самостоятельной жизнью, охотится, танцуетъ, навѣщаетъ друзей, враговъ, предковъ, бесѣдуетъ съ послѣдними и получаетъ отъ нихъ указанія (Спенсеръ, Основ., соціол., стр 152; Тэйл., Первоб. культ. I, с. 23; Лёббокъ. Нач. цивил. Спт. 1876 г., стр. 156, 157). Сюда же примыкаютъ и наши вѣрованія о полетѣ вѣдьмъ, которыхъ тѣла или оболочки (тулубы, облуды) остаются въ это время на мѣстѣ. (См. Очеркъ демонол. Малор. въ Москвит. 1842 г. XII, Смѣсь, стр. 112—120,—о превращеніи вѣдьмъ и управленіи ими погодой; Чуб. т. I. с. 197,—о превращеніи вѣдьмъ (стр. 205) въ лягушку (стр. 204), объ оставленіи туловища;—Ивановъ въ сбор. Хар. Ист. Фил. Общ. стр. 76, объ оставленіи туловища (стр, 161, 180—200) о превращеніяхъ вѣдьмъ, и на стр. 214 объ исчезающемъ вѣрованіи въ способность вѣдьмы управлять погодой)—Въ разсматриваемыхъ сборникахъ есть и еще много мелкихъ примѣтъ, замѣчаній, народно-медицинскихъ средствъ и сказочныхъ темъ, кромѣ приведенныхъ, сходныхъ съ нашими, что и дѣлаетъ эти сборники вдвойнѣ интересными малороссіянину.

В. Милорадовичъ.

Неосуществившійся журналъ Кулиша—Хата. Какъ видно изъ печатаемаго здѣсь оффиціальнаго извѣщенія, Кулишъ предполагалъ издавать *южно-русскій журналъ*, такой точно, какъ позже появившаяся *Основа*, которая, вѣроятно, и была продолженіемъ мысли Кулиша.

«Отъ министерства народнаго просвѣщенія на поданное губернскимъ секретаремъ Пантелеймономъ Александровымъ Кулишемъ, отъ 23 октября сего года, прошеніе, касательно дозволенія ему изда-

вать журналъ подъ заглавіемъ: *Хата, южно-русскій* (должно быть—*журналъ*) *словесности*, *исторіи*, *этнографіи и сельскаго хозяйства*, симъ объявляется что въ слѣдствіе полученныхъ министерстомъ свѣдѣній не признано возможнымъ хадатайствовать о разрѣшеніи ему изданія журнала. 24 декабря 1858 года. № 2489. Директоръ канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія А. Берте. Старшій секретарь Пр. Янкевичъ». (*Съ подлинника*).

Сообщилъ. **Гр. Ст. Вашкевичъ**.

Осина въ вѣрованіяхъ и въ понятіи народа на Волыни.

Къ числу деревьевъ и растеній, занимающихъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ вѣрованіяхъ простого народа—принадлежитъ осина. Въ народныхъ пѣсняхъ осина не встрѣчается и не воспѣвается, подобно тому, какъ воспѣваются дубъ, явиръ, тополя, береза, калына, верба; но въ вѣрованіяхъ простого народа—его суевѣріяхъ и повѣрьяхъ—осина встрѣчается очень часто. Можно сказать, что почти всѣ суевѣрія и повѣрія народа о чертовщинѣ, о вѣдьмахъ, выходахъ съ того свѣта тѣсно и неразрывно связаны съ представленіемъ объ осинѣ, какъ объ оберегѣ и предохранителѣ отъ всей этой «нечисти».—

По распространенному въ староконстантиновскомъ и заславскомъ уѣздахъ (и насколько мнѣ извѣстно—по всей Волыни) среди простого народа повѣрью—Іуда повѣсился на осинѣ, и потому то она «завше трусыця», даже и тогда, когда на дворѣ совсѣмъ спокойно и нѣтъ ни малѣйшаго вѣтерка.—Относительно постояннаго дрожанія листьевъ осины на Волыни есть еще одно повѣрье (впрочемъ малораспространенное), слышанное мною въ заславскомъ уѣздѣ, въ с. Бѣлевѣ отъ кр. Ефросиніи Морозовой.—Вотъ оно: «то булы десь и колысь дви видьмы: маты и дочка. Обыдви булы дуже велыки видьмы, и дуже межъ собою неладылы; идна другу страшне ненавыдила и идна другій пакостыла. Отъ разъ маты видьма заманыла до себе дочку видьму и вбыла іи, а тило іи поризала на кускы и розвишала по всимъ деревьямъ по кавалку. Не повисыла видьма маты кавалка тила вбытои дочкы тылько на одну осычыну; осычына задрижала видъ завысти и злости, и зъ того часу дрижытъ и трусыця вона видъ злости и донынi»... Повѣрье это—варіантъ или

отголосокъ подобнаго же повѣрья, распространеннаго въ Литвѣ, и сообщеннаго Карловичемъ въ его статьѣ: «Podania i bajki ludowe, zebrane na Litwie», напечатан. въ «Zbior wiadom.» т. XI и XIII.

О человѣкѣ, который почему либо дрожитъ и трусится, на Волыни есть поговорка: «трусыця—якъ осычына»,—О злыхъ людяхъ на Волыни же (староконст. уѣздъ) есть брань: бодай ты (или: бодай винъ) повисывся на сухи осыци; или просто въ видѣ отзыва, характеристики о человѣкѣ: «его (треба) повисыты на сухій осыци.

При всей такой несимпатіи, нелюбви народа къ осинѣ,— народъ считаетъ это дерево, какъ я уже сказалъ, первѣйшимъ оберегомъ и предохранительнымъ средствомъ отъ чертей, вѣдьмъ, покойниковъ, упырей и пр.

Такъ, по повѣрью народа, чтобы оберечь корову отъ вѣдьмы, если нельзя весь заборъ или огорожу вокругъ «оборы» сдѣлать изъ осиновыхъ кольевъ и жердей,—то нужно хотя изрѣдка въ заборѣ повтыкать осиновыя колья; тогда вѣдьма не пройдетъ черезъ такой заборъ и не подступитъ къ коровѣ. (старокон. и заславскій уѣзды). Въ крайности нужно, чтобы хотя тотъ колъ, къ которому привязываютъ корову, былъ осиновый (староконстантинов. уѣзда). Такое же повѣрье объ осиновой огорожѣ для предохраненія коровы отъ вѣдьмы записано Рокоссовской въ стат. «O swiecie roslinnym w podaniach ludu ruskiego na Wołyniu» — въ «Zbior wiadom.». Для предохраненія же коровъ отъ вѣдьмъ въ нѣкоторыхъ селахъ староконстантиновскаго уѣзда бабы надѣваютъ коровамъ и телятамъ на шею обручи, свитые изъ молодыхъ осиновыхъ прутьевъ; подкуриваютъ вымя коровы осиновыми листьями и корой.

Если покойникъ по ночамъ шатается и не даетъ людямъ покою, то, по общераспространенному положительно по всей Волыни повѣрью, первое средство избавиться отъ посѣщеній покойника—вбить въ могилу его осиновый колъ. Повѣрье это имѣетъ варіанты: въ однихъ мѣстахъ (уѣзды староконстантиновскій, заславскій) народъ говоритъ, что осиновый колъ просто нужно вбить въ могилу, а въ другихъ мѣстахъ (уѣзды ковельскій, владиміроволын.) народъ вѣритъ, что осиновымъ коломъ нужно пробить самого покойника въ гробу, чтобы его, такъ сказать, пригвоздить къ мѣсту. Второй варіантъ схожъ съ такимъ-же повѣрьемъ, распространеннымъ въ Самарск. губер. и сообщеннымъ Садовниковымъ въ его «Сказкахъ и преданіяхъ Самарскаго края», съ тою лишь разницею, что, по вѣрованію самарскаго народа, колъ покойнику нужно вбить *въ задъ.*

Для прекращенія продолжительной засухи, по понятію народа, нужно, если есть закопанный на кладбищѣ недавно похороненный самоубійца, а особенно, если то *висѣльникъ или утопленникъ*, выкопать его, вынести за село и тамъ закопать на «роздорожи», а въ могилу вбить осиновый колъ (старокон. у.).

Въ заславскомъ же уѣздѣ народъ говоритъ, что для прекращенія засухи нужно трупъ самоубійцы или бросить въ болото и тамъ пробить осиновымъ коломъ, или, если болота нѣтъ, то, закопавъ его за селомъ и вбивъ въ могилу осиновый колъ, могилу эту поливать водою—и тогда засуха прекратится и пойдетъ дождь.

Послѣдній варіантъ этого повѣрья—несомнѣнно отголосокъ такого же повѣрья, существующаго въ Кіевской губерніи, въ Бердичевскомъ уѣздѣ, какъ видно изъ статьи Кошовика «Живой упырь въ борьбѣ съ умершими упырями» (Кіев. Стар. 1884 г. кн. 1-я стр. 169—171), а также и въ чигиринскомъ уѣздѣ, о чемъ сообщаетъ Подбересскій въ стат. «Materyały do Demonologii ludu ukraińskego» — въ «Zbior wiadom.» т. IV. 3—83.

Подобное же повѣрье, какъ можно видѣть изъ ст. Краузе «Powrót umarłych na swiat.». («Wisła» 1890 г. III, стр. 657—683), существуетъ даже и въ Сербіи.

Также въ староконст. у. (д. Григоровка, с. Воронковцы), есть повѣрье, что если умретъ вѣдьма или упырь, то, чтобы онъ по ночамъ не шлялся и не безпокоилъ людей, нужно если не все «вико» (крышку) на «труни» или «домовыни» сдѣлать изъ осиновой доски, то хотя часть его; тогда «мрець» низачто уже не встанетъ изъ такой «домовыны»; осиновое «вико» не пуститъ его, а «мрець» не въ состояніи будетъ поднять его.—

Съ осиновой палкой въ рукахъ можно во всякое время ночи и куда угодно идти, и никакая нечисть не приступитъ къ человѣку. (Старокон. у)

Если на окнахъ и у дверей, когда ходитъ покойникъ, положить по куску осины, то покойникъ уже не войдетъ въ хату. (Заславск. уѣздъ).

Въ простонародной медицинѣ, въ лѣченіи и практикѣ сельскихъ бабокъ, знахарокъ и шептухъ, осина во всѣхъ родахъ и видахъ (осиновый корень, осиновая кора и осиновые листья) также играетъ важное значеніе, какъ цѣлебное лѣкарственное средство: осиновую кору пьютъ отъ лихорадки и т. п.

Вообще, какъ можно видѣть изъ литературы по этнографіи, осина, какъ оберегъ и предохранительное средство отъ чертей, вѣдьмъ, упырей и пр., пользуется значеніемъ не только у простого народа на Волыни и вообще въ Малороссіи, но и у простонародія Литвы, Польши, Бѣлоруссіи, у великороссовъ и даже у болгаръ, сербовъ и т. п.

Ив. Вѣньковскій.

Повѣрья и суевѣрія, относящіяся къ охотѣ. Ни съ однимъ изъ занятій или промысловъ у нашего простого народа не связано столько повѣрій и суевѣрій, какъ съ охотой. Существованіе такой массы повѣрій и суевѣрій, относящихся къ охотѣ, можно объяснить лишь тѣмъ, что охота есть одно изъ старѣйшихъ, древнѣйшихъ занятій.

Волынское Полѣсье, какъ видно уже изъ самого названія, изобилуетъ лѣсами, а благодаря обилію послѣднихъ, на Полѣсьи масса охотниковъ изъ простого народа, изъ крестьянъ; поэтому нигдѣ такъ не распространены, не вкоренены повѣрія и суевѣрія, относящіяся къ охотѣ, какъ здѣсь. Предлагаемыя здѣсь повѣрія и суевѣрія объ охотѣ записаны мною, главнымъ образомъ, на Волынскомъ Полѣсьи—въ ковельскомъ уѣздѣ.

На Полѣсьи есть масса охотниковъ, слывущихъ въ народѣ за знахарей, умѣющихъ «попсуваты, направыты стрельбу», и надобно сказать, что полѣшуки слѣпо вѣрятъ всѣмъ повѣріямъ и суевѣріямъ объ охотѣ; а всѣ такіе знахари по части охоты, порчи и исправленія ружей пользуются въ народѣ извѣстнымъ престижемъ, внушаютъ страхъ прочимъ охотникамъ незнахарямъ.

Такъ, по вѣрованію простого народа, есть много средствъ, чтобы «зипсуваты стрельбу», и чтобы самое хорошее, сильно и далеко бьющее ружье сдѣлать никуда негоднымъ. Такому знахарю достаточно лишь подержать въ рукахъ то ружье, которое онъ желаетъ испортить, или просто только взглянуть, посмотрѣть на ружье,—и ружье уже испорчено и бить не будетъ. Охотникъ изъ такой «зипсованной стрельбы» будетъ по прежнему стрѣлять, но никогда ничего неубьетъ изъ него: отъ дичи будутъ летѣть перья, шерсть клочьями, кровь

будетъ лить ручьемъ,—и все-таки дичь уйдетъ, а охотникъ ея не возьметъ.

Вслѣдствіе такого суевѣрія, большинство изъ охотниковъ—крестьянъ, напримѣръ, ни за что не дастъ въ руки, особенно незнакомому человѣку, своего ружья, изъ боязни, чтобы тотъ «не зипсовавъ его».

Знахари по части ружей и охоты всѣ такія средства порчи ихъ держатъ въ строжайшемъ секретѣ, и ни за что, ни за какія деньги не выдадутъ, не продадутъ своихъ секретовъ, особенно охотнику. Напримѣръ, въ селахъ ковельскаго уѣзда: Рѣчицѣ, Мельникахъ, Боркахъ, Хотешовѣ, Самарахъ—есть мужички-охотники, пользующіеся славой, что «знають до стрельбы и полюванья», но сколько я ихъ ни выспрашивалъ по части ихъ знахарства и секретовъ,—ни одинъ не сообщилъ мнѣ ничего, всѣ наотрѣзъ отказались сказать мнѣ что-нибудь, главнымъ образомъ, потому, что знаютъ меня тоже, какъ охотника.

—«На що вамъ, паночку, знаты цее; вы все идно въ се не вирыте и сміетесь надъ нашимы вымыcламы. Все идно мы вамъ збытка не зробымо и ваша стрельба буде быты добре»—отвѣтили мнѣ полѣсскіе знахари. Такъ я отъ нихъ ничего не добился, не дознался, а если что и собралъ и узналъ по интересующему меня вопросу,—то случайно, понемножку и не отъ знахарей. Почти въ каждомъ селѣ на Полѣсьи есть знахарь «до стрельбы».

Вотъ нѣсколько средствъ или суевѣрій по части порчи ружья.

Достать щепку «громобоя» (дубоваго дерева, въ которое ударилъ громъ), и именно ту щепку, которую громъ отломалъ отъ дерева, и достаточно ею лишь прикоснуться къ ружью, какъ ружье уже испортится. Это суевѣріе, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ селахъ имѣетъ варіанты: въ однихъ селахъ (Хотешовѣ и окрест. къ нему) говорятъ, что нужно самому быть свидѣтелемъ, видѣть, какъ громъ ударитъ въ дерево, и только щепка такого дерева имѣетъ дѣйствіе; другіе утверждаютъ, что необязательно, чтобы громъ отломилъ щепку, а что вообще щепка дерева, въ которое ударилъ громъ, имѣетъ значеніе, и, наконецъ, третьи вѣрятъ, что не обязательно, чтобы это былъ дубъ, что щепка всякаго дерева, въ которое ударилъ громъ, годится для порчи ружья.

Также, чтобы испортить ружье, чтобы его разорвало, нужно смазать его внутри кровью мѣсячнаго очищенія (регулъ) женщины.

Но самый, по вѣрованію простого народа, распространенный и общеупотребительный способъ порчи ружья—это наговоръ или нашептываніе при взглядѣ на ружье. Этому способу народъ найбольше вѣритъ и найбольше охотники-простолюдины его боятся.

Наряду со средствами для порчи ружей—есть средства для предохраненія ружей отъ порчи и «врокивъ». Къ числу такихъ предохранительныхъ средствъ относятся слѣдующія: берутъ живого ужа, впускаютъ въ стволъ заряженнаго ружья и выстрѣливаютъ,—тогда ружье уже не будетъ бояться «врокивъ», никто его «не зипсуе», и притомъ, самое плохое ружье будетъ бить хорошо, сильно и остро.

Для той же самой цѣли, вырываютъ у живого ужа языкъ, засушиваютъ его и привязываютъ къ ружью.

Для предохраненія ружья отъ «врокивъ» и порчи продѣлываютъ еще слѣдующее: заряжаютъ ружье, и до «сходъ сонця» стрѣляютъ изъ него, а сейчасъ послѣ выстрѣла мизинецъ лѣвой руки всаживаютъ въ стволъ и, отвернувшись отъ ружья, смотрятъ, повернувъ голову, назадъ себя, и при этомъ трижды сплевываютъ.

Для той же цѣли предохраненія ружья отъ порчи, а равно, чтобы, отправляясь на охоту, имѣть успѣхъ, продѣлываютъ слѣдующее: выходя изъ дому, на порогѣ ружье трижды перекладываютъ между ногъ черезъ спину и голову.

Если достать кусочекъ дерева, которое росло «на видворотъ», т. е. не такъ, какъ обыкновенно ростутъ всѣ деревья, а именно—если линіи, наслоенія и зигзаги, борозды на корѣ идутъ въ противоположную сторону, чѣмъ обыкновенно во всѣхъ деревьяхъ, т. е. не слѣва направо, а наоборотъ, и прибить или привязать его къ ружью, или подложить подъ замки,—то ружье тоже не будетъ бояться никакихъ знахарей и порчи.

Для исправленія уже «зипсованнаго» знахаремъ ружья—нужно положить его въ «свынячій барлигъ», въ «свынюшныкъ».

Есть также много суевѣрій, повѣрій и средствъ къ тому, чтобы самое дрянное ружье хорошо, остро и далеко било, а также, чтобы охотнику на каждомъ шагу, вездѣ и всегда, попадалась дичь. По вѣрованію народа, для этого нужно лишь выстрѣлить изъ ружья въ крестъ. Впрочемъ, это кощунственное суевѣріе распространено и вкоренено сильно въ подольской губерніи, въ каменецкомъ уѣздѣ; на Волыни же и на Полѣсьи оно мало извѣстно. Разъѣзжая въ 1894 г. по подольской губерніи, мнѣ пришлось увидѣть возлѣ с. Рыхты

(Каменец. у.) и въ нѣкоторыхъ пограничныхъ селахъ Рыхтецкой волости (Войтовцахъ, Кудринцахъ и др.) стоящіе на «роздорожи» «фигуры» (кресты), пострѣлянными, съ засѣвшей въ нихъ дробью.

Я поинтересовался узнать, кто пострѣлялъ кресты, и ямщикъ, кр. с. Рыхты Андрей Тымчукъ, разсказалъ мнѣ, что въ кресты стрѣляли именно такіе суевѣрные безбожники, богоотступники—охотники, «щобъ стрельба добре была и дычына завше попадалась».—

Къ этому кощунственному суевѣрію въ с. Рыхтѣ мнѣ пришлось слышать еще варіантъ, или добавленіе, что въ крестъ стрѣлять нужно «чимъ якъ найбильше свято» и обязательно до «сходъ сонця». Въ пограничныхъ селахъ по Збручу народъ говоритъ, что вообще нужно выстрѣлить въ крестъ, но необязательно «въ свято» и «до схода сонця».— При всемъ томъ нашъ народъ вѣритъ, что охотнику, рѣшившемуся на такой ужасный и возмутительный поступокъ, какъ стрѣлять въ крестъ, нечистая сила помогаетъ въ охотѣ и гонитъ на него дичь; но не смотря на такую вѣру, такое толкованіе народа, очевидно въ средѣ его есть изувѣры, готовые на такой ужасный поступокъ, краснорѣчивымъ доказательствомъ чего служатъ пострѣлянные, съ засѣвшей дробью кресты.

По другому, тоже кощунственному суевѣрію, и тоже распространенному главнымъ образомъ все въ той же подольской губерніи, въ каменецкомъ уѣздѣ, если на «Велыкдень», «на всюношну», когда священникъ скажетъ первый разъ трижды «Хр. Воскр»!—на это вмѣсто «В. В.» трижды отвѣтить: «а я стрѣляю», и при этомъ даже дѣлать видъ, что цѣлитесь изъ ружья,—то человѣку, продѣлавшему это, дичь вездѣ и на каждомъ шагу будетъ попадаться, и онъ на охотѣ всегда будетъ имѣть успѣхъ, всегда легко и безъ промаха убивать.

И въ этомъ случаѣ, по вѣрованію нашего народа, человѣку, продѣлавшему это, на охотѣ будетъ помогать чортъ.

Также, чтобы ружье било хорошо, безъ промаха и попадалась дичь,—нужно украсть въ еврейскомъ домѣ прибитый на косякахъ дверей въ жестянкѣ пергаментъ съ заповѣдями и прибить или привязать его къ ружью.

По вѣрованію простого народа можно испортить ружье или охоту даже на извѣстномъ разстояніи, заглазно. По мнѣнію крестьянъ, есть «таке слово», которое при звукѣ выстрѣла, какъ-бы далеко онъ ни былъ, достаточно сказать, и выстрѣлъ будетъ безплодный, а дичь,

по которой сдѣланъ выстрѣлъ, уйдетъ, и охотникъ ее не возьметъ. Сколько я ни выспрашивалъ у знахарей по части ружей это волшебное слово, они мнѣ не сказали его.

По поводу знахарства и порчи ружей и охоты заглазно, на извѣстномъ разстояніи, мнѣ пришлось слышать слѣдующій разсказъ: одинъ охотникъ, знакомый лѣсника, пошелъ тайно отъ послѣдняго въ лѣсъ стрѣлять козъ. Лѣсникъ былъ на дворѣ и слышалъ звуки выстрѣловъ охотника; послѣ каждаго звука выстрѣла—лѣсникъ произносилъ извѣстное слово,—и сколько тотъ охотникъ ни стрѣлялъ, но не убилъ ни одной козы. Тогда охотникъ, бывшій самъ знахаремъ по части охоты, догадался, что ему кто-то портитъ, и именно лѣсникъ, пошелъ на дворъ къ лѣснику, гдѣ тотъ сознался, что это его продѣлка. Послѣ этого охотникъ съ лѣсникомъ пошли въ лѣсъ, и такъ какъ лѣсникъ больше не произносилъ своего слова, не мѣшалъ ему, то тотъ убилъ козла. Вскорѣ послѣ этого охотникъ, самъ знавшій это волшебное слово отплатилъ лѣснику тѣмъ-же, произносивши это слово всякій разъ, когда лѣсникъ стрѣлялъ. (Записано въ гор. Заславлѣ, вол. губ., отъ Осипа С. Мержеевскаго въ октябрѣ 1897 года).

Если идя на охоту, охотникъ споткнется—на охотѣ будетъ успѣхъ.

Если убитый звѣрь высунулъ или прикусилъ языкъ—еще будетъ добыча.

Идущему на охоту нельзя желать успѣха, такъ какъ тогда охота будетъ безуспѣшна и неудачна.

Если охотнику дорогу перебѣжитъ кошка—охота будетъ неудачна.

Равнымъ образомъ охота будетъ неудачна, если дорогу перейдутъ съ пустыми ведрами, вообще съ пустой посудой,—тогда охотникъ вернется домой съ «пустыми руками». Вообще нельзя переходить дорогу охотнику «въ порожни», съ «порожними» ведрами, бочками, горшками и пр. Если дорогу перейдетъ беременная, «непорожня» женщина—на охотѣ будетъ успѣхъ; перейдетъ же дорогу «порожня баба» или старуха—будетъ неудача.

По поводу этого суевѣрія разскажу одинъ случай. Въ октябрѣ прошлаго года я отправился на охоту на утокъ, подъ с. Хотешовъ, съ однимъ полѣшукомъ. Мой товарищъ по охотѣ всѣ мѣры принималъ, чтобы не встрѣтиться съ «бабой»: нарочно вышли чуть

свѣтъ, когда народъ мало еще «шастаетця», шли глухими дорогами, лѣсомъ, но, по выраженію моего полишука, «отъ биды такы не втиклы». Дорогу перешла намъ старуха, собиравшая опенки. Товарищъ мой заволновался и еще издали закричалъ ей, чтобы она не переходила дороги, да старуха была уже на другой сторонѣ дороги... Полишукъ товарищъ закричалъ старухѣ, чтобы она перешла назадъ дорогу; баба сдѣлала это, но мой товарищъ опечалился, палъ духомъ, сердился и волновался, говоря, что теперь лучше хоть вернись, ибо насъ ожидаетъ неудача, потому что «поганая баба перешла дорогу». По несчастной случайности, мы въ этотъ день дѣйствительно стрѣляли по уткамъ много, но такъ плохо, что ни одной не взяли. Мой полишукъ все время толковалъ и увѣрялъ меня, что причиной нашей неудачи и плохой стрѣльбы — «поганая баба», перешедшая намъ дорогу.—

Наряду съ этимъ въ заславскомъ, староконстантиновскомъ и каменецкомъ уѣздахъ существуетъ суевѣріе, что если, идя на охоту, обнять или поцѣловать хорошенькую или молодую дѣвушку, или женщину—на охотѣ будетъ успѣхъ.

По мнѣнію простого народа, и особенно полишуковъ, въ выборѣ ружья нужно имѣть «щастя»; есть такія «щаслыви стрельбы», что когда бы и кто бы съ ней ни пошелъ, всегда встрѣтитъ, найдетъ дичь; и наоборотъ, есть такія несчастливыя ружья, что кто бы и сколько съ нимъ ни ходилъ,—рѣдко найдетъ дичь.

Успѣхъ на охотѣ, по мнѣнію народа, также зависитъ не отъ опытности и умѣнья стрѣлять, а отъ знанія извѣстныхъ секретовъ: есть такіе охотники, которые «щось таке знають», «такый секретъ», что «де-бъ винъ не ставъ, и куды-бъ не пишовъ, завше его найде звиръ, и завше винъ буде стриляты».

Если пойти на охоту въ большой праздникъ, то охота будетъ удачна, потому что сатана гонитъ на охотника дичь нарочно, чтобы еще больше завлечь и соблазнить его.

Ив. Бѣньковскій.

Дѣло о притѣсненіи православныхъ священниковъ со стороны польскаго пана (при Георгіи Конисскомъ). Въ архивѣ Нижегородскаго Печерскаго монастыря хранится любопытное дѣло, воз-

бужденное при извѣстномъ архіепископѣ бѣлорусскомъ Георгіи Конисскомъ и прибавляющее еще одну иллюстрацію къ исторической картинѣ тѣхъ притѣсненій, какія приходилось нѣкогда терпѣть православнымъ священникамъ отъ польскихъ пановъ западно-русскаго края.

Дѣло было начато въ 1788 году.

Три православныхъ священника могилевской губерніи, Петръ Козловскій, Василій Поликарповичъ и Лаврентій Карминскій (приходы, въ которыхъ они были священниками, неизвѣстны), не полюбились мѣстному романовскому управителю Тимоѳею Зенкевичу, который систематически ихъ преслѣдовалъ. Пользуясь экономическою зависимостью тогдашнихъ православныхъ священниковъ отъ крестьянъ, а чрезъ нихъ и отъ помѣщиковъ, Зенкевичъ сначала дѣйствовалъ противъ священниковъ исподоволь, а потомъ и открыто. «По неукротимой своей ярости онъ старался всѣми мѣрами ихъ (т. е. означенныхъ священниковъ) вовсе изгнать» съ ихъ приходовъ и съ этою цѣлью «дѣлалъ имъ разныя притѣсненія и разоренія». Особенно ненавидя священника Карминскаго, онъ однажды «чрезъ двухъ своихъ дворовыхъ людей далъ этому священнику приказъ выбираться изъ дому», а когда священникъ не повиновался столь незаконному требованію, онъ, Зенкевичъ, «прислалъ не малое число другихъ людей, которые разломали домъ священника Карминскаго до основанія». Въ каковомъ случаѣ, доносилось по этому поводу епархіальному начальству отъ потерпѣвшихъ, жена его, Карминскаго, съ малолѣтними дѣтьми отъ нечаяннаго разоренія и страху едва въ живыхъ остались, а изъ имѣнія его посуда и прочіе хозяйственные припасы частью неизвѣстно кѣмъ расхищены, частью разбиты, разломаны, испорчены, и скотъ разогнанъ». Разгромы въ такомъ родѣ, какъ извѣстно, были въ духѣ того времени. Но и этимъ Зенкевичъ не удовлетворился въ своей ярости. Широко пользуясь своею властью и желая, повидимому, совершенно парализовать всякое вліяніе священника на прихожанъ, Зенкевичъ «запретилъ тамошнимъ жителямъ, чтобы никто его, священника, на квартиру не принималъ».

Могилевская консисторія, куда передана была жалоба потерпѣвшихъ священниковъ, немедленно снеслась по этому поводу съ могилевскимъ намѣстническимъ правленіемъ съ требованіемъ, чтобы «на основаніи опредѣленія Святѣйшаго Синода, о всемъ томъ, при депутатѣ со стороны обиженнаго священника (каковые депутаты

и прежде по подобнымъ дѣламъ были принимаемы) изслѣдовать дѣло и буде онъ, Зенкевичъ, виновнымъ окажется, то бы поступить съ нимъ по законамъ».

Намѣстническое могилевское правленіе послѣ общаго слѣдствія признало Зенкевича виновнымъ, но для разбора частныхъ обстоятельствъ дѣла предписало оршанскому нижнему земскому суду произвести дальнѣйшія разслѣдованія. Съ умысломъ или безъ умысла (вѣроятнѣе первое) о депутатѣ въ своемъ предписаніи намѣстническое управленіе умолчало. Земскій оршанскій судъ, согласно предписанію правленія, началъ разслѣдованіе дѣла безъ депутата съ духовной стороны. Зенкевичъ употребилъ все свое вліяніе въ гражданскихъ административныхъ сферахъ губерніи, чтобы направить дѣло въ свою пользу. Отсутствіе депутата съ духовной стороны было ему на руку.

Священники протестовали и подали жалобу въ консисторію на неправильное веденіе дѣла. Тогда «посланною изъ (могилевской) консисторіи вторичною промеморіею непремѣнно требовано о принятіи къ тому слѣдствію депутата, или буде зачѣмъ учинить того нельзя, консисторію увѣдомить». Для большей доказательности своихъ требованій, консисторія послала даже копію съ опредѣленія Св. Синода о депутатахъ при подобнаго рода уголовныхъ дѣлахъ.

Но намѣстническое правленіе желало дѣло всячески затянуть и пользовалось всякимъ обстоятельствомъ для проволочки. Оно «дало знать» консисторіи слѣдующее: «какъ по силѣ высочайшихъ Ея Императорскаго Величества о управленіи губерній учрежденій 231, 246 и 266 статей нижній земскій исправникъ и городничій обо всемъ, что въ уѣздѣ и городѣ случится, производятъ слѣдствія (и такъ какъ) въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 4-го марта 788 года предписано уѣзднымъ стряпчимъ быть при чинимыхъ свидѣтелямъ допросахъ и инквизиціяхъ, а чтобы къ произведенію слѣдствія нужны были и со стороны обидимаго депутаты, о томъ ничего въ высочайшихъ учрежденіяхъ не сказано, то намѣстническое правленіе и не можетъ дать повелѣнія о принятіи къ произведенію слѣдствія со стороны священника Карминскаго депутата, потому что въ Высочайшихъ учрежденіяхъ неназначено быть депутатамъ при произведеніи слѣдствій».

Такимъ образомъ, споръ между лицами превратился въ споръ между учрежденіями—гражданскимъ и свѣтскимъ и выдвинулъ принципіальный вопросъ о депутатахъ съ «духовной» стороны. Въ виду такого неожиданнаго поворота дѣла, ничего не оставалось, какъ обратиться къ высшей инстанціи за разрѣшеніемъ возникшаго недоумѣнія.

Георгій Конисскій въ началѣ 1789 года донесъ обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла Святѣйшему Синоду. Преосвященный выставилъ на видъ то обстоятельство, что Зенкевичъ, «по произведенному о семъ въ уѣздномъ судѣ при депутатѣ со стороны обиженныхъ слѣдствію, оказался виновнымъ», но однако обиженные имъ священники «подлежащаго удовольствія не получили за взятьемъ имъ, Зенкевичемъ, въ одну ихъ волокиту». Въ донесеніи преосвященнаго заслуживаетъ особеннаго вниманія его заявленіе, что вообще въ гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ западнаго края нечего искать защиты православныхъ священниковъ отъ польскихъ помѣщиковъ, потому-что дѣла этого рода никогда не бываютъ безпристрастны. «Въ таковыхъ причиняемыхъ могилевской епархіи священниковъ обидахъ безъ депутатовъ, писалъ преосвященный, справедливаго слѣдствій производства и рѣшеній, да и подлежащаго по онымъ удовольствія, какъ въ нижнихъ земскихъ, такъ и въ уѣздахъ судахъ, надѣяться нельзя, какъ де сіе дознано уже тамо, гдѣ депутаты не были со стороны обиженныхъ священниковъ опредѣлены, поелику въ тѣхъ судахъ присутствуютъ всѣ иновѣрцы». Поэтому «передавая о семъ на разсмотрѣніе Св. Синода», преосвященный просилъ «о принимaніи со стороны обиженныхъ священниковъ депутатовъ» и о томъ, чтобы циркулярное распоряженіе, касающееся этого вопроса, было разослано Правительствующимъ Сенатомъ по всему западному краю.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ 1786 г. апрѣля 23 дня слушалъ доношеніе преосвященнаго Георгія, архіепископа Могилевскаго, которымъ, «упоминая о причиненныхъ романовскимъ управителемъ Тимоѳеемъ Зенкевичемъ немалыхъ изъ тамошнихъ священниковъ Петру Козловскому, а особливо Василію Поликарповичу Карминскому обидахъ и раззореніяхъ, просилъ о разрѣшеніи этого дѣла... Приказали: по Высочайшему о управленіи губерній учрежденію во главѣ 4 въ статьѣ 81, 82, 83 и 84, взысканіе съ подчиненныхъ мѣстъ и людей о исполненіи законовъ, заступленіе утѣсненныхъ, способъ удовлетвореніе каждаго законнымъ образомъ и обузданіе тиранства и

жестокость предоставлено г. г. генералъ-губернаторамъ, то вслѣдствіе сего генералу аншефу сенатору могилевскаго и полоцкаго намѣстничествъ генералъ-губернатору и кавалеру Петру Богдановичу Вассеку рекомендовать указомъ, чтобы онъ принялъ во вниманіе всѣ вышеописанные обстоятельства, не оставилъ приказать кому слѣдуетъ, какъ по вышеозначенному о причиненныхъ управителемъ Зенкевичемъ священнику Карминскому раззоренія дѣлу, депутата съ духовной стороны принять, такъ и впредь оныхъ и по другимъ подобнымъ о происходящихъ духовенству обидахъ производимыхъ въ гражданскихъ правительствахъ слѣдствія принимать безотрицательно и тѣмъ скорѣе доставлять обидимымъ на основаніи законовъ удовольствіе, о чемъ для вѣдома ихъ синодальному члену преосвященному могилевскому послать указъ». (Дѣло хранится въ архивѣ печерскаго монастыря въ связкѣ бумагъ подъ заглавіемъ: «указы 1789 года»).

Ѳ. Кудринскій.

Конфискація заповѣдныхъ товаровъ въ Кіевѣ (1730-35 гг.). Арестованные почему либо на форпостахъ и заставахъ товары, шедшіе въ Кіевъ или изъ Кіева, поступали обыкновенно въ Губ. Канц., куда и должны были являться владѣльцы ихъ и, если товары оказывались не «заповѣдными», т. е. къ вывозу или ввозу не запрещенными, получали ихъ подъ свою росписку, заповѣдные же конфисковались въ пользу казны. Командовавшіе на форпостахъ офицеры не всегда различали, какіе именно товары относятся къ «заповѣднымъ», самая процедура предъявленія товаровъ на заставахъ была стѣснительна, вызывала желаніе со стороны торговцевъ какъ-нибудь миновать заставы, проѣхать «неуказанною дорогою» [1]), полученіе

[1]) О недопущеніи этихъ проѣздовъ К. Г. К. получала частыя напоминанія. Такъ, мнѣ встрѣтился въ старыхъ дѣлахъ указъ Комерцъ-Коллегіи 1724 года, въ которомъ читаемъ: „Въ 1714 г. Апрѣля 16 д. Е. И. В. указалъ товары, а именно: юфть воловую, пеньку, поташъ, смолчугъ, сало, воскъ, масло конопляное, сѣмя льняное, щетину (также и прочіе, которые изъ казны продаваны: клей, ревень, смолу), какъ изъ великороссійскихъ, такъ и изъ малороссійскихъ городовъ купцамъ, кромѣ россійскихъ пристаней, отнюдь никуда не возить, а ежели кто дерзнетъ помянутые товары, кромѣ сихъ пристаней, куды въ иныя мѣста отвозить, и у

товаровъ, напрасно арестованныхъ, было затруднено канцелярской волокитой: все это не могло не стѣснять вообще торговой дѣятельности г. Кіева. Для знакомства съ этой стороной жизни г. Кіева представляютъ нѣкоторый интересъ и сообщаемые ниже мелкіе факты.

Въ 1730 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ на Сорокошицкомъ форпостѣ, по доносу остерскаго жителя Загорскаго, задержаны были принадлежавшіе остерскимъ же жителямъ Павлу Тишкевичу и Кондрату Чешуйкѣ и везенные ими въ м. Чернобыль товары, между которыми оказались и «заповѣдные». По заявленію Загорскаго, Тишкевичъ и раньше много разъ возилъ въ м. Чернобыль на продажу воскъ, сало и овечью шерсть. Только мѣсяцъ спустя послѣ арестованія, работники Тишкевича и онъ самъ со всѣмъ своимъ товаромъ доставлены были въ Кіевъ въ Губ. Канц., гдѣ по осмотру оказалось: денегъ серебряныхъ 51 р., воску переплавленного 5 круговъ, сала ветчинного 37 короваевъ, рыбы вялой 4750 пластовъ и овечей шерсти 429 рунъ. По приказу управлявшаго тогда губернскими дѣлами вице-губернатора *Штока*, 5-го сентября арестованные работники были освобождены, а хозяевамъ возвращены были деньги, рыба и сало, воскъ-же и овечья шерсть, въ качествѣ товаровъ заповѣдныхъ, конфискованы и сданы въ цейхгаузъ на храненіе [1]).

Прошло три года. К. Губ. Канцелярія два раза обращалась въ Коммерцъ-Коллегію по поводу этихъ товаровъ съ особыми доноше-

---

тѣхъ товары ихъ взяты будутъ въ казну; а нынѣ Е. И. В-ву извѣстно учинилось, что такіе товары чрезъ границы провозятъ, того ради, для удержанія такого съ товары неуказного проѣзда, по всей польской границѣ по большимъ дорогамъ учинить заставы крѣпкія, а между тѣхъ большихъ дорогъ малыя дороги и проѣзды зарубить, а гдѣ лѣсу нѣтъ, то рвами перекопать, чтобъ никто за рубежъ неѣздили мимо большихъ дорогъ, и для того имѣть разъѣзды, и ежели на такихъ заповѣдныхъ проѣздахъ кто поѣдетъ, то взять и штрафовать отнятіемъ всего того, съ чѣмъ взятъ будетъ".

[1]) Относительно вывоза шерсти запрещеніе повторялось много разъ. Такъ, между прочимъ, былъ указъ Пр. Сената 1720 г. февраля 16 д. „для умноженія въ Москвѣ шерстяной фабрики вывозъ овчинамъ и овечьей шерсти изъ Россіи въ другія государства велѣть запретить". О томъ же и о невывозѣ золота и серебра послѣдовалъ указъ изъ Ком.-Коллегіи 1733 г. октября 13-го, а въ 1735 г. марта 31-го изъ Пр. Сената данъ былъ указъ Ген. Войск. Канц.: „скупщикамъ, которые покупаютъ овечью шерсть не на фабрики, но для отпуску заграницу, запретить подъ наказаніемъ и для того въ Малороссіи подтвердить еще найкрѣпчайшими публичными указами, дабы овчинъ и шерсти заграницу не вывозили, чего и на заставахъ смотрѣть накрѣпко".

ніями, заявляя, что де хозяева оправдываются незнаніемъ запретительныхъ указовъ и просятъ, «дабы имъ такое невѣжество, *яко малороссійскому народу*, было отпущено и тѣ товары возвращены были имъ по прежнему». При этомъ Губ. Канц. спрашивала, какъ вообще впредь поступать и «арештованные товары куды употреблять». Такой же запросъ по тому же дѣлу писалъ губернаторъ и въ 1735 году, но получилъ-ли какой отвѣтъ, изъ дѣла не видно. А овечья шерсть и воскъ между тѣмъ пять лѣтъ уже лежали въ цейхгаузѣ.

Надо думать, что такой конфискованной шерсти на храненіи скопилось не мало. Попавшееся мнѣ въ кучѣ старыхъ бумагъ Губ. Канц. дѣло 1732 г. «о заарештованной на Межигорскомъ форпостѣ шерсти», конечно, не было единственнымъ. Да и изъ него видно, что такое арестованіе могло повторяться очень часто. Дѣло было такъ. Пріѣхали 5-го мая на лодкѣ пять человѣкъ «заграничныхъ жителей» въ Кіевъ на богомолье. Одинъ изъ нихъ при отъѣздѣ изъ Кіева купилъ себѣ на базарѣ «на собственную свою потребность, а не для продажи», овечьей шерсти 15 рунъ на полтора рубля и, получивши изъ Губ. Канц. указъ о пропускѣ [1]), возвращался на тотъ же Межигорскій форпостъ. Не зная, «яко другой націи человѣкъ», о запрещеніи вывозить шерсть за границу, онъ и не скрывалъ ее отъ форпостнаго досмотра. Арестованный богомолецъ былъ подъ карауломъ препровожденъ вмѣстѣ съ «вовною» въ Губ. Канц. и—скоро ли послѣ допроса отпущенъ—неизвѣстно, но объ отнятой у него овечьей шерсти вѣсомъ 35 фунтовъ встрѣчается приказъ 1737 г., т. е. больше пяти лѣтъ послѣ арестованія ея, данный прапорщику Попову, о принятіи ея изъ Губ. Канц. въ «гарнизонной цейхгаузъ».

Надо думать, что въ этомъ цейхгаузѣ не мало гибло конфискованной шерсти, хотя за сохранность ея и несли, какъ видно, отвѣтственность завѣдывавшіе цейхгаузомъ офицеры. У меня имѣлось одно доношеніе капитана Алексѣя Попова отъ 9 сентября 1740 г. о томъ, что присланная къ нему на храненіе шерсть, арестованная еще въ 1737 г. на Любецкомъ форпостѣ, вѣсомъ 25 пудовъ, а счетомъ 240 рунъ, «отъ долговременнаго лежанія мышами вся изсѣчена

---

[1]) Пріѣзжавшіе въ Кіевъ „заграничные люди“ изъ окрестныхъ мѣстъ получали обыкновенно на форпостахъ особые билеты, которые они и предъявляли въ Губ. Канц., откуда при отъѣздѣ получали вновь „указъ“ о пропускѣ черезъ форпостъ.

и погнила и въ такую негодность пришла, что уже ни въ какое употребленіе не годится. Оберъ-комерсантъ Нейбутъ приказалъ эту шерсть изъ цейхгауза выбросить вонъ. А въ указѣ изъ Канцеляріи Конфискаціи отъ 16 ноября 1743 г. находимъ, между прочимъ, взысканіе съ офицера за испортившуюся шерсть 30 п. 20 ф., да за 12 овчинъ «съ капитана Попова, у коего оные въ сохраненіи имѣлись, взыскать по настоящимъ цѣнамъ деньги и прислать оныя въ Канц. Конф., для того, что ту шерсть и овчины, чтобы имъ никакого поврежденія учиниться не могло, надлежало ему въ лѣтнее время пересушивать, но того имъ чинено не было, отъ сего онымъ такая гибель и учинилась, за что онъ тому взысканію и повиненъ». Относительно цѣнъ на шерсть и овчину, кіевскій магистратъ доносилъ, что въ 1743 г. сотня рунъ овечьей шерсти продавалась на Подолѣ лучшей по 12 руб., а «подлѣйшей» по 11 руб.; въ 1737-мъ же году лучшая продавалась по 8 р., а подлѣйшая по 6 р. (пудами вовсе не продается); овчина же стояла въ оба названные годы въ одной цѣнѣ: самая лучшая шкура овчиная 30 к., средняя 25 к. и «подлѣйшая» 16 к.

Случалось, что конфискованные «заповѣдные» товары и возвращались хозяину. Такъ поступили по отношенію къ турецкому купцу Юсуфу Хаджіи, прибывшему осенью 1735 года въ Кіевъ изъ Вѣны, вмѣстѣ съ македонскимъ грекомъ Діоманліемъ Георгіевымъ, съ товарами, между которыми были нѣкоторые «заповѣдные» [1]).

Арестованный въ Кіевѣ Юсуфъ настойчиво просилъ Губ. Канц. выдать ему хоть нѣкоторую часть товаровъ «для пропитанія». Ему и выданы были кораллы. Затѣмъ, черезъ четыре мѣсяца губернаторъ В. П. Шереметьевъ приказалъ: всѣ товары, хотя между ними нѣкоторые и оказались заповѣдными, въ силу высоч. указа, «въ осторожность постановленного съ Турецкою имперіей вѣчно мира» возвратить, тѣмъ болѣе, что «оной турчинъ въ Россійской имперіи никогда

[1]) Товаровъ оказалось три „скрыни“: 1) въ первой находилось тафты венецкой 10 штукъ, турецкой 9 шт., штофу шелковаго 8 шт., 2) во второй: платья женской одинъ уборъ съ серебромъ: парчей съ серебромъ и золотомъ 6 шт. малыхъ; штофу шелкового разныхъ цвѣтовъ 8 шт.; штофу атласного травчегого 6 шт.; парчеи разного цвѣту 4 шт., тафты венецкой 1 штука; 3) въ третей: парчей разноцвѣтныхъ 9 шт. малыхъ; штофу атласного 3 шт.; парчи съ серебромъ и золотомъ 1 шт.; штофу разноцвѣтного 6 шт.; монистъ красныхъ кораловыхъ два пуда 10 фунтовъ.

не бывалой и о новосостоявшихся Е. И. В. указахъ невѣдомой и лишенію товаровъ своихъ не подлежитъ».

Арестовывали иногда товары и за несоблюденіе карантинныхъ правилъ.

Въ 1732-мъ году мая 2-го прибылъ изъ-за границы къ Васильковскому форпосту нѣжинскій грекъ Анастасій Костантиновъ съ пятью бочками ладана и форпостному командиру маіору Эртлангу показалъ «подъ страхомъ смертноя казни», что онъ купилъ этотъ ладанъ во Львовѣ, везъ его черезъ Польшу, и въ мѣстахъ, гдѣ бы было моровое повѣтріе, не бывалъ. Изъ Кіева былъ уже полученъ указъ о пропускѣ этого грека, когда открылось, что онъ везъ ладанъ изъ Цареграда, по порученію нѣжинскаго грека Киріяка Анастасіева, и ѣхалъ со свитой г-жи Неплюевой, но скрылъ все это, чтобы избѣжать продолжительнаго пребыванія въ карантинѣ; когда же все это открылось, онъ самъ бѣжалъ, бросивши свой товаръ. По просьбѣ грека Киріака Анастасіева, губернаторъ В. П. Шереметьевъ приказалъ представить этотъ товаръ въ Кіев. Губ. Канцелярію, откуда онъ и былъ выданъ въ концѣ августа мѣсяца Анастасьеву, который представилъ по себѣ поручителей, удостовѣрившихъ принадлежность ему этого товара, кіевскихъ жителей—грековъ: переводчика турецкаго языка Харитона Юрьева, шелкъ-мейстера Яна Дирея и мѣщанина Яна Бурноса, да македонскихъ грековъ Дмитрія Юрьева и Саву Думьянова. Вѣсомъ ладану оказалось 87 пудовъ и 5 фунтовъ цѣной на 330 рублей.

А. А.

Свѣдѣніе о ново-басанскихъ церквяхъ въ 1768 году.

Румянцовская опись [1]) указывала въ м. Новой-Басанѣ [2]) двѣ церкви: 1) Въ «пригородку» — *церковъ Рождества Пресвятыя Богородицы*, «стоитъ отъ полтораста лѣтъ на мѣстѣ вольномъ; *колокольня* въ томъ же пригородку, подъ валомъ, стоитъ на мѣстѣ вольномъ. *Школа* подъ валомъ стоитъ издревле на мѣстѣ одномъ вольномъ. Въ ней обрѣтается—дячокъ Михайло Богдановскій, званія козачого; питается до-

---

[1]) Когда-то хранившаяся въ Полтавской Казенной Палатѣ, а затѣмъ погибшая...

[2]) Черниг. губ., Козелецкаго уѣзда.

ходами, бываемыми въ приходѣ, и роковщиною, опредѣленною въ парохіи зъ хаты по 2 копѣйки. *Шпиталь*, состоящій въ двохъ избахъ деревянныхъ ветхихъ, стоитъ предъ выѣздомъ въ пригородокъ, надъ валомъ. «Подъ этимъ свѣдѣніемъ подпись: «Протопопъ Басанскій Андрей Туманскій.» 2) «На улицѣ идучой изъ м. Басани на форштатъ Форсѣевку, церковь Вознесенія Господня, ограждена вкругъ частоколомъ, о двухъ престолахъ: нижнемъ—Вознесенія Господня, а въ верхнемъ—св. Живоначальныя Тройцы.» Въ 1768 г. протопопъ Бориспольскій Стефанъ Деревицкій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и настоятелемъ Басанской Вознесенской церкви, по той причинѣ, что онъ, Деревицкій, былъ строителемъ этой церкви въ то время, когда былъ «басанскимъ писаремъ». Перемѣнивъ затѣмъ писарство на «поповство», Деревицкій былъ и первымъ настоятелемъ построенной имъ (въ 1735 г.) Вознесенской церкви; а когда Деревицкій поставленъ былъ Бориспольскимъ протопопомъ, то сохранилъ за собою и настоятельство *своей* Басанской Вознесенской церкви. (См. опис. Черниг. Епарх., V, 249).

Упоминаніе о томъ, что Рождество-Богородицкая церковь въ 1768 г. считала уже полтораста лѣтъ со времени своего построенія, должно быть признано вѣрнымъ въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ: изъ люстраціи 1635 г. мы видимъ двѣ Басани: «старое село» Басань и «мѣстечко» Басань; въ первой было: «дымовъ осѣдлыхъ—7 и «огородниковъ»—8, а во второй: «дымовъ»—20, «огородниковъ»—40 и мельничныхъ колесъ—3. При такомъ населеніи «мѣстечко» Басань (она же и *Новая Басань*) конечно уже должна была имѣть церковь. (Кіевск. Губ. Вѣд. 1870 г., № 13). Обѣ Басани въ 1635 г. принадлежали поляку Феодору Криницкому.

Гдѣ теперь находится могила Кочубея и Искры?

Но сохранилася могила,
Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ почилъ:
Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
Ихъ мирно церковь пріютила.

Такъ сказалъ поэтъ. Историкъ (Максимовичъ) поясняетъ: «Печерская лавра пріютила у себя гробы страдальцевъ; вписала ихъ имена

въ свои помянники и совершаетъ донынѣ молитвенное поминовеніе о ихъ душахъ... А на ихъ могилѣ, возлѣ дверей братской трапезы, полтора вѣка уже лежитъ этотъ убогій камень, извѣщающій о нихъ тоговременнымъ десятистишіемъ:

Кто если мимо грядый, о насъ невѣдущій,
Елицы здѣ естесмо положенны сущи и т. д.

Строки эти Максимовичъ написалъ по поводу выраженнаго кѣмъ то желанія о постановкѣ на могилѣ памятника, вмѣсто «убогаго камня», высказывая свое мнѣніе о ненужности такого памятника, какъ «неумѣстной суеты». Но при этомъ Максимовичъ замѣтилъ, что для сохраненія отъ стиранія надписи на могильной плитѣ, нужно было бы огородитъ ее желѣзною рѣшеткою; тутъ же, попутно, выразилъ онъ желаніе, чтобы такою рѣшеткою былъ огороженъ и сосѣдній могильный камень, покрывающій могилу донскаго полковника Флорова.—Желаніе Максимовича было исполнено—обѣ надгробныя плиты были огорожены желѣзными рѣшетками, и въ такомъ видѣ эти два могильные камня, огороженные «нарочито простыми» рѣшетками, указывали могилы, гдѣ покоятся кости трехъ козаковъ, изъ которыхъ два «безвинный» Кочубей и «тихій» Искра, были казнены мстительнымъ гетманомъ, а третій, Флоровъ, «отъ непріятеля во главу усѣчеся подъ городомъ Хотиномъ». Посѣтивъ года два назадъ лавру и проходя мимо новаго зданія братской трапезы, мы замѣтили, что могилы «двухъ страдальцевъ» на прежнемъ мѣстѣ — нѣтъ. Попрежнему лежалъ лишь, за рѣшеткою, могильный камень Флорова, но могильнаго камня Кочубея и Искры—не было.... Повидимому, стѣна вновь воздвигнутаго зданія должна была затронутъ ихъ могилу.... Посѣтивъ лавру эту весну, мы увидѣли около могилы Флорова, за тою же рѣшеткою, еще и *новую чугунную плиту* съ вылитою надписью: *Кто если мимо грядый* и т. д.; такимъ образомъ прежній могильный камень Кочубея и Искры замѣненъ чугунную плитою, и плита эта положена около могилы Флорова, но сюда ли перенесенъ былъ и прахъ страдальцевъ—неизвѣстно.... Впрочемъ, можетъ быть этого праха и слѣдовъ уже не осталось..

Желательно, чтобы прежній могильный камень Кочубея и Искры былъ сохраненъ, пока будетъ выстроенъ кіевскій музей, въ которомъ камень этотъ найдетъ подобающее себѣ мѣсто.

А. Л.

Программа для собиранія свѣдѣній объ архивахъ. Императорское Московское Археологическое Общество обратилось въ разныя редакціи и, между прочимъ, въ редакцію «Кіевской Старины», съ просьбой напечатать выработанную особой коммиссіей слѣдующую программу для собиранія свѣдѣній объ архивахъ.

Императорское Московское Археологическое Общество, имѣя въ виду громадное значеніе для науки русской исторіи неизданныхъ по настоящее время историческихъ источниковъ, учредило особую Археографическую Коммиссію, важнѣйшею задачей которой является собираніе свѣдѣній и изученіе состава архивовъ и вообще собраній историческихъ документовъ. Такое рѣшеніе Общества вызвано весьма разнообразными побужденіями, изъ которыхъ главное заключается въ современномъ положеніи въ Россіи архивовъ, какъ частныхъ, такъ и нѣкоторыхъ правительственныхъ и общественныхъ.

Въ общемъ наши архивы могутъ быть распредѣлены на три большія группы. Къ первой группѣ слѣдуетъ отнести архивы и древлехранилища, устроенные правительствомъ или учеными обществами и учрежденіями спеціально съ научными цѣлями. Таковы большинство столичныхъ архивовъ, собранія рукописей при музеяхъ и пр. Всѣ они имѣютъ спеціальныхъ работниковъ, занятыхъ изученіемъ состава рукописей, печатаніемъ ихъ и изданіемъ. Наконецъ, эти архивы доступны для ученыхъ занятій постороннихъ лицъ. Такимъ образомъ, наука можетъ ознакомиться съ хранящимися здѣсь историческими матеріалами.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находятся двѣ другія группы архивовъ.

Ко второй изъ нихъ можно отнести собранія документовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, какъ, напр., собранія коллекціонеровъ семейные архивы и другіе.

Наконецъ, третью группу составляютъ такіе архивы различныхъ правительственныхъ учрежденій, которые не преслѣдуютъ научныхъ цѣлей; таковы, напр., губернскіе архивы, областные, епархіальные, при дворянскихъ депутатскихъ собраніяхъ, казенныхъ и судебныхъ палатахъ, городскихъ думахъ и др. По точному смыслу дѣйствующаго законодательства въ означеныхъ архивахъ хранятся документы, необходимые для справокъ по текущимъ дѣламъ. Но такъ какъ большинство ихъ учреждено еще при Екатеринѣ II, то съ теченіемъ времени въ этихъ архивахъ скопились дѣла, весьма важныя

въ научномъ отношеніи и ненужныя для справокъ. Въ настоящее время въ большинствѣ архивовъ губернскихъ правленій и др. правительственныхъ мѣстъ можно найти документы XVII и даже XVI стол., не говоря уже о цѣнныхъ матеріалахъ для XVIII и нач. XIX вѣка.

Наконецъ, къ послѣдней группѣ архивовъ могутъ быть отнесены собранія разнаго рода рукописей при монастыряхъ, церквахъ и духовныхъ семинаріяхъ.

Обѣ послѣднія категоріи архивовъ, т.-е. частные и справочные при казенныхъ учрежденіяхъ, поставлены въ такія условія, что остаются совершенно неизвѣстными наукѣ русской исторіи и потому не приносятъ ей надлежащей пользы. Разбросанные въ разныхъ углахъ нашего отечества, въ городахъ и часто въ селахъ, не будучи подъ наблюденіемъ лицъ, которые имѣли бы возможность заняться описаніемъ и изданіемъ находящихся въ нихъ дѣлъ,—эти архивы лежатъ безъ пользы для науки и нерѣдко гибнутъ вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ причинъ. Между тѣмъ опытъ показалъ, что въ такихъ именно архивахъ встрѣчаются часто драгоцѣннѣйшіе документы, весьма важные для изученія исторіи. Понятно, занимающіеся русскою исторіей не могутъ знать содержанія находящихся здѣсь матеріаловъ и даже далеко не всегда имѣютъ свѣдѣнія о самомъ мѣстонахожденіи такихъ архивовъ.

Принимая во вниманіе сказанное, Императорское Московское Археологическое Общество пришло къ твердому убѣжденію въ томъ, что спасти вышеохарактеризованные архивы отъ забвенія, сдѣлать ихъ извѣстными, доступными и полезными для русской исторической науки можно только съ помощью широкаго и дружнаго содѣйствія всѣхъ сочувствующихъ дѣлу научнаго изученія нашего историческаго прошлаго. Поэтому, Императорское Московское Археологическое Общество обращается къ ученымъ, живущимъ въ провинціи, дворянамъ, имѣющимъ семейные архивы, къ священникамъ, учителямъ,—вообще ко всѣмъ лицамъ, обладающимъ свѣдѣніями объ архивахъ, собраніяхъ рукописей, съ покорнѣйшею просьбою содѣйствовать научнымъ цѣлямъ Общества доставленіемъ ему соотвѣтственныхъ указаній.

Прося о доставленіи вышеозначенныхъ свѣдѣній, Императорское Московское Археологическое Общество позволяетъ себѣ обратить вниманіе на слѣдующее:

1) Для цѣлей науки важны свѣдѣнія о всякаго рода рукописныхъ памятникахъ,—независимо отъ времени ихъ написанія, какъ-то: о рукописныхъ богослужебныхъ книгахъ, лѣтописяхъ, житіяхъ святыхъ, сборникахъ, грамотахъ и перепискѣ правительственныхъ и частныхъ лицъ,—вообще о памятникахъ бытоваго, экономическаго, литературнаго, родословнаго, политическаго, военнаго и пр. характеровъ.

2) Относительно каждаго собранія рукописей весьма желательно было бы имѣть болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія слѣд. рода: кому принадлежитъ архивъ и гдѣ находится (адресъ [1]), какія именно въ немъ рукописи (перечень [2]), каталогъ ихъ или по крайней мѣрѣ общій обзоръ содержанія), какое обнимаютъ время, сколько ихъ; также полезно было бы знать, доступно ли описываемое собраніе (особенно частное) для обозрѣнія и ознакомленія съ нимъ съ учеными цѣлями.

3) Общество позволяетъ себѣ также обратиться съ просьбою къ учрежденіямъ и лицамъ, владѣющимъ рукописями и документами, прислать ихъ для просмотра и описанія въ Общество, послѣ чего полученные документы будутъ съ признательностью возвращаемы [3]).

Если лица, описывающіе документы и рукописи, не считаютъ возможнымъ высылать самыя рукописи, то желательно было бы получить копіи хотя бы съ наиболѣе важныхъ.

4) Конечно, въ интересахъ науки было бы весьма полезно имѣть по возможности полныя и точныя свѣдѣнія, какъ о составѣ рукописей, такъ и объ ихъ содержаніи; тѣмъ не менѣе Общество покорнѣйше проситъ лицъ, не имѣющихъ возможности доставить полныя свѣдѣнія (напр., перечня рукописей), сообщать краткія.

---

[1]) Относительно каждаго архива весьма небезполезны также свѣдѣнія: есть ли при архивѣ описи дѣлъ и рукописей, есть ли алфавиты и какъ тѣ и другіе составлены, какъ размѣщены документы (по годамъ, вѣдомствамъ, фамиліямъ и лицамъ, на полкахъ, въ шкафахъ, связками или въ книгахъ)? Занимается ли кто-либо въ наст. время разборкою дѣлъ и не занимались ли ею раньше?

[2]) Въ перечнѣ каждаго документа пріятно было бы видѣть указаніе лица или учрежденія, отъ котораго выдана грамота, или лица, которымъ написана рукопись, письмо и пр., кому написана грамота или письмо, гдѣ и когда, краткое содержаніе документа. Въ старинныхъ сборникахъ важно отмѣчать заглавіе отдѣльныхъ статей, всѣ приписки, показывающія, кому и когда сборникъ принадлежалъ.

[3]) Обратную пересылку рукописей Общество принимаетъ на свой счетъ, а по соглашенію, и доставку ихъ.

Въ случаѣ невозможности сообщить обстоятельныя данныя о документахъ, были бы полезны по крайней мѣрѣ указанія на то, гдѣ какой существуетъ архивъ или собраніе дѣлъ, и къ кому слѣдуетъ обратиться за болѣе подробными справками.

5) Всѣ доставляемыя въ Общество описанія архивовъ, копіи съ документовъ, а также отчеты о присланныхъ ему для просмотра рукописяхъ, будутъ помѣщаемы цѣликомъ или въ сокращеніи—смотря по научному значенію полученныхъ свѣдѣній—въ Трудахъ Археографической Коммиссіи.

6) Обращаясь съ просьбою о доставленіи свѣдѣній ко всѣмъ сочувствующимъ дѣлу лицамъ, Императорское Московское Археологическое Общество не даетъ въ настоящее время подробной программы для описанія рукописей, предлагая каждому сдѣлать, что можно. Но всѣхъ, кому понадобятся болѣе точныя свѣдѣнія или указанія, оно проситъ обращаться непосредственно въ Общество или въ его Археографическую Коммиссію.

Предсѣдатель Общества *Графиня Уварова.* Предсѣдатель Археографической Коммиссіи профессоръ *А. Кирпичниковъ.* Секретарь Коммиссіи *М. Довнаръ-Запольскій.*

Адресъ Общества: Москва, Берсеневка, свой домъ.

Письмо въ редакцію. Милостивый Государь! Прошу Васъ дать мѣсто этому моему письму въ Вашемъ историческомъ журналѣ. Просматривая вышедшія въ этомъ году книжки «Кіевской Старины», я прочелъ въ апрѣльской книжкѣ, на 7—9 страницахъ отдѣла «Документы, извѣстія и замѣтки», замѣтку г. д-ра Г.— «Поминки по Шевченку въ Петербургѣ», въ которой г. Г., описывая вечеръ въ память Шевченка 11 марта этого года въ залѣ Павловой, въ Петербургѣ, говоритъ въ концѣ замѣтки: «за ужиномъ, заказывавшимся каждымъ въ отдѣльности по желанію, говорились рѣчи, и между прочими С. Н. Кулябка развивалъ ту мысль, что малороссы, при всемъ столь великомъ прошломъ своей интеллигенціи, не вселяютъ своимъ дѣтямъ любви къ родному языку, въ противоположность тому, что замѣчается у всѣхъ народовъ, а особенно у южныхъ славянъ».

Считаю себя обязаннымъ по этому поводу заявить, что я три раза говорилъ за ужиномъ на вечерѣ въ память Шевченка—и ни разу, ни словомъ не упомянулъ ни «о великомъ прошломъ малорусской интеллигенціи», ни о «невселеніи малороссами дѣтямъ любви къ родному языку», ни о «противоположномъ отношеніи къ этому дѣлу, замѣчаемомъ у всѣхъ народовъ, а особенно у южныхъ славянъ»,—т. е. не говорилъ ни объ одномъ изъ предметовъ, изъ которыхъ г. Г. угодно было составить содержаніе моихъ обращеній къ сотрапезникамъ.

Пріймите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи **С. Кулябка.**
5 іюня 1898 г. Петербургъ.

Я. И. Щоголевъ. *(Некрологъ).* Въ ночь съ 26 на 27 мая скончался извѣстный украинскій поэтъ Яковъ Ивановичъ Щоголевъ. Щ—въ родился въ 1824 г., въ г. Ахтыркѣ, Харьковской губ., гдѣ и получилъ первоначальное образованіе; затѣмъ покойный учился въ первой Харьковской гимназіи, и окончилъ Харьковскій университетъ, въ 1877 году, по филологическому факультету. По окончаніи университета, Я. И. Щ—въ служилъ въ разныхъ вѣдомствахъ до 1871 года, когда вышелъ въ отставку. Стихи Я. И. Щоголева печатались въ разныхъ изданіяхъ, начиная съ сороковыхъ годовъ; сборникъ ихъ подъ заглавіемъ «Ворскло» былъ напечатанъ въ 1883 году.

Общество имени Т. Г. Шевченка. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ утвержденъ уставъ новаго благотворительнаго общества имени Т. Г. Шевченка, имѣющаго цѣлію помогать нуждающимся южанамъ, учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга.

Библіографія.

В. А. Верещагинъ. Русскія иллюстрированныя изданія XVIII и XIX столѣтій *(1720—1870). Библіографическій опытъ. Спб. Типографія Киршбаума. 1898. 8°, XXXVIII и 309 стран.*

Въ виду отсутствія въ русской библіографической литературѣ трудовъ, которые исключительно и болѣе или менѣе подробно описывали бы произведенія русской книжной иллюстраціи, что естественно значительно усложняетъ задачу всякаго собирателя, г. Верещагинъ, какъ объясняетъ онъ въ своемъ предисловіи, составилъ названную выше книгу. Цѣль его—предоставить въ распоряженіе любителя, въ особенности начинающаго, возможно точныя и подробныя свѣдѣнія о громадномъ большинствѣ произведеній русской книжной иллюстраціи, а также, подѣлившись съ нимъ опытомъ, пріобрѣтаемымъ только временемъ, послѣ ряда неизбѣжныхъ ошибокъ, дать то руководство, безъ котораго такъ затруднительно составленіе какой бы то ни было коллекціи.

Составленная съ этою цѣлью книга Верещагина представляетъ собою расположенный въ алфавитномъ порядкѣ списокъ иллюстрированныхъ изданій съ краткими указаніями на помѣщенныя въ нихъ иллюстраціи.

Въ количественномъ отношеніи выраженіе «иллюстрированныя изданія» г. Верещагинъ употребляетъ въ самомъ обширномъ смыслѣ: какъ бы мало ни было число помѣщенныхъ въ нихъ рисунковъ, т. е. достаточно одного рисунка (таковы изданія, указанныя подъ №№ 10, 15, 19, 51, 55 и многими другими), или портрета (изданія подъ но-

мерами 54, 166, 256, 374, 375 и др.) и даже только фронтисписа (изданія подъ №№ 21, 122, 137, 148, 237 и др.), или виньетки (изданія подъ №№ 14, 23, 66, 83—86 и др.) и притомъ такого незначительнаго содержанія, какъ напримѣръ изображеніе лиры,—изданія подъ №№ 3 и 154), чтобъ изданіе, заключающее въ себѣ единственное украшеніе такого рода, считалось въ силу этого иллюстрированнымъ.

Но по содержанію рисунковъ и украшенныхъ ими изданій не всѣ иллюстрированныя изданія находятъ себѣ мѣсто въ указателѣ Верещагина. Какъ объясняетъ онъ самъ въ своемъ предисловіи, указатель его касается только трехъ отраслей отечественной литературы: изящной словесности, мистики и исторіи; всѣ-же остальныя иллюстрированныя произведенія печатнаго слова, какъ, напримѣръ, книги по разнымъ другимъ отраслямъ знанія, книги духовныя, путешествія и другія, преслѣдующія въ своихъ иллюстраціяхъ скорѣе практическія, чѣмъ художественныя цѣли, не вошли въ указатель, или вошли въ качествѣ рѣдкихъ исключеній, объясняемыхъ отчасти особыми качествами помѣщенныхъ въ нихъ рисунковъ, отчасти выдающимися именами художниковъ или граверовъ, принимавшихъ участіе въ исполненіи рисунковъ. Такъ говоритъ Верещагинъ въ своемъ предисловіи, но въ дѣйствительности это не проведено строго въ указателѣ. Такъ, исключивъ изъ него книги духовныя и путешествія, какъ преслѣдующія въ своихъ иллюстраціяхъ не художественныя, а практическія цѣли (стоитъ вспомнить изданія библіи съ рисунками Густава Доре и многія изданныя въ послѣднее время путешествія съ художественными иллюстраціями, или только принять во вниманіе, что весьма часто путешествія совершаются именно съ художественными цѣлями,—чтобы увидѣть, на сколько это положеніе неправильно),—авторъ въ то-же время включаетъ въ свой указатель такія имѣющія исключительно практическій характеръ иллюстраціи, какъ помѣщенныя въ книгахъ, написанныхъ для наставленія юношества, изображенія животныхъ, растеній, цвѣтовъ, плодовъ, минераловъ (т. е. рисунки по зоологіи, ботаникѣ, минералогіи) и т. п. (изданія, указанныя подъ №№ 233, 234, 285), или модныя картинки (изданія подъ №№ 445 и 461), при чемъ представляется неизвѣстнымъ, къ какой именно изъ трехъ вышеуказанныхъ отраслей отечественной литературы, т. е. къ изящной словесности, или къ исторіи, или къ мистикѣ, авторъ относитъ эти изданія.

Что касается способовъ воспроизведенія рисунковъ, то только четыре изъ нихъ, именно: гравюру на мѣди, деревѣ, стали и литографіи, имѣлъ въ виду Верещагинъ при составленіи своего указателя; прочіе способы воспроизведенія рисунковъ исключены.

Наконецъ, по времени появленія изданій, указатель Верещагина обнимаетъ иллюстрированныя изданія, начиная съ 1720 года и оканчивая шестидесятыми годами. Объясняя въ предисловіи своемъ, что указатель начинается съ 1720 года, авторъ прибавляетъ: «т. е. почти съ самаго начала появленія въ русской книгѣ гравюры свѣтскаго содержанія». Слово «почти» дѣлаетъ мысль автора неопредѣленной. Если онъ хотѣлъ сказать этимъ, что гравюры свѣтскаго содержанія начали появляться въ русскихъ книгахъ около 1720 года, то такое положеніе будетъ невѣрно. За цѣлое столѣтіе передъ тѣмъ, именно въ 1622 году, въ Кіевѣ была издана отпечатанная въ типографіи Печерской Лавры книга подъ заглавіемъ: «Вѣршѣ на жалосный погребъ Зацнаго Рыцера Петра Конашевича Сагайдачного, Гетмана Войска Его Кр. Млсти Запорозкого, Зложоныи презъ инока Касіана Саковича Ректора Школъ Кіевскихъ». Книга эта была однимъ изъ самыхъ старинныхъ въ Россіи иллюстрированныхъ изданій не духовнаго содержанія, такъ какъ въ ней было помѣщено три гравированныхъ рисунка, изображавшихъ гетмана Сагайдачнаго, сидящимъ на конѣ, взятіе Кафы Сагайдачнымъ и гербъ Войска Запорожскаго. Нѣсколько позже, въ 1632 году, тамъ-же была издана книга: «Евхаристиріонъ албо Вдячность» (собраніе стихотвореній, поднесенныхъ Петру Могилѣ отъ учениковъ учрежденнаго имъ Лаврскаго училища), которую, по терминологіи Верещагина, также надо признать изданіемъ иллюстрированнымъ, такъ какъ въ ней были помѣщены портретъ Петра Могилы и изображеніе герба его. Ограничиваемся этими указаніями, чтобъ показать, что появленіе въ Россіи иллюстрацій въ книгахъ не духовнаго содержанія надо отодвинуть гораздо раньше 1720 года. Мы знаемъ, что составить указатель изданій, вышедшихъ въ XVII вѣкѣ, было бы очень трудно, такъ какъ эти изданія въ настоящее время составляютъ чрезвычайныя библіографическія рѣдкости, отысканіе которыхъ сопряжено съ большими затрудненіями; но, если это обстоятельство послужило причиной, по которой г. Верещагинъ началъ свой указатель съ 1720 года, то было болѣе согласно съ истиной именно этимъ и объяснить такое начало,

чѣмъ относить первое появленіе иллюстрацій въ русскихъ книгахъ свѣтскаго содержанія къ 1720 году.

Оканчивая указатель 60-ми годами, авторъ въ объясненіе этого говоритъ, что съ этого времени новѣйшіе способы воспроизведенія рисунка путемъ фотографіи начали мало-по-малу замѣнять гравюру. Такая причина отсутствія указаній на иллюстрированныя изданія, вышедшія послѣ 60-хъ годовъ, представляется намъ не совсѣмъ понятною: хотя во многихъ случаяхъ способы, основанные на фотографіи, стали замѣнять прежніе способы воспроизведенія рисунковъ, но не совершенно ихъ вытѣснили, и примѣненіе новыхъ способовъ нисколько не препятствовало указать тѣ подходящія подъ программу автора изданія, которыя были выпущены въ 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годахъ, а ихъ было не мало. Повидимому, авторъ поставилъ себѣ задачею указать въ своей книгѣ ровно тысячу названій, не меньше и не больше, чего и достигъ. Такому стремленію къ округленію цифръ въ ущербъ полнотѣ указаній мы не можемъ сочувствовать.

Указывая названія иллюстрированныхъ изданій, г. Верещагинъ даетъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о содержаніи помѣщенныхъ въ нихъ рисунковъ. Но при этомъ замѣчается такая странность. Во многихъ случаяхъ, въ которыхъ названіе каждаго изъ помѣщенныхъ въ книгахъ рисунковъ не можетъ дать опредѣленнаго представленія объ его содержаніи, почему перечисленіе этихъ названій представляется безцѣльнымъ, Верещагинъ приводитъ такія названія; а въ другихъ случаяхъ, въ которыхъ читателю было бы интересно и нужно имѣть свѣдѣнія о содержаніи рисунковъ, Верещагинъ не даетъ таковыхъ. Чтобъ замѣчаніе наше было понятнѣе, приведемъ нѣкоторые примѣры. Подъ № 31 мы находимъ такое обозначеніе содержанія шести рисунковъ, помѣщенныхъ въ альбомѣ «Балаганъ»: 1) «Вотъ такъ и видно,—2) Эхъ ты, родимая,—3) О немъ Лизочка,—4) Глупенькій ужъ я,—5) Папа, папа,—6) Помилуйте, Александра Павловна». Вотъ обозначеніе содержанія другихъ шести рисунковъ, помѣщенныхъ въ книгѣ, указанной подъ № 712: „Вскую мя оставилъ,—Славны бубны, —Живою статуею,—Сапоги ваши,—Я не потерялъ,—О вей миръ». Подробныя же свѣдѣнія о содержаніи рисунковъ находятся подъ №№ 404, 433, 435, 436, 437 и другими. Напротивъ того, читатель не можетъ найти никакихъ свѣдѣній о содержаніи рисунковъ въ такихъ изданіяхъ, какъ слѣдующія: «Произведенія воспитанниковъ Императорской Академіи Художествъ, удостоенныя наградъ», — «Очерки

съ лучшихъ произведеній живописи, гравированія, ваянія и зодчества», изд. К. Троманинымъ, — «Художественный автографъ Имп. Акад. Художествъ», изданіе Спб. Артели Художниковъ, — «Картины Россіи» П. Свиньина, — «Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни», изданіе Кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ и т. п. Мѣстами же авторъ, хотя и даетъ указанія на содержаніе рисунковъ, но слишкомъ краткія и неопредѣленныя. Напримѣръ, онъ такимъ образомъ приводитъ содержаніе рисунковъ, помѣщенныхъ въ «Сѣверномъ Сіяніи» Генкеля: «Парубки, Полтава Пушкина, Богданъ Хмельницкій» и т. д. Какіе это „парубки", какія сцены изъ «Полтавы» Пушкина и изъ жизни Хмельницкаго изображены, чьи это произведенія—онъ не считаетъ нужнымъ объяснить. Въ предисловіи своемъ г. Верещагинъ не объясняетъ, посвященъ-ли его трудъ только отдѣльнымъ изданіямъ, или обнимаетъ періодическую печать. А въ текстѣ указателя изъ періодическихъ изданій указаны только слѣдующіе журналы, какъ иллюстрированные: «Журналъ изящныхъ искусствъ», изд. В. Григоровичемъ въ 1823—25 годахъ,—«Ореады» В. Дмитріева (1809 г.), — „Журналъ для дѣтей" 1815 г.,— «Листокъ для свѣтскихъ людей» (1843—1844 г.),—«Магазинъ аглинскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ модъ» (1791 г.),—«Московскій Телеграфъ» Н. Полеваго (1825—1833 г.), — «Репертуаръ Русскаго Театра» И. Песоцкаго (1839—1841 г.), — «Отечественныя Записки» П. Свиньина (1818—1832 г.),—«Сѣверное Сіяніе» В. Генкеля (1862—1865 г.) и «Русскій Художественный Листокъ» В. Тимма (1851—1862 г.).—Почему именно авторъ счелъ нужнымъ указать въ числѣ иллюстрированныхъ изданій эти журналы, не упомянувъ о всѣхъ другихъ иллюстрированныхъ журналахъ, находитъ ли онъ эти журналы выдающимися въ какихъ-нибудь отношеніяхъ, а другіе—незаслуживающими вниманія, или это произошло по какимъ-либо инымъ причинамъ—предоставляется догадываться читателю.

Кстати о періодическихъ изданіяхъ. Разсуждая въ своемъ предисловіи о присущей русской литературѣ бѣдности въ библіографическихъ журналахъ и работахъ, г. Верещагинъ болѣе серьезными изъ русскихъ библіографическихъ журналовъ называетъ «Россійскій Библіографъ» Гартье и «Библіографъ» Шибанова. И, однако, въ дѣйствительности такихъ журналовъ вовсе не было, а были «Россійская Библіографія» Э. К. Гартье, «Библіографъ» А. Н. Струговщикова (въ 1869 г.), «Библіографъ» Н. М. Лисовскаго (съ 1884 г.) и „Би-

бліографическія Записки" Н. П. Шибанова. Такимъ образомъ, смѣшавъ названія журналовъ и фамиліи издателей, авторъ изъ четырехъ библіографическихъ журналовъ сдѣлалъ два, что даетъ поводъ думать, что, рекомендуя читателямъ лучшіе библіографическіе журналы, самъ авторъ не достаточно ознакомился съ ними, при чемъ эта догадка можетъ быть подтверждена и тѣмъ, что онъ не упоминаетъ о другихъ серьезныхъ библіографическихъ журналахъ, каковыми были: «Russiche Bibliothek» Бакмейстера (1772—1787 г.), «С.-Петербургскія Ученыя Вѣдомости» Н. И. Новикова (1777 г.), «Московскія Ученыя Вѣдомости» Буле (1805—1807 г.), «Библіографическіе Листы» П. Кеппена (1825—1826 г.), «Библіографическія Записки» Н. М. Щепкина и А. Н. Афанасьева (1858—1861 г.) и «Критическое Обозрѣніе» Вс. Миллера и М. Ковалевскаго (1879—1880 г.).

Что касается отдѣльныхъ изданій, въ указателѣ г. Верещагина можно найти не мало пропусковъ. Но дать подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о всѣхъ пропущенныхъ Верещагинымъ изданіяхъ—это значило бы составить новый дополнительный указатель, для чего нужна бы была масса справокъ съ изданіями, изъ которыхъ многія сдѣлались рѣдкими, и большая затрата времени и труда. Поэтому, не касаясь такихъ изданій, въ которыхъ рисунки, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, были прилагаемы къ тексту, упомянемъ лишь о тѣхъ пропущенныхъ Верещагинымъ изданіяхъ, которыя представляютъ отдѣльныя собранія (коллекціи или альбомы) рисунковъ и которыя мы можемъ вспомнить и указать, не прибѣгая къ требующимъ много времени справкамъ въ разныхъ книгохранилищахъ. Въ числѣ такихъ изданій, вышедшихъ въ томъ періодѣ времени, который обнимаетъ указатель Верещагина, и имѣющихъ отношеніе къ южно-русскому краю, Верещагинымъ не упомянуты: 1) Живописная Украйна Т. Г. Шевченко, 1844 г. [1]), описанная въ статьѣ В. П.

---

[1]) Независимо отъ пропуска такого крупнаго и замѣчательнаго для своего времени изданія, какимъ была упоминаемая „Живописная Украйна", Т. Г. Шевченку вообще не посчастливилось въ указателѣ Верещагина. Хотя, какъ было объяснено выше, изданія, выходившія съ приложеніемъ одного портрета, считаются у Верещагина иллюстрированными, но изъ изданій „Кобзаря" имъ указано только одно изданіе 1840 г. (№ 952), а всѣ прочія изданія, выпущенныя съ приложеніемъ портретовъ Т. Г. Шевченка, не упомянуты. При указаніи (№ 713) на сборникъ біографій Н. Полеваго „Русскіе полководцы" (изданіе Шерпакова, 1845 г.) также не упомянуто о томъ, что приложенные къ этому изданію портреты рисованы Т. Г. Шевченкомъ. Объ участіи Т. Г. Шевченка въ другихъ изданіяхъ (№№ 570, 710 и 822) упомянуто, но не объяснено, что именно принадлежитъ Т. Г. Шевченку въ этихъ изданіяхъ.

Горленка «Шевченко—живописецъ и граверъ» («южно-русскіе очерки и портреты»),—2) Коллекція видовъ Малороссіи, рисованныхъ съ натуры А. Кунавинымъ и гравированныхъ Стадлеромъ (рѣдкое изданіе, единственный экземпляръ котораго, заключавшій въ себѣ 7 полтавскихъ видовъ, in folio, мы видѣли въ Диканькѣ), — 3) Альбомъ рисунковъ, изданный въ видѣ приложенія къ «Запискамъ о Полтавской губерніи» Николая Арандаренка 1852 г., мы видѣли у вдовы автора В. И. Арандаренко),—4) Альбомъ живописныхъ видовъ Россіи академика Г. Ф. Ваничека (въ 1-й тетради, вышедшей въ Москвѣ въ 1859 г., помѣщено 22 вида Кіевской губерніи),—5) Альбомы видовъ, изданные въ Кіевѣ Фонъ-Юнкомъ,—6) Коллекція рисунковъ малороссійскихъ костюмовъ, изданная Даціаро въ 70-хъ годахъ (нашъ экземпляръ заключаетъ въ себѣ 12 рисунковъ, изъ которыхъ десять рисованы Бѣлоусовымъ и два — Пржецлавскимъ, при чемъ мы не увѣрены въ полнотѣ этого экземпляра) и 7) Портреты украинскихъ писателей, изданные Д. Каменецкимъ (два выпуска 1861 и 1862 годовъ: въ 1-мъ выпускѣ, in folio, помѣщены портреты Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша и Т. Г. Шевченка, отпечатанные въ Парижѣ у Лемерсье; во 2-мъ выпускѣ, in 4°, портреты Е. П. Гребенки, Г. Ѳ. Квитки и И. П. Котляревскаго, отпечатанные въ Петербургѣ, въ литографіи Червякова).—Изданій, въ которыхъ рисунки изъ малорусской жизни и природы помѣщены среди другихъ рисунковъ, не имѣющихъ отношенія къ южно-русскому краю, мы не указываемъ, такъ какъ это потребовало бы слишкомъ много времени и мѣста.

Не смотря на неполноту и ошибки, какъ упомянутыя выше, такъ и другія, которыя мы не перечисляемъ, чтобы не вдаваться въ слишкомъ большія мелочи, книга Верещагина представляется полезнымъ для справокъ указателемъ. Издана она съ ненужною для подобныхъ изданій роскошью: заключая въ себѣ 300 съ небольшимъ страницъ, она, будучи издана на обыкновенной бумагѣ, должна бы была стоить не свыше двухъ рублей, а отпечатанная на веленевой бумагѣ, она стоитъ 5 рублей; и хотя каждый экземпляръ ея, какъ было возвѣщено въ объявленіяхъ, занумерованъ, но для покупателей это составляетъ плохое утѣшеніе въ излишней тратѣ денегъ.

Н. Ш.

Die Kosaken von Kobeljaki.—*Ein Volks—Wirtschaftlicher Reisebericht. Von prof. dr. Gerhart v. Schulze-Gaevernitz (Freiburg i. B) (помѣщено въ 164 и 165 №№ вѣнскаго журнала «Die Zeit» 20—27 ноября 1897 года).*

Въ сжатомъ очеркѣ фрейбургскій профессоръ Шульце-Геверницъ рисуетъ картину особенностей экономическаго и общественнаго быта козаковъ Кобеляцкаго уѣзда. По словамъ его, уѣздъ этотъ является какъ-бы «сердцемъ Старой Украины» (dieser Bezirk kann recht eigentlich, als Herz der alten Ukraine bezeichnet werden), вѣроятно—потому, что преобладающее значеніе принадлежитъ тамъ козакамъ— «потомкамъ тѣхъ свободныхъ воиновъ, за которыми литовскій статутъ обезпечивалъ право собственности и наслѣдства на землю въ такой-же степени, какъ и за шляхтой». Названный очеркъ, составленный частью на основаніи личныхъ наблюденій автора, частью—по трудамъ гг. Карышева (о крестьянской арендѣ) и Ермолова (о неурожаѣ 1891—92 г.) и по даннымъ земской статистики, сообщеннымъ автору В. И. Василенкомъ, раздѣляется на два отдѣла: въ первомъ дается общая характеристика условій быта кобеляцкихъ козаковъ, во второмъ—авторъ знакомитъ читателя съ особенностями ихъ земледѣльческой культуры. Общій интересъ представляетъ лишь первый отдѣлъ, и потому мы вкратцѣ передадимъ его содержаніе.

Въ Кобеляцкомъ уѣздѣ Ш.-Г. различаетъ три сословныя группы,—крестьянскую, козацкую и дворянскую,—юридически отличающіяся между собой, но въ дѣйствительности близко стоящія другъ къ другу вслѣдствіе общности экономическихъ условій жизни. Козаки раздѣляются на мало обезпеченныхъ землею и на тѣхъ, которые владѣютъ ею въ размѣрѣ болѣе 10 десятинъ. Первые составляютъ переходъ къ малоземельному и безземельному крестьянству, занимающемуся наемными работами, вторые—къ мелкопомѣстному дворянству, т. наз. полупанкамъ, владѣнія которыхъ не превышаютъ 50 десятинъ каждое. Распространенность мелкопомѣстнаго дворянства и наличность значительнаго класса зажиточныхъ хозяевъ среди козаковъ составляютъ характерную особенность Кобеляцкаго уѣзда, въ отличіе, напр., отъ Константиноградскаго, гдѣ господствуетъ крупная дворянская собственность. Въ 1883 году въ Кобеляцкомъ уѣздѣ изъ 1469 общаго числа всѣхъ дворянскихъ помѣстій (Privatbesitz) насчитывалось 1163 имѣнія, размѣры которыхъ не превышали 50 десятинъ каждое.

Увеличеніе площади козацкаго землевладѣнія совершается посредствомъ купчей и, особенно, арендъ. О степени распространенности арендпаго землевладѣнія въ этомъ уѣздѣ можно судить на основаніи того, что $^2/_3$ всей поземельной собственности, принадлежащей, главнымъ образомъ, среднему и высшему дворянству, отдаются въ аренду; любопытно при этомъ то, что арендаторами являются не бѣдняки, а зажиточные хозяева, которые въ состояніи ввести въ своемъ хозяйствѣ употребленіе земледѣльческихъ машинъ. Хозяйственная крѣпость кобеляцкихъ козаковъ доказывается также и тѣмъ, что они предпочитаютъ снимать землю у помѣщиковъ за деньги, а не за выполненіе извѣстныхъ хозяйственныхъ работъ, и тѣмъ, что рядомъ съ однолѣтней арендой существуетъ и многолѣтняя, охватывающая теперь $^2/_5$ всѣхъ арендныхъ земель.

Такимъ образомъ изъ безразличной массы землевладѣльческаго населенія данной мѣстности выдѣляется довольно многочисленный классъ зажиточныхъ хозяевъ, которые, за удовлетвореніемъ своихъ потребностей, имѣютъ еще извѣстный излишекъ земледѣльческихъ продуктовъ для сбыта. Этотъ фактъ, свидѣтельствующій о переходѣ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, служитъ, по мнѣнію Ш.-Г., несомнѣннымъ доказательствомъ прогресса въ русскихъ экономическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ. Если при этомъ, замѣчаетъ онъ, увеличивается различіе между бѣдными и богатыми [1]), на что жалуются лучшіе представители русской аграрной литературы, или, какъ говорятъ они, возникаетъ пролетаріатъ, то существованіе желательной группы зажиточныхъ крестьянъ (слово это употреблено здѣсь не въ правовомъ, а хозяйственномъ значеніи) во всякомъ случаѣ предпочтительнѣе поголовной и безразличной бѣдности. Впрочемъ, продолжаетъ онъ, разрѣшеніе вопроса о томъ, нужно-ли поддерживать общій низкій уровень народнаго благосостоянія, или способствовать выдѣленію изъ него зажиточныхъ группъ, будетъ зависѣть не отъ литературныхъ мнѣній, а отъ интересовъ фиска, которые заключаются въ томъ, чтобы число сильныхъ плательщиковъ налоговъ увеличивалось, и для которыхъ не можетъ быть случайнымъ и безразличнымъ тотъ фактъ, что въ юго-западныхъ губер-

---

[1]) Въ Кобеляцкомъ уѣздѣ 40 проц. всего козацкаго и крестьянскаго населенія не имѣетъ скота и вслѣдствіе этого вынуждено заниматься наемными работами и разными промыслами.

ніяхъ, гдѣ экономическая рознь въ населеніи возросла, количество недоимокъ—незначительно, и, наоборотъ, восточныя губерніи, гдѣ еще и теперь не замѣчается большихъ колебаній въ общемъ низкомъ уровнѣ народнаго благосостоянія, занимаютъ первое мѣсто по числу недоимокъ.

Причины хозяйственнаго превосходства козаковъ надъ крестьянами, Ш.-Г. выводитъ изъ того основного факта, что козаки всегда были свободны, между тѣмъ какъ крестьяне сравнительно недавно вышли изъ крѣпостного состоянія; первые, ставя цѣлью труда свое личное благосостояніе, находится въ болѣе выгодныхъ условіяхъ труда, чѣмъ послѣдніе, обязанные отдавать помѣщику излишекъ своихъ произведеній; слѣды подобнаго различія въ положеніи козаковъ и крестьянъ и теперь еще не исчезли вполнѣ, такъ какъ послѣдніе, кромѣ казенныхъ, земскихъ и сословныхъ налоговъ, которые несутъ наравнѣ съ козаками, обязаны платить и по выкупнымъ обязательствамъ. Сознаніе личнаго интереса настолько развито у козака, что онъ, по выраженію Ш.-Г., въ сравненіи съ сосѣдними крестьянами, является современнымъ, западно-европейскимъ человѣкомъ. (Der Kosak ist im vergleich zum benachbarten Bauern ein moderner, westeuropäischer Mensch).

Присутствіе сильно развитаго духа самонадѣянности и индивидуализма отличаетъ козака отъ русскаго крестьянина; для подтвержденія этого положенія напрасно Ш.-Г. прибѣгаетъ къ такимъ аргументамъ, какъ народныя поговорки, ошибочно приписываемы имъ малорусскимъ козакамъ (напр.: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай», а въ передачѣ Ш.-Г.: Hilf dir selbst, so hilft dir Gott.»). Болѣе основательное подтвержденіе индивидуальныхъ особенностей характера козаковъ заключается въ ихъ склонности къ торговой дѣятельности: до проведенія желѣзныхъ дорогъ козаки вывозили изъ Крыма и береговъ Дона соль и рыбу въ обмѣнъ на привозимые ими продукты земледѣлія; позже, когда промыселъ этотъ палъ, козаки обратили свои капиталы на покупку земли и разведеніе пшеницы, находившей выгодный сбытъ; а теперь козаки предпочтительно воздѣлываютъ пшеницу и ячмень, тогда какъ крестьяне производятъ только рожь для собственнаго прокормленія, а если сбываютъ ее на сторону, то только для того, чтобы было чѣмъ уплатить подати. Козацкій индивидуализмъ проявляется и въ томъ, что козаки предпочитаютъ, въ противоположность великорусскимъ крестьянамъ, част-

ную земельную собственность общинному землевладѣнію, которое, подъ ихъ вліяніемъ, падаетъ и у сосѣднихъ бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ. Наконецъ выраженіе той-же черты характера козаковъ Ш.-Г. видитъ и въ томъ, что крупные родственные союзы (Hauscommunion), господствующіе среди великорусскихъ крестьянъ, распадаются у козаковъ на небольшія самостоятельныя семьи, являющіяся здѣсь, какъ и въ З. Европѣ и въ высшихъ слояхъ русскаго общества, скорѣе физіологическими и этическими цѣлыми, чѣмъ экономическими. (Опять поговорка въ подтвержденіе: «ein Band des Brutes, nicht der Arbeit»). Выдѣленіе небольшихъ семей изъ родственныхъ союзовъ объясняется эманспаціонными наклонностями малорусской женщины, которая не желаетъ играть служебной роли въ домѣ свекра и стремится сдѣлаться госпожей собственнаго хозяйства. Положеніе малорусской женщины Ш.-Г. считаетъ болѣе высокимъ, достойнымъ и самостоятельнымъ, чѣмъ положеніе женщины у великороссовъ, у которыхъ сложились на этотъ счетъ весьма характерныя поговорки: «люби жену, какъ душу, тряси, какъ грушу» (Ш.-Г. переводитъ ее ошибочно такъ: «Liebe deine Frau wie deine Seele und klopfe sie wie deinen Pelz.»), «волосъ длиненъ, да умъ коротокъ». Вообще жизнь въ Малороссіи нѣмецкому наблюдателю представляется въ очень свѣтлыхъ и живописныхъ краскахъ.

В. П.

Матеріалы по археологіи Кіева. *Древнія гирьки, найденныя въ Кіевѣ, и отношеніе ихъ къ различнымъ вѣсовымъ системамъ (съ 2-мя таблицами рисунковъ)*. Кіевъ, 1898, 8°, 27.

Небольшая, но весьма интересная брошюра г. К. Болсуновскаго относится къ отдѣлу археологіи, сравнительно мало представленному вещественными памятниками и мало разработанному; это—археологическая метрологія нашего Юга, именно денежная и вѣсовыя системы, употребительныя въ Кіевскомъ княжествѣ, примѣрно между VIII и XVI вѣками. Общую, руководящую часть изслѣдованія составляютъ страницы 13—22, на которыхъ читатель находитъ краткія свѣдѣнія по вопросамъ о древнѣйшихъ вѣсовыхъ системахъ вообще, о возникновеніи вѣсовъ, о зависимости монетныхъ системъ отъ вѣсо-

выхъ у различныхъ народовъ, о древнѣйшихъ единицахъ цѣнности и т. п. Эти общія свѣдѣнія авторъ черпаетъ изъ сочиненій Черепнина, Мрочекъ-Дроздовскаго, Зака, Прозоровскаго и др. Такъ какъ сношенія русскихъ съ обѣими римскими имперіями, восточной и западной, навѣрное не оставались безъ вліянія на обращавшіяся въ Кіевскомъ княжествѣ системы вѣсовую и, вѣроятно, монетную, то авторъ находитъ нужнымъ познакомить читателя и съ вѣсовыми системами этихъ странъ, хотя на самомъ дѣлѣ гораздо больше останавливается на вѣсовой системѣ арабовъ, монеты которыхъ (диргемы) были, по всей вѣроятности, для народовъ Россіи древнѣйшими металлическими монетами. Во всякомъ случаѣ есть большое основаніе предполагать, что русскія гривны, ногаты, куны соразмѣрялись съ арабскими диргемами, и сіи послѣднія принимались русскими какъ своя ходячая монета, при чемъ къ монетамъ арабскимъ примѣнялись русскія названія кунъ, рѣзанъ и т. п. Усвоенію арабской монеты кіевлянами для торговыхъ оборотовъ много помогало и то, что по вѣсу арабскія диргемы, кажется, точно соотвѣтствовали кіевскимъ кунамъ: принимая за нормальный вѣсъ кіевской куны 51,6 грана и зная, что древнѣйшія диргемы вѣсятъ 50—52 грана, естественно допустить, что диргемы обращались въ Кіевской землѣ, какъ мѣстная монета подъ именемъ той-же куны. Что касается нашей гривны, то значеніе денегъ она получила первоначально въ видѣ вѣсовой единицы, какъ слитокъ опредѣленнаго вѣса; значеніе гривны, какъ счетной, монетной единицы, явленіе болѣе позднее. Гривна, какъ единица вѣса, это 1 фунтъ въ 72 золотника, или вытѣснившій ее большой новгородскій, нынѣшній фунтъ въ 96 зол. Однако съ обращеніемъ изъ вѣсовой единицы въ счетную гривна въ благородныхъ металлахъ уменьшилась наполовину, что произошло и съ греческой литрой Первоначально единица вѣсовая и счетная носила одно и то же имя гривенъ; дальнѣйшая практика привела къ различенію счетной и вѣсовой единицъ, различныхъ по вѣсу, также и въ наименованіи: „гривна“ и „полугривна“ перешли на счетную единицу, а для единицы вѣсовой усвоены названія: гривенка или малая гривенка ($^1/_2$ ф.), большая гривенка, фунтъ (1 ф.). Такъ какъ гривна дѣлилась на куны (1 гривна=59 кунамъ), то первое изъ этихъ именъ въ соединеніи съ вторымъ стало обозначать только полное содержаніе меньшихъ единицъ въ большей, и выраженіе «Русской Правды» *гривна кунъ* означаетъ не что другое, какъ полную гривну, 50 кунъ или 20 ногатъ, т. е. слитокъ серебра въ

$^1/_2$ ф. вѣсомъ или—для кіевской гривны—въ $^1/_3$ фунта. Наиболѣе мелкимъ дѣленіемъ гривны была векошь, равная, кажется, византійской нуміи, фоллису: въ гривнѣ содержалось 600 векошей, въ кунѣ 72, въ ногатѣ 30.

Словомъ, древнѣйшая исторія монетной системы на Руси въ главныхъ своихъ чертахъ повторяетъ соотвѣтствующія явленія въ другихъ странахъ: и здѣсь тоже генетическая связь монетной системы съ болѣе древней вѣсовой, и здѣсь тоже перенесеніе названій изъ одной системы въ другую и, наконецъ, такіе же слѣды примитивнаго мѣноваго торга и примитивныхъ мѣновыхъ знаковъ въ позднѣйшихъ денежныхъ терминахъ. Въ изложеніи нашего автора, вообще ясномъ и удовлетворительномъ, есть однако нѣкоторая невыдержанность. Что многія денежныя системы слагались на основаніи вѣсовыхъ, это вѣрно; достаточно вспомнить, что греческія денежныя единицы: талантъ, мина, драхма, не что иное, какъ названія единицъ вѣса; съ единицъ вѣса названія перешли на единицы денежныя. Но авторъ не точенъ, когда выражается, что аналогичное явленіе имѣло мѣсто и на Руси, и за симъ прибавляетъ: „послѣ появленія въ странѣ, въ торговлѣ, металловъ въ кускахъ и монетахъ, названія нашихъ мѣстныхъ мѣновыхъ цѣнностей перешли на монетные знаки, равные имъ по цѣнѣ, которые поэтому и стали называть кунами, рѣзанами, ногатами и т. д.». Гдѣ-же здѣсь единицы вѣса? При чемъ, въ данномъ случаѣ, пріоритетъ вѣсовой системы передъ денежной? Сія послѣдняя непосредственно слѣдуетъ за отношеніями мѣновой торговли. Взвѣшиваніе предметовъ не менѣе первобытно, какъ и обмѣнъ ихъ, и чтобы прійти къ мысли о вѣсахъ вовсе не нужно было дожидаться обращенія металловъ въ мѣновые знаки. Терминъ гривны впрочемъ заимствованъ изъ вѣсовой системы.

На стр. 68-й въ числѣ культурныхъ странъ, находившихся въ эношеніяхъ съ Кіевскимъ княжествомъ, называются—Греція и ея колоніи на берегахъ Чернаго моря, Византія, какъ бы два государства: это погрѣшность противъ исторіи, такъ какъ въ торговлѣ, которая занимаетъ автора, существовала Византійская имперія, а не Греція съ ея колоніями.

Наконецъ, едва-ли правильно представить себѣ для столь отдаленнаго времени взаимныя отношенія денежныхъ единицъ, меньшихъ и большихъ, въ такихъ точныхъ неизмѣнныхъ цифрахъ, если при-

нять во вниманіе несовершенства монетнаго дѣла тѣхъ временъ, когда въ оборотѣ были отломки и обрубки крупныхъ монетъ.

Собственная задача автора состоитъ въ томъ, чтобы имѣющимся въ его коллекціи гирькамъ, въ количествѣ 35, отвести подобающее мѣсто въ археологіи и въ особенности возможно точнѣе опредѣлить ту серію гирекъ, «которая можетъ быть неоспоримо отнесена къ *кіевской* вѣсовой системѣ», «указать тѣсную связь мѣстной вѣсовой системы съ монетами, бывшими въ обращеніи въ Кіевѣ съ VIII по XIII в.». На двухъ таблицахъ даны изображенія 29 гирекъ, описанныхъ въ текстѣ со стороны наружнаго вида, условныхъ знаковъ, на нихъ находящихся, и вѣса. Относя эти гирьки къ различнымъ вѣсовымъ системамъ и къ различнымъ эпохамъ, г. Болсуновскій выдѣляетъ въ особую группу №№ 3, 4, 5, 6, 7, 7-а, 8, какъ относящіеся неоспоримо къ кіевской вѣсовой системѣ XI вѣка. Точку опоры для своихъ соображеній авторъ находитъ въ т. н. Глѣбовой гирькѣ, къ его коллекціи не принадлежащей, въ 1890 г. найденной на Княжей горѣ и находящейся въ археологическомъ музеѣ при Кіевскомъ университетѣ. «Глѣбова гирька», по опредѣленію г. Прозоровскаго, составляетъ по вѣсу седьмую долю средней кіевской гривенки въ 2583 аптечн. грана. Тѣ изъ гирекъ коллекціи, которыя авторъ относитъ къ мѣстной вѣсовой системѣ, находятся въ опредѣленномъ вѣсовомъ къ ней отношеніи, что едва-ли случайно, какъ замѣчаетъ основательно г. Болсуновскій. «Глѣбова гирька» вѣситъ 516 грановъ, т. е. по вѣсу равняется 4 ногатамъ, и всѣ выдѣленныя выше гирьки коллекціи состоятъ изъ вѣсовыхъ единицъ, равныхъ по вѣсу кіевской кунѣ (51,6 грана) или кіевской ногатѣ (120 грановъ). Дѣйствительно, двѣ изъ названныхъ трехъ имѣютъ вѣсъ 3 ногатъ (№№ 5, 6), двѣ представляютъ повѣрочныя гирьки въ одну ногату (№№ 7, 7-а), одна въ 5 ногатъ (№ 3), одна въ 4 ногаты и одна имѣетъ вѣсъ куны, т. е. около 51,6 грана. Эти же гирьки аналогичны съ т. н. рязанскими гирьками, описанными г. Черепнинымъ въ его изслѣдованіи: «Древнія рязанскія гирьки» (1892). Всѣ «кіевскія» гирьки, въ числѣ 6, отъ № 3 до 7-го на таблицѣ, найдены вмѣстѣ въ Кіевѣ въ 1882 г., всѣ желѣзныя, обтянутыя мѣдью, одинаковой формы и съ однородными украшеніями, потому и должны принадлежать одной вѣсовой системѣ. «Кіевскія» гирьки авторъ распредѣляетъ на 5 группъ по количеству точекъ, на нихъ имѣющихся: съ 5 точками, съ 4-мя, съ 3-мя, съ 2-мя, съ 1-ой; соот-

вѣтствующія по вѣсу каждой группѣ гирьки онъ находитъ въ числѣ описанныхъ г. Черепнинымъ, при чемъ число точекъ каждой группы оказывается соотвѣтствующимъ числу вѣсовыхъ единицъ въ гирькахъ, именно числу ногатъ, въ 129 гран. ногата, а такъ какъ ногата составляла $^1/_{20}$ кіевской кунной гривны XI в., то отсюда слѣдуетъ, что всѣ названныя гирьки принадлежатъ къ одной и той же эпохѣ, составляютъ только различныя доли крупной вѣсовой единицы, вѣсъ которой опредѣляется умноженіемъ 20 на 129,—вѣсъ одной ногаты,—что даетъ 2580 грановъ или 3616 долей, вѣсъ кіевской гривны кунъ XI в. Слѣдовательно, «кіевскія» гирьки устанавливаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ нормальный, или законный вѣсъ крупнѣйшей денежной единицы Кіевскаго княжества, полнѣе выясняютъ значеніе «Глѣбовой гирьки».

Если принять во вниманіе, что вѣсовыхъ гирекъ въ кіевскихъ музеяхъ немного, и что находящіяся въ частныхъ музеяхъ гирьки даже не изданы, что изслѣдованіе подобныхъ памятниковъ у насъ пока весьма недостаточное, что полученные авторомъ результаты весьма вѣроятны, то къ попыткѣ г. Болсуновскаго нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ. Къ трудамъ Черепнина и Прозоровскаго она составляетъ необходимое и интересное дополненіе.

Ѳ. М.

Иванъ Тобилевичъ (Карпенко-Карый). *Драмы и комедіи. Т. I—II. Одесса. 1897.*

Карпенко-Карый—видное имя въ современной украинской литературѣ; пьесы Карпенка-Карого пользуются извѣстностью далеко за предѣлами Украйны, благодаря тому, что онѣ давно вошли, какъ любимѣйшія публикой, въ репертуаръ украинскихъ труппъ и много разъ исполнялись на сценѣ въ различныхъ городахъ Россіи. Онѣ же болѣе всякихъ другихъ литературныхъ произведеній распространяютъ и укрѣпляютъ знакомство великорусскаго общества, въ разнообразныхъ его кругахъ, съ Украйной, будятъ или поддерживаютъ въ немъ живыя симпатіи къ родственному и вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразному малорусскому племени и вообще интересъ къ Малороссіи. Кому изъ насъ случалось наблюдать великорусскую публику на украинскихъ

спектакляхъ, въ Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, въ Казани или Саратовѣ, и послѣ спектаклей дѣлиться своими впечатлѣніями съ великорусскими зрителями, тотъ не могъ не наблюдать подъема любознательности въ массѣ зрителей по отношенію къ далекой Украинѣ, и привлекательной, и во многомъ еще загадочной, любознательности, соединенной съ досадливымъ чувствомъ, что незнаніе малорусской рѣчи не позволяетъ проникнуть глубже въ своеобразный душевный складъ героевъ и во всѣ особенности малорусскаго народнаго характера, подчасъ наиярче выражающагося въ построеніи фразы или въ поговорочныхъ оборотахъ, для великоросса непонятныхъ. Во всякомъ случаѣ театръ Карпенка-Карого съ его разнородными фабулами и характерами не оставляетъ сомнѣнія въ великорусскомъ зрителѣ въ правѣ малорусской драмы на существованіе и дальнѣйшее развитіе, и въ той, между прочимъ, пользѣ, какую малорусскіе драматурги приносить могутъ русскому обществу разработкою и выясненіемъ положеній, складывающихся въ этнографическихъ и культурныхъ условіяхъ малорусской жизни.

Два тома «Драмъ и комедій», содержащіе въ себѣ девять піесъ, въ достаточной степени рисуютъ характеръ литературной дѣятельности автора, уровень его дарованія, даютъ болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о достоинствахъ и недостаткахъ современной малорусской драмы. Къ числу неоспоримыхъ достоинствъ нашего автора слѣдуетъ отнести прежде всего языкъ его піесъ, носящій на себѣ яркую печать непрерывающейся близости къ народной средѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Авторъ умѣетъ пользоваться для своихъ цѣлей наличнымъ богатствомъ живой народной рѣчи и, не обнаруживая, правда, творчества въ области родного языка, въ духѣ его законовъ и роста, онъ, однако, не пополняетъ его ненужными заимствованіями изъ другихъ языковъ, ни собственнымъ сочинительствомъ. Другимъ важнымъ общимъ достоинствомъ нашихъ драмъ и комедій слѣдуетъ признать обиліе бытового содержанія въ нихъ, какъ результатъ непосредственнаго внимательнаго наблюденія окружающей дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи нашъ авторъ даетъ большое количество бытовыхъ картинъ малорусской жизни и отдѣльныхъ характеристическихъ подробностей, восполняющихъ этнографическія описанія и изслѣдованія. Карпенко-Карый—авторъ весьма начитанный, онъ хорошо знакомъ съ литературой, относящейся къ Малороссіи; но въ то же время онъ и непосредственный наблюда-

тель, способный отмѣтить и такія черты, которыя ускользали пока отъ вниманія прежнихъ наблюдателей. Нельзя точно также не поставить въ заслугу нашему автору и того, что онъ пытается вводить въ украинскую драму мотивы соціальные и экономическіе и правдиво, иногда ярко, рисуетъ тяжелое положеніе своихъ героевъ и героинь въ зависимости отъ экономическихъ отношеній нашей деревни. Говоря вообще, Карпенко-Карый доказалъ своими піесами возможность и высокую поучительность истинно *народной* драмы. Сказать, что такая драма уже создана нашимъ авторомъ, что онъ далъ закономѣрные образцы ея, которымъ остается только слѣдовать, мы не можемъ. Для этого піесамъ его недостаетъ тщательной мотивировки изображаемыхъ положеній, глубины и послѣдовательности психологическаго анализа, индивидуализаціи характеровъ и, такъ сказать, архитектурной законченности. Мы имѣемъ въ его драмахъ первые серьезные опыты, а не законченные образцы народной украинской драмы, которая ждетъ еще руки великаго мастера и глубокаго знатока человѣческаго сердца. За то послѣ драмъ Карпенка-Карого нельзя увѣрять, будто герои изъ простонародья по несложности своихъ душевныхъ движеній не пригодны для драмы.

Въ вышедшихъ въ свѣтъ двухъ томахъ Карпенко-Карого «Бурлака», «Бондаривна», «Наймычка», «Безталанна», «Батькова казка» представляютъ драмы, «Мартынъ Боруля», «Сто тысячъ», «Розумный и дурень», «Палывода XVIII столитття»—комедіи. Въ первой изъ комедій героемъ выведенъ богатый шляхтичъ Мартынъ Боруля, мечтающій попасть въ русскіе дворяне, зажить «паномъ», выдать дочку Марысю за дворянина. Но хлопоты о дворянствѣ не увѣнчались успѣхомъ, женихъ изъ дворянъ, Націевскій, въ рѣшительную, торжественную минуту бѣжалъ отъ своей невѣсты къ тяжкому огорченію и сраму отца, но къ общему удовольствію и самой невѣсты, и ея матери, и всѣхъ близкихъ. Марыся выходитъ замужъ за Мыколу, сына другого богатаго шляхтича Гервасія, совершенно свободнаго отъ панскихъ «мечтаній» Борули. Жизнь Борули и всего его семейства опять пойдетъ «по старосвитьскому», развѣ внуки его или правнуки выйдутъ въ дворяне черезъ ученіе. Піеса полна украинскаго юмора; комическія положенія естественно вытекаютъ изъ слабостей Мартына, «аблаката» Трандалева и др. Однако нельзя не замѣтить, что авторъ отъ времени до времени покидаетъ тонъ серьезнаго изобразителя жизни и не чуждается пріемовъ и средствъ, разсчитанныхъ исклю-

чительно на забаву зрителя. Украинскимъ драматургамъ пора уже отрѣшиться окончательно отъ взглядовъ на публику, обличающихъ чувство какой-то «хлопской» зависимости отъ зрителей-господъ и перестать смѣшить ее каррикатурностью образовъ или причудливыми словечками. Задачи комедіи столь-же серьезны, какъ и трагедіи, и мы увѣрены, что недалеко время, когда украинская сцена дастъ публикѣ такую комедію, какая создана для общерусской публики тоже украинскимъ писателемъ. Піеса, болѣе выдержанная въ тонѣ легкой комедіи—«Сто тысячъ»; особенно удался автору кладоискатель («копачъ») Бонавентура съ его отборными фразами: «Опытъ велыкое дило», «копылъ такъ, и копылъ такъ», «насередыни камьяна фыгура», «алёмъ, ле казакъ» и т. п. Онъ кое-что знаетъ, кое-что читалъ, еще больше видѣлъ, но плохо разбирается въ своихъ свѣдѣніяхъ, плохо различаетъ дѣйствительность отъ собственныхъ фантазій. Герой комедіи—деревенскій казакъ, Гарасымъ, мечтающій разбогатѣть быстро, достать отъ «жыда» 100,000 рублей фальшивыми, но тонко сдѣланными ассигнаціями, такъ что не отличишь ихъ отъ настоящихъ. Конечно, мечтатель одураченъ и попадаетъ въ ловушку, теряетъ свои деньги и деньги пріятеля, Савки; онъ даже готовъ лишить себя жизни съ горя. Фабула комедіи—одинъ изъ дѣйствительныхъ случаевъ надувательства алчныхъ простаковъ ловкими мошенниками.

Изъ комедій наиболѣе удачная по нашему мнѣнію «Палывода», какъ по обилію истинно-комическихъ положеній, такъ и по сценичности. Кто желаетъ посмѣяться веселымъ, здоровымъ смѣхомъ, кто любитъ истинный малороссійскій юморъ, тому мы непремѣнно посовѣтовали бы посмотрѣть эту комедію-фарсъ, забавную и полную дѣйствія особенно во второй половинѣ, да еще при участіи г. Саксаганскаго въ роли Ледачого доѣзжачого. Въ комедіи совершенно умѣстны пѣсни и танцы. Вообще относительно этого послѣдняго пункта, равно какъ и относительно шутокъ и острыхъ словъ, которыми обыкновенно обмѣниваются въ малорусскихъ пьесахъ дѣйствующія лица, мы держимся того мнѣнія, что оба эти элемента, подъ условіемъ, разумѣется, мѣры, представляются вполнѣ реальными, вѣрно отвѣчающими обычному характеру малорусскихъ собраній и пирушекъ: непремѣннымъ украшеніемъ тѣхъ и другихъ служатъ пѣсни и состязаніе въ остроуміи.

Слабѣйшая комедія «Розумный и дурень» построена на старой, но всегда поучительной истинѣ, что обыкновенно мы величаемъ умомъ ловкость въ обдѣлываніи своихъ, хотя бы и темныхъ дѣлишекъ, въ пріумноженіи личнаго благосостоянія на счетъ ближняго, хотя бы и безчестными средствами, а къ глупости приравниваемъ сердечную простоту и великодушіе. «Розумный» Мыхайло обходитъ во всемъ «дурного» брата Данила и въ отношеніяхъ къ отцу проявляетъ цинизмъ и жестокость. Къ сожалѣнію, въ комедіи очень мало дѣйствія, герои ея въ большинствѣ случаевъ ходячія сентенціи, и даже на сей разъ языкъ піесы не отличается присущими нашему автору достоинствами.

Вообще слабость дѣйствія въ смыслѣ послѣдовательнаго, до конца не ослабѣвающаго развитія основныхъ мотивовъ и характеровъ составляетъ ахиллесову пяту малорусскихъ драмъ. Это скорѣе рядъ картинъ, нерѣдко слабо мотивированныхъ и внутренно между собою не связанныхъ, нежели быстрое, энергичное, повышающееся въ своемъ интересѣ изображеніе душевной коллизіи. Поверхностность психологическаго анализа плохо возмѣщается сентиментальностью рѣчей или паѳосомъ положеній. Потомъ, само собою разумѣется, гдѣ люди, тамъ и любовь во всѣхъ ея видахъ и со всѣми ея послѣдствіями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, проявленія этого чувства и роль его въ жизни разнообразятся въ зависимости отъ бытовыхъ условій и отношеній въ различныхъ общественныхъ классахъ. Беллетристика скандинавская въ этомъ отношеніи даетъ много интереснаго и способна предостеречь и украинскихъ драматурговъ отъ изображенія любовныхъ отношеній тѣми самыми чертами, къ какимъ пріучили насъ драмы и романы съ сюжетами изъ буржуазныхъ классовъ общества, изъ тѣхъ классовъ, гдѣ издавна, на досугѣ тщательно культивируется это чувство, и ему отводятъ центральное мѣсто въ жизни. Романической сторонѣ украинскихъ драмъ, не выключая и драмъ Карпенко-Карого, недостаетъ оригинальности и жизненной правды, каковыя достоинства могутъ быть добыты только старательнымъ изученіемъ бытовыхъ условій малорусса-простолюдина. «Безталанна», «Батькова казка» цѣликомъ построены на романическихъ отношеніяхъ; въ первой изъ этихъ драмъ интрига съ трагической развязкой недостаточно реальна или слабо обоснована: по капризу, изъ упрямства люди женятся и выходятъ замужъ на бѣду себѣ и ближнимъ, въ результатѣ чего получается «безталанна» собственно

всѣхъ героевъ, а не одной Софіи: и Варька, и Степанъ, и Гнатъ, и Иванъ не менѣе несчастны, нежели забитая Гнатомъ Софія. Въ «Батьковій казці» Ныкодымъ и Марына только по недоразумѣнію собственными руками разоряютъ свое «гнѣздо», и въ теченіе 25 лѣтъ несутъ наказаніе въ сущности безвинно, такъ сказать, по собственной охотѣ. Ревность жестокая, слѣпая, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся—главный мотивъ обѣихъ драмъ. «Наймычка»—любовная трагедія, безъ особенно нужды усиленная кровосмѣсительствомъ отца съ дочерью и тяжелымъ положеніемъ Харытыны, «жыдовской наймычки». Кровосмѣсительство, обнаруживающееся въ концѣ піесы, ненужный аксессуаръ: въ паѳосѣ обязательно прежде всего соблюденіе мѣры. Лучшая изъ драмъ несомнѣнно «Бондаривна», по содержанію относящаяся къ эпохѣ Хмельницкаго и разрабатывающая извѣстную поэтическую легенду объ украинской Лукреціи, жертвѣ сластолюбія и насилія польскаго магната. Дѣйствіе развивается живо, характеры обрисованы выразительными чертами, и піеса на сценѣ должна производить большое впечатлѣніе; языкъ піесы прекрасный. Въ исторической драмѣ желательно было бы только больше исторіи. «Бурлака»—соціальная драма. Плутъ волостной старшина, «багатырь», пользуется безотвѣтностью и забитостью «громады» для того, чтобы орудовать общественными капиталами на корысть себѣ; къ тому же онъ старый сластолюбецъ, разсчитывающій сдать въ москали своего счастливаго соперника, парубка Олексу, и жениться на красавицѣ Галѣ. Поперекъ дороги ему стоитъ бурлака Опанасъ; онъ протестуетъ открыто противъ неправды, изобличаетъ старшину въ беззаконіяхъ, за это подвергается самъ обидамъ, но въ концѣ концовъ правда торжествуетъ, и старшину ожидаетъ законное возмездіе. Драма довольно слабая, и существенныя качества въ построеніи ея не вознаграждаются добрыми бесспорно намѣреніями автора.

Въ заключеніе настоящей краткой рецензіи считаемъ долгомъ прибавить, что драмы Карпенка-Карого, помимо прекрасныхъ отдѣльныхъ сценъ, какія несомнѣнно имѣются въ каждой изъ нихъ, проникнуты искреннимъ любовнымъ чувствомъ къ украинскому народу, глубоко участливымъ отношеніемъ къ его долѣ, ко всѣмъ бѣднымъ, приниженнымъ; авторъ проявляетъ серьезное желаніе и стараніе выяснить и самые источники народныхъ невзгодъ, лежащіе частью въ невѣжествѣ и бѣдности малорусскаго простолю-

дина, частью въ соціальныхъ условіяхъ, отъ героевъ независящихъ. Драмы и комедіи нашего автора сближаютъ читателя и зрителя съ душевнымъ міромъ той среды, изъ которой онъ беретъ своихъ героевъ, научаетъ и насъ относиться серьезно, съ уваженіемъ и сочувствіемъ къ тѣмъ радостямъ и еще больше къ тѣмъ горестямъ и заботамъ, которыми живетъ и волнуется душа крестьянина въ Малороссіи. Дальнѣйшій успѣхъ украинской драмы будетъ состоять въ болѣе глубокомъ и всестороннемъ развитіи мотивовъ, затронутыхъ или талантливо намѣченныхъ въ піесахъ нашего уважаемаго драматурга.

Ѳ. М.

Истринъ В. М. Греческая запись о набѣгѣ казаковъ на Константинополь въ началѣ XVII вѣка *(Журн. М-ва Нар. Просв. 1898, № 7, стр. 42—48).*

Г-ну Истрину удалось найти въ греческой рукописи XVII в., принадлежащей Аѳонскому Иверскому монастырю и содержащей одну изъ редакцій Псевдодорофея (№ рукописи 167), приписку, которая въ переводѣ гласитъ слѣдующее: «Въ лѣто 7131 (1623) въ іюлѣ мѣсяцѣ въ 9 день пришли изъ бѣлокураго рода такъ называемые казаки на моноксилахъ числомъ около 100; на нихъ было до 6000 руссовъ. Они ограбили весь Босфорскій проливъ, начиная отъ Гіерона до Неохора (Еникеи) и Сосѳенія, и всѣ окрестности пролива и произвели тамъ большой захватъ плѣнныхъ. Пришли они на разсвѣтѣ и до 6-го часа осталось изъ нихъ только до 60 чел.; половина же ихъ была изрублена, а остальные взяты въ плѣнъ. Но они успѣли бросить огонь и сожгли два квартала. Вслѣдствіе этого (турки) построили двѣ новыхъ башни въ Гіеронѣ, одну на европейскомъ берегу, другую—на азіатскомъ. Въ то время патріаршествовалъ блаженнѣйшій и святѣйшій Кириллъ критянинъ, а царствовалъ тогда агарянинъ султанъ Мурадъ, сынъ султана Ахмеда, братъ султана Османа. Послѣдняго убили янычары и не только своего султана они убили, но и визиря и своего главнокомандующаго, и всѣхъ пашей и знатныхъ. И была среди нихъ въ то время большая рѣзня. И посадили они вмѣсто него (т. е. Османа) на царскій престолъ султана Мустафу, чело-

вѣка не въ полномъ разумѣ». Объ этомъ набѣгѣ историки не говорятъ. Гаммеръ и Смирновъ относятъ набѣгъ къ 1624 г., Костомаровъ упоминаетъ о набѣгахъ 1622 и 1624 гг. Правда, г. Эварницкій разсказываетъ (Ист. зап. коз. II, 205) о набѣгѣ 1623 г., но по изслѣдованію г. Истрина, г. Эварницкій спуталъ вмѣстѣ разсказы Гаммера, Костомарова и Смирнова и далъ фантастическое описаніе нападеній козаковъ на Константинополь. Нѣкоторыя хронологическія несообразности въ записи [1]) г. Истринъ пытается объяснить тѣмъ, что запись была сдѣлана спустя нѣсколько времени послѣ событія и авторъ ея легко могъ спутать время царствованія Мурада и патріаршества Кирилла.

Стороженко Н. И. Геніальный горемыка. (*Сборникъ «Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ». М. 1897, стр. 282—293*).

Проф. Н. И. Стороженко уже много лѣтъ занимается изученіемъ біографіи Т. Г. Шевченка. Имъ извлечено не мало новыхъ и интересныхъ матеріаловъ по этому вопросу, которые отчасти уже знакомы читателямъ нашего журнала (см. «Кіевск. Стар». 1888, X; 1893, III; 1898, III). Статья въ «Армянскомъ сборникѣ» представляетъ сжатый, но въ высшей степени живо и тепло написанный очеркъ біографіи поэта. Нельзя не пожелать этому очерку возможно болѣе широкаго распространенія среди нашей публики. Заимствуемъ цѣликомъ впервые напечатанное здѣсь письмо Шевченка къ извѣстному Дубельту отъ 10 января 1850 г., на которое ссылается почтенный профессоръ и въ своей статьѣ, напечатанной въ мартовской книжкѣ «Кіевск. Старины» за текущій годъ. «Ваше Превосходительство! Походъ въ Киргизскую степь и почти двухлѣтнее плаваніе по Аральскому морю даютъ мнѣ смѣлость вторично безпокоить В. П. моею покорнѣйшею просьбою. Я вполнѣ сознаю мое преступленіе и отъ души раскаиваюсь. Командиръ мой, капитанъ-лейтенантъ Бутаковъ, ежедневный свидѣтель моего поведенія въ продолженіи двухъ лѣтъ, подтвердитъ истину моихъ словъ, ежели угодно будетъ В. П. спросить у него. Я

---

[1]) Патр. Кириллъ оставилъ патріаршество 17 мая 1623 г., а султанъ Мурадъ вступилъ на престолъ 10 сентабря.

прошу милостиваго ходатайства Вашего передъ августѣйшимъ монархомъ нашимъ, прошу одной великой милости—позволенія рисовать. Я въ жизнь мою ничего не рисовалъ преступнаго, свидѣтельствую Всемогущимъ Богомъ. Умоляю Васъ! Вы какъ слѣпому откроете глаза и оживите мою убитую душу. Лѣта и мое здоровье, разрушенное скорбутомъ въ Орской крѣпости, не позволяютъ мнѣ надѣяться на военную службу, требующую молодости и здоровья. Прошу Васъ, пріимите хотя малѣйшее участіе въ судьбѣ моей и Богъ Васъ наградитъ за доброе дѣло». Письмо это осталось безъ отвѣта.

Т.

Тихомировъ И. *А. Рецензія книги*—**Исторія Переяславльской земли** *съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII-го столѣтія. Монографія Вас. Ляскоронскаго. Кіевъ. 1897. (Журн. М. Нар. Пр., 1898 г., № 6, стр. 459).*

Въ «Кіевск. Стар.» пока не было помѣщено разбора новаго труда г. Ляскоронскаго по русской исторіи. Поэтому мы пользуемся обстоятельно написанной рецензіей г. Тихомирова, предлагая ее вниманію читателей въ краткомъ извлеченіи.

Воздавъ должное трудолюбію автора, рецензентъ указываетъ на многочисленные и существенные недостатки книги. Первый и самый существенный недостатокъ, говоритъ онъ,—это большія отклоненія въ сторону отъ своего главнаго предмета, обиліе излишнихъ подробностей, прямо къ темѣ не относящихся. Читая книгу, иногда просто не понимаешь, для чего то или другое говоритъ авторъ; такъ, говоря, объ устройствѣ поверхности Переяславльской земли, онъ вдается въ описаніе разныхъ геологическихъ процессовъ, происходившихъ въ отдаленнѣйшія времена; тутъ появляются различные геологическіе термины: дилювій и аллювій, палеогенъ, міоценъ, эпоха плейстоценовая, палеолитическій и неолитическій періоды и т. п. Какъ на одинъ изъ наиболѣе характерныхъ примѣровъ рецензентъ указываетъ на 240—246 стран. книги, гдѣ авторъ пространно разсуждаетъ о судоходствѣ на Руси въ древности, какъ до созданія Русскаго государства, такъ и послѣ; приводитъ названія различныхъ типовъ судовъ, описываетъ ихъ форму, величину и устройство. Ожидаешь, что судо-

ходствомъ занимались жители Переяславльской земли; они то именно и совершали отважные походы въ Италію и Африку, они то опустошили Пафлагонію и взяли Амастриду. Но ожиданія прерываются полнѣйшимъ разочарованіемъ: оказывается, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, что рѣки прежняго Переяславльскаго княжества были до того незначительны, что на нихъ не могло существовать никакого судоходства; если и дѣлались суда, то только для сплава, и читателю остается утѣшаться только тѣмъ, что среди жителей было развито плотничье искусство, существовали «торговля и оживленныя сношенія съ отдаленными странами, куда собственно и плавали такія суда, отправляясь отъ крупныхъ рѣкъ». Кромѣ своей безполезности, замѣчаетъ г. Тихомировъ, эти отступленія положительно вредны для дѣла: безъ нихъ значеніе и роль Переяславльской земли выступили бы рельефнѣе, а теперь все стушевано, затемнено и за описаніями кіевскихъ событій мы почти не видимъ событій переяславльскихъ. Свѣдѣнія о Переяславльской землѣ въ источникахъ скудны, и вотъ, желая представить, насколько возможно, всестороннее обозрѣніе жизни Переяславльской земли и не имѣя въ источникахъ никакихъ указаній на многія стороны этой жизни, авторъ, по необходимости, долженъ былъ прибѣгать къ аналогіи: извѣстное относительно другихъ княжествъ переносить на Переяславльское княжество. Далѣе слѣдуютъ указанія на рядъ любопытныхъ по неудачности аналогій автора книги. Вообще, по мнѣнію критика, напрасно г. Ляскоронскій въ погонѣ за подробнымъ изображеніемъ политической и бытовой жизни княжества собираетъ свѣдѣнія, относящіяся къ другимъ княжествамъ; было-бы лучше, если бы онъ ограничился сводомъ извѣстій, касающихся непосредственно до Переяславльской земли. Картина вышла-бы, безъ сомнѣнія, не полная, но за то видно было-бы, какой матеріалъ находится въ источникахъ по интересующему вопросу. Г. Тихомировъ дѣлаетъ въ послѣдующемъ изложеніи далеко не полныя указанія на фактическія ошибки автора и заканчиваетъ рецензію на книгу г. Ляскоронскаго такими словами: нельзя не поставить автору въ вину нѣкоторой сбивчивости въ изложеніи. Дѣлая какіе либо выводы, онъ совершенно забываетъ о своемъ главномъ предметѣ и говоритъ то о южной Руси, то о сѣверскихъ земляхъ; даже дѣятельность и значеніе князей Владиміра Мономаха и Изяслава оцѣниваются съ точки зрѣнія южно-русской вообще, и ничего не говорится объ ихъ значеніи собственно для Переяславльской земли. Является какая

то спутанность. Между тѣмъ задача автора была самая легкая—собрать матеріалъ, касающійся Переяславльской земли, и на основаніи его выяснить значеніе ея среди другихъ южно-русскихъ княжествъ. Мѣшаютъ дѣлу и нѣкоторыя предвзятыя идеи автора—всюду онъ старается отмѣтить торговое значеніе Переяславльской земли; но если она въ этомъ отношеніи и значила что нибудь, то только въ древнѣйшій періодъ русской исторіи—до появленія печенѣговъ и въ особенности половцевъ: послѣ появленія въ степяхъ послѣднихъ кочевниковъ роль княжества съуживается—оно является только передовою стѣною противъ степняковъ.

Этими замѣчаніями и заканчиваетъ свою рецензію г. Тихомировъ. «Несмотря на многіе недостатки, резюмируетъ онъ свои выводы, разбираемая книга все же заслуживаетъ вниманія, какъ первый сводъ всего существующаго въ исторической литературѣ о Переяславльской землѣ. Полагаемъ, что этотъ сводъ долго будетъ и единственнымъ, такъ какъ, не смотря на все стараніе автора возвысить значеніе княжества, все таки роль его въ русской исторіи была довольно незначительна».

Двадцатипятилѣтіе Лубенской гимназіи. *Краткая историческая записка, составленная секретаремъ Педагогич. Совѣта Ник. Лук. Сеферовскимъ. Лубны. 1898. Стр. 175.*

Судьбы Лубенской гимназіи, несмотря на непродолжительность ея существованія, представляютъ значительный интересъ. Возникла эта гимназія по иниціативѣ и на средства земства, которое и теперь несетъ значительную часть расходовъ на ея содержаніе, земство всегда живо интересовалось ея жизнью, которая протекала далеко не спокойно, давая матеріалъ для различнаго рода обвиненій, вызывая даже экстренную ревизію и т. п. Все это привлекаетъ къ книгѣ г. Сеферовскаго особенное вниманіе интересующихся дѣломъ народнаго просвѣщенія въ нашемъ краѣ.

Открытіе Лубенской гимназіи было вызвано настоятельной потребностью населенія Полтавской губ. въ новомъ среднемъ учебномъ заведеніи. Въ 60-хъ гг. въ Полтавской губ. было только одно общеобразовательное среднее заведеніе—Полтавская гимназія, переполненная учащимися и не вмѣщавшая всѣхъ желавшихъ поступить въ нее. Поэтому еще въ половинѣ 60-хъ гг. земство и дворянство нѣкото-

рыхъ уѣздовъ Полтавской губ. дѣлали попытки устроить свое учебное заведеніе, но по недостатку средствъ попытки эти оставались безрезультатными. Среди другихъ и лубенское земство подняло въ это время вопросъ объ учрежденіи въ Лубнахъ прогимназіи, вопросъ, возбужденный еще въ 1862 г. Министерствомъ нар. просвѣщенія, которое надѣялось привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ мѣстное дворянство. Дворянство, хотя и пожелало имѣть даже не прогимназію, а полную гимназію, не могло однако изыскать средствъ для ея открытія и передало это дѣло въ руки только что возникшаго земства. Земство горячо принялось за осуществленіе этой мысли, но на первыхъ порахъ встрѣтило препятствіе также въ недостаточности средствъ. Между тѣмъ дѣломъ заинтересовалось и губернское земство, которое въ 1870 г. огромнымъ большинствомъ постановило: «открыть въ предѣлахъ Полтавской губ. реальную гимназію и ходатайствовать предъ правительствомъ о предоставленіи воспитанникамъ, окончившимъ въ ней курсъ, права на поступленіе въ университеты». Гимназію рѣшено было открыть въ центрѣ губерніи и такимъ центральнымъ пунктомъ намѣчены были Лубны. Въ смѣту 1871 г. земство внесло на содержаніе гимназіи 20290 р. [1]). Такъ какъ Министерство нар. просвѣщенія отклонило ходатайство объ учрежденіи реальной гимназіи, въ виду преобразованія такихъ гимназій въ реальныя училища, то было рѣшено ходатайствовать объ открытіи классической гимназіи. Открывая гимназію на собственныя средства, земство, естественно, желало видѣть во главѣ ея лицо, пользующееся довѣріемъ мѣстнаго населенія, и потому губернская управа «въ виду единодушнаго желанія мѣстнаго общества рекомендовала на должность директора открываемой гимназіи землевладѣльца Лубенскаго уѣзда статскаго совѣтника Матвѣя Терентьевича Симонова», который и былъ утвержденъ въ этой должности министромъ нар. просвѣщенія. М. Т. Симоновъ — извѣстный этнографъ — окончилъ курсъ по 1 отд. философскаго факультета университета св. Владиміра,

---

[1]) Впослѣдствіе ассигновки земства еще увеличились, но вскорѣ земство начало хлопотать о принятіи содержанія гимназіи на казенный счетъ. Ходатайство это было уважено и съ 1881 г. земство вносило въ пособіе казнѣ на содержаніе гимназіи по 10 т. р. въ годъ, а съ 1883 г. по 8050 р. До 1888 г. земство ежегодно вносило на содержаніе параллельныхъ отдѣленій до 4000 р. Сверхъ того на ремонтъ зданія имъ отпускалось по 1000 р. въ годъ. Довольно значительны были и экстренныя затраты по перестройкѣ и приспособленію зданія.

служилъ нѣкоторое время учителемъ русскаго языка въ Нѣжинской и Немировской гимназіяхъ, а позднѣе занималъ должность предсѣдателя контрольныхъ палатъ во Псковѣ, Екатеринославѣ и Житомирѣ, и такимъ образомъ имѣлъ и педагогическую и административную опытность.

3 сентября 1872 г. гимназія была открыта въ составѣ приготовительнаго и трехъ низшихъ классовъ. Наплывъ учащихся въ 1 классъ былъ такъ великъ, что сразу же пришлось открыть при немъ параллельное отдѣленіе; такія отдѣленія были открыты затѣмъ и при другихъ классахъ до VI включительно. Въ первые годы существованія гимназіи число учащихся вообще быстро растетъ и къ началу $18^{77}/_{78}$ уч. г. достигаетъ 461. Въ это время Лубенская гимназія успѣла завоевать общія симпатіи, выразившіяся въ рядѣ сочувственныхъ заявленій въ земскихъ собраніяхъ, какъ со стороны полтавскаго губернатора, такъ и со стороны представителей земства. Двѣ ревизіи окружного инспектора въ февралѣ 1874 г. и въ маѣ 1875 г., повидимому, подтверждаютъ это мнѣніе. «Въ первый разъ онъ нашелъ гимназію, не смотря на ея недавнее существованіе, вполнѣ благоустроенною, чѣмъ она, по мнѣнію ревизора, обязана главнымъ образомъ усердію и опытности директора; вторая ревизія убѣдила инспектора, что дѣятельность педагогическаго персонала направлена къ благоустройству гимназіи, вслѣдствіе чего и успѣхи учениковъ и дисциплина, какъ въ зданіи гимназіи, такъ и внѣ его признаны хорошими, за что и объявлена служащимъ благодарность г. попечителя». Но не такъ думали о своей гимназіи лубенскіе педагоги.

Осенью 1877 г. вышелъ въ отставку директоръ гимназіи М. Т. Симоновъ, и на его мѣсто былъ назначенъ г. Лазаренко, занимавшій до того времени должность инспектора Лубенской же гимназіи. Испытанія весною 1878 г. дали результаты весьма печальные: переведена была въ старшіе классы только половина учащихся (въ прежніе годы переводилось въ среднемъ 78%), изъ 18 учениковъ VIII класса удостоено аттестатовъ зрѣлости только 9, уволено изъ гимназіи за безуспѣшность 25 чел. (за все прежнее время было уволено по безуспѣшности всего 8 человѣкъ). Въ то-же время въ теченіе $18^{77}/_{78}$ уч. года выбыло изъ гимназіи 131 чел., что превысило число поступившихъ на 59 чел. Такое грустное и неожиданное явленіе нуждалось, конечно, въ объясненіи, и вотъ въ актовомъ от-

обвинительный актъ противъ прежнаго директора. Составитель отчета говоритъ: «Въ Лубенской гимназіи, открытой среди несогласій за направленіе (?), до сихъ поръ все вниманіе было обращено на то, чтобы представить эту новорожденную успѣшно растущею и развивающеюся. Средства приняты соотвѣтствующія цѣли: 1) Принята была метода усиленныхъ балловъ: вмѣсто 2 ставили 3 и даже 4, а для извѣстныхъ личностей было исключеніе, гдѣ непремѣнно нужно было ставить 5... 2) Лубенская гимназія извѣстна была не только въ Кіевскомъ округѣ, но и въ другихъ своими слабыми переводами (?)... такое снисхожденіе, дѣйствительно привлекавшее воспитанниковъ заведеній даже другихъ округовъ, было большою педагогическою ошибкою... результатомъ такого снисхожденія каждый годъ было болѣе или менѣе значительное число запущенныхъ учениковъ въ среднихъ и высшихъ классахъ, которые тормозили дѣло въ школѣ, служили въ тягость и себѣ. Тѣмъ не менѣе въ Лубенской гимназіи это было принято и такъ дѣло шло до отчетнаго года, когда этотъ виноградникъ (?!) долженъ былъ дать плоды. Каждый изъ насъ видѣлъ, что въ созрѣваемомъ (? sic!) VIII классѣ и въ другихъ классахъ много пустоцвѣту... Мы должны сказать, что виновато въ результатахъ и общество: оно хвалило существованіе порядка изъ за того только, что дѣти такъ легко шагали изъ класса въ классъ и при томъ съ блестящими баллами; напротивъ, оно же сильно порицало и легкое серьезное прикосновеніе къ дѣлу. Что же такое школа, какъ не такое заведеніе, гдѣ дѣти должны учиться? Не должно ли и общество всѣмъ своимъ вліяніемъ содѣйствовать этимъ высокимъ цѣлямъ заведенія?» Г. Сеферовскій, не вполнѣ, повидимому, соглашаясь съ рѣзкими обвиненіями противъ прежнихъ порядковъ, указываетъ на рядъ условій, неблагопріятствовавшихъ правильной постановкѣ учебнаго дѣла въ Лубенской гимназіи въ первые годы ея существованія, на позднее прибытіе вновь назначенныхъ учителей, на отсутствіе надлежащаго надзора за учениками со стороны квартиросодержателей, недостатокъ удовлетворительныхъ репетиторовъ, эпидемическія болѣзни. Но у читателя страстныя, хотя и не совсѣмъ грамотно изложенныя, филиппики отчета вызываютъ рядъ недоумѣній. Если дѣло было такъ, какъ рисуетъ отчетъ, то о чемъ же думали члены педагогическаго совѣта? Зачѣмъ *они* ставили тройки, четверки и даже пятерки ученикамъ, заслуживавшимъ двойки? Зачѣмъ такъ легко переводили изъ класса въ классъ и допусти-

ли разростись столь ненавистный имъ «виноградникъ»? Невольно вспоминается безсмертная унтеръ-офицерша, которая ухитрилась сама себя высѣчь!

Какъ бы то ни было, но лубенскіе педагоги опамятовались, раскаялись и принялись поправлять дѣло. Но и тутъ вышла неудача. Началось бѣгство учениковъ изъ Лубенъ. Пришлось подумать о томъ, какъ бы вовсе не остаться безъ учащихся и педагогическій персоналъ принялся поправлять дѣло при помощи столь строго осужденной имъ «методы усиленныхъ балловъ». Процентъ успѣвающихъ поднялся до 90, аттестатовъ зрѣлости удостоивались всѣ «созрѣваемые», хотя бы на экзаменѣ получали двойки и даже единицы. Результаты не замедлили сказаться, «виноградникъ далъ свои плоды», а тутъ еще начались «политическія дѣла», пустячныя по существу, но вносившія тревогу въ гимназическую жизнь. Въ началѣ $18^{87}/_{88}$ уч. г. произошла «катастрофа»—назначена была министерская ревизія гимназіи. Ревизія эта, «хотя и осудила слабыя требованія относительно познаній учащихся... все же окончилась благополучнѣе, чѣмъ ожидали—гимназіи не закрыли». Но и до сихъ поръ Лубенская гимназія не можетъ вернуть того положенія, въ какомъ она была въ первые годы своего существованія,—число учащихся въ ней было въ $18^{96}/_{97}$ уч. году 210 чел.

Говоря о Лубенской гимназіи нельзя умолчать о тѣхъ пожертвованіяхъ, которыя были сдѣланы для гимназіи представителями мѣстнаго общества. «Учрежденіе Лубенской гимназіи, пишетъ г. Сеферовскій, возбудило въ населеніи Полт. губ. большую радость. Это и понятно, если припомнить, какъ трудно было въ началѣ 70-хъ гг. небогатымъ жителямъ Полтавской губ. давать своимъ дѣтямъ среднее образованіе при существованіи въ губерніи одной гимназіи, которая, будучи переполнена учениками, все же не могла помѣстить въ своихъ стѣнахъ всѣхъ жаждавшихъ поступить въ нее. Но была и другая причина, привлекавшая къ Лубенской гимназіи симпатіи населенія: гимназія была собственная, земская, открытая по иниціативѣ и на средства земства, во главѣ ея былъ поставленъ человѣкъ, избранный самимъ земствомъ. Все это не могло не вызвать въ населеніи стремленія обставить свою гимназію такъ, чтобы она не осталась въ какомъ нибудь отношеніи позади правительственныхъ учебныхъ заведеній. Въ своемъ мѣстѣ было указано, съ какою готовностью земскія собранія ассигновали средства на удовлетвореніе той

или иной потребности гимназіи, съ какою предупредительностью губернская управа снабжала Лубенскую гимназію всѣмъ необходимымъ не только по заявленіямъ директора, но и по собственному усмотрѣнію. Подъ вліяніемъ этой же любви къ земской гимназіи уѣздныя земства и дворянство учреждали при ней стипендіи, а частныя лица несли свои пожертвованія для образованія библіотекъ и кабинетовъ. Жертвовались отдѣльныя сочиненія, цѣлыя библіотеки, содержавшія книги какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ, рукописи царскихъ указовъ, гетманскихъ универсаловъ, приносились въ даръ гимназіи коллекціи монетъ какъ древнихъ эпохъ, временъ римской имперіи, такъ и позднѣйшихъ вѣковъ отъ XIII до XIX, медали, древнее оружіе, кольчуги, разные археологическіе предметы: кресты, три звена ожерелья, мѣдная сережка, рюмка (?), мозаическій камешекъ изъ храма Софійскаго, кирпичъ древній, кремневыя орудія, коллекціи минералогическія и ботаническія, кости мамонта, портреты и проч. Не все пожертвованное представляло для гимназіи научную цѣнность. Между подаренными книгами были разрозненные старые журналы, старые учебники безъ начала и конца; чучела животныхъ, коллекціи растеній давнымъ давно пришли въ негодность; не имѣютъ значенія и коллекціи минераловъ. Но большинство пожертвованій нужно считать цѣннымъ вкладомъ жертвователей въ библіотеку гимназіи, а предметы археологіи и палеонтологіи кабинетовъ Лубенской гимназіи фигурировали въ 1874 г. на выставкѣ 3-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, какъ интересные предметы глубокой древности». Напомнимъ, что въ 1872—82 гг. учителемъ приготовительнаго класса въ Лубенской гимназіи былъ не безъизвѣстный археологъ Ѳ. И. Каминскій, которому археологическій кабинетъ гимназіи и обязанъ своею хорошей постановкой. Всего въ библіотеку было пожертвовано (главнымъ образомъ въ 1872—1877 гг.) болѣе 2000 названій (ок. 4500 томовъ) книгъ и 130 рукописей.

Н. Т.

По Волынскому Полѣсью.

(*Изъ записной книжки.*)

I. Полѣсье и аборигены края.

Люблю я наше Волынское Полѣсье. Все, что нравится человѣку въ природѣ, вы найдете въ этомъ краю. Вы любите лѣсъ—на Полѣсьи кругомъ лѣса: высокіе, тѣнистые, до сихъ поръ сохранившіе мощь. Въ нихъ такъ хорошо, легко дышится, такъ пріятно бродить, собирая грибы или ягоды или даже ничего на дѣлая. Смолистый ароматъ стройныхъ гигантскихъ сосенъ такъ и просится въ грудь; нѣжный меланхолическій шопотъ столѣтнихъ дубовъ и вѣтвистыхъ березъ манитъ и влечетъ васъ неудержимо. И если въ жаркую, полуденную пору вы забредете подъ тѣнь и прохладу лѣса, вы не выйдете оттуда до поздняго вечера. Тамъ такъ тихо, спокойно... и тишина эта не мертвая; она полна звуковъ... Звуки лѣсные не рѣзкіе, не крикливые; въ нихъ только гармонія, въ нихъ слышится нѣга чарующая, плѣнительная. Надъ головой, скрываясь въ лабиринтѣ листвы, поютъ, перекликаются пташки. Ближе къ землѣ жужжатъ и звенятъ насѣкомыя. Изрѣдка то въ той, то въ другой сторонѣ какъ-то особенно, будто робко, хруснетъ обломленная вѣтка; хруснетъ—и опять тишина, снова шопотъ, пѣсни и звонъ... Иногда гдѣ-то совсѣмъ далеко прозвучитъ человѣческій голосъ; только голосъ этотъ на себя не похожъ, и кто не привыкъ къ лѣснымъ звукамъ, кто не изучилъ ихъ до тонкости, тотъ не отличитъ среди нихъ членораздѣльную рѣчь. Крикнетъ,

человѣкъ—лѣсное эхо подхватитъ крикъ и тотчасъ дробитъ его; изъ крика выходитъ аккордъ, мелодичный, дрожащій. Волною несется онъ по лѣсу, все дальше, все больше дробясь, все больше стихая... Такова прелесть, таково обаяніе,—не знаю, можетъ быть, всякаго,—но тѣмъ болѣе нашего лѣса.

Что вы еще любите? Зеленые просторные луга? На Волынскомъ Полѣсьѣ лугъ, какъ коверъ вообще, какъ море весной въ половодіе. Когда растаявшіе подъ лучами весенняго солнца снѣга и льды стягиваются и уплываютъ внизъ по теченію рѣкъ, и луга обращаются въ сушу, красота ихъ не поддается описанію. Вы взойдете на лугъ, осмотритесь и заглядитесь: вокругъ васъ и справа, и слѣва, и впереди ласкающая глазъ, мягкая, нѣжная зелень. На зеленомъ фонѣ цвѣты: бѣлые, голубые, синіе, красные, желтые, всевозможныхъ тоновъ и оттѣнковъ... Пройдете дальше—еще картина: передъ вами рѣка. Какъ змѣйка извиваясь въ травѣ луговъ, несетъ она мимо вашихъ ногъ свои чистыя воды, несетъ и уноситъ въ незримый просторъ, въ безвѣстную синюю даль. Въ рѣкѣ купается солнце. Золотые лучи дневного свѣтила будто играютъ съ перебѣгающей отъ берега къ берегу легкою зыбью, сверкаютъ, ныряютъ, дрожатъ... А надъ вами, какъ точка въ лазури небесъ, замеръ жаворонокъ. Его вешняя пѣсня ласкаетъ вамъ слухъ, подымаетъ въ груди что-то также весеннее, жизненное...

На Полѣсьѣ много прудовъ. Пруды попадаются всякіе, но больше красивыхъ. Между ними не мало искусственныхъ. Въ тѣхъ деревняхъ и селахъ, гдѣ въ старину обитало богатое польское панство, много осталось слѣдовъ его вкуса и прихотей. Рабы въ угоду своимъ господамъ воздвигали все, что только могла изобрѣсть незнавшая удержу фантазія знатныхъ магнатовъ. Роскошные палацы, громадные живописные парки, сады, искусственные террасы, пруды—все возникало въ мигъ по слову властнаго пана... И какой красотой, какимъ изяществомъ отличались эти работы!..

Теперь отъ нихъ только слава осталась. Палацы горятъ, продаются и разрушаются отъ времени. Парки пока стоятъ, но

и ихъ скоро отдадутъ на срубъ... Террасы сглаживаются и расчищаются для огородовъ... Искусственные пруды засоряются...

Но это не вредитъ имъ: запустѣніе придаетъ прудамъ особенную, таинственную прелесть. Въ лунную весеннюю ночь я сведу васъ у себя на Полѣсьѣ въ такой уголокъ, гдѣ вы станете и религіознымъ, и мечтательнымъ, и радостнымъ...

Мы стоимъ на плотинѣ, заграждающей теченіе мизерной рѣченки, подъ навѣсомъ вѣтвистаго стараго дуба. Передъ нами весь, какъ на ладони, довольно широкій и длинный прудъ. Правый берегъ пруда, спускающійся отлогой покатостью къ бассейну водъ, густо поросъ чернолѣсьемъ. Ночью, при свѣтѣ луны, вы не различаете контуровъ; вы видите только лиственную шапку рощи, наклоненную къ пруду и отражающуюся въ немъ, какъ въ зеркалѣ. Только у самой воды рельефно выдаются переплетающіеся корни. Сколько тутъ фигуръ причудливыхъ, фантастическихъ, чудовищныхъ!... Глядите: вонъ передъ вами повисъ человѣкъ; одной рукой онъ судорожно хватается за толстый корень, горизонтально выдавшійся надъ прудомъ. Человѣкъ силится подняться; но его ноги, на половину погруженныя въ воду, замерли... А въ двухъ шагахъ отъ него страшное косматое чудовище протягиваетъ корявыя лапы. Оно только ждетъ удобной минуты, чтобы схватить несчастную жертву, ждетъ и заранѣе любуется ея агоніей... И это не обманъ зрѣнія: очертанія такъ ясны, такъ изумительно точны, что невольно ознобъ пробѣгаетъ по тѣлу, становится жутко... Тогда вы отворачиваетесь и смотрите вправо. По правую руку лѣвый берегъ—песчаный, высокій, обрывистый. Во всю длину его ютятся крестьянскія хаты, чистыя, тщательно вымазанныя. Почти у каждой избы на углу пирамидальный тополь, у иной—два. Люди уже спятъ; огней не видно... Песчаный берегъ около четверти версты тянется прямо. Дальше онъ круто заворачивается и какъ будто соединяется съ правымъ, образуя стоячее озеро. Такимъ образомъ вы видите и третій берегъ—восточный; онъ нѣсколько ниже и больше открытъ. На немъ въ дали, на горизонтѣ, синѣетъ стѣна сосноваго бора... Надъ лѣсомъ, освѣ-

щая мягкими, будто задумчивыми лучами эту волшебную картину, горитъ полный полуночный мѣсяцъ... Въ рощѣ поютъ соловьи...

Но это не все. Тамъ же можно увидѣть другую картину, нисколько не хуже первой. Для этого нужно сѣсть въ лодку уплыть на середину пруда и обернуться къ плотинѣ, на которой вы раньше стояли. Вы увидите большую водяную кузницу съ двумя просторными, ярко освѣщенными окнами. Надъ крышей изъ трубы цѣлый фейерверкъ искръ... Зрѣлище великолѣпное и многимъ въ такомъ именно видѣ оно наиболѣе нравится. Но я люблю наблюдать кузницу, забравшись дальше, подъ самый восточный берегъ пруда. Тамъ уже вовсе не видно строенія. Передъ вами лишь одно исполинское темное пятно съ двумя ровно свѣтящимися огнями посрединѣ и третьимъ, то потухающимъ, то вспыхивающимъ багровымъ заревомъ... Въ этой картинѣ больше фантастичности, больше гармоніи съ такимъ полуночнымъ часомъ. Въ ней есть какая-то непонятная сила, навѣвающая тихое, вдумчивое настроеніе, есть какая-то связь съ минувшими, пережитыми годами. Она будитъ воспоминанія, воскрешаетъ въ памяти годы счастливаго дѣтства, то невозвратное время, когда мы съ затаеннымъ дыханіемъ, со страхомъ и наслажденіемъ слушали разсказы о Змѣяхъ-Горынычахъ, объ огненныхъ драконахъ, о Кощеяхъ, вѣдьмахъ, чертяхъ и всякихъ подобныхъ ужасахъ... Хорошія это минуты. Я люблю ихъ и всегда ищу. Въ нихъ я ощущаю жизнь, испытываю мирную безотчетную радость жизни...

Такихъ видовъ, какъ я сейчасъ описалъ, на Полѣсьѣ много; только рѣдко они другъ на друга похожи. Каждый пейзажъ имѣетъ собственную неподражаемую прелесть: одинъ хорошъ при солнечномъ блескѣ, другой при свѣтѣ луны, третій и днемъ, и ночью...

Есть впрочемъ у насъ и скучныя для непривычнаго глаза мѣста: это—пески. Попадаются полосы, гдѣ песчаная равнина, усѣянная низкими всевозможныхъ формъ бугорками, тянется на протяженіи двухъ, трехъ, даже четырехъ миль. Пробираться по

такой пустынѣ, дѣйствительно, непріятно и утомительно. Мѣстность однообразная, унылая нагоняетъ не то досаду, не то тоску. Солнце жжетъ. Отъ раскаленнаго песку въ воздухѣ душно. Кони плетутся, еле передвигая ноги... Села встрѣчаются рѣдко, лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пески соприкасаются съ луговыми низменностями или лѣсными пространствами... Но въ такихъ пустыряхъ никто не живетъ, и только изрѣдка приходится проѣзжать по нимъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обитаютъ люди, пески, какъ я уже сказалъ, если и попадаются, то всегда примыкаютъ къ селу лишь съ одной стороны его.

Что касается полѣсскихъ тундръ, на которыя указываютъ, какъ на язву этого края; порождающую лихорадки, насморки и другія болѣзни, то у насъ на Волынскомъ Полѣсьѣ никто и не знаетъ о нихъ. Тундры въ собственномъ смыслѣ—бездонныя, засасывающія—начинаются въ Минской губерніи. Тамъ онѣ представляютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сплошныя, громадныя вмѣстилища жидкой, вязкой тины; туда не заглядываетъ ни человѣкъ, ни звѣрь. Даже зимой трудно пробраться въ такую тундру, такъ какъ только двадцатиградусные морозы могутъ сковать ее достаточно крѣпко.

На Волынскомъ Полѣсьѣ тундръ нѣтъ. Есть только болота, почти исключительно лѣсныя. Дѣлятся они на два сорта. Одни болота поросли кочками и мелкимъ чахлымъ кустарникомъ. Для охотника эти болота—кладъ. Тутъ, особенно на опушкахъ высокаго лѣса, постоянно перемежающихся съ низиной, гнѣздятся глухари, тетерева, вальдшнепы; въ самомъ болотѣ—утки, дупеля, бекасы: стрѣляйте только...

Другой сортъ полѣсскаго болота извѣстенъ больше подъ названіемъ „гала". Гало—болото, поросшее густой, высокой, жесткой травой. Крестьяне косятъ эту траву, хотя скотина не очень охотно ѣстъ ее. Въ мокрые годы, когда лѣто бываетъ дождливое, гало убираютъ стоя по колѣни въ водѣ, стоги сѣна складываютъ на подмостки, перевозятъ зимой. Въ сухіе годы въ галахъ воды не бываетъ...

Словомъ, наши болота не только не страшны и не вредны, но еще полезны. Мужику они подспорье въ хозяйствѣ, охотнику—мѣсто забавы. А кто не хозяинъ и не охотникъ, тому и ходить на болото незачѣмъ. Въ лѣсъ хочется—чистаго, сухого довольно: можно бродить цѣлый день и не видѣть гала.

Болѣзней, порождаемыхъ гнилыми испареніями, у насъ и вовсе не слышно. Если сырость и держится въ лѣсныхъ болотахъ, то оттуда она никуда не выходитъ и не можетъ выйти,—ее поглощаютъ пески. Даже на крестьянъ «шухля» [1]) нападаетъ чрезвычайно рѣдко. А они, только бы весна на дворъ, всѣ въ лѣсъ идутъ, сидятъ тамъ и днемъ и ночью: скотъ пасутъ, траву косятъ, грибы, ягоды орѣхи собираютъ, по найму дерево возятъ, добровольно—крадутъ, и ничего—здоровы!

Хороша на Полѣсьѣ природа, хороши и люди: добродушные, гостепріимные, честные. Впрочемъ, я говорю только о среднемъ классѣ; высшаго—аристократовъ—у насъ не встрѣтите. Полѣсскій мужикъ никуда не годится. Кстати, нѣсколько словъ о немъ.

Полѣсскій мужикъ большей частью еще дикъ, запуганъ, глупъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ-то чудомъ хитеръ; къ тѣмъ, кого онъ считаетъ выше себя, кто имѣетъ надъ нимъ нѣкоторую власть, онъ относится съ приниженной подобострастностью; но при всякомъ удобномъ случаѣ готовъ напакостить самымъ ехиднымъ образомъ. Онъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о благородности, и сколько бы вы ни дѣлали ему добра, никогда не пойметъ этого. Напротивъ, онъ еще пойдетъ, опустошитъ вашъ огородъ, украдетъ вашихъ лошадей, зарѣжетъ свинокъ, для удовольствія искалѣчитъ теленка.

Въ своей семейной жизни Полѣсскій крестьянинъ еще хуже. Въ немъ рѣдко можно наблюдать проявленіе чувствъ

---

[1]) Шухля или шыхля—лихорадка; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ту-же болѣзнь называютъ „трастей“.

родительской любви, сыновней преданности, супружеской привязанности, или братской дружбы. Между матерями еще попадаются женщины, которыя любятъ своихъ дѣтей, но отцы, за самыми незначительными исключеніями, не питаютъ родительскихъ чувствъ ни къ сыновьямъ своимъ, ни къ дочерямъ. Они смотрятъ на дѣтей, какъ на рабочую силу. Если сынъ или дочь умираетъ въ младенческомъ возрастѣ, смерть ихъ не считается вовсе. Ребенокъ до 7 лѣтъ для отца еще не подспорье въ хозяйствѣ, а только лишвій крикливый ротъ. Взрослое дитя умретъ—мужикъ вздохнетъ и искренно его пожалѣетъ; но не потому, что у него не стало дочери или сына: ему жаль работника, и онъ еще не знаетъ, какъ распредѣлить на оставшихся рукахъ свои хозяйственныя работы...

Дѣти платятъ родителямъ той же монетой. Только въ дѣтяхъ нелюбовь, а иногда даже ненависть къ отцу и матери, не проявляются замѣтно. Это потому, что дѣти боятся. Они видимо почитаютъ родителей, видимо любятъ ихъ. Они знаютъ, что за всякое ослушаніе, за непокорность родители могутъ разсердиться, могутъ лишить ихъ должной части наслѣдства, могутъ просто выгнать изъ дому. Потому, пока отецъ въ силѣ, пока отецъ строгъ, вся семья почитаетъ его; когда же онъ слишкомъ слабъ, старъ, когда, по своей неосторожности, онъ еще раздѣлилъ свое хозяйство между дѣтьми при жизни, горе ему: надъ нимъ смѣются, его колотятъ всѣ, отъ старшихъ сыновей до малыхъ внучатъ... Въ одномъ только сходятся сыновнія чувства полѣшука: онъ радъ всегда смерти отца, умретъ ли тотъ заправилой хозяйства, или на печи. Въ первомъ случаѣ дѣти радуются сободѣ, во второмъ—довольны избавленію отъ лишней докуки. Ничто, даже тяжкія страданія, хотя бы и непродолжительныя, не могутъ растрогать, расчувствовать сердца дитяти.

Я помню одинъ случай, который поразилъ меня и взволновалъ еще въ ту пору, когда мнѣ было всего около восьми лѣтъ. Я гостилъ у сестры. Къ шурину, священнику, пришелъ парень лѣтъ 20 и объявилъ, что ему „батюшки заре треба“.

По его глупо, но весело улыбающемуся лицу можно было заключить, что онъ либо ребенка принесъ крестить, либо вѣнчаться пришелъ.

— Что скажешь?—спросилъ его шуринъ.

— Батько вмеръ,—отвѣчалъ мужикъ, и его лицо еще больше расплылось отъ удовольствія.—Шобъ поховалы...

— Что такое?—изумились мы всѣ, думая, не ослышались-ли.

— Отецъ вмеръ. Кау [1]), кобъ поховалы.

Парень уже совсѣмъ разсмѣялся.

— Чому... Але [2]) бо такъ смьешно [3]) вмеравъ... все ёго то зогне, то выпростае...

Парня прогнали, но онъ не понялъ, за что. Прислуга слышала, какъ онъ во дворѣ съ кѣмъ-то опять пересмѣивался и все повторялъ:—

— Отъ, бра [4]), чарку сёгодня выпью!..

Онъ уже забылъ объ отцѣ и думалъ только о томъ, сколько выпьетъ водки на „поминкахъ" послѣ похоронъ...

Таковъ нашъ мужикъ искони, таковъ онъ и до дня сего. Если и попадаются между крестьянами исключенія, то, къ сожалѣнію, ихъ не много—въ каждомъ селѣ по пальцамъ перечесть можно. Когда полѣшукъ облагородится и выйдетъ въ люди, Богъ знаетъ; во всякомъ случаѣ можно съ увѣренностью сказать, что это перерожденіе еще не скоро наступитъ...

II. На рѣкѣ.

Іюньская теплая ночь. Темно-синій куполъ небеснаго свода чистъ и безоблаченъ. Въ прозрачной безднѣ безконечной тверди свѣтлымъ дрожащимъ огнемъ блещутъ, искрятся созвѣздія.

---

[1]) *Кау*=кажу (мѣстный говоръ).

[2]) *Але* („е" твердое)=же, но; *але* („е" мягкое)=да.

[3]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Волынскаго Полѣсья языкъ отличается вычурно мягкимъ выговоромъ. Говорятъ: *смьешно*—(смѣшно), *хльебъ*—(хлѣбъ), *постьель*—(постель), *бьели*—(бѣлый), *кьень*—(конь), *тьытка*—(тетка), *сьель*—(соль), *вэлъ*—(волъ) и т. под.

[4]) *Бра*=братецъ.

Млечный путь неба... Кажется, будто на немъ, на этомъ волшебномъ поясѣ виситъ надъ землею весь дивный, таинственный міръ, вся необъятная, великая вселенная... Смотришь и невольно вздрогнешь, когда вдругъ среди неподвижно сіяющихъ звѣздъ вспыхнетъ и загорится новая яркая искра, вспыхнетъ и... скатится въ бездну, Богъ вѣсть куда... Свѣтлый слѣдъ пролетѣвшаго метеора на мгновеніе останется; потомъ дрогнетъ, колыхнется и пропадетъ... Снова звѣзды ровно горятъ, словно Божьи очи глядятъ на заснувшую землю, озаряя мягкимъ сіяніемъ спящую тишину міра...

Въ эти звѣздныя ночи, когда такъ великолѣпно небо, такъ хороша тишина объятой сладкою дремотой окрестности, я люблю забираться далеко отъ дому. Запасшись одной, двумя удочками, я ухожу по берегу Случи далеко въ лугъ, туда, гдѣ мягка, какъ бархатъ, высокая густая трава, гдѣ такъ ароматно, душисто первое, еще не убранное, сѣно... Надъ рѣкой вьется прозрачная дымка тумана... Въ густо заросшихъ лозой прибрежныхъ ложбинахъ слышится свистъ черепахи и глухіе, словко подавленные, вздохи выпи...

Выбравъ подходящее для ночного уженья мѣстечко, я сажусь, разматываю удочки и забрасываю лесы. Въ ожиданіи клева, гляжу на рѣку, на ея темныя тихо скользящія воды; потомъ перевожу глаза на небо... На рѣку долго нельзя смотрѣть въ безлунную ночь, больно. Сначала—ничего; различаешь и легкую зыбь, когда ветеркомъ пахнетъ, и безконечно кружащіяся, водяныя воронки. Потомъ очертанія пропадаютъ. Рѣка быстро темнѣетъ и будто подымается. Кажется, поверхность водъ подступаетъ все ближе, ближе... Еще немного, и она падаетъ, разливается въ глазахъ свѣтлымъ бѣлесоватымъ пятномъ... Пятно растетъ, снова суживается, начинаетъ темнѣть, и опять рѣка подымается... Глаза устаютъ, зрачки расширяются, ощущаешь непріятную острую боль...

Подымаю очи горѣ и смотрю на небо, на звѣзды. Смотрю и мало-по-малу впадаю въ какое-то сладкое полузабытье... Мысль скользитъ легко и изумительно быстро, скользитъ и уно-

ситъ меня въ область причудливаго міра фантазіи, въ область пріятнаго, будто осязательнаго полусна.

— Помагай-бу [1],—внезапно будитъ меня раздавшійся надъ самымъ ухомъ чей-то немного хриплый, но пріятный голосъ.

Я невольно вздрагиваю и, широко раскрывъ глаза, озираюсь.

Передо мною плотный приземистый мужикъ, съ удочками и весломъ въ рукахъ. Это нашъ сарненскій записной рыбакъ Шелестъ [2]) Сесь. Лѣтомъ я часто встрѣчаю его на берегу Случи, гдѣ онъ проводитъ и дни и ночи, за исключеніемъ тѣхъ періодовъ лѣтняго рыболовнаго сезона, когда, по соображеніямъ Сеся, рыба не беретъ. Шелестъ питаетъ ко мнѣ, почему-то не то уваженіе, не то симпатію: любитъ со мной поговорить, хотя отъ природы онъ не болтливъ, не рѣдко открываетъ секреты рыболовнаго искусства, въ которомъ дѣйствительно зубы съѣлъ.

Сесь—мужикъ безземельный, какъ у насъ говорятъ, „пляцовый“. Вся его недвижимая собственность состоитъ изъ нѣсколькихъ квадратныхъ саженъ песчанаго бугра, на которомъ ютится ветхая, полуразрушенная избушка. Онъ женатъ, но бездѣтенъ. „Баба“ Сеся—почти старуха, полуглухая, подслѣповатая, здырливая. Она старше мужа на шесть лѣтъ... Живетъ Шелестъ, какъ птица небесная: не сѣетъ, не жнетъ и не собираетъ. Весной, лѣтомъ и осенью рыбу сбываетъ, зимой нанимается въ молотники. Тѣмъ и пробавляется...

У Сеся странная натура, совсѣмъ не полѣсскаго мужика. Онъ удивительно честенъ, самолюбивъ и услужливъ. Кромѣ того, Сесь—скептикъ. Въ немъ нѣтъ того подавленнаго суевѣрнаго ужаса, какой гнѣздится и проявляется почти во всякомъ полѣшукѣ передъ самыми обыденными и пустыми явленіями. Правда, въ сверхъестественное онъ вѣритъ, но какъ-то, словно въ силу необходимости, вѣритъ, но не боится. Надъ бабскими

---

1) *Помагай-бу*—сокращенное *помагай Богъ*.

2) *Шелестъ*=Севастьянъ.

„забобонами“ [1]) Шелестъ всегда смѣется и отзывается о нихъ вполнѣ презрительно. Вообще, не только суевѣрія, всѣ крестьянскія традиціи Сесь игнорируетъ, не уважаетъ ихъ. Къ своему брату-мужику онъ относится иронически: въ глаза ругаетъ, за глаза смѣется надъ нимъ. Напротивъ, съ тѣми лицами, которыхъ Шелестъ считаетъ выше себя какъ по происхожденію, такъ въ особенности по развитію, онъ очень почтителенъ, разговорчивъ, предупредителенъ, можно сказать, вѣжливъ, но никогда не подобострастенъ... Еще Сесь религіозенъ, трезвъ; словомъ, это мужикъ не заурядный, но рѣдкій, исключительный.

— Добраго здоровья,—отвѣчалъ я на привѣтствіе Шелеста, оглянувшись и узнавъ рыбака.

— Зловили шо [2])?

— Пока ничего; недавно пришелъ.

— Теперъ не озьме, хиба надъ ранокъ. Кобъ були раный трохи захопили, тутъ би кожушка [3]) поняли.

— Я думаю, здѣсь сомы должны быть.

— Е, тьелько й воны бьелшъ зъ вечора грають, якъ сутониты почне. Але то ни що; на свьетаньи воны зновъ повиходятъ.

— А ты куда, Шелестъ, съ весломъ—за рѣку?

— На стояла хотьевъ достацца, та човна ниде нема. Въ Лучкахъ сегодня три я въ день бачивъ, а теперъ ни жадного. Порозволокали, лихо ихъ матери!...

— Развѣ эти челны не собственные?

Яки воны собственны: хто захопивъ, той и бере.

— Кто же ихъ въ такомъ случаѣ строитъ и съ какой выгоды?

— Рыбаки роблятъ. Видовбе, тай пустыть на воду, човна нихто не вкраде; на що воно судне.

---

[1]) *Забобоны*=предразсудки; суевѣрныя примѣты.

[2]) Привожу точный образецъ нашей крестьянской рѣчи, со всѣми оригинальными оттѣнками произношенія и идіотизмами.

[3]) *Кожухъ*, *кожушокъ*=щуки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вол. Полѣсья ту же рыбу называютъ „*шваюнецъ*“.

— Но не лучше ли свой имѣть? Вотъ теперь тебѣ нужно, а взять негдѣ. Былъ бы собственный, не заглядывалъ бы по всѣмъ заливамъ; не искалъ бы напрасно, сѣлъ и поѣхалъ.

— Воно то такъ... Але я вамъ, панычу, отъ шо скау: коли-бъ свого хазяйського човна мавъ, тоды... напевне вкрали бъ ёго, хочъ и не треба никому, або и такъ, взялибъ просто втопили, або спалили на пакость.

— Зачѣмъ же пакостить.

— Зачимъ? Аби за чимъ... Ми—мужики, не вамъ казать, яки пакосны: де втнемъ—допечемъ...

Шелестъ засмѣялся, какъ-то сдавленно,грустно засмѣялся.

Помолчали. Я хотѣлъ было возразить Сесю, но почему-то не зналъ, съ чего начать, и не возражалъ. Шелестъ вынулъ изъ-за пазухи люльку, набилъ ее „тютиномъ“, закурилъ и заговорилъ опять.

— Колись, панычу,—ще я бувъ хлопцомъ, товаръ [1]) пасъ, коны на ночлье водивъ,—бувъ у насъ церковны староста, Масій Пупко. Що багатый вэнъ бувъ, то я и тоды знавъ. Бало [2]), внуки ёго, отъ-би мои ровесники, въ таки свиты повдягаюцца, шо въ другого хазяина не побачишъ; а все въ чоботяхъ... Були гроши въ Масія и хазяйство було. Паметаю, якъ выженутъ хлопцы Пупкови худобу на пашу, то такъ нибы цьеля череда; кавалкувъ зъ сорокъ, а може й бьельшъ мавъ. Коней десятеро державъ, тай велики все, гарны. Овечки були, свини... Сарняне наши всье важили Масія, трохи, мабудь, за гроши, трохи за те, що казали: чесны вэнъ, роботящи чоловъикъ, богобоязны. И батюшка его любивъ,—стареньки въ насъ бувъ тоды свашеныкъ, царство ёму небесне,—и старостою Пупка наставивъ. Отъ ставъ нашъ Масій до батюшки вхожій. Бало, яка помичь въ хозяйстви, чи гинша яка потреба, вэнъ все зробитъ, зъ дорогои души, здаецца, и оддяки не бере, все зъ охоты... Одного року сгодивъ мене батько въ пастухи до свашеныка,—

---

[1]) *Товаръ*=рогатый скотъ.

[2]) *Бало* (сокр.)=бывало.

Масій тоды вже на трете льето старостою зоставса. Пасъ я спочатку товаръ, а впосля, якъ хурманомъ мене зробили, то ставъ бьельшъ коней доглядать... Отъ поихавъ я разъ на ночлье въ лугъ, на церковну сеножать. Попутавъ коны, пустивъ на пашу, а самъ згорнувса пидъ дубомъ, тай заснувъ.. Чи довго я спавъ, чи нье, але середъ ночи разомъ прокинувса. А нычъ мьесячна, все видно. Дивлюся,—а такъ напротивъ мене два дубы росло и на кажному батюшчины борти зъ пчолами стояли,—дивлюся ото я, ажъ щось таке пораецця коло одного дуба. Вылизло наверхъ, та до колоды, до пчелъ. Спочатку злякавса я трохи, не розпознавъ, що то воно таке до меду сунецца. Але впосля розгледивъ, бачу—Масій зъ коробкою, зъ драбыною, зъ ножемъ. Думаю я: а що іэто таке, за чимъ то батюшка ёго въ ночи по медъ прислав? А самъ до свого дерева ще блище притуливса: миркую, кобъ не зобачивъ мене староста та не розказавъ, якъ я коней гледю на сеножати. Лежу я, а тымъ часомъ Пупко все свое дьело робитъ. Зъ одноеи колоды медъ винявъ, зъ другои доставъ; ссунувса зъ дуба, на другій вылизъ и тамъ обобравъ чистенько: повну коробку наклавъ. Наклавъ Масій тай пишовъ; а я, зраднивши, що не втрапивъ мене, перевернувса тай заразъ таки и заснувъ..,

— На другій день мовчу я, не кау никому, що въ ночи бачивъ. Не второпавъ я тоды, що староста красти лазивъ, тай зновъ и такъ воно зъ головы мени випало... Коли вьечоры прыходитъ Масій до церквы,—а то въ суботу було,—и приноситъ нищо таке въ мисоццы. Выйшли батюшка на пекарню; привитавса Пупко тай каэ: „ото я вамъ, отецъ сваты, медку свого приньесъ—Господь пригодивъ, а ви вже, поблагословъете“...

— А мене на ту пору щось якъ пидъ бьекъ штовхнуло. Кау: „хиба жъ то, дядьку, ваши пчоли на нашій сеножати?“— „Яки пчоли“?—питае.—„А що ви сеи ночи на дубахъ, що за раковникомъ, выбирали“...

— Затраслиса руки въ Масія... Затраслиса такъ, що й миску съ медомъ на землю впустивъ... Потымъ батюшци въ ноги...

— Что же батюшка?—спросилъ я Сеся.

— Що? Выганивъ спочатку Масія, а впосля й простивъ; ще й намъ всьемъ слугамъ заказавъ, щобъ про те злодійство мовчали... Але хтось таки не втерпъивъ: впосля дозналиса, якъ Пўнко въ ночи по медъ лазитъ... Оно ёму нищо. Якъ страхъ минувся, та зобачивъ вэнъ, що батюшка не будутъ ёго въ судъ волочить, заразъ одыйшовъ. Бало, якъ спитае хто: чи смачны бувъ медъ зъ поповои сеножати?—смеется тьелько...

— Неужели не стыдно ему было?

— А хиба въ такого йе сором! Онъ вэнъ ще самъ потымъ не разъ казавъ: „що то я въ турмы седьивъ, щобъ мени стиднó було?"...

Шелестъ сплюнулъ и замолчалъ.

У меня клюнула какая-то рыба, но я не во время поднялъ удочку, и она сорвалась.

— На горохъ ловите, чи на червы?—спросилъ меня рыбакъ, когда я снова забросилъ удочку.

— На черви.

Не варто оце. На горохъ льепшъ: язя отъ, якъ бачите, поняли бъ.

— Но вѣдь язь и на червяка беретъ.

— Бере то вэнъ, бере, але не дуже до него охочи. Зновъ язь рыба хитра, осторожна: робака вона чистенько обскубе, а шпильки [1]) не зачипитъ. Ну, а якъ горохъ ковтае, то тоды вже разомъ въ рьетъ суне й шпильку; тоды не втече... Одного разу я на гэтому самому мьесцы не бьельшъ якъ за годинъ три одинáнцать язюкивъ потягъ; все гарны таки були, кожный въ двье пяды [2]).

— А давно это было?

— Давно, рокувъ зъ десятокъ.

— То-то. Говорятъ, тогда рыбы больше водилось.

— Э, все одно: якъ десять льетъ, якъ льетось [3]), якъ и теперъ.

---

[1]) *Шпилька*, въ другихъ мѣстахъ „зазубець"—крючокъ.

[2]) Рыбу полѣшуки измѣряютъ на *пяди*, хотя продаютъ на фунты.

[3]) *Льетось*=въ прошломъ году; *позальетось*=въ запрошломъ году.

Та пора, що рыба була, раньей минула... Колись, тьелько то рокувъ зъ сорокъ тому вже буде, зимою рыбаки батющинымъ неводкомъ на Домашнему озери, що коло двора [1]), тягли: триста сомьевъ виняли!... Тай яки соми!... по двинадцать, пятнадцать пядей! А теперъ... Недавно сами бачили: зъ двохъ тоней мисочку мулёчокъ [2]), та одинъ кожушокъ—вся рыба.

— Слышалъ я про эту сомовую тоню... И скажи, Шелестъ, куда дѣвали тогда такое множество рыбы?

— Куды девали, каэте?—Никуды; сушили, варили, смажили, людямъ раздавали. Продавать не було кому. Тоды кобъ захтьевъ продать, то хиба до Рьевного [3]) мусивъ ихать дванадцать миль [4]). А кому охота була въ таки свъитъ тягтыся! Про чугунку въ ту пору щей чутки не мали, а кьеньми дорише бъ війшло, нежъ та рыба варта була.

— Куда же теперь рыба дѣвалась? Ушла, или выловили ее всю?

— Звеласа. Першъ воды було бьелшъ, була и рыба. Теперъ Случъ онъ яка милка стала: куры бредутъ. Де тутъ рыба озьмецца! Печкурцье [5]) да пльеточки ще ходятъ, а що бьельшъ, тому й мьесца нема.

— Отчего же рѣка обмелѣла?

— Болота сушатъ та спускаютъ. Наизжаютъ всяки жинеры [6])—хвороби на нихъ нема,—тай марнуютъ воду.

— Но, вѣдь, осушка болотъ имѣетъ и выгоду. Подъ болотомъ земля даромъ пропадаетъ, а когда воду спустятъ, въ прокъ идетъ: сѣнокосы, пастбища образуются, потомъ и поле завести можно.

— Ой, панычу! Скоръей на тому песку, що коло моеи хаты, хльебъ вродитъ, нежъ на такому болоти рости-ме. А

---

[1]) *Дворъ*—помѣщичья усадьба.

[2]) *Мьель, мульки, мулечни*=мелкая рыба.

[3]) *Рьевно*—Ровно, уѣздный городъ.

[4]) Полѣсская миля=10 верстамъ.

[5]) *Печкурцье*—пискари, коблики; *пльеточки*—плотва.

[6]) Инженеры.

куды тая земля судна! Поки ще вода въ ній держицца, тоды сяка—така осока росте. А якъ воду спустивъ, на попелъ высохне. Вже я бачивъ висушане болото—тутъ коло Корпиловки сушили: гьершъ якъ песокъ, порохно одне.

— А удобрить ее развѣ нельзя?

— Хто болото буде гноить, хто гною на него наберецца? И вже!... Я якій неимущи: земли въ мене, товару нема, хатына така, що соромъ. А коли бъ, здаецца, дали мени таке болото, тай худобою наделили и сказали: роби, Шелестъ, землю—не схтьевъ би.

— Но скажи, пожалуйста, почему, если болотная земля настолько негодна, почему тогда въ Минской губерніи она такъ плодородна? Я слышалъ, тамъ, иногда урожаи бываютъ не хуже волынскихъ.

— Бо тамъ не сушане болото, а мокре.

— Какъ же тогда землю пахать, сѣять? Вѣдь не въ воду же зерно бросаютъ...

— Нье; на горбкахъ сьеютъ. Тамъ по болоти всюды таки нистотко [1]) якъ острови нибы. На нихъ минчуки и поле роблятъ, и сьино берутъ, и худобу пасутъ—все... Бало першъ, якъ ще на плисъ [2]) ходивъ, букавъ я на Пиньскихъ болотахъ, бачивъ, якъ тамъ люде живутъ:—нехъ имъ хвороба.

— Что такъ? Нехороши?

— Не то, щобъ воны паганы були, яки пакосныки, або злодьіи. На тее воны не здатны. Оно що минчуки гьершъ якъ свини. Багатыры [3]) воны всье; не то сотками, тисачамы гроши складаютъ, а хльебъ такій йедятъ, якого въ насъ остатня собака не понюхае. Минчукъ пашни зроду не продастъ, все въ бочки складае. На хльебъ бере таку що вже рокувъ зъ весимъ въ него полежитъ, протухне, згніе. Для слабого й то свъежого жита не зачъепитъ.

---

[1]) *Нистотко*=точь-въ-точь.

[2]) *Плисъ*—сплавъ дерева.

[3]) *Багатыры*—богачи.

— Съ чего же они наживаются, если не торгуютъ хлѣбомъ?

— Найбьельшъ зъ рыбы. Тамъ ще йе вона, тай не така, якъ въ насъ—мульки. Минчуки й ловлятъ еи постоянно. Оно часъ йе, заре въ човенъ съевъ тай пишовъ по вирамъ [1]) неретá [2]) вивертать. Накладе рыбы, оддъелитъ, котора льепша, продастъ. Собъе нигды кожушка або язя не озьме... Хиба що непотрибъ въ керети буде, пльеточки нищимненьки... Тее забере тай такъ зъ кишками й зваритъ.

— Какъ! съ внутренностями?

— А то-жъ. Тамъ и не знаютъ, нащо то рыбу чистить.

— Бррр!..

— Я вамъ кау, панычу, що там люде чисто якъ свини... А яки воны завше обтерты, чорны!... Якъ те болото. Подивиса на такого, тай до калытки [3]) руку посунешъ: думаешъ—старецъ [4]), биднота.. А воно, лихо въ ёго ма, грошей, якъ песку мае, на вехселье позичае, въ землю закопувае.

— Ого, даже на векселя одолжаютъ! Откуда же они научились такой ходъ своимъ капиталамъ давать?

— Кому треба гроши, той самъ понаучьавъ. Воны, бачите, минчуки,—дурны якъ чоботы. Вэнъ вехсель озьме, гроши дастъ, а якъ придецца вертать свое, то не всякій потрафитъ раду дать вехселю. О-хо-хо, що въ нихъ тыхъ рублiевъ пропадае!.. Кобъ мени сорокьевокъ тьелько. Отакъ, оддастъ, нема ладу, кому скъелько сотъ, а впосля оно чупрыну шкребе... Паметаю, зайшли ми колись, плисаки [6]), до одного хазяина нá

---

[1]) *Виръ*—рѣчной заливъ.

[2]) *Нерети*—выплетенные изъ лозы коши конусообразной формы.

[3]) *Калытка*—нѣчто среднее между саквояжемъ и портмоне. Калытка дѣлается изъ черной кожи, украшается вшитыми въ кожу блестящими пуговицами. Въ старину калытка прикрѣплялась къ поясу: теперь ее носятъ почти всегда на ремнѣ черезъ плечо.

[4]) *Старецъ*—нищій.

[6]) *Плисаки*—гонщики сплавного лѣса.

нычь. Добре вже ми ёго знали, бало завше до Миколая въ Казоновичахъ завертаемъ. Прійшли; добри-вечиръ оддали; посядали. Але бачимо, щось нашъ Микблай засмучены дуже. „Що таке—питаемъ—ващеця въ тебе: пригода яка, чи слаби хто въ хаты, крый Боже?"... Не хтъевъ, собака, довго казать, але потымъ признався: „нещасця, каэ, у мяне зрабилася".—„Яке нещасте?„ „Полтреця [1]) тысячи туто аднаму пану адалжилъ, а цяперъ ёнъ вертаць не хочецъ"... Ми такъ и полягали зо смьеху. „А де въ тебе, собачій ты сыну, таки гроши взялися?"—питаемъ.—„Зработалъ, каэ. Рыбу продаю, вепручка [2]) выкармлю—продамъ, скацинку прадамъ, авечку: какъ же можно бесъ дзенягъ быць".—„Кому же ты и нащо позичивъ „дзеньги?"—„А туто, каэ, панъ ва дворку жилъ. Позалѣтось приходзитъ ка мнѣ и гаварицъ: пазичь, вашеця, Миколка, дзенягъ, вексель дамъ. Я и пазичилъ. А онъ, лайдакъ, мои дзеньги прапилъ, праѣлъ, на картахъ праигралъ, а патомъ узялъ, да и умяръ"...

Шелестъ такъ уморительно передавалъ рѣчь бѣлорусса, что и я не выдержалъ, расхохотался.

— Такъ, значитъ, и пропали Миколкины „дзеньги", свистнули?

— А тожъ. Вже зъ мерця не здере, хочъ би й радый. Тай добре такому—наука. Все одно, непотръебны ему тыи гроши, коли воно якъ свиня истъ, якъ свиня ходитъ та болото рые.

— И много у нихъ такихъ богачей—тысячниковъ?

— Багато; рьидко котрый тисачи не мае. А йе таки багатыры якъ чорты.. Въ одного чоловъика въ Граевичахъ, коло Гродного, я самъ бачивъ вехсельевъ отъ яку купу—въ чотыри пальцы загрубшки були: а все на триста рубльовъ, на чотыриста. Магнатъ тай годы!. А таки кабы коминяръ [3]): чорны, ковтунаты, въ курницы [4]), разомъ зъ свиньми седитъ...

[1]) *Полтретя*=$2^1/_2$

[2]) *Вепрукъ*—боровъ.

[3]) *Коминяръ*—трубочистъ.

[4]) *Курница*=хата безъ трубы. На Вол. Полѣсьи такія хаты уже выводятся.

— И такому,—продолжалъ, немного помолчавъ, Сесь,—и подати ніякои платить не тра [1]): земля даремна.

— Ну, это развѣ можетъ быть? Должно и они, какъ и наши мужики, деньги за землю вносятъ. То, что она болотная, не идетъ въ расчетъ.

— Нье; ничого воны не платятъ, не бьельшъ якъ рубльевъ два, пувтора въ рьекъ зъ хозяина. Воны, бачите, всъе дворанины личацца, то имъ и податъ гинша.

— Что? Ну, неужели дворяне эти дикари?

— Дворанины, чи дворяне, якъ ви каэте. Въ нихъ що село, то все одна хамылія дворяньска: въ Калавуровичахъ—все Калавуры, въ Молодковичахъ—Молодковичи, въ Казановичахъ—Казаны, въ Шоломовичахъ—Шоломицки.

— Не слыхалъ я, что въ Минскихъ болотахъ паны живутъ. У насъ, на нашемъ Полѣсьѣ, знаю, есть нѣсколько селъ дворянскихъ,—вотъ тутъ въ Ценцевичахъ Чешейки, напримѣръ,—а тамъ... Откуда они—дворяне забрели туда? Ты не распрашивалъ ихъ?

— Чому, пытавса.

— Что же они разсказываютъ?

— Каутъ, що колись давно, давно на ты болота людей зсилали. Сибиръ тамъ тоды бувъ. Ну зошлютъ такого дворанина зъ семьею, одного, другого; впосля и наплодицца цъеле село... Першъ, може, воны и справди були, якъ паны, а теперъ... одъ нашого полишука, мовъ земля одъ неба. Тылько що паметаютъ, що воны дворанины та одынъ другого „вашеця" кличутъ.

— Что же это такое—„вашеця?"

— А Господь ёго сваты знае. Мабуть, то все одно, якъ въ насъ на пристава каутъ: „ваше благородіе".

— И каждый другого „вашеця" величаетъ?

— Кожный. Не то, що наветь сусьедъ на сусьеда, або такъ на кого чужого—сынъ на батька, свекоръ на невьестку и

---

[1]) *Тра* (сокр.)=*треба*.

то все—„вашеця“... „Вашеця, каэ, пайдзи свиню накорми“; або: „вашеця, пара лошадзей напавацьʺ...

— А какъ у нихъ въ хозяйствѣ, для работы, лошадей или воловъ держатъ?

— Бьельшъ коней. Земля тамъ мяка, робить не важко и сьена досыть. Тай зновъ коняка лекша одъ вола, возить еи зручньей.

— Куда возить?

— А въ поле, або на пашу.

— Не понимаю.

— Хе! На Пиньскихъ болотахъ, панычу, не поиде возомъ якъ у насъ; на пашу череды также не пожене. Тамъ все въ човни везе: соху, коны, овечки, свини. Въ минчукивъ на тее особни човны е, велики мовъ скрыни,—„дубамы“ воны ихъ зовутъ.—Треба которому поле горать, заберае въ „дубъ“ соху, заводитъ коны тай йиде на свои острови, де вода не займае. И коны вже сами знаютъ, сами въ дубъ идутъ... Або якъ тамъ овечки на пашу везутъ, дивицца смьешно. Поджене пастухъ „дуба“ пидъ сами хльевъ, очинитъ двери, овечки заре й плыгъ, плыгъ въ скрыню, якъ галушкы—знаютъ...

— Зачѣмъ они тамъ овецъ держатъ; также для промысла или для домашней нужды?

— Бьелшъ для себе, минчуки сами собье сукно валятъ сами обшиваюцца. Продаютъ овечки оны на мьясо. Тамъ щотыжня жиды объиздку роблятъ по мужикахъ; скуповуютъ мьясо, рыбу, цыбулю.

— Цыбулей также, значитъ, торгуютъ?

— Страхъ! Цыбуля въ нихъ, якъ у насъ бульбá [1]). Цьели ланы [2]) засеваютъ... и продаютъ якъ дешево!—по три злоты [3]), по пуврубля, якъ чотыри злоты за чашу [4]) озьме, то вже багата цена. Таки гроши...

— Ой, панычу, бежите скорьей до шнура, турзнуло щось,— вдругъ оборвалъ свой разсказъ Шелестъ и, не дождавшись,

---

[1]) *Бульба*=картофель.

[2]) *Ланъ* — полоса поля, отмежеванная подъ одно какое-нибудь зерно или овощь.

[3]) *Злотъ*=15 копѣйкамъ.

[4]) *Чаша* — бѣлорусская мѣра=12-ти гарнцамъ.

пока я собрался, бросился къ стоявшей въ бухтѣ удочкѣ. Рыбачья струнка сразу прорвалась въ немъ. Когда я подошолъ къ Сесю, онъ уже держалъ въ рукахъ изогнувшееся почти въ дугу удилище и осторожно подводилъ къ берегу. Тѣмъ не менѣе, хоть и съ сожалѣніемъ, онъ передалъ удочку мнѣ, а самъ спустился ближе къ водѣ, чтобы схватить попавшуюся штуку, лишь только она подойдетъ къ землѣ.

Попался сомъ, и довольно крупный: сразу въ рукѣ чувствовалась его сила. Сомъ ни за что не хотѣлъ идти къ берегу и всякій разъ, когда его морда высовывалась на поверхность рѣки, все ожесточеннѣе упирался. Только круги одинъ за другимъ бѣжали внизъ по теченію; рыба снова погружалась въ глубь... Наконецъ, мало-по-малу сомъ началъ уставать; все чаще появлялась его усатая голова, все ближе я подводилъ его къ берегу. Шелестъ, изогнувшись какъ кошка, выжидалъ момента, и когда рыба подошла на достаточно близкое разстояніе, ловко схватилъ ее обѣими мощными руками. Сомъ только чавкнулъ и въ послѣдній разъ ударивъ хвостомъ по водѣ, очутился на землѣ.

Гарна штука!—говорилъ Шелестъ, осматривая и измѣряя рыбу,—пять пядей... И коли гэто вэнъ такъ пидыйшовъ тыхенько, наветь не плюхавса.

Должно быть, еще сонный на промыселъ вышелъ, сразу и угодилъ на крючокъ. Теперь сомы пойдутъ гулять. Близко разсвѣтъ,—самая пора для ловли.

— Алé [1]), саме вона. Тра хиба й собъе шнура наставить въ бухту. Якъ разъ, може, ми котрый трапитъ.

— Только, не знаю, Шелестъ, достанешь ли ты здѣсь живца на удочку. Тутъ такая глубина, да еще и время ночное.

— Ньe. Я побежу на виспу [2]), до Ковалевого рова. Оде близенько. Може ще вамъ зловить живца?

— Можно то можно, только донесешь ли ты ихъ обоихъ живыми.

---

[1]) *Але*—да.

[2]) *Виспа*—песчаная отмель, обнажающаяся при спадѣ воды.

— Чому?

— Тогда лови; спасибо скажу.

Шелестъ ушелъ. Въ ожиданіи его возвращенія я растянулся на мягкой душистой травѣ и снова принялся разсматривать усѣянное звѣздами небо. Но теперь оно не располагало меня фантазировать. Передо мною стояли живые образы людей, о которыхъ я только что слышалъ изъ разсказовъ Сеся, мелькали картины лишенной всякаго смысла жизни и полудикихъ нравовъ полѣшука. Какъ просто, но какъ мѣтко охарактеризовалъ Шелестъ обитателей минскихъ болотъ:—„Не то щобъ воны паганы були, яки пакосныки або злодіи,—на тее воны не здатны. Оно шо минчуки гьершъ якъ свини"...

Эти люди дѣйствительно „хуже свиней". Они живутъ, но для чего живутъ? Они сами не знаютъ этого; они не понимаютъ и не захотятъ понять, что жизнь можетъ имѣть какой-нибудь смыслъ, цѣль... Правда, и они кое къ чему стремятся, но... какъ жалки, какъ безцѣльны эти стремленія!... Минскій полѣшукъ копитъ деньги. Онъ питается гнилымъ хлѣбомъ, вонючей рыбой, протухлымъ лукомъ; онъ ходитъ въ рубищѣ, хуже послѣдняго нищаго, живетъ въ грязи и въ нуждѣ; онъ не досыпаетъ ночей, работаетъ, надрывается; онъ не знаетъ отдыха, даже въ праздникъ никогда не заглядываетъ въ церковь, не молится—у него времени нѣтъ: въ праздникъ онъ ловитъ рыбу, не считая это занятіе будничной, повседневной работой... Для чего все это онъ дѣлаетъ? Для того, чтобы скопить деньги, и потомъ собранное въ потѣ лица и въ лишеніяхъ закопать въ землю или пустить по вѣтру. Никакой пользы не приноситъ его работа ни ему самому, ни ближнему. Онъ трудится только для грубой страсти, для наживы, ради нея самой...

Выйдетъ ли минскій полѣшукъ изъ своего грязнаго, жалкаго существованія, и когда выйдетъ, станетъ ли лучше? Теперь онъ—дикарь, но зато не пакостникъ, не воръ. Когда попробуетъ цивилизаціи, онъ поумнѣетъ, но кто поручится, что первое искусство, на которое обратится его новая дѣятельность, не будетъ воровство... Волынскіе полѣшуки куда не такъ дики

не такъ глупы, какъ минскіе. Между нашимъ мужикомъ вы пожалуй, не встрѣтите скряги. Онъ не копитъ денегъ; онъ хорошо сравнительно одѣвается, сытно ѣстъ. Но онъ почти всегда либо воръ, либо пакостникъ, либо ябедникъ, если грамотенъ. И что, однако, хуже всего? То, что полѣшукъ воръ не профессіональный, пакостникъ не отъявленный, ябедникъ только при случаѣ. Профессіональный воръ, по крайней мѣрѣ, знаетъ, что его ремесло—порокъ, что оно не терпимо обществомъ; иногда, а можетъ быть и очень часто, онъ стыдится воровства. Полѣшукъ не считаетъ воровства преступленіемъ. Полѣшукъ крадетъ тогда, когда у него въ домѣ и на гумнѣ полная чаша, когда ему рѣшительно нѣтъ нужды красть. У него большая хорошо устроенная пасѣка, но онъ при первомъ удобномъ случаѣ обдеретъ у сосѣда пчелы; у него полная клуня хлѣба, но онъ не пройдетъ мимо чужой копны, чтобы не утащить, если никто не видитъ, хоть два, три, четыре снопа... Это еще крупное воровство. Бываютъ кражи куда мельче, незначительнѣе. Въ храмѣ Божіемъ вы видите почтеннаго старика, церковнаго старосту. На его рукахъ церковное имущество, церковныя крохи (на Полѣсьѣ нѣтъ богатыхъ церквей), и онъ, этотъ убѣленный сѣдинами и почтённый обществомъ человѣкъ, не постѣсняется взять отъ крохъ, когда никто не видитъ, пять, десять копѣекъ „на чарку“: онъ не считаетъ воровствомъ такую мелкую кражу, то есть... можетъ быть и считаетъ, но „не стыдится“.

Это удивительная способность—„не стыдиться“. Ни въ комъ другомъ помимо полѣсскаго мужика я не замѣчалъ ее, и если дѣйствительно больше она не встрѣчается—слава Богу! Чѣмъ-то безпросвѣтнымъ, глубоко низменнымъ вѣетъ отъ этой способности. Всякую гадость легко сдѣлать, если не стыдиться: можно красть—это „не стыдно“; можно пакостить, потому что „не стыдно“ и зло кому-нибудь сдѣлать; можно ябедничать—безпричинно клеветать на невиннаго также „не стыдно“... И это отсутствіе стыда легло въ основаніе всей жизни полѣсскаго мужика, общественной и семейной, въ основаніе его нравственности!...

Я невольно вспомнилъ слова одного полѣсскаго старика—священника, всю жизнь свою посвятившаго на выполненіе по истинѣ великой задачи исправленія и поднятія нравственнаго уровня жизни своихъ пасомыхъ. Этотъ простой, скромный, непримѣтный въ праздной толпѣ, но великій по своей душѣ человѣкъ всегда говорилъ: „Если достигнешь того, чтобы полѣшукъ покраснѣлъ и смутился не отъ страха, а отъ стыда, тогда можешь его перевоспитать. Онъ, какъ дитя не знающее стыда. Но тогда какъ для ребенка первый стыдъ—несчастіе, для него, этого нравственнаго дитяти, стыдъ—спасеніе“.

Спасеніе! Но какъ достигнуть его, какимъ образомъ можно устыдить мужика? Я тщательно задумался надъ рѣшеніемъ этого вопроса, но нигдѣ не находилъ на него отвѣта. Напрасно я ломалъ голову, напрасно подбиралъ то тѣ, то другія средства, мотивы: они никуда не годились, были пусты, шаблонны, хотя нѣкоторые и благозвучны... Наконецъ я усталъ и, чтобы перестать думать, началъ сосредоточенно разглядывать и считать звѣзды.

Пришелъ Шелестъ. На крючкѣ его удочки бились двѣ мясистыя рыбки.

— Отъ живци, якъ золото!—говорилъ улыбаясь рыбакъ.—Чипляйте хутчей на шпильку, а то ще поздихають мои пльеточки,—и онъ подалъ мнѣ одну изъ рыбокъ.

Я мигомъ насадилъ ее на крючокъ и забросилъ удочку въ глубину бухты.

Черезъ минуту мы уже опять сидѣли рядомъ на берегу, въ ожиданіи клева. Сесь курилъ неизмѣнную люльку. Я по прежнему блуждалъ по небу отъ одного созвѣздія къ другому.

Должно быть, спустя немного времени я снова набрелъ на то созвѣздіе, которое попалось мнѣ первымъ, когда я взглянулъ на небосклонъ съ желаніемъ разсѣяться и перестать думать. Во всякомъ случаѣ, по этой или иной ассоціаціи, но передо мною опять всталъ навязчивый вопросъ: какъ устыдить мужика?

Не скажетъ-ли Сесь, подумалъ я; быть можетъ, онъ лучше знаетъ, гдѣ найти желанный отвѣтъ. Наконецъ, если и не знаетъ, его мнѣніе на этотъ счетъ все-таки интересно услышать.

— Послушай, Шелестъ,—спросилъ я рыбака,—какъ ты думаешь, можетъ нашъ мужикъ покраснѣть?

— Якъ каэте?

— Я говорю, можетъ ли такой полѣшукъ, какъ нашъ Сарняныця, застыдиться отъ чего бы то ни было?

— Чому; може.

— А что нужно сдѣлать для этого?

— Горьелки не дать ему пить.

— Что?!

— Горьелки, кау, не дайте. Тоды засоромицца.

— То-есть, какъ же это такъ? Ты не понялъ меня, Шелестъ. Я хочу знать: когда мужикъ можетъ устыдиться, если онъ совершитъ какое-нибудь плохое дѣло—напримѣръ украдетъ?

— Я розумьею, панычу. Тылько я вамъ такъ растлумачить не потрафлю, якъ хочу. Оно правду вамъ кау: не дайте Сарняныци горьелки, тоды и стыдъ въ него буде.

— Но какимъ же образомъ? При чемъ тутъ водка?

— Горьелка съ путя чоловъика зводитъ. Коли чоловъикъ пьяница, то вже вэнъ и злодей, и гультяй, и гадъ. Тоды й сорома въ него нема—отъ що.

— Но развѣ у насъ, въ Сарнахъ хотя бы, развѣ у насъ всѣ поголовно пьяницы? Я думаю, есть же такіе, которые и вовсе не пьютъ.

— Е? На 150 хатей чоловъика пять буде.

— Ну?

— Ну. Отъ вамъ и чесны люде. Прохоръ, той, що за старосту бувъ, не пье,—чоловъикъ роботящій, чесный; Иванъ Шапирка, хата его коло млина перша,—также людына добра, сердешна; Григьеръ Кручичувъ, Степанъ Гуньчиныхъ, той що въ батюшки поле горе; Масій Криницки, ще Артемъ—Павла старого внукъ... отъ вамъ и усьe. Не пьютъ и соромъ маютъ, Бога боящца...

Сесь говорилъ правду. Всѣхъ перечисленныхъ имъ мужиковъ я хорошо зналъ, всѣ они были безукоризненно честные и при томъ, какъ онъ выразился, сердечные люди. И они дѣйствительно не пили. Въ самомъ ли дѣлѣ ихъ честность зависѣла отъ того, что они не пили, я опредѣлить не пытался. Ужъ какъ-то очень странно это выходило. Но что примѣры Шелеста были чрезвычайно наглядны и убѣдительны, съ этимъ не согласиться было нельзя.

Больше я его не разспрашивалъ.

Меня начинало клонить ко сну. Приближался разсвѣтъ. Въ воздухѣ уже вѣяло утреннимъ холодкомъ. Востокъ замѣтно алѣлъ, разгорался. Звѣзды одна за другой блѣднѣли и гасли. Туманъ надъ рѣкой подымался все выше...

Я собралъ удочки, простился съ Сесемъ и чуть не бѣгомъ пустился домой.

Когда солнце взошло, я уже спалъ молодымъ богатырскимъ сномъ.

III. Оверко.

(Съ натуры).

I.

Въ зимнюю стужу, словно въ лѣтній полуденный зной, безъ шапки, почти нагой, бѣжитъ онъ по улицѣ. Лохмотья грязной грубаго холста рубашки едва прикрываютъ его тѣло. Обнаженная грудь посинѣла. Ноги, голыя почти до колѣнъ, потрескались; кровь, сочившаяся изъ ранъ, запеклась и засохла багровыми рубцами на кожѣ... А онъ какъ будто не чувствуетъ ни боли, ни стужи. Онъ все бѣжитъ по улицѣ, улыбается и бормочетъ:

— Перецъ... барилце...

За нимъ цѣлая толпа ребятишекъ, одѣтыхъ, обутыхъ, сытыхъ... Толпа смѣется надъ нимъ, дразнитъ его, какъ соба-

ку, закидаетъ снѣгомъ и безъ того окоченѣвшее тѣло несчастнаго... Одни бросаютъ снѣжки, стараясь попасть ему въ голову или грудь, другіе обрываютъ тряпки его рубища, третьи, похитрѣе, норовятъ попасть подъ ноги палкой, чтобы посмотрѣть, какъ при всеобщемъ смѣхѣ и радости онъ грохнется о холодную землю... Но онъ привыкъ къ продѣлкамъ толпы. Онъ ловко перепрыгиваетъ черезъ препятствія, ловко уклоняется отъ ударовъ и все бѣжитъ дальше по улицѣ, все улыбается...

— Перецъ... барилце...

Старики снисходительно смотрятъ, какъ потѣшаются ребятишки.

— Дивиса, Петро,—говоритъ одинъ,—якъ мый Семенъ сньежкою целяе—въ саме тимя!

— Гарно!

— А мый Максимъ,—замѣчаетъ другой,—не потрафляе. Йшовъ бы лепшъ на пьечъ, а то ще палцы поодморожае.

— Ой; чи то хиба холодно?

— Не холодно, а все... змерзне.

— Онъ Оверко цъели день по снегу ганяе голи, й то ему нищо: червони.

— Оверку хиба холодно: вэнъ дурны [1])...

Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Оверку не холодно. Идіоты развѣ мерзнутъ! Притомъ, не умираетъ же онъ отъ стужи, переноситъ, еще улыбается—Привычка,—и все тутъ...

Только въ одну зиму думали, что Оверка доняла стужа. Какъ-то вечеромъ голодный и холодный попросился онъ къ старой Кунаихѣ переночевать. Добрая баба впустила идіота и даже на печи мѣсто ему отвела. Покормить только дурака не пришло ей въ голову. Черстваго хлѣба цѣлая миска у бабы стояла, да ту свиньѣ нужно было утромъ снести, а свѣжую теплую булку для дурака начинать не хотѣлось.

Легъ Оверко на печь, вспотѣлъ, а заснуть не можетъ. Хоть и дуракъ онъ былъ, все же, цѣлый день не ѣвши, про-

---

1) *Дурны*—идіотъ.

голодался. Наконецъ, день ли онъ только не ѣлъ! Можетъ, и два дня, и три... Лежитъ несчастный, чувствуетъ—животъ у него такъ и стягиваетъ, такъ и ноетъ; горло—и то какъ-будто сжимается. А тутъ, какъ на грѣхъ, ночь видная, мѣсяцъ въ окно свѣтитъ, на столѣ хлѣбъ лежитъ, свѣжій; кажется, паръ надъ нимъ еще подымается.

Терпитъ Оверко... А голодъ не отступаетъ, все больше мучитъ бѣднягу. Полуумные глаза не могутъ оторваться отъ хлѣба. Ноги дрожатъ, руки сами протягиваются къ столу. Только мозгъ дурацкій не поддается. Будь поумнѣе немного, онъ подумалъ бы: грѣхъ это, гадость. Но идіоты развѣ могутъ быть разсудительны!.. А Оверко былъ идіотъ настоящій. Думать онъ даже совсѣмъ не умѣлъ; онъ только чувствовалъ.

Закрылъ Оверко глаза—догадался. Закрылъ и вдругъ задрожалъ весь. Изъ одной булки хлѣба стало множество. Откуда-то,—ноги что ли взялись у нихъ или крылья,—летятъ булки къ самому рту несчастнаго, кружатся надъ его головой; пахнутъ свѣже-испеченнымъ тѣстомъ...

Болѣзненный, тяжелый стонъ вырывается изъ груди идіота. Съ искаженнымъ лицемъ, весь мокрый отъ духоты и волненія, бросается онъ къ столу и впивается зубами въ цѣлую булку хлѣба.

Стонъ Оверка и трескъ опрокинутой имъ и разбитой посуды разбудилъ Кунаиху. Проснулась баба и видитъ—дурень свѣжій хлѣбъ у нея стащилъ и ѣстъ. Возмутилась добрая старуха, думаетъ: вотъ онъ какой! Пріютила я его, обогрѣла какъ добраго, а онъ у меня же красть пошелъ!.. Тихонько поднялась баба, тихонько взяла у печи „вилки́“ [1]), подкралась и по спинѣ вора какъ треснетъ!...

Свѣту не взвидѣлъ Оверко отъ боли и ужаса. Какъ былъ полуголый, вспотѣвшій, такъ и бросился въ дверь.

А на дворѣ стужа была. Злая февральская вьюга жалобно выла.

---

[1]) *Вилки*—ухватъ.

На другой день Оверко опять по улицѣ бѣгалъ, только не улыбался. Мрачно глядѣлъ онъ на провожавшую его толпу ребятишекъ и все что-то бормоталъ непонятное. Вечеромъ онъ забѣжалъ на кухню къ священнику, взобрался на лавку и вдругъ тяжело, порывисто зарыдалъ.

Осмотрѣли Оверка: голова въ огнѣ; глаза горятъ, губы запеклись отъ жару. Уложили бѣднягу, прикрыли; накормили его хорошимъ теплымъ супомъ, лѣкарства дали.

Идіотъ уснулъ...

Къ полуночи жаръ у Оверка усилился. Проснулся онъ, открылъ глаза, смотритъ: опять ночь лунная. Въ кухнѣ свѣтло. Въ углу столъ стоитъ, на столѣ хлѣбъ... Увидѣлъ идіотъ хлѣбъ и задрожалъ опять, какъ листъ въ непогоду. Не помнилъ онъ, что это уже не та страшная ночь, какую пережилъ вчера у бабы Кунаихи,—думалъ, та самая: и хлѣбъ тотъ же, и вилки́ у печи стоятъ, которыми старуха его, вора, била...

Сбросилъ Оверко съ себя теплую свиту, сползъ тихонько съ лавки и убѣжалъ.

На утро хватились дурака—нѣтъ! Обыскали всю кухню, сѣни—нѣтъ дурака! Стали мужиковъ на улицѣ спрашивать: не бѣжалъ-ли куда идіотъ? Никто не видѣлъ.

Только спустя четыре дня показался Оверко въ селѣ. Опять, какъ ни въ чемъ не бывало, бѣжалъ онъ по улицѣ, опять улыбался.

— Перецъ, дядьку, барилце,—бормоталъ онь, встрѣчая знакомыхъ людей и весело хлопалъ руками ладонь объ ладонь.

Мужики смотрѣли и удивлялись.

— Одужавъ Оверко, не здохъ!

— Ой, хиба коли таке непотрибъ здубицца!

— А все... Тажъ не було ёго бьельшъ якъ три дни. Десь по льеси, собака, бьегавъ.

— Ото й вовкъ ёго не надибавъ!

— Сухе, исты нема чого...

— Подавицца.

А Оверко все улыбался и бормоталъ:

— Здоровъ, дядьку!.. Перецъ, барилце, дядьку... Гмъ!.. перецъ...

— А матеру забивъ?

— Забивъ матеру... Барилце забивъ... Барилце, дядьку... Гмъ!..

— Отъ стерво, болячки на тебе нема. Нащо жъ ты матеру забивъ?

— Забивъ... Барилце впало... барилце...

Словно какое-то облако набѣжало на ухмыляющееся лице идіота. Онъ будто задумался, и двѣ слезинки, видно отъ холода, блеснули у него на глазахъ.

Громадная тщательно слѣпленная снѣжка треснула дурака въ спину.

Встрепенулся Оверко, улыбнулся и побѣжалъ дальше.

— Перецъ... барилце!..

II.

Оверко такъ и родился дурачкомъ. Даже сложеніе у него было дурацкое. Худенькій, съ впалою грудью, болѣзненнымъ цвѣтомъ лица и какъ-то странно горѣвшими карими глазенками, мальчикъ этотъ рѣзко отличался отъ другихъ своихъ сверстниковъ, постоянно свѣжихъ, бодрыхъ и крѣпкихъ. Онъ самъ чувствовалъ свою слабость и всегда избѣгалъ этихъ сильныхъ дѣтей. А они и тогда уже смѣялись и обижали Оверка, хотя и нельзя сказать, чтобы очень любили потѣшаться и колотить дурня. Оверко, сколько бы ни били его, всегда молчалъ и никогда не плакалъ. Бить такого ребенка дѣтямъ не нравилось.

Однако и тогда, когда ребятишки не колотили его, Оверко не любилъ ихъ общества. Соберется, бывало, толпа мальчугановъ, въ игры играютъ, ругаются—весело имъ. А Оверко сядетъ гдѣ-то подъ заборомъ и смотритъ испуганно на толпу.

— Оверко, ходи въ брила [1]) грать—кричатъ мальчуганы.

— Не хочу я.

— Ходи, дурню.

— Грайте собье, я й такъ посежу.

Дѣти начинаютъ ругаться, такъ паскудно ругаться, какъ будто они большіе уже, будто они солдаты.

Оверко ёжится отъ этой ругани и еще больше прячется. На глазахъ его, какъ росинка, блеснетъ одна слеза, другая... Но никто не видитъ этихъ слезъ, никто не пойметъ, отчего туманятъ онѣ горящіе, вдумчивые глазенки мальчика.

Начинается игра, шумная, пересыпанная смѣхомъ и бранью. Больше всѣхъ кричитъ и ругается братъ Оверка—Костенъ. Этотъ совсѣмъ не похожъ на Оверка. Онъ силенъ, веселъ, грубъ, предпріимчивъ. Онъ уже и украсть умѣетъ, что плохо лежитъ, украдетъ и не попадется: ловкій! Мальчишки уважаютъ способности Костена и немного побаиваются его силы.

Костенъ руководитъ игрой.

—Киричка зъ Потапомъ,—командуетъ онъ,—вамъ перестрибукать [2]). Не бачите, чи що, кобъ очи повилазили.

Дѣти бросаютъ палки. Потапъ, бѣлокурый коренастый мальчуганъ, проигрываетъ.

— Кидай шоломка [3]), кидай!

Шоломокъ, брошенный сильной рукой, летитъ слишкомъ далеко. Онъ падаетъ около забора, почти у ногъ притаившагося Оверка.

Дѣти рады этой случайности. Они бросаютъ свои палки уже не въ шапку, а въ голову ненавистнаго мальчика.

---

[1]) *„Брила“*—дѣтская игра на Полѣсьѣ. Она очень несложна и состоитъ въ слѣдующемъ. Дѣти бросаютъ палки, ударяя концами въ землю, такъ что онѣ летятъ рикошетомъ. Чья палка упадетъ ближе другихъ, тотъ бросаетъ шапку, а остальные попадаютъ въ нее.

[2]) *Стрибукать* (мѣстн.)—бросать палку концомъ въ землю. *Перестрибукать*—бросать наново тѣмъ, у кого палки легли рядомъ.

[3]) *Шоломокъ*—суконная шапка, скорѣе четырехугольной, чѣмъ круглой формы.

Оверко молчитъ. Блѣдный, укоризненно, грустно глядя на толпу, поднимается онъ изъ своего уголка и уходитъ. По его золотистымъ вьющимся волосамъ струится алая кровь.

Съ восьми лѣтъ для Оверка наступила еще худшая пора. Начали его пригонять къ работѣ: дрова рѣзать, рубить, воду носить... Старается, бывало, мальчикъ, а силенки нѣтъ. Впалая грудь только выше носится; худенькія, лишенныя мускуловъ рученки обвисаютъ и отказываются служить.

— Ты чомъ дровъ не рубаешь?—крикнетъ на него отецъ.

— Заразъ, тату,—встрепенется мальчикъ. Подниметъ топоръ, замахнется... а тотъ изъ рукъ выскользнетъ и какъ на зло ударится гдѣ-нибудь о старый заржавѣлый гвоздь.

— Тату!—кричитъ Костенъ,—Оверко сокъеру вищербивъ.

— Де?

— Онъ. Вы ему казали дрова рубить, а вэнъ зо злости и гримнувъ еи объ дзвяшокъ.

— Ахъ ты, стерво!..—взбѣленится мужикъ,—я жъ тобье перцу задамъ!

И бьетъ Оверка до крови, до обморока...

Какъ-то разъ вечеромъ (время подъ осень клонилось) сидѣли Костенъ и Оверко на задворкахъ. Костенъ мастерилъ дудку. Оверко смотрѣлъ въ пространство и о чемъ-то усиленно думалъ.

Пришелъ отецъ.

— Отъ що я вамъ скау, хлопцы,—противъ обыкновенія ласково заговорилъ онъ: сёгодня вы мени повинны одне дьело зробить. Только щобъ вмили, не зловивъ би васъ хто.

Братья насторожились. Костенъ самодовольно улыбнулся; Оверко вздрогнулъ.

— Маты каэ,—продолжалъ отецъ,—гурвьевъ въ насъ нема. Тра достать.

— Въ кого?—спросилъ Костенъ.

— Въ попа на Пудбабьи гарны, тай сторожа тамъ немаски [1]). Озьмете по мешечку, до свьета й навибираете...

---

[1]) Немаски (мѣстн.)=нема.

Мужикъ ушелъ въ хату. Костенъ спряталъ дудку въ возъ и побѣжалъ на улицу.

Только Оверко не тронулся съ мѣста. Онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и усиленно тёръ худенькими кулачками свои глаза. Онъ плакалъ...

Наступила ночь. Стихло село. Огни погасли.

— Пора, хлопцы. Отъ вамъ мешки—маршъ!.. Оно глядить, якъ почуете, що хто иде, або стукае, ховайтеся въ межи,— наставлялъ отецъ дѣтей на первую работу.

Костенъ взялъ мѣшокъ.

— Ходи, Оверко.

Оверко вдругъ выпрямился. Еще болѣе сильнымъ огнемъ горѣли его глаза. Золотистые кудри словно сіяніемъ окружали его симпатичное рѣшительное лицо.

— Я не пиду,—заявилъ онъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ.

— Якъ не пидешь? а батько казавъ!

— Не пиду я красти, я не злодьей...

Отецъ уже вышелъ изъ хаты, но на дворѣ услышалъ споръ братьевъ и послѣднія слова Оверка.

— Що ты казавъ?—напустился онъ на сына, вернувшись назадъ.

— Я не буду красти; грьехъ!...

А, то ты онъ якій мудрый, то ты ще будешь мене учить!..

Разъяренный мужикъ хватилъ полѣно... Оверко вскрикнулъ и повалился на землю.

У Оверки сдѣлалась нервная горячка. Полтора мѣсяца пролежалъ несчастный, но выжилъ какимъ-то чудомъ.

Между тѣмъ за это время случилась бѣда съ его отцемъ и братомъ. Какъ-то ночью пробирались они въ челнокѣ къ чужому сѣнокосу. На сѣнокосѣ была вспаханная полоса, на полосѣ стояло въ копахъ готовое просо.

Но они не добрались. Челнъ налетѣлъ на сучекъ громаднаго дуба, свалившагося въ рѣку, Богъ вѣсть когда, и опрокинулся. Отецъ и сынъ утонули.

Оверко остался только съ матерью, злой, отвратительной старухой, которой онъ и раньше боялся больше, чѣмъ отца и брата... Едва только поднялся мальчикъ и оправился отъ тяжкой, изнурившей и безъ того слабое сложеніе, болѣзни, какъ мать завалила его работой. Девятилѣтній ребенокъ уже ѣздилъ самъ въ лѣсъ за дровами, дома ходилъ за скотомъ, рубилъ дрова, даже молотилъ.

И чѣмъ дальше, тѣмъ силы больше его оставляли, и тѣмъ больше злилась и била Оверка жестокая мать.

Наконецъ онъ не выдержалъ...

Разъ старуха избила сына до крови совсѣмъ изъ-за пустяка. Откуда-то досталось бабѣ старое барило. Поставила она его на печь, гдѣ сушились онучи Оверка, а сама сѣла на „полу“ [1]) прясть.

Пришелъ въ хату Оверко, принесъ два ведра воды. Ноги у мальчика были совершенно мокры: нечаянно онъ провалился въ прорубь. Не зная, что на его онучахъ стоитъ барило, онъ, зайдя съ другой стороны печи, потянулъ ихъ къ себѣ и опрокинулъ старый никуда негодный боченокъ.

Барило разбилось... Ругань, проклятія, удары такъ и посыпались на бѣднаго ребенка.

Оверко не выдержалъ. Безъ шапки, босой, онъ бросился вонъ изъ избы и побѣжалъ, самъ не помня куда, по улицѣ.

Нашли Оверка подъ утро за селомъ, на кучѣ навоза, выѣхавшіе въ лѣсъ мужики. У него опять была страшная горячка; онъ метался и бредилъ. Пальцы на ногахъ и уши были отморожены.

Принесли бѣднягу въ хату, положили на печь, стали поить зельемъ.

Ночью бредъ у Оверка усилился. Поднялся мальчикъ въ жару, сѣлъ на печи и смотритъ.

На полу спитъ его мать, злая старуха. Никогда онъ не слышалъ отъ нея добраго слова: одни побои, проклятья, брань...

---

[1]) *Полъ*—широкая скамья, вѣрнѣе топчанъ. Большей частью полъ ставится въ хатѣ около печи.

Что-то непривычное шевельнулось въ груди ребенка... Убить ее... вѣдьму!.. Все равно: не я ее, она меня прикончитъ...

Оверку смѣяться хочется. И смѣяться, и грызть, бить безъ конца родную мать...

— Развѣ она родная?.. развѣ она мать?.. Матери любятъ дѣтей, а эта...

Подлѣ Оверка стоитъ на печи дѣжа съ свѣже-расчиненнымъ хлѣбомъ. Она какъ-разъ надъ головою матери... Сбросить?!..

Руки сами протягиваются...

Глухой стукъ, сдавленный стонъ и хрипѣніе раздаются въ хатѣ.

Оверко съ дикимъ хохотомъ схватывается съ печи и бѣжитъ вонъ, оставляя въ избѣ безжизненный трупъ убитой матери...

Съ той поры онъ сталъ идіотомъ. Съ той поры онъ бѣгаетъ по улицамъ и окрестностямъ села и все улыбается.

— Перецъ... барилце!...

П. Яроцкій.

Рабочіе волы въ Брацлавщинѣ и ихъ номенклатура.

Въ Брацлавщинѣ для хлѣбопашества на тучной черноземной почвѣ, очень тяжелой для обработки, человѣкъ съ незапамятныхъ временъ приручилъ сильнаго и неприхотливаго вола; тѣмъ болѣе ему это было легко сдѣлать, что здѣсь же роскошные луга и сѣнокосы давали обильную пищу этому животному. Гванинъ еще въ XVI вѣкѣ говорилъ: „поля и луга такъ удивительно плодородны, что изъ травы едва видны рога подольскаго вола; земля, однакожъ, тверда и до того камениста, что пахари считаютъ необходимымъ запрягать въ плугъ по двѣнадцать воловъ". И нашъ крестьянинъ до сихъ поръ вѣритъ, что обработать почву можно хорошо только волами. Волъ, по его мнѣнію, созданъ самимъ Богомъ для этой цѣли. Въ апокрифахъ разсказывается, что вскорѣ послѣ грѣхопаденія прародителей Богъ изгналъ изъ рая всѣхъ звѣрей и отдалъ ихъ въ распоряженіе Адама. Адамъ взялъ только воловъ и началъ пахать землю. И съ тѣхъ поръ человѣкъ не перестаетъ разлучаться съ воломъ, самымъ усерднымъ и вѣрнымъ сотрудникомъ его въ способахъ добыванія насущнаго хлѣба, хотя, быть можетъ, слишкомъ медлительнымъ и неповоротливымъ; впрочемъ, человѣкъ охотно прощаетъ ему послѣднее качество, добродушно подсмѣиваясь надъ его неповоротливостью. „Спрытный, яко вилъ до кареты", говоритъ онъ въ своей пословицѣ. Или, характеризуя его нескладную фигуру, рисуетъ его такъ въ своей загадкѣ: „штыри тыки, два патыки, сёме помахайло". За то онъ восхищается его могучей силой, сравнивая его въ загадкахъ съ громомъ, дневнымъ свѣтомъ и звономъ колокола. „Заревивъ

вилъ за сто мыль, за сто гиръ (громъ); сирый вилъ всихъ людей пидвивъ (дневной свѣтъ); крыкнувъ вилъ на сто гиръ, сталы ся сбераты до иднои хаты (звонъ колокола); сири волы до Бога ревутъ (колокольный перезвонъ)."

Нашъ крестьянинъ высоко цѣнитъ рабочую пользу вола и выражаетъ это въ своихъ пословицахъ: „працюе, якъ чорный вилъ; безъ вола хата гола; робы сокырою—сокыру заробышъ, робы воломъ—вола заробышъ; старый вилъ борозны не попсуе." И, зная медлительность вола, онъ оберегаетъ его отъ непосильной работы: „сылованымъ воломъ не наробышся", или „волови дай, положысь и жены по воли." Наконецъ, народъ въ своихъ апокрифахъ дѣлаетъ вола свидѣтелемъ величайшаго мироваго событія.

Что въ Брацлавщинѣ съ незапамятныхъ временъ человѣкъ приручилъ вола и пользуется его услугами, видно изъ слѣдующаго народнаго погребальнаго обычая. Покойника, обыкновенно, везутъ въ Брацлавщинѣ на кладбище на саняхъ во всякое время года, даже среди лѣта, и непремѣнно волами.

Везуть козаченька, везуть молодого
Та сиренькымы волонькамы.

Въ народной загадкѣ Ушицкаго уѣзда этотъ обычай выраженъ такими словами: „бигунчики бижать, ревунчики ревутъ, сухе дерево несуть", т. е. сани бѣгутъ, волы, везущіе ихъ, ревутъ и деревянный гробъ везутъ.

Если покойникъ былъ зажиточный хозяинъ, то въ сани запрягаютъ четыре вола.

Въ Балтскомъ уѣздѣ, разсказывалъ мнѣ старый мѣстный священникъ, еще на его памяти былъ обычай хоронить почетныхъ и зажиточныхъ хозяевъ на саняхъ, въ которые впрягалось четыре *черныхъ* вола; послѣ погребенія сейчасъ же на кладбищѣ пару переднихъ воловъ выпрягали и давали священнику въ даръ въ видѣ платы за погребеніе. Обычай возить покойниковъ черными волами я не распространяю на всю Брацлавщину, потому что не имѣю къ тому достаточныхъ основаній, и думаю даже, что онъ имѣетъ чисто мѣстный харак-

теръ и, быть можетъ, введенъ тамъ молдаванами, заимствовавшими его изъ древне-классическихъ культовъ, гдѣ черный волъ игралъ такую огромную роль въ жертвоприношеніяхъ подземнымъ богамъ. А что черный волъ былъ эмблемой траура среди романскихъ народовъ, это видно изъ слѣдующаго разсказа Тэна: „При папѣ Львѣ X и Лаврентіи Медичи художникъ Пьеро ди Казимо съ своими пріятелями устроилъ процессію „тріумфъ смерти“. Центральное мѣсто процессіи составляли дроги, запряженныя четырьмя черными волами, по которымъ были расписаны бѣлыми красками кресты, черепа и кости. На дрогахъ возсѣдала фигура съ косой въ рукахъ, изображавшая смерть, а рядомъ съ нею уставленъ былъ гробъ, въ которомъ лежалъ человѣкъ, изображавшій собою покойника. При каждой остановкѣ процессіи пѣлись погребальные гимны“.

Несомнѣнно, обрядъ погребенія покойниковъ на саняхъ, въ которыя впрягались волы, очень древній, быть можетъ, введенный еще въ то время, когда ѣзда на колесахъ была неизвѣстна, а для перевозки тяжестей употреблялись только сани; и по консерватизму каждаго культа сани въ погребальномъ обрядѣ сохранились, не смотря на то, что въ обыденной жизни колесная ѣзда съ незапамятныхъ временъ была уже общераспространенной. Для аналогіи я ссылаюсь на употребленіе въ древнихъ культахъ кремневыхъ орудій при обрядовыхъ жертвоприношеніяхъ въ то время, когда металлическія орудія были употребляемы повсемѣстно въ житейскомъ обиходѣ. А что обычай погребенія покойниковъ на саняхъ старый, видно изъ древне-русскихъ словесныхъ памятниковъ. Въ лѣтописи разсказывается, что останки Владиміра Святого „возложьше на сани, везъше поставиша и въ святѣй Богородицѣ, юже бѣ сдалъ самъ“. Въ поученіи Владиміра Мономаха говорится: „на далечи пути на санехъ сидя“, т. е. приближаясь къ могилѣ. Отсюда древне-русское выраженіе „на санѣхъ сидѣти“, близкое къ теперешнимъ малорусскимъ образнымъ выраженіямъ: „дуба давъ“ и „пишовъ козы пасты“. Отсюда я, кажется, въ правѣ заключить, что если употребленіе саней въ погребальномъ

обрядѣ очень древнее, то и запряжка воловъ въ сани при томъ же обрядѣ не менѣе древня. Поэтому, если это мое положеніе вѣрно, то изъ него я дѣлаю выводъ, что южно-русское населеніе съ незапамятныхъ временъ пользовалось воломъ, какъ домашнимъ животнымъ, и потому имѣло время и возможность выработать ономатологію рабочихъ воловъ съ большой точностію и ясной опредѣленностію, съ чѣмъ я хотѣлъ бы познакомить читателя, на сколько у меня хватитъ силъ и средствъ.

Но такъ какъ классификація этой номенклатуры находится въ нѣкоторой зависимости отъ тѣхъ породъ воловъ, какіе нѣкогда существовали на югѣ Россіи, гдѣ живутъ въ настоящее время ихъ потомки, то я считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ объ исторіи этихъ воловъ. Прародителемъ нашихъ воловъ ученые считаютъ Bos etruscus, ископаемая форма быка изъ пліоцена Италіи. Изъ этого ствола получились вѣтви: азіатская— Bos nomadicus и европейская—Bos primigenius (туръ) и Bos brachyceros (короткорогій), которые считаются родоначальниками нашего быка (Bos taurus, domesticus). Когда европейскіе народы приручили вола, мы не знаемъ; существуетъ даже мнѣніе, что народы, переселившіеся изъ Азіи въ Европу, принесли съ собой искусство приручать вола, а быть можетъ, привели съ собой уже прирученныхъ животныхъ. Во всякомъ случаѣ исторія не знаетъ времени прирученія воловъ, а преданія европейскихъ народовъ отодвигаютъ это время къ очень отдаленнымъ эпохамъ. Наши южноруссы, какъ мы уже говорили, относятъ время прирученія ко временамъ грѣхопаденія перваго человѣка; миѳы классической Греціи утверждаютъ, что еще Діонисъ научилъ грековъ впрягать воловъ въ плугъ; а Овидій въ своихъ „Превращеніяхъ“ говоритъ, что быки уже въ серебряный вѣкъ мычали подъ гнетомъ ярма.

Tum primum subiere domus. Domus antra fuerunt
et densi frutices et vinctae cortice virgae.
Semina tum primum longis Cerealia sulcis
obruta sunt, pressique jugo gemuere juvenci.

О существованіи въ древнѣйшую эпоху короткорогаго вола (Bos brachyceros) свидѣтельствуютъ находки, сдѣланныя

въ свайныхъ постройкахъ. Порода этихъ быковъ водилась въ горныхъ странахъ и теперь уже вымерла. Но отъ этихъ коротко-рогихъ быковъ, несомнѣнно, произошли тѣ темнокрасныя породы домашнихъ воловъ, которые еще теперь водятся въ Баваріи и Швейцаріи. Тѣ же породы водились и въ классическихъ странахъ, потому что римскіе писатели очень расхваливаютъ рабочую силу гальскихъ быковъ и молочность коровъ. Несомнѣнно, къ той же породѣ надо отнести комолыхъ или, по нашему, „шутыхъ“ быковъ, которыхъ разводили Скиѳы въ нашихъ южно-русскихъ степяхъ во время Геродота и Гиппократа. Мнѣ кажется, говоритъ первый, что такъ называемая комолая порода быковъ по той же причинѣ (сильнаго холода) не имѣютъ тамъ роговъ“. Второй, говоря о кибиткахъ Скиѳовъ, отмѣчаетъ, какъ интересную особенность: „въ эти повозки запрягаютъ по двѣ и по три пары безрогихъ воловъ: рога у нихъ не растутъ отъ холода“.

Въ южной Россіи сохранилась темно-красная порода воловъ, перешедшая къ намъ изъ альпійскихъ странъ или оставленная въ наслѣдство намъ Скиѳами, но отъ смѣшенія ея съ сѣрой породой она большею частію теряетъ свой первоначальный темный цвѣтъ, который переходитъ въ красный, рыжій и свѣтло-рыжій.

Но гораздо распространеннѣе у насъ на югѣ Россіи, съ рѣзкими отличіями отъ предыдущей, степныя породы быковъ, сохранившія свою чистоту главнымъ образомъ въ Венгріи. Юлій Липертъ въ своей „Исторіи культуры“ говоритъ: „естество-испытатели объясняютъ происхожденіе этой породы прирученіемъ туземнаго дикаго быка. Быки этой породы одинаковаго цвѣта: или бѣловатаго, или сѣраго, и имѣютъ далеко расходящіеся рога. Въ Россіи, Румыніи, Венгріи и прилегающей къ ней Штиріи, они водятся еще въ прежнихъ мѣстахъ своего распространенія, но черезъ Ѳракію эта порода перешла также къ Грекамъ, а черезъ Альпы къ Римлянамъ. Во Ѳракіи и на островѣ Эвбеѣ существовала порода бѣлыхъ быковъ, и въ средней Италіи бѣлая порода этого животнаго съ громадными рогами является весьма

распространенной, между тѣмъ какъ Варонъ еще говоритъ, что эти животныя были тамъ не особенно многочисленны. Слѣдовательно, они часто являлись здѣсь благодаря сношеніямъ римлянъ съ Сѣверомъ, частью же, быть можетъ, позже были перенесены сюда готами или лонгобардами изъ степей Панноніи". Эти двѣ породы воловъ—темно-красная и сѣрая—классифицируютъ номенклатуру воловъ по цвѣту шерсти, и потому клички воловъ, характеризуемыя цвѣтомъ масти, распадаются на два отдѣла. Первый отдѣлъ обнимаетъ восемь основныхъ цвѣтовъ масти, образуя какъ бы шкалу масти темно-красной, начиная отъ свѣтло-желтой до темно-коричневой въ такомъ порядкѣ:

1) Ляшокъ, бѣлый съ желтымъ отливомъ—цвѣтъ, называемый нашими дамами песочнымъ.

2) Половый, сѣрый съ желтымъ отливомъ—цвѣтъ, вѣроятно, получилъ названіе отъ пшеничной половы, т. е. мякины.

3) Лынокъ, свѣтло-рыжій цвѣтъ, вѣроятно, названіе получилъ отъ рыбы „лынъ".

4 Рудый, рыжій.

5) Гнидый, гнѣдой масти

6) Карась или куропатка, якъ голендерска корова—несомнѣнно цвѣтъ оперенія куропатки.

7) Калына, червоный.

8) Дыманъ, темно-коричневый, цвѣтъ капуцинскаго сукна.

Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ цвѣтъ, начиная отъ бѣлаго и кончая чернымъ включительно; цвѣта располагаются въ такомъ порядкѣ.

1) Баланъ, бѣлая масть; баланъ—слово молдавское, означаетъ свѣтлаго блондина и бѣлую масть животныхъ.

2) Сирый, сѣрая масть.

3) Мазій, темнѣе сѣраго—пепельнаго цвѣта.

4) Голубый, темно-сѣраго цвѣта.

5) Соловей, вѣроятно получилъ названіе отъ оперенія соловья.

6) Сывакъ, темнѣе предъидущаго цвѣта.

7) Мургій, почти черного цвѣта, „нибы осмаленный“, въ Гайсинскомъ уѣздѣ воловъ этой масти называютъ „смаглій“.

8) Караманъ, черный; слово несомнѣнно турецкаго происхожденія.

Но клички воловъ по мастямъ этимъ не ограничиваются; ихъ еще есть много для выраженія оттѣнковъ цвѣтовъ, помѣси цвѣтовъ и отмѣтинъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1) Босый, бѣлокопытый.

2) Брова, чернобровый.

3) Вовкъ, темно-сѣрый и угрюмый

4) Горобець, цвѣта оперенія воробья.

5) Грижпань; этой масти мнѣ не удалось опредѣлить.

6) Желѣзнякъ, масть свѣтлѣе *дымана* и темнѣе *калыны.*

7) Зозуля, темнѣе *голубого* и свѣтлѣе *соловья.*

8) Король, масть свѣтлѣе *балана.*

9) Ласій, имѣющій брюхо и конецъ хвоста бѣлаго.

10) Лысыця, съ малой бѣлой отмѣтиной на лбу.

11) Лысый, съ большой бѣлой отмѣтиной на лбу.

12) Лысый черный, черный волъ, съ бѣлой отмѣтиной на лбу.

13) Муружка и муруга, обыкновенно сѣро-бѣлой масти съ продольными узкими полосами другого цвѣта, „пасмугами или пасмами, нибы батогомъ побытый.“ Эти полосы всегда бываютъ болѣе темнаго цвѣта, отчего волъ кажется побитымъ грязнымъ кнутомъ.

14) Папировый, масть свѣтлѣе *короля*, билый якъ папиръ.

15) Перистый или перьянъ, съ бѣлой широкой полосой, опоясывающей туловище вола, какъ поясомъ.

16) Рябый, съ разнаго цвѣта пятнами по основной масти.

17) Рябый черный (черный волъ съ бѣлыми пятнами).

18) Сывакъ-мургій (масть между *сывакомъ* и *мургіемъ*).

19) Сывачокъ (тоже что сывакъ).

20) Сывый (тоже что сывакъ).

21) Сыныця (масть темнѣе *дымана*).

22) Тарганъ (масть дымчатаго цвѣта).

Но каждый хозяинъ, какъ извѣстно, стремится подобрать найвозможнѣйше парныхъ воловъ, сходныхъ не только по цвѣту, но и по другимъ статьямъ, стараясь довести сходство воловъ до тождества, поэтому хорошо подобранная пара воловъ всегда выше цѣнится, чѣмъ плохо подобранная.

Наши чумаки въ старину обыкновенно съ этой операціи начинали свое чумацкое дѣло, собираясь въ дальній путь.

Задумалы чумаки въ дорогу.
Поробылы соби возы нови,
Поробылы ярма кленови,
Поробылы занозы дубови,
Покупылы волы половыи,
Покупывши тай попарувалы.

И какъ откликъ этого сходства воловъ въ парахъ, находимъ въ словообращеніяхъ чумацкихъ пѣсенъ:

Волы мои сыви половіи, и тонки у васъ роги,
Сходылы вы съ чумаченькомъ дви крымскіе дороги....
Волы мои сири половіи,
У васъ кари очи...
Ой волы жъ мои та сиренькіи,
Хтожъ надъ вамы паномъ буде...
Ой волы жъ мои сыви голубки,
Ой яки жъ вы добри,—
Ой стоите въ возахъ та ярмахъ
По три дни голодни ..
Тай волы жъ мои сири—половіи,
Чому жъ не орете?...

Но эти словообращенія во множественномъ числѣ умѣстны только въ томъ случаѣ, когда они обращены къ обоимъ воламъ. Напримѣръ, при подбадриваніи: гей, гей сири или половіи! или при сдерживаніи быстраго ихъ хода: ча, ча, сири половіи! и проч. При обращеніи же въ единственномъ числѣ, звательный падежъ сирый, половый и проч. можетъ быть употребленъ въ

томъ случаѣ, когда волы въ парѣ имѣютъ различныя клички, хотя они могутъ быть одномастные; въ противномъ случаѣ, т. е. если-бъ оба вола имѣли одну кличку по масти, ни одинъ изъ нихъ въ парѣ не зналъ бы, къ кому обращена рѣчь; и „погонычъ“ былъ бы тогда въ большомъ затрудненіи управлять волами, тѣмъ болѣе, что у него нѣтъ въ распоряженіи возжей, какъ при управленіи лошадьми, а только короткія приказанія: собъ или ксоби, сирый!—говоритъ онъ лѣвому или „подручному“ волу, когда хочетъ повернуть налѣво. „Цабе, рижокъ!“ приказываетъ онъ правому или „борозному“, когда хочетъ повернуть направо и т. д. [1]).

Поэтому одномастнымъ воламъ въ парѣ стараются дать клички разныя; съ этой цѣлью пользуются разнообразной формою роговъ и создаютъ цѣлую систему кличекъ по рогамъ. Такимъ образомъ, пара одномастныхъ воловъ получаетъ двѣ различныя клички, одна изъ коихъ характеризуетъ масть вола, а другая форму роговъ, поэтому рядомъ съ кличками по масти получаются разнообразныя клички воловъ, характеризуемыя формою ихъ роговъ. Вотъ списокъ этого рода кличекъ:

1) Баранъ (рога, какъ у барана, концы ихъ загнуты назадъ.).

2) Гузокъ (рога малые, и самъ онъ малый).

3) Гула (малые, прямые, коническіе рога, какъ обыкновенно у воловъ, кладенныхъ по достиженіи полнаго развитія.

4) Заяцъ (рога прямые, толстые и приподнятые вверхъ, какъ у насторожившагося зайца).

5) Кугутъ (прямые рога, расходящіеся подъ тупымъ угломъ—„розложисты рогы,“ при томъ волъ „чипурный“—бодрый).—

---

[1]) Погонычъ, правящій волами во время вспашки поля, всегда идетъ подлѣ воловъ съ лѣвой стороны, и потому лѣвые волы всегда у него подъ его правящей рукой, оттого лѣвые волы называются „подручными“, а окрикъ: „ксобя, собъ“, т. е. къ себѣ, къ лицу правящему—погонычу, выражаетъ требованіе поворота налѣво; олы же, запряженные съ правой стороны, и потому идущіе по свѣже-вспаханной бороздѣ, называются борозными, а окрикъ „цабе“—направо выражаетъ противоположное направленіе предыдущему, т. е. въ противную сторону отъ правящаго.

6) Козій (рога у него тоже „разложистые,“ но кончики ихъ закручены наружу).

7) Козырокъ (рога расходятся въ противоположныя стороны почти горизонтально, кончики же ихъ загнуты внутрь).

8) Космына (неправильно посаженные на головѣ рога: одинъ имѣетъ наклонъ напередъ, другой—назадъ).

9) Косый (тоже что космына)

10) Коцюба (рога разложистые, выступающіе впередъ, съ концами, загнутыми наружу).

11) Орелъ (рога у него поднимаются вертикально вверхъ съ кончиками, загнутыми назадъ; такіе же рога у цапка, но у послѣдняго гораздо меньше, чѣмъ онъ и отличается отъ орла).

12) Рижокъ (слабо разложистые, т. е. мало расходящіеся вверху рога, они тонки и прямы. По мнѣнію знатоковъ и цѣнителей, это самые красивые рога).

13) Рега (тоже что гула, волъ съ широкимъ лбомъ, „мало що втикъ видъ бугая (быка), бо реве въ ярми“).

14) Турко (рога отъ основанія разложистые, но уже съ середины загибаются внутрь, и концы ихъ наверху почти сходятся.

15) Халабуда (большіе, выступающіе впередъ рога, концы коихъ закругляясь почти сходятся вверху).

16) Цапокъ, (тоже что орелъ, только рога гораздо меньше).

17) Шулякъ (рога внизъ опущены, такъ что концы ихъ опускаются ниже лба).

18) Щутый (рога очень маленькіе или совсѣмъ безрогій волъ).

Но при неуклонномъ стремленіи подобрать воловъ, сходныхъ не только по масти, но и по рогамъ, часто получается такое поразительное сходство воловъ, что этихъ кличекъ, по масти и по формѣ роговъ, бываетъ недостаточно, и тогда чувствуется необходимость подыскать клички изъ другихъ характеризующихъ вола свойствъ и индивидуальныхъ особенностей,

либо по его наружному облику или виду, то, что называется habitus, либо по его характеру, указывающему на его дурныя или хорошія кечества. Вотъ клички этого рода:

1) Бадя (лѣнивый волъ).

2) Бамбула (непроворный, медлительный—неповоротливый).

3) Блызнюкъ (близнецъ (?), или чрезвычайно схожій съ воломъ, ходящимъ съ нимъ въ парѣ).

4) Блындарь (волъ, который коситъ ногами).

5) Буянъ (самовольный волъ, упрямый и недисциплинированный).

6) Вертунъ (хитрый волъ)

7) Веселый (бодрый, имѣющій веселый видъ волъ)

8) Виныкъ (волъ, помахивающій часто хвостомъ)

9) Вьюнъ и вьюнокъ (вертлявый и живой волъ)

10) Глычка (кущавый, т. е. тонкій волъ).

11) Госачъ (горячій волъ).

12) Гостякъ (волъ, трудноочкармливаемый и худой).

13) Грабчакъ (высокій, тонкій и лѣнивый волъ).

14) Губатый (волъ съ большой мордой).

15) Дзвинокъ (рослый, веселый, красивый волъ).

16) Дрантывый (некрасивый или слабый волъ).

17) Деркачъ (тонкій и высокій волъ, который не мае живота).

18) Жмурка (волъ, который жмуритъ глаза).

19) Каплунъ (хитрый).

20) Коваль (тупый въ ходу, почему кажется лѣнивымъ).

21) Кодый или кодій (толстый волъ съ толстыми ногамы).

22) Козакъ (красивый волъ, но хитрый).

23) Комаръ (дуже худый вилъ, т. е. тощій).

24) Куцый (безхвостый волъ)

25) Кислыця (навиженый вилъ, т. е. необузданный, сумасшедшій).

26) Лоба (волъ съ громаднымъ лбомъ и разложистыми рогами).

27) Лохматый (череватый волъ, т. е. толстый съ большимъ брюхомъ).

28) Мотовило (вилъ которій крутыть головою, якъ его запрягають въ ярмо).

29) Патлатый (волъ съ длинной шерстью).

30) Перепылыця (маленькій волъ но хитрый).

31) Плева (кущеватый волъ т. е. тощій съ разложистыми рогами).

32) Постилъ (волъ съ широкими ратыцямы то-есть копытами).

33) Рачокъ (маленькій волъ съ небольшими рогами, выступающими впередъ).

34) Степокъ (дикій волъ).

35) Страшокъ (волъ половой масти, но съ рогами какъ у рожка).

36) Сучокъ (маленькій волъ).

37) Шкода (пакостный волъ, котораго трудно уберечь на пастбище, такъ какъ онъ при удобномъ случаѣ забирается на посѣвы или на хлѣба).

38) Шмалко (вилъ, котрій шмолко, т. е. быстро ходыть).

39) Ягныця (маленькій и слабый волъ).

40) Чубрій или чупрій (вилъ который мае чубъ межы рогамы).

41) Швейнога (волъ, у котораго задніе ноги у колѣна такъ близко соприкасаются, что толкаютъ другъ друга).

Въ большихъ экономіяхъ, гдѣ ежегодно бракуютъ воловъ и замѣняютъ ихъ вновь купленными, производится сортировка и подборъ воловъ при составленіи „тягла“ для плуга, для котораго нужно обыкновенно отъ трехъ до четырехъ паръ воловъ. Поэтому „погоничамъ“, какъ мы видѣли уже раньше, очень важно, чтобы въ тяглѣ, не было одноименныхъ кличекъ, такъ какъ это затрудняло бы ихъ при управленіи волами. Съ этой цѣлью переименовываютъ вновь купленныхъ воловъ въ томъ случаѣ, если они носятъ клички такія, какія имѣютъ волы въ тяглѣ стараго состава. Чаще всего даютъ кличку такимъ воламъ

по имени его стараго хозяина или по имени дѣвицы, возлюбленной парубка. Въ моемъ спискѣ записаны слѣдующія клички воловъ этого рода:

1) Аврамъ, 2) Антонъ, 3) Бессорабъ, 4) Богасъ, 5) Бурдюганъ, 6) Волощукъ, 7) Галакъ, 8) Гнатюкъ 9) Гриша, 10) Григорій, 11) Дегтярюкъ, 12) Дегтяръ, 13) Дорофтей, 14) Дуцька, 15) Дячекъ, 16) Ефтымъ, 17) Жабка, 18) Жмостой, 19) Зубокъ, 20) Калынь, 21) Катерина, 22) Костырь, 23 Козьма 24) Кучуньскій, 25) Лукіанъ, 26) Макаддзеба, 27) Маланка, 28) Малёваныю, 29) Мотыма, 30) Мымыта, 31) Наталка; 32) Наумъ, 33) Олекса, 34) Оныськo, 35) Пахентій, 36) Пурыпъ, 36) Жведокъ, 38) Свыстунъ, 39) Семенъ, 40) Старшына, 41) Серафымка, 42) Тендерында, 43) Тыхонъ, 44) Ѳома, 45) Хорытонъ, 56) Чумакъ, 47) Щуръ, 48) Юрчаръ, 49) Явдоха, 50) Явтухъ.

Остается вписать сюда еще нѣсколько кличекъ, которыхъ мѣсто среди другихъ я не могъ найти, такъ какъ въ натурѣ я не встрѣчалъ воловъ съ этими кличками, а опредѣленія, даваемыя имъ свѣдующими людьми были столь неопредѣленны и неясны, что я не рѣшился ихъ записать. Вотъ эти неизвѣстныя мнѣ клички: 1) Горошекъ, 2) Гребынегь, 3) Мазюкъ, 4) Мейка, 5) Малько, 6) Мынсакъ, 7) Мейкъ, 8) Никуда, 9) Негатарь, 10) Острамысля, 11) Порванный, 12) Пшонка, 13) Тыльныкъ, 14) Рыбакъ, 15) Свымянка, 16) Слызнякъ, 17) Сынякъ, 18) Цыбыкъ, 19) Чайка, 20) Чугаина и 21) Шпыра.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ я составилъ списокъ кличекъ воловъ. Съ этой цѣлью прежде всего обратился съ просьбой къ управляющему Тростянецкимъ имѣніемъ (Тростянецъ мѣстечко Брацлавскаго уѣзда Подольск. губ.) Александру Михайловичу Довгирту прислать мнѣ изъ всѣхъ экономій, ввѣреныхъ его управленію, инвентарные списки воловъ. Онъ любезно исполнилъ мою просьбу и прислалъ четыре списка: 1) изъ Тростянецкой экономіи со ста кличками, 2) Стратіевской 58, 3) Севериновской 54, 4) экономіи на жалобахъ—34, всего съ 246 кличками. Изъ этихъ списковъ я составилъ одинъ алфавитатный съ 168 кличками, менѣе, конечно, противъ экономи-

ческихъ списковъ, т. к. я при составленіи своего списка отбросилъ повторяющія одноименныя клички. Затѣмъ, при помощи знатока, помощника эконома, атамана и нѣсколькихъ парубковъ, состоявшихъ при волахъ, я записалъ опредѣленія, характеризующія клички воловъ, которыя и привелъ выше. Осталось мнѣ только провѣрить, какъ широко распространены эти клички въ этой мѣстности. Съ этой цѣлью во время возки свекловицы на Тростянецкій сахарный заводъ изъ округа, съ радіусомъ въ 30 верстъ, я со своими экономами, служащими въ заводѣ, сталъ опрашивать крестьянъ о кличкахъ ихъ воловъ и сравнивалъ съ своимъ спискомъ. Списокъ оказался составленъ вѣрно и раіонъ распространенія собранныхъ мною кличекъ довольно обширенъ. Теперь я живу въ Гайсинскомъ уѣздѣ и знакомлюсь съ мѣстными кличками воловъ, оказывается, что онѣ очень сходны съ брацлавскими съ очень небольшими измѣненіями.

Г. Гайсинъ. 1898 г. 14 мая.

С. Венгрженовскій.

„Filar Wiary"

вновь найденное сочиненіе Лазаря Барановича.

I.

Галятовскій въ посвященіи своего труда „Stary Kościoł zachodni" [1]) такъ пишетъ о архіепископѣ Черниговскомъ, Лазарѣ Барановичѣ:

„Masz wielką mądrość y naukę którey nauki albo mądrości przez pracę swoię w młodym wieku po różnych Akademiach y Kollegiach, to w Wilniu, to w Kiiowie, to w Kaliszu z pilnością się starałes dostąpić... Te dary od Boga sobie darowane inszym też ludziom daruiesz, a przez nich do morza głębokiego Boga, na pomnożenie chwały Bożey obracasz; bo naprzód z Cathedry szkolney ucząc w Collegium Kiiowskem młodzi dla dostąpienia wyzwolonych nauk zgromadzoney podawałeś, gdy Philosophią tradowałeś, potym z Cathedry kaznodzieyskiey w Cerkwiach różnych Narodom różnym naukę zbawienną przepowiadałeś... Teraz swiątobliwość T. iuż naukę swoią nie tylko ustnie z Ambony Cerkiewney, ale y Xięgami swemi Chrześcianom Prawosławnym podaiesz, gdy z Typographiey *Miecz*, *Trąby*, *Lutnię*, *Miarę*, *Żywoty S. S.*, *Xięgę Rodzaiu Xięgę Smierci y Xięgi insze* światu podałeś...

---

[1]) Stary Kościoł zachodni nowemu Kościołowi rzymskiemu pochodzenie Ducha S. od Oyca samego nie od Syna pokazuie 1678, 2 и 3 ненумер. стр.

Далѣе Галятовскій хвалитъ Л. Барановича за его добродѣтели и щедрость, благодаря которой было выстроено и обновлено много церквей, и наконецъ перечисляетъ всѣ должности и почетныя званія, которыми архипастырь былъ награжденъ за свои труды.

Для насъ важно это краткое перечисленіе трудовъ Л. Барановича, данное Галятовскимъ до 1678 года,—важно потому что является свидѣтельствомъ современника, и потому еще, что вообще въ спискахъ трудовъ Барановича, данныхъ библіографами нашего времени, мы находимъ нѣкоторое несогласіе, порою же—неполноту. Задачей нашей будетъ прежде всего—выяснить, что изъ богатой южно-русской литературы XVII вѣка принадлежитъ перу Барановича, а за симъ указать на одинъ памятникъ, не отмѣченный ни кѣмъ, хотя среди отмѣченныхъ напр. Эсрейхеромъ—есть кое какіе, внушающіе подозрѣніе.

Что это были за „księgi insze“, о которыхъ упоминаетъ Галятовскій? Попробуемъ опредѣлить число изданій и сочиненій Барановича, положивъ въ основаніе, какъ несомнѣнное, свидѣтельство Галятовскаго и въ помощь ему—данныя, сообщаемыя библіографами. Краткія свѣдѣнія даетъ преосв. Филаретъ [1]), П. М. Строевъ [2]), болѣе-же подробныя находимъ въ монографіи Н. Ѳ. Сумцова [3]), затронувшей матеріалъ, неизвѣстный другимъ, и въ монументальномъ трудѣ Эстрейхера [4]).

Н. Ѳ. Сумцовъ, какъ самъ сообщаетъ [5]), пользовался при составленіи своего списка трудовъ Барановича хронологическимъ указателемъ Ундольскаго, указателемъ А. Попова къ библіотекѣ Хлудова, указателемъ Московскаго Архива Иностранныхъ

---

[1]) Преосв. Филаретъ. Обзоръ русской духовной литературы, изд. 3. 1884 г. стр. 207—208.

[2]) П. М. Строевъ. Библіологическій словарь 1882, стр. 185—186, и Черниг. Епарх. Вѣд. 1864 г. неоф. ч. стр. 423,

[3]) Н. Ѳ. Сумцовъ. Къ исторіи южно-русской литературы семнадцатаго столѣтія. I, Лазарь Барановичъ. Харьковъ 1895.

[4]) Estrejcher. Bibliografia Polska. Część II, t. I, Ogólnego Zbioru t. VIII. Kraków 1882.

[5]) Сумцовъ. Лаз. Барановичъ стр. 36.

дѣлъ и помянутой выше статьей Строева, статьею Максимовича въ III томѣ его сочиненій (книжная старина южноруссовъ) и нѣкоторыми другими, не названными пособіями; въ числѣ ихъ были между прочимъ и „Historya literatury polskiej“ Вишневскаго. Что до Эстрейхера, то списокъ данный имъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полнѣе, составленнаго г. Сумцовымъ.

Нижеслѣдующій списокъ составляю, главнымъ образомъ руководствуясь данными Галятовскаго, экземплярами И. Публ. Библ. въ СПБ., по которымъ описаны отмѣченные * номера. Этотъ основной списокъ дополняю данными Сумцова, Эстрейхера, Строева и Филарета, обозначая ихъ для краткости чрезъ буквы С, Э, Стр. Ф. Правописаніе подлинника вездѣ сохранено.

I* **Меч҄ Дх҃вны | є҆же҄ є҆сть г҃лъ Б҃жїй. | на по̀мощъ Ц҃ркви Вою̀ющей, | и҆зъ ѹ҆стъ Хв҃ыхъ пода̀ный. | и҆ли | книга проповѣдї сло̀ва Б҃жго | ю҆же сѡ҃ружи | Гд҃ꙋ поспѣшествꙋ̀ющꙋ и҆ слово ѹ҆тверж҃ающꙋ, | Ла́заръ Барановичъ | Є҆п҃пъ Черне́говскїй Новгоро҃скїй и про҃; | Тѵпомъ и҆здаде́са въ ст҃ой велі́кой | чудотво́рной Лаврѣ Пече́рской Кїевской. | Въ лѣто ѿ Созда́нїѧ Мїра, ҂зро҃д. | ѿ Рож҃ества же Хв҃а ҂ах҃ѯ҃ѕ** (1666). Въ листь 28 нен.+ѱѯд+ 3 нен. стран.

Выписанное заглавіе стоитъ въ срединѣ виньетки, занимающей весь заглавный листъ. Въ самомъ верху херувимъ съ мечами въ рукахъ. Подъ нимъ Христосъ—Царь на конѣ ведущій въ бой конные полки святыхъ; ниже „два меча“—пр. Давидъ и ап. Павелъ (между ними помѣщается заглавіе)—оба съ мечами: на одномъ написано „ветхій завѣтъ“—на другомъ „новый завѣтъ“. Внизу слѣва лежатъ апостолы Іоаннъ и Іаковъ Зеведеевъ; — справа вел. муч. Екатерина и Варвара. Въ самомъ низу—морское сраженіе на ладьяхъ Христа со святыми противъ антихриста съ какими то людьми въ круглыхъ шляпахъ съ полями. Изъ устъ тѣхъ и другихъ—мечи.

На оборотѣ вирши „на его пресвѣтлаго Царскаго Величества знаменіе“. Самое „знаменіе“—на I-й ненум. стр.: Вверху крестъ, ниже орелъ, и генеалогическое древо. По сторонамъ сверху: звѣзды и три короны, ниже—Богородица и

Христосъ, орелъ побивающій птицъ и Георгій Побѣдоносецъ. Въ самомъ низу, по сторонамъ древа—свв. Борисъ и Глѣбъ около пальмъ, на вершинѣ которыхъ гнѣзда съ орлятами.

На 2 нен. стр. обращеніе къ царю Алексѣю Михайловичу, на 19 нен.—къ читателю.

Предъ каждымъ словомъ далѣе—картина на соотвѣтствующій праздникъ [1]).

II* Żywoty | Świętych | ten Apollo pieie | jak ci działali | Niech tak kożdy dzieie. | Na blogosławiącą Rękę Jako na Takt jaki patrząc | Jaśnie przewielebnego w Bogu Je^o Mosci Oyca | Łazarza Baranowicza | Archiepiskopa Czernihowskiego | Nowogrodskiego et caet. | Chwálcie Boga w Swiętych iego. Psalm: 150 | Spiewalismy wam, à nie skakaliscie. Mat. 11. | Z Typográphiey Kijowo-Pieczarskiey. | Roku Panskiego, 1670. | 4⁰; на обор. тит. листа посвященіе „Krolowi wiekow"... стр. 4 нен.+404. (послѣдніе 32 заклеены на верху въ экз. СПБ. Публ. Б. [2]). Кромѣ того къ нимъ приплетена рукопись уставомъ XVIII в., содержащая:

1) **Ѡ седмн седмнцах настоѧщаго вѣка, ѝже ѐсть ѵлѵкаго жнтїѧ ꙗкѡ оу́ко седмероунслевнымъ ѝзъмѣренїемъ ѝсполнѧютсѧ днѝ н лѣта уелѡвѣкомъ даже до совершенїѧ возраста уеловѣуеска ѝ средовѣунаго н старости.**

2) **Молнтва: ѿ велнкїн царю вседержнтелю** miłostiwyi Hospodi Isuse Christe Boże nasz...

III. Apollo Chrześciański. Kijów. 1670. pierar. (sic) Э. Не есть-ли это — ниже описанное IV * сочиненіе, съ невѣрно переданнымъ заглавіемъ, что у Э. нерѣдко?

IV* Lutnia | Apollinowa | Każdey | sprawie gotowa | Na błagosławiącą rękę iako na takt iaki patrząc | iasnie w Bogu przeoswieconego | iego mosci oyca | Łazarza Baranowicza | archiepiskopa czernichowskiego | y wszytkiego Siwierza, | z Typographiey Kijowo-Pieczarskiey. | Roku Panskiego, 1671. 4⁰. На обор. титульн. листа гербъ и стихи. Стр. 4 нен+552+32 нен. [3]).

---

1) Второе изданіе вышло въ 1686 г. *С*. Э, Ф. 207 стр., Стр. 185.

2) Книга посвящена царевичу Өеодору Алексѣевичу. *С*, *Э*, *Ф*. 207 стр.

3) *С*, *Э*, *Ф*.—(„Лира Аполлонова" стр. 208).

V. Rozmowy o wierze. Kijów. 1671. Э.

VI* **Трубы на дни | Нароу́нтыѧ пра́здникѡв | Гдкн, Бгородичны, а́пльски, | Про́рѡческихъ, а́плски, мүчнически, | стлскихъ, чудотво́рцѡ, Бе́сребренникѡ, Бл҃гоүестивагѡ Цр҃ѧ и | Кн҃зе́й, и про: ѩже Ла́заръ | Бара́новичъ Мт҃рію Бж҃ією | Пракосл҃: "Архіеп҃пъ: Чернѣго́кій Но́городс: | и про: Си́лою Бж҃ією Кострубн, Послушаѧ гд҃: | ѩкѡ Трубү вознеси гла́ твоѐ, и | возвѣсти людє́мъ мои́. Іса: ин. |**

Тупомъ | въ Стой Велико чудотво́: Лаврѣ Кієво | Печерской, Ставропигіи а́рхіеп: Кѡст҃: Патріа́рхи Вселе́нскагѡ напеча́та. | въ лѣтѡ ѿ Созданіѧ Міра. зрпв, | ѿ Рж҃ества же Хр҃то́ва ахо́д. Въ листъ; листовъ (кромѣ заглавнаго) 9 нен.+403+4 нен. [1]).

Заглавіе въ виньеткѣ во весь листъ. Наверху три ангела за трапезой, ниже трубящій ангелъ; надъ самой рамкой, въ которой приведенное заглавіе—Богородица, по сторонамъ ея—Іоакимъ и Анна. По бокамъ въ медальонахъ святые. Въ самомъ низу, подъ сводомъ два святителя: одинъ (слѣва) лопатой разрыхляетъ почву у корня дерева, второй—стоитъ съ четками и жезломъ.

На обор. рядъ эпиграфовъ. Далѣе—стихи на титулъ книги, на „знаменіе его царскаго пресвѣтлаго величества", самое знаменіе: Духъ Св. въ видѣ голубя съ вѣткою, подъ нимъ гербъ—двуглавый орелъ подъ 3-мя коронами, ниже львы крылатые, Георгій Побѣдоносецъ, еще ниже двуглавый малый орелъ.

Въ самомъ низу, по сторонамъ третьяго орла, надъ главами котораго благословляющая Богородица—съ боковъ царь Ал. Мих. и царица Наталья Кирилловна, ниже ихъ—царевичи: Өеодоръ, Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи. За симъ—предисловія къ царю и читателю.

Послѣдній—(а м. б. и первый, но переплетенный въ концѣ) листъ книги, послѣ оглавленія также весь украшенъ аллегорической картиной—той-же, что и заглавный листъ, съ небольшой отмѣной: вмѣсто заглавія—двѣ руки держащія спускающійся на двухъ цѣпочкахъ крестъ; внизу—двѣ простертыя къ нему, какъ бы молитвенно, руки.

---

1) *С*, *Э* (Trudy), *Ф*. 207, *Стр*. 185; 2-е изданіе 1679. *С* *Э*. *Ф*.

VII. Слово на Воскресеніе Христово. Новгородъ-Сѣверскъ. 1675. 4°, 9 лл. *C*; по *Э*—1674 г. (стр. XVIII).

VIII. Слово на Св. Троицу. Новг.-Сѣв. 1675. 4° 8 лл. *C*; по *Э*.—1674 г. (Słowo na swiatuju trojku).

IX. Слово на Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы 1675. 4°. 4 лл. *C;* по *Э*—1674 г. (Słowo na preswiatoj Błahorodicy (sic).

X* Nowa Miara | starey wiary, | Bogiem udzielona Jasnie w Bogu Przeoświeconemu | Jego Mośći Oycu | Lazarzowi Baranowiczowi | Archiepiskopowi Czernihowskiemu, | Nowogrodzkiemu y wszytkiego | Siewierza. | Na Wymierzenie Władzy s-o Piotra, y Papieżow Rzymskich | y Pochodzenia Ducha s-o od Oyca | Ktora aż do was dosięgła. |

Z Typographiey Archiepiskopskiey w Nowogrodku | Siewierskim zostaiącey. Roku Pańskiego 167... |

Aże tysiąc lat, jako dzień wczorayszy. Psal: 89 v. I. według | komputu Prorockiego od Narodzenia Pańskiego | ieszcze y dniá drugiego nie mász iak iest wydána. |

Krolowi wiekow niesmiertelnemu, niewidzialnemu sa | memu Bogu czesc y chwała, na wieki wiekow. A. | I. Tim: I. v. 17.

4°. стр. 26 ненум., 1—114 нум.+32 нен.+(123—354) нум. На обор. тит. листка посвященіе въ стихахъ автору „Starey Wiary" Павлу Боймѣ; на 2-й ненум. стр.—образъ Богородицы сидящей у креста съ младенцемъ на рукахъ [1]).

XI Вечерній плачь и заутренняя радость. Кіевъ. 1676 *C* у *Э*: „Płacz o przesłowlenii (sic) Caria"; *Ф*, 208; *Стр.* 185:

„Вечеръ водворися плачъ и заутра радость. Плачъ яко великій государь, царь и великій князь Алексій Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ.., въ 30 день мѣсяца іаннуарія, по пренесеніи мощей святаго Ігнатія Богоносца, отъ земнаго до небеснаго царствія, третей годины въ нощь, до Бога въ Троицы славимаго пренесеся. Радость же, яко еще за живота отъ плода чрева своего посадилъ на престолѣ своемъ Божіею милостію великаго государя царя и

---

[1]) Въ Экз. Публ. б. дата стерта; по *Э* и *C*—1676; по *C* это изданіе вышло то въ Ново-Сѣв. (стр. 30), то въ Кіевѣ (стр. 131); 2-е изданіе—1679 *C*.

и великаго князя Θеодора Алексіевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича, и дѣдича, и наслѣдника, и государя и обладателя. Тотъ плачъ со радостью трудолюбіемъ ясне въ Богу преосвященнаго его милости господина отца Лазара Барановича, архіепископа Черниговскаго, Новгородскаго и всего сѣвера, въ року 1676 мѣсяца февруаріа дня 13 списася". (Сборникъ Новгор. Софійскаго Собора, нынѣ СПБ. Дух. Акад. въ 4⁰, конца XVII в. 152 л., на лл. 125—152).

XII O chirolonii (хиротоніи) siriecz o rukopołożenii Nowg-Siewiersk. 1676. Э; соч. очевидно на славянскомъ языкѣ. Упоминается только у Эстрейхера. Намъ не встрѣчалось.

XIII. Księga śmierci albo krzyż Chrystusów. Nowogr. Siewiersk. 1676. Э; упоминается выше—Галятовскимъ.

XIV*. Księga Rodzaiv | w ktorey | Pálcem Oycowskim nápisáne | Na pacządku było słowo | Zdrowi czytayćie; w sercu go chowayćie, | za co się wpisać w księgi żywota | spodźiewayćie z ktorey się národził Jesus | Przez Jaśnie w Bogu przeoświeconego. | Jego Mośći Oyca | Łazarza Baranowicza | Z Bożey łaski Archiepiskopa | Czernichowskie⁰, Nowogrodzkiego, y wszytkie⁰ Siewierza. | Maryey | nie vżytecznego sługę. | Gdy vczyńicie wszytko co wam rozkázáno, mowcie: słudzy | nie vżyteczni iestesmy: Cosmy byli winni vczyńić, | vczyńilismy. Luc: 17. v. 10. W Typographiey Archiepiskopskiey w Nowogrodku | Siewierskim zostaiącey utworzona. R. P. 1676. 4⁰. 54 лл. ненумер.; на обор. посл. листа, служащаго обложкой—опечатки. На оборотѣ 1 л. изображеніе Богородицы съ младенцемъ Христомъ. Подпись кириллицей:

Гора̀ клнзъ Черне́говаколды́нскаѧ зва́на | там чудами свѣтлѣетъ Прустаѧ Панна. | К монастырѣ во храмѣ Илни Стого, | внзерунокъ то́ власны ѡ҆браза о҆ного [1]).

XV. O przygodach życia ludzkiego. Czernihów 1678. C. (со ссылкой на Wiszniewski, Hist. lit. polsk. VIII, 389).

---

[1]) Э; С цитируя Галятовскаго—послѣ названій этого и предыдущаго сочиненія—ставитъ знакъ (?).

XVI. O trafunku życia. Kijów 1678. Э. (съ ссылкой на названный имъ Anthologion 1678 г.—см. ниже—Szymona Golińskiego (?)).

XVII* Предисловіе къ книгѣ:

Мѣнеѧ̀ ѡкцїа, | или | Послѣдованїе стымъ | непраздну́емымъ, | пѣва́емо на кі́йждо, де́нь по чину | Црькви, Православной. | Издаде́ся | Благословенїемъ и иждивенїемъ | Ясне въ Бгу преѡсщенна єгѡ Мл҃т | Гдна Ѡтца, | Лаза́ра Барановича, | мл: Бо: Правосла: архїеппа черни́гв: Нвгоро: | и всегѡ сѣвера. |

Въ тупографїи є Мн: Нвгороской. | ро́ку ѿ ро Хва, ахон. Въ листъ. 70 лл. (въ экз. И. Публ. библ.).

Заглавіе въ виньеткѣ во весь листъ. На верху Христосъ на престолѣ съ книгою, окруженный воинствомъ ангеловъ. По бокамъ святые (въ медальонахъ, какъ бы выходящихъ изъ чашечекъ цвѣтковъ). Внизу изображеніе церкви и двухъ другихъ зданій по сторонамъ. На обор. заглавн. листа—оглавленіе службъ разнымъ святымъ, помѣщающихся въ этой Минеѣ.

Заключается оглавленіе фразою: **И та́ко Бжїю благодатїю коне́цъ прїема́етъ сїя кни́га Анѳоло́гїѡнъ**[1]).

XVIII. „Слово благодарственное на Успеніе Богородицы. Черниговъ. Т. Троицко-Илинская“ 1680. *Э.*

XIX Слово благодарственное Іисусу Христу 1680. *С.*, стр. 140.

XX* Notiy Pięć | ran Chrystusowych pięć | Wszyscy ktorzy drogą idziećie vważay | cie y vpatruycie ieżeli iest boleść, | iako boleść moia.—Thren: I v. 12 |

Dwie mądre Pánny, pod Krzyżem stoią, |
O tych Notiy pięić Concepta stroią, |
Nowa mu boleść zadaie,
Kto do tych ran co przydaie. |

Pzez | Jaśnie w Bogu Przeoświeconego Jego Mśći Oycá | Łazarza Baranowicza | z łaski Bożey. Prawosławnego, Archiepis |

*) Предисловія въ экз. И. Публ. Биб. не находимъ. (Старопеч. кн. IV. 6. № 2). Вопросъ, о той ли книгѣ говорятъ *С.* и *Э.* У *С.*: ...Анѳологіонъ сирѣчь Цвѣтословъ или Тріологъ Новг. Сѣв. 1678, въ листъ, 7+699+70 стр.

kopa Czernihowskiego Nowogrodz | kiego y wszystkiego Siewierzá | policzone, | y drogą idącym vważaniu y vpatrowaniu | podane. | Vważayćie, y vpatruyćie. | W Typographiey Monásterá S. Troycy Ilińskiego | Czernihowskiego. Roku 1680. 4⁰ стр. 82 нен.+355 [1]).

На обор. тит листа: **на гнѣвъ врагъ моихъ | простерлъ єси рꙋки своѧ. | Ѱалѡмъ рлз.** | Perfer et obdura; patientia plurima mollit. | Quae humanū corrigere ingenium. Приложены на отд. листахъ:

1) Аллегорическая картина: Христосъ распятый на крестѣ. Двѣ женскія фигуры приносятъ къ подножію сердца.

2) Аллегорическое изображеніе побѣды Московскаго государства надъ невѣрными. Вверху Св. Троица, внизу воинъ гонитъ невѣрныхъ, за нимъ—святители и духовные въ православномъ облаченіи.

Кромѣ того—въ текстѣ (не нум.) изображеніе Богородицы тоже, что и въ сочиненіи „Księga Rodzaiu“ съ тою же надписью кириллицею, и виньетка изображающая торжество христіанства съ надписью вверху: veni vidi vici. Въ ненумерованномъ предисловіи посвященія и обращенія частью на польскомъ, частью на ц.-славянскомъ языкѣ.

XXI* W Wieniec Bożey Mátki | SS. Oycow kwiatki. | Naswiętszey Panny | sertum, | ex floribus ss. Patrum | Decerptum | I ten ktory sobie sprzyiá, áby zakwitło ćiáło | Iego, z źiemi swey, obracáiąc się w źiemię, | Wieniec, | kwiatki przynośi: | Jáśnie w Bogu Przeświecony Je⁰ Mść Oćiec | Łazarz Baranowicz | Prawosławny Arhiepiskop. Czernihowski, | Nowogrodzki y wszystkiego Siewierzá | Z Typographiey Archiepiskopskiey Czernihowskiey. | Roku od Narodzenia Panskiego 1680. Przybyszowego. | Do Natury człowieczey że Pan przybył z niebá | Przybyszá nam takiego dawno było trzeba. | 4⁰ стр. 6 нен.+80 +143 [2]). На обор. тит. листа похвала Восточнымъ отцамъ Церкви въ стихахъ и стихотвореніе на Пѣснь Пѣсней I v. 8. Гряди съ Ливана.

---

1) *С.*, *Э.*, *Ф.* 208.

2) *С.* (невѣрно показано число стр.); *Э.*

На первой непум. стр. аллегорическое изображеніе: на верху Богородица со сложенными молитвенно руками на тронѣ. Внизу два епископа въ облаченіи держатъ вѣнецъ, находящійся между ними. Въ ногахъ ихъ, между фигурами—земной шаръ.

XXII* **Блгодать и истинна | Іисъ Хртомъ | бысть, | егда ѿ негѡ | Іѡаннъ Алеѯеевичъ | Знаменующій блгодать. | и | Петръ Алеѯеевичъ | Знаменующій истинну | поставлени суть | цръ. На горою стою егѡ | Высокого достоинства Великія Державы | Православнаго царствія Россійскаго, | На немъ же | якѡ Блгодать и истинна Цртвуютъ. | ѡ семъ | ясне въ Бгу Преѡсщенный егѡ млтъ Гднъ Ѡтцъ | Лазаръ Барановичъ | Православный Архіеппъ Черниговскій Новгородскій, | и Всегѡ Сѣвера, | со всею Паствою своею Радуяся, | Трудолюбіемъ своимъ ѡписа сія Блгть и истинну, и тупомъ повелѣ издати | въ Друкарни Сто-Троецкой Ілінской, Черниговской. | въ Року, а х п третемъ.** | Въ листъ, 36 ненумеров. (не считая заглавія и обор.) страницъ въ двойной рамкѣ [1]). Ня оборотѣ заглавнаго листа читаемъ эпиграфы:

Слава Бгу дающему спсеніе Цремъ, ѱаломъ, рмг.

Гдн силою твоею возвеселатся Црїе, и ѡ спсеніи твоемъ возрадуютъся ѕѣло ѱаломъ к.

Црїе возвеселятъся ѡ Бзѣ ѱаломъ, ѯв.

Црїе оуповаютъ на Гда и милостію вышняго не подвижатъся ѱаломъ, к.

XXIII. Naiaśnieysza nieba y ziemie Carica Panna Matka Panna Marija od Lazarza Baranowicza sławiona. Czernihów. 1683 г. 22 декабря. Въ листъ, 24 лл. *С.*, *Э.*, *Ф.* 208 стр. [2]).

XXIV. Отвѣтное посланіе Лазаря Барановича 26 мая 1688 года, на вопросъ патріарха: „Отъ кого соборъ Флоренскій сложенъ былъ, и коея ради вины, каковымъ обычаемъ и како совершися?“—рукописи: 1) въ сборникѣ Новг. Соф. библіотеки въ 4° XVII в. 367 лл. на л. 306—309; 2) ркп. Вологодской духовной семинаріи № 894/74 въ 4°, 345 лл. на л. 313—317, какъ объ этомъ сообщаетъ П. М. Строевъ (Библ. Слов. стр. 186). 3) ркп. Царскаго 456 и 551, и 4) Румянц. № 97—Упоминаетъ не называя точно *С* (стр. 141). *Ф.* стр. 207.

---

1) *С.* 1680 г. декабрь; *Э.*

2) Снимокъ страницы этого соч. данъ А. И. Соболевскимъ въ изданіи: „Сборникъ Снимковъ съ славянорусскихъ старопечатныхъ изданій 1895 г. ч. II. № XXVII.

XXV* Modlitwy | dźienne y nocne, | według zdánia SS, | OO. Zá, Błogosłá: | Jáśnie w Bogu | Przeoświeconeº | Jeº Mśći Oycá | Łazarza | Baranowicza | z Łáski Bożey Prá | wosłáw: Archiepi: | Czern: | Nowh: etc.. | W Typ: Monást: S. | Troy: Jlliński; Czern: | Wydane | Roku 1689, 8º. Листовъ 2 нен. +224+22 неп.

Заглавіе въ виньеткѣ съ изображеніемъ Св. Троицы, подъ которымъ—св. Антоній, пророкъ Илія, св. Лазарь и св. Іоаннъ Богословъ; подписи кириллицей. На оборотѣ титульнаго листа изображенія Богородицы съ обычнымъ: „м҃р—ѳ҃у", стоящей на полумѣсяцѣ; изображенія крайне грубы. „Przedmowa do czytelnika" подписана: „Laurentius Krzczonowicz, ihumen ze wszytką w Chrystuśie Brácią Monasterá Swięto-Troieckieº Ilinskiego Czernihowskiego".

XXVI. Дѣйствіе на Страсти Христовы (не позже 1650 г. ?) Рукопись Церковно-Археологическаго Музея при Кіевской Духовной Академіи.

Строевъ, 56 стр. отд. отт. статьи изъ Черн. Губ. Вѣдом. 1864 г. Петровъ, Труды К. Дух. Ак. 1866 г. II, 359, и *C*, стр. 8

XXVII. Nagrobek Iaśnie w Bogu Przeoświeconemu Jego Mci Oycu Josephowi Tukalskiemu Nielubwiczowi, Metropolicie Kiiowskemu Halickiemu na rok 1675. Стихотвореніе; всего—6 строфъ на польскомъ языкѣ. Издана въ „Лѣтописи Событій въ юго-западной Россіи въ XVII вѣкѣ". Составилъ Самоилъ Величко. 1720, т. II, Кіевъ 1851 г. стр. 384—388. *Ф.*, 208. *C.* 129.

XXVIII Письма Л. Барановича изд. Черниг. Епарх. извѣст. 1861—64 г. *Ф.* и 2-е изданіе. «Письма преосвященнаго Лазаря Барановича съ примѣчаніями, въ пользу Черниговской семинаріи». Черниговъ. Тип. Ильинскаго монастыря. 1865 г. 8º. 242 стр. (по списку, принадлежащему нынѣ Черниговской духовной семинаріи) [1]).

---

[1]) Не лишнее будетъ упомянуть, что библіотека Кіево-Печерской лавры обладаетъ почти всѣми, наиболѣе крупными сочиненіями Л. Б., порой даже въ избыткѣ; такъ, напр, Nowa Miara—въ 5 экземплярахъ печатныхъ и рукоп. № 202

Мы перечислили здѣсь почти все, что до сихъ поръ извѣстно изъ произведеній Барановича; но какъ не сходятся показанія библіографовъ! Ни у одного мы не находимъ полнаго списка хотя бы тѣхъ сочиненій Барановича, которыя перечислены здѣсь. Эстрейхеръ, свѣдѣнія котораго нуждаются еще въ тщательной провѣркѣ—богаче прочихъ, но въ виду его краткости и неточности въ указаніи извѣстныхъ намъ изданій—трудно вѣрить ему. Сумцовъ даже заподозрилъ существованіе Księgi rodzaju", не смотря на свидѣтельство такого авторитетнаго современника Барановича, какъ Галятовскій („I. Галятовскій. Кіевъ 1894, стр. 63);—показаніе Галятовскаго подтверждаютъ данныя Эстрейхера и наши. Если ‚Księgi smierci" очень рѣдкое произведеніе, то и о нѣкоторыхъ другихъ мы не можемъ сказать, чтобы они отличались большой распространенностью и извѣстностью. Мы думаемъ, что списокъ, данный нами, далеко не полонъ: весьма возможно, что съ раскрытіемъ книгохранилищъ монастырскихъ и описаніемъ ихъ—появятся новыя, еще неизвѣстныя произведенія нашего трудолюбиваго и плодовитаго автора.

И мы можемъ утверждать это, такъ какъ имѣемъ возможность пополнить вышеприведенный списокъ новымъ, неизвѣстнымъ еще библіографамъ и историкамъ литературы произведеніемъ Лазаря Барановича. Это—небольшая брошюрка, случайно пріобрѣтенная нами въ Петербургѣ на рынкѣ среди хлама въ 1896 г.

Представляя нѣкоторый интересъ, какъ собраніе стихотвореній на богословско-полемическія темы, она является интересной и потому, что показываетъ, каковы были тѣ брошюры съ которыми наши полемисты XVII вѣка обращались къ толпѣ—къ массамъ, неостававшимся безучастными во время церковно-богословскихъ споровъ.

(Польск. № 1) 4о л. 3—163. Кромѣ того, въ той-же библіотекѣ находится книга озаглавленная въ каталогѣ „Алфавитъ въ честь Божіей Матери" (Польск. № 71) безъ начала и конца. На 1—4 сохр. ненумер. страницахъ предисловіе—посвященіе: Jeho Carskoho Preswitłoho weliczestwa... Panie Hetmanie и т. д., подписанное Л. Барановичемъ. Засимъ 80 стр. нумер. содержащихъ выписки о Богородицѣ изъ разныхъ авторовъ. Не есть-ли это часть описаннаго выше № XXI*?

II.

Вотъ описаніе открытаго нами труда Л. Барановича.

XXIX. Filar Wiary | y Grunt prawdy. | S. Pawłem założony | A | przez Jaśnie w Bogu Przeoświeconego | Jego Mśći Oyca | Łazarza Baranowicza | Archiepiskopá Czernihowskiego | Nowogrodskiego etc., etc.) Prasem w Drukarni Nowogrodka siewierskiego | wicisniony. A. D. 1675. 4. стр. 13+2 нен.

На заглавной стр. эпиграфъ: „Wy się záwżdy sprećiwiaćie Duchowi świętemu: | iáko Oycowie wászy także y wy. w Dzieiach 7. v. '51. |

За симъ слѣдуетъ непосредственно первое стихотвореніе.—

Содержаніе „Filara Wiary“ распадается на три части и заключаетъ въ себѣ XVII стихотвореній. Первыя 9 и 14-е трактуютъ объ исхожденіи Св. Духа и о Троицѣ.

Первое озаглавлено:

„Pochodzenie Duchá,
Jak nasz rozum rucha“.

Въ немъ авторъ возсылаетъ хвалу Пресв. Троицѣ и вездѣсущію Божества:

„...w morzuć iest drogá, w wodach śćiezki twoie
Śladu nie mogą poznać myśli moie.
Nikt nie zna Syná, Ociec go zna tyle
Znáć go stworzeniu nie po iego śile“.

Авторъ въ умиленіи преклоняется предъ тайной св. Троицы, образующей единое нераздѣльное, но и несліянное божество, царствующее вездѣ и повсюду.

Барановичъ касается исхожденія св. Духа отъ Отца: это такая тайна о которой простецы не должны и думать, если даже ангеламъ она недоступна!

„Nie bądź ćiekawy badacz Maiestatá
Tak wysokiego, godzien iść do katá.
Jeśli małego nie zgadniesz komara,
Jak iest złożony—to o Bogu wara“...

Въ разумѣ человѣческомъ постигающемъ только то, что заключается въ извѣстныхъ предѣлахъ, только то, чему можно

научиться изъ опыта—нѣтъ возможности даже отыскать образецъ, по которому совершается эта тайна. Единственный, поэтому, источникъ знанія о ней—то, что говоритъ откровеніе!

„Co Oycom świętym od Ducha podano,
To nam wymowić tylko przykazano". (Стих. II).

Третье стихотвореніе говоритъ о томъ же: ангелы имѣютъ 6 крыльевъ и не знаютъ, какъ рождается Сынъ и исходитъ Духъ отъ Отца.

„A ty robaku, coś przylgnoł do gnoiu,
W poznaniu Boga w iakim będziesz stroiu?"

Каждому дано познавать лишь доступное ему, подобное его собственной природѣ и потому—

„Zá ćie robakiem stał, iako robaká
Robaku poznay, znay śiebie prostaka".

„Отецъ—море; Сынъ и Духъ—рѣки" текущія, неизвѣстно откуда берущія начало, говоритъ Л. Барановичъ въ IV стихотвореніи. Одно Лицо св. Троицы—немыслимо безъ другого —

„Jeden bez tych dwuch nigdzie się nie rucha".

Барановичъ обращается съ молитвой къ Богу Отцу, чтобы онъ склонилъ Сына, къ выслушиванію людскихъ молитвъ:

„Po morzu świata iák korab pływamy,
Do Troycy morza nawieki zmierżamy.
Oycze wołay ná Syna: Syn moy ukochany!
Uszy na głos nakłon im, by nam był słyszány.
Na morzu świata często wstaią wały
Bez twego Syna—kto dopłynie cáły?
Wiatry, i morze mile do słuchaią
Choć by naywiększe wały wnet skracaią.
Day za Sternika Syna kochanego,
Im dopłyniemy do brzegu wiecznego"...

И духъ Святой, носящійся надъ бурнымъ житейскимъ моремъ даетъ пристать къ этому берегу ладьѣ нашей жизни и охранитъ ее въ опасномъ пути.

Пятое стихотвореніе озаглавленное „To moie, iedno, a troie“ даетъ сравненіе, разъясняемое тутъ же авторомъ: Отецъ—источникъ, Сынъ — рѣка, Духъ Св. — вода: они даютъ отраду всякой твари. Въ нихъ одна вода, и кто ее пьетъ—будетъ жить вѣчно.

Шестое носитъ хитрое заглавіе

„Kokosz, gołąb ptaki,
Kto z nich dowiedź iáki“.

Кокошъ—Христосъ, Голубь—Духъ св. Первый взлетѣлъ на крестъ и здѣсь испустилъ Свой духъ къ Отцу. Это сравненіе Христа съ кокошемъ не смотря на свою странность неодиноко у Лазаря Б. Въ „Мечѣ духовномъ“ имѣемъ тоже сравненіе:

Востаетъ ꙗ҆́ко "Оре́лъ Высо́колетѹ́щїй, обнови́сѧ ꙗ҆́ко Орлѹ̀ ю҆́ность є҆гѡ; и҆̓же пре҃жде бы҃ ꙗ҆́ко не скораго до лѣта́нїѧ и҆ нижнѧго Коко́ш: Ко́ль краты [речѐ] восхотѣ́хъ събра́ти ча́да твоѧ̀ "Ї҆еⷭ҇рлї́ме, ꙗ҆̓кѡже собира́етъ Ко́кош пте́нца своѧ̀ по кры́лѣ, и҆ не восхотѣ́сте. Къ ве́черѹ сїѧ ко́кош воⷭ҇летѣ̀ на Кⷭ҇ртное Дре́во, и҆ на не́мъ ѹ҆спѐ. л. 5 об.

Но голубь—летитъ выше, чѣмъ кокошъ, который собираетъ зерна въ мусорѣ.—Легче поймать кокоша, чѣмъ голубя—легче понять Сына, нежели Св. Духа. Основываясь на словахъ Еванг. (Іоанна 15. V. 26), которое прямо указываетъ на исхожденіе Духа только отъ Отца, Барановичъ замѣчаетъ:

„Kiedy nam słowo nie wyrżekło słowa
Duch idzie z niego—prożno moia głowa:
Janową mową trzeba kontentować,
Ewangieliey nam nie poprawować“.

Хотя у Іоанна нѣтъ „и отъ Сына“, но нѣкоторые смѣло спорятъ и обвиняютъ Русь, но

„Rusin stary, boi kary od Syna nie kładnie,
Jan nie prawi, on nie sławi wymawia się snadnie,

Nie rzekł od Syná na Jana winá, daycie pokoy Ruśi,
Jak Jan napisał, tak Rusin czytał, wszak ták czytać musi“.

Нечего ломать голову и свой слабый разумъ, а надо вѣрить просто, не мудрствуя. Познанію Бога учатъ насъ на землѣ творенія его, а на небѣ мы узримъ его въ лицо—и убѣдимся, что все именно такъ, какъ мы вѣримъ:—

„Tu wiárá miára; nad miarę kto skoczy:
To nie pochybna, że z drogi wykroczy:
Tego sie Rusin że obawia srodze,
Jako viator tylo wierzy w drodze“.

Седьмое стихотвореніе даетъ вкратцѣ тоже самое: простымъ примѣромъ первыхъ ловцовъ—апостоловъ Барановичъ пытается показать отношеніе лицъ Св. Троицы. Вотъ оно:

„Poiać Trzećiáká. Naucz prostaka
Języku Boży Z ciebie mistrz hoży.
Rybaki prostaki, Lowili ryby, lowili y ptaki:
Kiedy Oyca maią, Orłá to łapáią,
W Chrystuśie Kokosz, Pisklętom roskosz;
Kiedy Ducha máią, Gołębia chwytáią“.

Нельзя, однако, не сознаться, что въ такомъ замысловатомъ объясненіи трудно разобраться, не знакомымъ съ старой символикой южно-русской литературы.

Восьмое стихотвореніе озаглавленное:

„Pan ieden hoyny,
W osobach Troyny“—

представляетъ собою небольшую по объему (10 строкъ) похвалу Св. Духу: Все что мы имѣемъ въ священныхъ книгахъ—написано св. Духомъ:

„Nauki, pisma, zdania y wyroki
Od Ducha poszły, im stoją Proroki:
Ewangelią duchem nápisali
Ewángelisty, y nam ie podali“.

Но чтобы освѣтить, наполнить собою и спасти міръ—Св. Духъ явился міру Сыномъ.

За тѣмъ подъ номеромъ IX слѣдуетъ:

„Na trudne pytánie,

Augustyna zdanie“.

Вопросъ заключается въ томъ, почему и Духъ и Сынъ происходятъ отъ Отца, а не тожественны? Отвѣтъ дается такой: и Сынъ и Св. Духъ отъ Отца, но первый рождается, а второй исходитъ; а различіе между рожденіемъ и исхожденіемъ непостижимо для человѣческаго разума. Св. Августинъ въ сочиненіи „Contra Maximinum“ даетъ такое объясненіе этой разницы: „Предвѣчное Слово—есть Сынъ, ибо, исходя изъ разума Отца, въ силу своего происхожденія подобенъ Отцу и есть истинный Сынъ; Духъ же Св., происходя изъ любви Отца и Сына является Богомъ потому, что исходитъ отъ Бога, а не потому, что исходитъ отъ любви“. „Эти тонкости (subtelnośći) оставляетъ Августинъ школамъ, и я ему въ этомъ подражаю“, замѣчаетъ Лазарь Барановичъ.

Все это изложено прозой, кромѣ перваго, слѣдующаго за заглавіемъ двустишія, заключающаго въ себѣ вопросы.

Четырнадцатое стихотвореніе:

„Lubo Syn z Duchem rownie,

Z Oycá á niewymownie“.

содержитъ въ себѣ тоже какъ и первыя разсужденія объ отношеніи лицъ Св. Троицы и имѣетъ цѣлью показать, что дѣйствительно Духъ Св. исходитъ отъ Отца, а не отъ Сына.

Вторая группа стихотвореній посвящена Божьей Матери, которую Л. Барановичъ почиталъ усердно, какъ свою покровительницу.

Такъ въ X стихотвореніи, носящемъ заглавіе:
„Szedł Pocieszyciel z gury wesoły
Na Bożą Matkę y Apostoły“.
Л. Барановичъ описываетъ сошествіе Св. Духа на Апостоловъ и Богородицу. Оно имѣетъ сравнительно простой характеръ, безъ обычной у Барановича витіеватости, переходящей порою въ несносную вычурность.

„Когда апостолы ожидали Св. Духа, они передали свою власть Богородицѣ. Она сѣла на тронъ своего возлюбленнаго Сына и наслѣдіе его спало на нее съ небесъ. Они ждутъ обѣщанной радости—Утѣшителя безъ тѣни скорби: и вотъ подымается шумъ, на небѣ громъ и на Тебя (Богородица) въ огненномъ языкѣ спадаетъ Духъ Святый. Тебя Сынъ оставилъ главою Церкви и прославилъ Духомъ Святымъ. Онъ увѣнчалъ Твою главу, чтобы Ты, Дѣва, весело правила Церковью“.

„Опустился языкъ и на головы апостоловъ—и по рѣчи ихъ—ясно стало, что они приняли Духа Св. Сразу они говорятъ на разныхъ языкахъ, обращаютъ быстро іудеевъ и язычниковъ, пишутъ Евангелія, творятъ чудеса—и всѣ видятъ, что въ нихъ живетъ Духъ Святый».

Изображеніе Сошествія Св. Духа дано здѣсь по западнымъ образцамъ: то же находимъ и въ лицевомъ хронографѣ 2-й редакціи: „въ srединѣ миніатюры сидитъ Пресв. Богородица съ воздвигнутыми руками, надъ главою ея снисходитъ Духъ Св. и огненные языки: по обѣимъ сторонамъ отъ Богородицы сидятъ Апостолы—тогда какъ въ русскомъ иконописномъ подлинникѣ читаемъ иначе описаніе сошествія Св. Духа [1]).

Въ концѣ стихотворенія Л. Барановичъ обращается къ Богородицѣ: „другимъ женамъ приказано молчать [2]), а тебѣ назначенъ въ церкви престолъ... Св. Духъ влетѣлъ въ давно уготованное жилище—къ Тебѣ, на спасеніе всѣхъ... Очисти

¹) См. А. Поповъ, Обзоръ хронографовъ II, 142.

²) Вѣроятно намекъ на извѣстное средневѣковое „taceat mulier in ecclesia“, писавшееся иногда на стѣнахъ храмовъ.

меня, нечистаго, чистымъ своимъ духомъ! Дай мнѣ новое сердце, новый духъ и пусть оно стремится къ Богу и къ Тебѣ!"

Молитвенное вдохновеніе проникаетъ это стихотвореніе и придаетъ ему ту жизненность и силу, которой лишены разсмотренные выше вирши, вошедшіе въ «Filar Wiary».

И XI стихотвореніе отличается тѣмъ же характеромъ; оно озаглавлено

„Po Chrystuśie Márya zásiada,
Thron Synowski będzie dobra ráda".

и посвящено восхваленію Богородицы, чему удѣляли особенно много вдохновенія католическіе—а за ними и западно-русскіе православные писатели.

„Марія занимаетъ мѣсто Христово и держитъ къ намъ рѣчь. Когда Пресвятая Дѣва стояла подъ крестомъ—только одинъ Іоаннъ былъ съ нею *). Они слышали, какъ Христосъ, вися на гвоздяхъ, на крестѣ отдалъ свой Духъ Богу, и имъ осталось касаться только его тѣла. Прочіе апостолы избѣгли этой минуты: („apostołowie tej ubiegli chwile").

Но теперь Дѣва сидитъ на престолѣ, не подъ крестомъ стоитъ и не горюетъ (biedzi) — ждетъ утѣшителя съ небесъ: вижу жадное желаніе этого и у Апостоловъ... Они какъ пчелы слетѣлись къ маткѣ, чтобы съ нею вмѣстѣ принять утѣшителя, Духа". Легче брать чѣмъ давать: когда Христосъ испускалъ духъ на крестѣ, рѣдкій изъ Апостоловъ шелъ подъ крестъ: теперь всѣ собрались принять отъ Отца Св. Духа, и у всѣхъ видно желаніе получить его; а бóльшая была-бы добродѣтель—(cnota) стоять подъ крестомъ съ Его Матерью. Слезы пролитыя тамъ Богородицей доставили міру благодать!

„Pod Krzyżem płacząc Matka wysłużiłá,
Poćieszyćielá łzámi uprośiłá.

---

*) Отмѣчено преимущество ап. Іоанна предъ другими апостолами—черта свойственная малорусскимъ православнымъ полемистамъ. См. въ. соч. „Nowa Miara" на 4-й страницѣ „Przydatka" Лаз. Бар говоритъ „takiego smiałka potka y pałka"—который, умаляя значеніе ап. Іоанна, возноситъ ап. Петра.

Siała tam łzámi dziśia bierze żniwo,
Zebrało na to y Ucżniów co żywo,
Tłoká to pono na żniwo zebráłá,
Y apostolska pod Krzyżem nie stała".

Только Марія съ Іоанномъ слышали, какъ Онъ отдалъ Духъ Отцу. Сынъ надѣлилъ весь міръ духомъ—и имъ подѣлятся всѣ, какъ огнемъ; всѣмъ его хватитъ, ни отъ кого не убудетъ—и онъ согрѣетъ и Іерусалимъ и весь міръ.

„Tyś łaski pełna, Duch na twoiey głowie
Naybarziey usiadł, z Cerkwią śmiało mowie.
Rozlewáiącą tobie miarę dano
Aby na wszytką przez ćię Cerkiew lano.
Udzielay Mátko Synowskiego Ducha
Niechay się ná część Bożą y twą rucha".

Этимъ обращеніемъ къ Богородицѣ и заканчивается стихотвореніе.

Въ слѣдующемъ, XII-мъ, мы находимъ туже тему. Оно озаглавлено

„Bog przed láty
Był bogáty".

„Дѣти обыкновенно держатся около своихъ матерей, потому что тѣ даютъ имъ жизнь и питаніе (молоко)' Сынъ далъ Матери больше, надѣливши ее св. Духомъ: онъ видѣлъ ея горькія слезы—широкое море слезъ вылила она подъ крестомъ—и Духъ спустившись огнемъ надъ нею осушаетъ море слезъ Божьей Матери:

„Gdy się Duch w ogniu nad Maryą rusza
Łez morze Mátki tak swoiey wysusza".

Третью группу образуютъ разныя стихотворенія на темы богословскаго характера, похвальныя и полемическія, въ которыхъ отстаивается православіе.

Такъ стихотвореніе XIII-е является перефразомъ текста изъ Екклезіаста I, 7. „Wszytkie rzeki wpadáią w Morze do mieysca zkąd wychodzą“ *). Вотъ оно:

„Tam się Duch wraca zkąd naprzod pochodźi,
Sam to ná Krzyżu Pan Chrystus dowodźi.
Oycze w twe ręce Ducha mego dáie,
Od kogo poszedł, tam znowu przystáie“

Мысль стихотворенія и сравненія съ моремъ—уже читается выше, въ стихотвореніи IV:

„Ociec iak morze, Syn Duch—rżeki płyną“...,

Пятнадцатое стихотвореніе, озаглавленное „W świurtłośći twoiey obaczymy światłość“ содержитъ въ себѣ слѣдующее:

„Тюрьмой былъ бы міръ, еслибы не свѣтилъ свѣтъ! Съ свѣтомъ все мило на землѣ:

„Obrotem świátłem niebo wszytko działa,
Co się ná źiemi rodzi—niebu z tego chwałá“.

„Отецъ свѣта! ты пустилъ два свѣта: изъ своего солнца и изъ своего существа. Сынъ—свѣтило, Духъ свѣтило, ибо сходитъ огнемъ; Отецъ свѣта родитъ два свѣта! Кто не видитъ этихъ трехъ свѣтилъ въ единомъ цѣломъ—тотъ не знаетъ, что такое свѣтъ. Солнце свѣта! свѣти на твои творенія; пусть ясно познаётся, что Ты—три въ одномъ“.

XVI Стихотвореніе, какъ видно изъ заглавія:

„Niewierzy temu Ariy
Lubo Bog świadczy stáry“.

направлено было противъ Аріанъ. Здѣсь Барановичъ отстаиваетъ двойственность природы Христа и Его равенство съ другими лицами св. Троицы.

„Prawdá swiadczy o prawdzie, że wszelki człek łżywy
Nie wszelki temu wierzy, lubo Bog prawdziwy.
Galileus Florenczyk iuż wieku nászego
Perspektywą upátrzył w słońcu coś ćiemnego,

*) „Всѣ рѣки текутъ въ море, но море не переполняется: къ тому мѣсту, откуда рѣки текутъ, онѣ возвращаются, чтобы опять течь“ Еккл. I, 7 по р. пер. Библ. Синод. изд.

Христосъ же—всегда былъ лучше, выше всѣхъ: поэтому, кстати Барановичъ припоминаетъ эпизодъ изъ жизни Христа, разсказанный св. Евангелистомъ

„Nad syny ludzkie Chrystus był slicznieyszy,
Nad wszytkie Mistrze pewnie był mędrzeyrzy.
Jako ten umie a nie bywał w szkole,
O gornym Pánie ták pletli ná dole“.

И изъ этого стихотворенія, какъ и изъ предыдущихъ нѣкоторыхъ—выводъ одинъ, указывающій на то, какъ въ сущности мало значенія придавалъ Л. Барановичъ тонкостямъ богословской науки и хитрой діалектики, въ которой онъ самъ былъ также достаточно силенъ:

„Wierzać trzeba, o Bogu nie szperać głęboko:
Język tu nie wymowi, á nie doyzry oko.
Sama wiara z pokorą co wydoláć może
Nie razpráwiáć lecz kłániać tobie treba Boże!“

Послѣднее XVII-е стихотвореніе, подъ названіемъ:

„Mocno dufay w Pánie,
Ma o ćie stáránie“—

вполнѣ соотвѣтствуетъ общему настроенію, которымъ проникнутъ весь этотъ сборникъ.

Здѣсь высказывается мысль, что если Богъ не отвернется не прогонитъ отъ Себя человѣка, послѣдній всегда можетъ спастись.

Тройнымъ узломъ связанъ Богъ съ человѣкомъ и никто разорвать его не сможетъ. Заключается это небольшое стихотвореніе строками:

„Ludzkie masz ćiało, żeś iest ludzki Synie,
Precz nie odgániasz, y ktoż z ludzi zginie?
Jeślim oziębły między ludzmi dusze
Na ćiepły ięzyk twoy poruszyć muszę“.

За симъ слѣдуетъ сентенціи и выписки изъ псалмовъ, символа апостольскаго, посланія къ Галатамъ, расположенныя такъ.

что отчасти поясняютъ другъ друга, чередуясь: одна на латинскомъ—слѣдующая па польскомъ языкѣ. Эти прозаическія выписки занимаютъ 31 строку 13-й и 11 строкъ послѣдней нумерованной 14-й страницы.

Таково содержаніе найденнаго нами новаго труда Лазаря Барановича.

Небезынтереснымъ представляется намъ вопросъ, въ какомъ отношеніи находится „Filar Wiary" къ другимъ сочиненіямъ, изданнымъ Л. Барановичемъ, и вообще къ обстоятельствамъ его жизни. Въ 1674—1675 годахъ подготовлялась „Nowa miara", вызванная сочиненіемъ іезуита Боймы „Stara wiara", вышедшимъ въ 1668 году, полнымъ нападокъ на православіе и главнымъ образомъ полемикой по вопросу объ исхожденіи Св. Духа. Лазарь Барановичъ, насколько извѣстно изъ его переписки, всячески побуждаетъ и И. Гизеля, и І. Галятовскаго отразить нападеніе Боймы. Самъ же—принимается за составленіе „Nowej Miary", которая и выходитъ въ свѣтъ въ 1676 году. Содержаніе этой послѣдней распадается на двѣ части: въ первой доказывается, что власть папъ не есть власть прямыхъ намѣстниковъ Христа, коимъ обязаны подчиняться всѣ христіане; вторая трактуетъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца. Изложеніе пересыпано стихотвореніями и отступленіями отъ главной темы.

Весьма возможнымъ кажется намъ, что „Filar Wiary"— есть не что иное, какъ—такъ сказать, пробный шаръ: эта брошюра должна была подготовить читателей Nowej Miary. Въ этомъ убѣждаетъ насъ изслѣдованіе содержанія интересующихъ насъ памятниковъ.

Во второй части „Nowej miary" стр. 313 и дальше читаемъ стихотворенія:

1) „Pochodzenie Ducha"...=F. W. № I.

2) „O Duchu Bożym ktory czarty żenie"... (=F. W. № II).

3) „Troyca iest Panna, Ociec rodźi Syna"... (=F. W. № III) и т д. до стр. 423, на которой читаемъ стихотвореніе XV— „w Bostwie wnętrzne tchnienie—żywota nasienie", котораго въ

Filar'ѣ не находимъ. Далѣе слѣдуютъ еще 3 стихотворенія, совпадающія вполнѣ съ №№ XV, XVI и XVII Filara Wiary. Мѣсто стихотвореній на сторонахъ листа не совпадаетъ, однако, съ тѣмъ, на какомъ находятся онѣ въ Fil. W. Кромѣ того, ниже на стр. 343, читаемъ: „Sam Duchu swięty Ruś pogodź z Lechami...“—стихотвореніе, часть коего издана г. Сумцовымъ *); въ заключеніи и вступленіи—тоже рядъ стихотвореній.

Если же примемъ во вниманіе заглавіе, читаемое въ книгѣ „Nowa Miara“ послѣ вступленія и предисловія къ Боймѣ и читателю: „Fundament starey Wiary“, то связь нами найденнаго памятника съ „Now Miar.“ оказывается внѣ сомнѣній и высказанное нами предположенія о роли и назначеніи „Filara Wiary“—оправдывается.

Нельзя не отмѣтить, что „Filar Wiary“ составленъ весьма непослѣдовательно. Содержаніе стихотвореній, какъ видно изъ даннаго нами обзора, правда, однообразно, но они, трактуя о нѣсколькимъ вопросахъ, размѣщены совершенно безъ системы и порядка. Это почти общая черта южнорусскихъ авторовъ, преимущественно же—Л. Барановича: можно съ перваго взгляда подумать, что авторъ руководился при размѣщеніи стихотвореній скорѣе какими либо техническими, типографскими соображеніями, чѣмъ мыслью дать читателю удобный для усвоенія, систематизированный матеріалъ.

Во всякомъ случаѣ «Filar Wiary» показываетъ намъ, что Л. Барановичъ, готовясь выпустить большое сочиненіе противъ Боймы, не удержался, чтобы за годъ—а то и меньше—передъ тѣмъ, выпустить брошюру, которая по своему объему была удобнѣе для распространенія, а форма виршъ давала болѣе модный и популярный видъ излагавшимся въ нихъ богословскимъ вопросамъ.

Что брошюра пошла въ ходъ и была „зачитана“—не остается сомнѣнія: единственный, извѣстный пока экземпляръ,

*) Сумцовъ. Лазарь Барановичъ. стр. 137.

ускользнувшаго отъ вниманія историковъ и библіографовъ сочиненія, находится у автора этихъ строкъ.

Было бы полезно предпринять поиски по нашимъ монастырскимъ книгохранилищамъ: быть можетъ нашлись бы и другія какія нибудь сочиненія нашего плодовитаго автора, изданныя имъ въ теченіе его многолѣтней, почти вѣковой жизни.

Вл. Перетцъ.

Суды въ старой Малороссіи.

*(Замѣчанія на монографію Д. П. Миллера—Суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе въ XVIII вѣкѣ *).*

Исторія судоустройства и судопроизводства въ старой Малороссіи до сихъ поръ не подвергалась особому изученію, не смотря на весь интересъ этого вопроса, такъ какъ положеніе суда въ странѣ служитъ хорошимъ показателемъ степени ея культуры. По этой одной причинѣ монографія г. Миллера, имѣющая предметомъ суды старой Малороссіи (впрочемъ только позднѣйшаго устройства) должна представлять немалый интересъ. Центръ очерковъ г. Миллера заключается въ исторіи судебной реформы 1763 года, когда въ лѣвобережной Малороссіи были учреждены статутовые (земскіе, гродскіе и подкоморскіе) суды и, затѣмъ, въ разсказѣ о томъ, какъ эта реформа приводилась въ исполненіе. Но такъ какъ реформа 1763 года можетъ быть правильно освѣщена только въ связи съ состояніемъ судовъ въ Малороссіи въ предшествовавшее время, то г. Миллеръ нашелъ необходимымъ предпослать своему изслѣдованію очеркъ состоянія малорусскихъ судовъ въ періодъ

---

*) Настоящая статья перепечатывается изъ *Отчета Комитета по присужденію премій въ память 25-тилѣтія царствованія императора Александра II* (см. Кіевск. Ст. 1898 г., мартъ,)—въ виду малоизвѣстности этого *Отчета*, при чемъ „*Замѣчанія*“ авторомъ здѣсь нѣсколько дополнены.

гетманщины, причемъ отчасти коснулся и „устройства судебной части въ лѣвобережной Малороссіи до 1648 года». По этому поводу авторъ говоритъ, что „до 1648 года судоустройство въ *лѣвобережной* Малороссіи слагалось по типу другихъ частей Рѣчи посполитой", и затѣмъ поясняетъ, что тогдашніе суды состояли изъ судовъ земскаго, гродскаго и подкоморскаго и что апелляціонною инстанціею для жалобъ па рѣшенія этихъ судовъ былъ трибуналъ люблинскій. Засимъ говорится о мѣщанскихъ судахъ въ городахъ, о козацкомъ судѣ, о судѣ духовенства и наконецъ о судебной защитѣ „низшихъ классовъ общества". Но польскіе порядки по части судопроизводства были уничтожены, говоритъ г. Миллеръ, и „шляхетскіе суды закрылись"... Приведенныя свѣдѣнія объ „устройствѣ судебной части" до 1648 года признать вѣрными нельзя. Разсказывать, какъ „слагалось устройство судебной части на лѣвомъ берегу Днѣпра до 1648 года", очень трудно, вслѣдствіе крайняго недостатка по этому вопросу свѣдѣній. Несомнѣнно однакоже, что никакихъ шляхетскихъ судовъ въ южной (степной) Малороссіи до 1648 года не было. Да некому и не для кого ихъ тамъ было и устраивать, такъ какъ вся шляхта, жившая въ южной части лѣвобережной Малороссіи состояла изъ служилаго люда у тогдашнихъ тамошнихъ владѣльцевъ-магнатовъ Вишневецкихъ, Острожскихъ, Конецпольскихъ, Жолкѣвскихъ и проч. А если случалось судиться самимъ магнатамъ, то они, повидимому, обращались непосредственно въ люблинскій трибуналъ [1]). Статутовые суды для южной полосы лѣвобережной Малороссіи должны были находиться въ Кіевѣ, потому что она входила въ составъ кіевскаго повѣта [2]). Не было, повидимому, статутовыхъ судовъ и въ сѣверной лѣвобережной Малороссіи, т. е. въ Черниговщинѣ и Стародубщинѣ. Черниговское воеводство учреждено было только въ 1635 году, послѣ „рекупераціи" сѣверской провинціи, согласно деулинскому перемирію, причемъ

[1]) См. Кіевск. Стар. 1896 г., январь, 122.

[2]) См. Źródła Dziejowe, XXII, 30 и слѣд.

воеводство это раздѣлено было на два повѣта—черниговскій и новгородъ-сѣверскій [1]). Значитъ, статутовые суды должны были находиться въ этихъ двухъ городахъ, но никакихъ слѣдовъ ихъ здѣсь не встрѣчается. Весьма вѣроятно, что до 1648 года суды эти еще не были и открыты. Относительно Стародубщины слѣдуетъ сказать тоже самое: послѣ деулинскаго перемирія здѣсь образованъ былъ стародубскій повѣтъ, входившій въ составъ воеводства смоленскаго [2]), но и въ этомъ повѣтѣ статутовые суды едва ли были открыты до 1648 года, потому что и здѣсь никакихъ слѣдовъ ихъ не встрѣчается. Поэтому должно заключить, что лѣвобережная Малороссія, въ силу сложившихся историческихъ обстоятельствъ, статутовыхъ судовъ вовсе не знала. Едва ли былъ въ ней „самостоятельный козацкій судъ", о которомъ говоритъ г. Миллеръ на основаніи напечатаннаго В. Б. Антоновичемъ „приказа" гетмана Дмитрія Барабаша [3]). Дѣйствительно, въ актѣ этомъ, отъ имени гетмана говорится, что одинъ изъ обывателей переяславскихъ жаловался *„до рады нашое зуполное"* на сосѣдей своихъ, за земельный захватъ, но что это была за „рада„—никакихъ указаній у насъ не имѣется и потому трудно дѣлать на основаніи этого одного акта какія-либо обобщенія, особенно для всей лѣвобережной Малороссіи. О сословномъ судѣ для духовенства—никакихъ свѣдѣній тоже не имѣется, и, повидимому, не для кого и некому было учреждать его въ это время на лѣвомъ берегу. Существовалъ здѣсь только одинъ ратушный судъ въ мѣстечкахъ („городкахъ"), при чемъ главенствовали въ этихъ судахъ—„намѣстники" владѣльцевъ-магнатовъ, при участіи войта и бурмистровъ. Утверждая въ 1636 году за чигриндубровскими мѣщанами разныя права и льготы, Іеремія Вишневецкій говоритъ: что же касается „майдебургскаго права и какой доходъ долженъ получать при этомъ тамошній мой намѣстникъ, то *всякій судъ на-*

---

[1]) Starożytna Polska, т. 2, ч. 2, 1390.

[2]) Тамъ же, Ш, 590.

[3]) Кіевск. Стар., 1883 г., май, 140—145.

мѣстнику моему оставляю, войта и буймистра, яко и въ иныхъ городахъ моихъ, отъ суда не отдаляя, которымъ грошъ третій долженъ ити“ [1])... Изъ сохранившихся рѣшеній ратушныхъ судовъ первой половины XVII вѣка видно, что „намѣстники“ или старосты въ ратушныхъ судахъ предсѣдательствовали рѣдко, а большею частью судъ творился подъ главенствомъ войта, при участіи бурмистровъ и «райцевъ» [2]). Такимъ образомъ статутовыхъ судовъ въ лѣвобережной Малороссіи до Хмельницкаго—не существовало. Не было ихъ здѣсь и во второй половинѣ того же вѣка, какъ справедливо отвергаетъ г. Миллеръ противное тому показаніе Шафонскаго и Гр. Полетики. Послѣдній категорически говоритъ: „земскіе и гражданскіе суды при гетманѣ Богданѣ Хмѣльницкомъ, Иванѣ Выговскомъ и Юріѣ Хмельницкомъ были и должность свою самымъ дѣломъ отправляли, что я могу утвердить ясными доказательствами»... Какъ ни утвердительно это показаніе, тѣмъ не менѣе оно не вѣрно,—причемъ показаніе Полетики основано, должно быть, на томъ пунктѣ „статей“ 1654 года, гдѣ говорится, что „суды земскіе и гродскіе черезъ тѣхъ урядниковъ, которыхъ они сами (шляхта) себѣ добровольно оберутъ, исправлены быть имѣютъ, какъ и прежде сего“. Но этотъ пунктъ „статей“ остался мертвою буквой, и статутовыхъ судовъ въ лѣвобережной Малороссіи не было до Разумовскаго.

Какой же судъ былъ здѣсь до этого времени?—Первымъ пунктомъ „статей“ 1654 года было постановлено о сохраненіи „вольностей войсковыхъ“, что „своими правами суживалися“, чтобъ „ни воевода, ни бояринъ въ *суды войсковые* не вступался но отъ старѣйшихъ своихъ чтобы товарищество сужены были: *гдѣ три человѣка козаковъ, тогда два третьяго должны судити*“. Но и такого суда въ Малороссіи не было... Повидимому, дипломатія „Войска Запорожскаго“ включила въ „статьи“ это свѣдѣніе, чтобы обезпечить себѣ въ будущемъ полную свободу суда,

[1]) Чтенія въ Общ. Нестора Лѣт., XI, отд. 2-е; стр. 144,

[2]) См. Мѣст. Борисполе, А. В. Стороженка. Акты подъ №№ 3, 6, 10, 22, 50 и друг. Кіевск. Стар. 1892 года.

причемъ указанная форма послѣдняго, можетъ быть, и практиковалась на Запорожьѣ, но не въ „городахъ". Но въ 1654 г. извѣстныя формы суда въ «Войскѣ Запорожскомъ» уже существовали, потому что въ 10 пунктѣ переяславскихъ „статей" постановлено—давать жалованье „на судей войсковыхъ по 300 злотыхъ" [1]) Нѣтъ точныхъ свѣдѣній, какіе именно суды существовали въ это время, но слѣдуетъ думать, что генеральный и полковые суды тогда уже были. Наиболѣе ранній изъ извѣстныхъ намъ судебныхъ актовъ (1656 г.) называетъ полковаго судью нѣжинскаго полка и „писаря судейскаго" [2]). Такимъ образомъ, въ началѣ второй половины XVII вѣка козацкій судъ на лѣвомъ берегу Днѣпра уже существовалъ въ болѣе или менѣе опредѣленной формѣ. Продолжалъ существовать въ это время и судъ ратушный, причемъ въ послѣдній стала вмѣшиваться, по изгнаніи разныхъ „намѣстниковъ" и «старостъ», и козацкая старшина. Г. Миллеромъ указанъ (стр. 7) актъ бориспольскаго ратушнаго суда 1649 года, изъ котораго видно, что въ послѣднемъ участвуетъ уже и мѣстный сотникъ, на ряду съ ратушными урядниками.

Приступая затѣмъ къ очерку „козацкихъ судовъ", г. Миллеръ предпосылаетъ такое замѣчаніе: „говорить подробно объ этомъ вопросѣ не входитъ въ предѣлы нашей задачи, къ тому же и самый вопросъ—вопросъ темный и трудный", почему—продолжаетъ авторъ—„мы и ограничимся не многимъ". Несомнѣнно, что при томъ скудномъ матеріалѣ, какой до сихъ поръ обнародованъ по предмету „козацкаго" судопроизводства въ старой Малороссіи, вопросъ о послѣднемъ не ясенъ, но для правильной оцѣнки судебной реформы 1763 г. необходимо ближайшее изученіе судебныхъ порядковъ, предшествовавшихъ этой реформѣ, такъ какъ безъ этого не можетъ быть правильно объяснена и потребность въ замѣнѣ прежнихъ судовъ новыми. Ближайшее знакомство съ „козацкимъ" судомъ указываетъ въ

[1]) Собраніе госуд. грамотъ и договор., III, 507 и Ист. Мал. Россіи, Бант.-Каменскаго, изд. 1822 г., I, 117—129.

[2]) См. Отчетъ Комитета, прилож. I.

его исторіи два періода: первый, до учрежденія „малороссійской коллегіи", въ 1722 году, и второй—до 1764 года. О каждомъ изъ этихъ періодовъ скажемъ отдѣльно въ дополненіе къ тому, что находимъ въ монографіи г. Миллера. Здѣсь указываются слѣдующіе суды или „инстанціи": судъ сельскій, особый у козаковъ и особый у посполитства, судъ сотенный, совмѣстный для обоихъ сословій, затѣмъ судъ полковой и наконецъ—генеральный. Конечно сельскій судъ существовалъ, но опредѣлить его юрисдикцію невозможно потому, что предѣлы таковой зависѣли отъ множества условій, между которыми важнѣйшимъ должно было быть мѣстонахожденіе того села, гдѣ судъ творился. Тамъ, гдѣ козачій элементъ въ населеніи преобладалъ, тамъ и сельскій судъ могъ имѣть примѣненіе, а въ селахъ, гдѣ было больше крестьянъ, да еще къ тому, если тутъ же жилъ и державца или важный урядникъ, тутъ суду сельскому, суду „громады",—мало было мѣста. Отправленіе правосудія доставляло доходъ, этимъ доходомъ дорожили всѣ, кому доставалось судить, а сотникъ и державца, пользуясь своею властью, безъ труда могли за взятку обѣлять виновныхъ и тѣмъ привлекать ихъ къ своему суду. Судъ громады тоже не отличался безкорыстіемъ. Есть достовѣрное свидѣтельство начала XVIII вѣка, что тутъ „могорычъ", какъ и въ позднѣйшее время, имѣлъ большое значеніе. Въ сельскомъ судѣ первенствовали, разумѣется, атаманъ и войтъ, смотря по тому кто судился. Сельскому суду подвѣдомы были, слѣдуетъ думать,—только мелкія кражи, *спаши* въ поляхъ и драки. Но кромѣ суда, на обязанности этихъ урядниковъ лежало еще первоначальное слѣдствіе по жалобѣ потерпѣвшаго, обязанность сохранить слѣды преступленія и задержать обвиняемаго. Никакой опредѣленной формы сельскій судъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть при безграмотности судей. „Сельскимъ судамъ принадлежало, говоритъ г. Миллеръ, право актованія всякихъ договоровъ и сдѣлокъ, записываніе въ свои книги протестовъ, совершеніе купчихъ" и проч. Дѣйствительно, при совершеніи разнаго рода юридическихъ актовъ, сельскій урядъ съ „могорычниками" присутство-

валъ для свидѣтельства правильности такого совершенія, но актикаціи при этомъ не совершалось, потому что негдѣ (книгъ не было) было производить записку актовъ. Говоримъ такъ потому, что намъ никогда не случалось встрѣчать актовъ, совершенныхъ при участіи сельскаго уряда, съ указаніемъ на ихъ „актикацію".

Послѣ суда сельскаго, „слѣдующей инстанціей былъ сотенный суъ", говоритъ г. Миллеръ. Трудно говорить объ инстанціяхъ тамъ, гдѣ потерпѣвшій приносилъ жалобу обыкновенно *ближайшей* власти, такъ что, напр., въ полковомъ городѣ потерпѣвшіе жаловались не какому нибудь сотенному суду, а—непосредственно полковому. Сотенный судъ обыкновенно дѣйствовалъ совмѣстно съ ратушнымъ, какъ это говоритъ и г. Миллеръ, но общаго правила тутъ не было. Замѣтно только, что въ старинныхъ мѣстечкахъ ратушный судъ нерѣдко судитъ и безъ участія сотника [1]), но въ мѣстечкахъ новыхъ и незначительныхъ—власть войта не имѣла никакого авторитета и здѣсь безъ участія сотника правосудіе не отправлялось.—Опредѣлить компетенцію сотенныхъ судовъ почти невозможно: по уголовнымъ дѣлалъ, напр., сотенный судъ выслушивалъ жалобу потерпѣвшаго, производилъ слѣдствіе, но самъ рѣшалъ дѣло рѣдко, такъ какъ сотники окончательное рѣшеніи обыкновенно предоставляли усмотрѣнію полковниковъ. Такіе случаи особенно часты въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ полковникъ могъ извлечь изъ суда хорошую прибыль, напр. при обвиненіяхъ въ прелюбодѣяніи. Этого рода дѣла для судей были особенно выгодны, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. „Челядница" келебердянскаго жителя, какого-то Дмитра (повидимому не козака, иначе сословіе его было бы названо), пожаловалась сотенному урянику на изнасилованіе ея хозяиномъ. Сотенный урядъ (сотникъ и атаманъ) сначала арестовалъ какъ потерпѣвшую, такъ и обвиняемаго, потомъ подробно описалъ „худобу" послѣдняго и затѣмъ донесъ о жалобѣ „челядницы" полковнику, съ приложеніемъ списка

1) См. рѣшенія бориспольскаго мѣйскаго уряда.

имущества, при чемъ просилъ „милостиваго пана и добродѣя о науку“—какъ поступить съ „чужеложникомъ“?—Полковникъ отвѣчалъ распоряженіемъ, по которому—„за проступство помененнаго Дмитра взято до двора полковничаго: пять воловъ, лошака (молодую лошадь) и ружье съ рогомъ для пороху“, а сотникъ келебердянскій, со всѣмъ тамошнимъ урядомъ, по позволенію полковника, взялъ: два быка, 22 овцы и „жупанъ синій“, а остатокъ худобы его, проступца (преступника), зоставленъ его дѣтямъ“ [1]). Въ другомъ случаѣ, сотенный урядъ, совмѣстно съ войтомъ и многими „людьми учтивыми“ (почтенными), выслушавъ жалобу соблазненной сокольскмъ жителемъ, (мѣщаниномъ?) Гончаренкомъ вдовы, постановилъ: жалобу потерпѣвшей записать, пока по жалобѣ состоится надлежащее изслѣдованіе (надлежащій доводъ). Затѣмъ въ записи значится: „за тое чужеложство самъ Процикъ Гончаренко (отецъ обвиняемаго), вызволяючи сына своего Семена, привелъ коня и отдалъ до двора полковничого“. Послѣдній актъ мы беремъ изъ книги рѣшеній полковаго суда, изъ чего можно думать, что полковникъ, получивъ отъ сотеннаго уряда донесеніе о преступленіи Гончаренка, ограничился тѣмъ, что взялъ у отца обвиняемаго лошадь и тѣмъ кончилъ судъ, причемъ, для освобожденія обвиняемаго отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, распорядился записать актъ въ книгу рѣшеній полковаго суда [2]). Отсутствіе самостоятельности у сотеннаго суда видно и изъ слѣдующаго случая: нѣсколько жителей м. Бѣликовъ, поймавъ вора Педорченка, укравшаго ихъ лошадей, пчелы и проч., представили его сотенному уряду для ареста и *въ тоже время обратились въ полтавскій магистратъ съ просьбою выслать въ Бѣлики для разбора ихъ дѣла „якую особу“*, а вмѣстѣ съ нимъ—и палача („мистра“), который былъ нуженъ для пытокъ. По этой просьбѣ изъ Полтавы былъ высланъ въ Бѣлики одинъ изъ полтавскихъ бурмистровъ, который и судилъ Педорченка вмѣстѣ съ бѣлиц-

[1]) См. *Отчетъ Комитета*, прилож. II.

[2]) Тамъ же, прилож. III.

кимъ урядомъ и „инщими значными старинными бѣлицкими людьми". Обвиняемый былъ сначала пытанъ и послѣ признанія былъ приговоренъ сотеннымъ урядомъ, на основаніи розд. 14 литовскаго статута, къ повѣшенію. Бурмистръ, повидимому, согласился на повѣшеніе Педорченка, но вслѣдъ за симъ въ судъ явилась мать осужденнаго и заявила, что если сынъ будетъ помилованъ, то она пополнитъ всѣ убытки потерпѣвшихъ. Вопроса о помилованіи сотенный урядъ, повидимому, не могъ разрѣшить даже съ помощью полтавскаго бурмистра, такъ какъ все дѣло было представлено на усмотрѣніе полковника. Послѣдній нашелъ возможнымъ „подарить преступника жизнью" и освободилъ его „на покаяніе", но за это взялъ у матери водяныя мельницы и лѣсъ. Изъ этихъ примѣровъ видно, что сотенный урядъ не могъ самостоятельно рѣшать дѣлъ по преступленіямъ, которыя влекли за собою смертную казнь, но могъ рѣшать такія дѣла при участіи члена высшаго суда, хотя бы и магистратскаго. Но затѣмъ право помилованія могло исходить только отъ высшей власти въ полку [1]). Изъ другихъ рѣшеній сотеннаго суда мы видимъ, что послѣдній теряетъ всякую самостоятельность, какъ только кто-нибудь изъ высшей старшины имѣетъ тотъ или другой поводъ вмѣшаться въ составъ этого суда. Характерные примѣры въ этомъ отоошеніи мы видимъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ борзенскаго сотеннаго уряда. Почти съ начала второй половины XVII вѣка берзенскими сотниками были стародавніе тамошіе обыватели—Забѣлы. Глава этой семьи, бывшій борзенскій сотникъ, впослѣдствіи сталъ генеральнымъ судьею и, казалось бы, въ это время не могъ уже входить въ составъ сотеннаго уряда; тѣмъ не менѣе по незначителъному гражданскому дѣлу (о восьми овцахъ) въ составъ сотеннаго уряда входитъ и генеральный судья [2]). Это не былъ исключительный случай, такъ какъ 12 лѣтъ спустя послѣ этого, въ составъ того же сотеннаго уряда входитъ сынъ

---

[1]) Тамъ же, прилож. IV.

[2]) Тамъ же, прилож. V.

Петра Забѣлы, Степанъ Забѣла, будучи въ это время генеральнымъ хоружимъ [1]). Засимъ приводимъ изъ практики сотеннаго суда еще одинъ случай, когда судъ за „наукой" обращается не къ полковнику, а въ генеральный судъ, какъ кажется, единственно потому, что въ данномъ случаѣ послѣдній находится очень близко отъ Борзны. Сотенный урядъ, выслушавъ дѣло по обвиненію Пелагеи Плющенковой въ убійствѣ ея „наймычки", постановилъ: представить обстоятельства дѣла генеральному суду, добавивъ, что между отцомъ убитой и убійцею состоялось примиреніе. Не смотря однакожъ на примиреніе, генеральный судъ приговорилъ убійцу къ тюремному заключенію на годъ и шесть недѣль *или*—къ уплатѣ *суду генеральному* такой суммы, „какая заплачена отцу убитой". Преступница принадлежала какъ видно, къ зажиточной семьѣ, потому что послѣдняя успѣла удовлетворить и генеральный судъ, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ послѣдній приказалъ борзенскому уряду оставить Плющенкову въ покоѣ [2])...

Сотенные суды не дѣлали, повидимому, различія между сословіями, разбирая одинаково дѣла какъ козаковъ, такъ и посполитыхъ. Даже и по гражданскмъ дѣламъ, гдѣ обѣ стороны принадлежать исключительно къ числу „ратушныхъ подданныхъ", въ составѣ суда участвуетъ сотникъ, хотя дѣло происходитъ въ полковомъ городѣ Переяславѣ, войтъ котораго по своему значенію былъ выше тамошняго сотника [3]).

---

[1]) Тамъ же, прилож. VI. Въ текстѣ, напечатанномъ въ Отчетѣ, Степанъ Забѣла названъ генеральн. судьею, но это ошибка, происшедшая вслѣдствіе неправильнаго прочтенія въ рукописи слова хоружій, написаннаго сокращенно. Степанъ Забѣла генер. судьею никогда не былъ.

[2]) Тамъ же, прилож. XII. Въ этомъ приложеніи—даты видимо ошибочны: постановленіе сотеннаго уряда состоялось раньше 29 мая, если послѣднее письмо Вуяхевича написано 28 мая. Въ этомъ рѣшеніи интересно участіе въ составѣ сотеннаго уряда—„высланнаго зъ Батурина" Сухини, что могло означать, что высланъ былъ особый урядникъ отъ гетмана для наблюденія за дѣйствіями сотеннаго уряда по дѣлу, которое обращало на себя вниманіе хорошими достатками обвиняемой...

[3]) Тамъ ше, прилож. XIII.

На основаніи приведенныхъ примѣровъ можно пока сказать, что сотенный судъ не имѣлъ самостоятельности, по крайней мѣрѣ, по дѣламъ уголовнымъ и находился въ полной зависимости отъ высшей старшины вообще и отъ своего полковника въ особенности. „Широкая компетенція“ сотеннаго суда, о которой говоритъ г. Миллеръ (стр. 10), была условная: судъ могъ разбирать указываемыя дѣла, но постановленіе окончательныхъ рѣшеній по многимъ дѣламъ зависѣло не отъ него. Участіе громады („старинные, зацные люди“) въ рѣшеніяхъ сотеннаго уряда встрѣчается, но не составляетъ непремѣннаго условія.— Переходя къ полковому суду, слѣдуетъ сказать, что, какъ видно изъ цѣлаго ряда рѣшеній полтавскаго полкового суда за вторую половину XVII вѣка, этотъ судъ дѣйствовалъ всегда совмѣстно съ членами ратуши, что онъ большею частью дѣйствовалъ въ качествѣ первой инстанціи, очень часто руководствуясь матеріалами, собранными и представленными ему сотеннымъ урядомъ, и что на тотъ или другой исходъ дѣла полковникъ имѣлъ рѣшающее вліяніе. Какъ видно, полковники ревниво оберегали свое вліяніе на судъ, имѣя въ виду тѣ значительные доходы, которые они при этомъ получали, и главнымъ образомъ по дѣламъ уголовнымъ. При примѣненіи, напр., принадлежащаго полковнику права помилованія, случалось, что помиловавъ преступника, да еще и убійцу, полковникъ бралъ его затѣмъ къ себѣ въ „доживотную службу“ [3]). Но бывало и такъ, что полковой судъ отправлялъ безъ участія членовъ магистрата или ратуши, а судилъ въ составѣ всего „полковаго уряда“ съ участіемъ „значного полкового товарищества“. Такъ, напр., мы имѣемъ рѣшеніе „переяславскаго полковаго уряда“ по гражданскому дѣлу, въ которомъ вдова отыскивала за малолѣтнихъ своихъ дѣтей отцовское ихъ наслѣдство отъ сестеръ мужа („зовицъ“), которыя завладѣли спорнымъ имѣніемъ на томъ основаніи, что послѣднее принадлежало ихъ отцу. Судъ допросивъ свидѣтеля,

---

[3]) Тамъ же, прилож. IX, гдѣ напечатано шесть рѣшеній полтавскаго полкового суда (1683—1700 гг.), дающихъ довольно полное понятіе о положеніи тогдашняго правосудія по дѣламъ уголовнымъ.

спорное имѣніе присудилъ истицѣ не на основаніи литовскаго статута, по которому выданныя замужъ при жизни отца дочери не имѣютъ болѣе права на отцовское наслѣдство (въ данномъ дѣлѣ „зовици“ вышли замужъ еще при жизни отца), а потому, что по показанію свидѣтеля спорнымъ наслѣдствомъ уже владѣлъ отецъ малолѣтнихъ, при чемъ дочерямъ дано было отцомъ особое имѣніе. Но тутъ же судъ, уважая *бѣдность* одной изъ „зовиць“, присуждаетъ ей часть спорнаго наслѣдства въ *пожизненное владѣніе*, причемъ, впрочемъ, указывается согласіе на такую уступку и самихъ „дѣдичей“, т. е. собственниковъ. Это рѣшеніе указываетъ, что полковой судъ не былъ какимъ нибудь особымъ судебнымъ учрежденіемъ, а сливался съ обыкновеннымъ полковымъ урядомъ и что для гражданскаго полковаго суда нормы литовского суда были не обязательны. Но отсюда же видно, что полковой урядъ при отправленіи правосудія, „декреты“ свои скрѣплялъ не обыкновенною полковою, а особою *судейскою печатью* [1]). Въ составѣ полкового суда „зацныя персоны“ участвуютъ вмѣстѣ съ „урядовыми“ почти непремѣнно, причемъ подъ „зацными персонами“ слѣдуетъ разумѣть нестолько судей, сколько свидѣтелей суда [2]).

Генеральный судъ въ XVII вѣкѣ рѣдко когда дѣйствовалъ въ качествѣ апелляціонной инстанціи; большею частью онъ рѣшалъ тѣ дѣла, которыя въ немъ и начинались. Очень часто генеральный судъ производилъ дѣла по жалобамъ, которыя подавались непосредственно гетману и затѣмъ передавались сюда для разбора. Генеральный судъ былъ единоличный; судилъ одинъ генеральный судья при участіи „судового писаря“, при чемъ бывали случаи, что въ составъ суда входилъ еще и *бывшій* судовой писарь; по крайней мѣрѣ, такимъ образомъ пополнялся составъ генер. суда при Самойловичѣ, когда вмѣстѣ съ Вуяхевичемъ судилъ и извѣстный тогдашній дѣлецъ Захарій Шійкевичъ, бывшій судовой писарь [3]). При поставленіи въ гетманы Мазе-

---

[1]) См. прилож. I.

[2]) Тамъ же, прилож. X, указывающее, между прочимъ, и порядокъ процесса по земельнымъ дѣламъ.

[3]) См. прилож. II. О Шійкевичѣ см. Опис. Ст. Малор., II, 304.

пы, какъ извѣстно, былъ назначенъ второй генер. судья (Прокоповичъ), почему съ этого времени встрѣчаются рѣшенія генер. суда, постановленныя *двумя* судьями [1]). Въ чрезвычайныхъ случаяхъ составъ суда назначался по усмотрѣнію гетмана изъ разнаго чина старшинъ. „Повидимому, чѣмъ важнѣе было дѣло, тѣмъ больше лицъ привлекалось къ разбору его“, говоритъ г. Миллеръ, причемъ указываетъ на рѣшеніе суда по обвиненію полковника Дмитрашка въ измѣнѣ. Но это дѣло судилъ не генеральный судъ, а совсѣмъ особый судъ, какъ видно по важности дѣла нарочно для этого назначенный гетманомъ, причемъ въ составѣ его генеральнаго судьи вовсе не было. Иногда гетманъ назначалъ особаго состава судъ и по дѣламъ обыденнаго характера; это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда судились особо важныя лица. Такъ, въ 1689 году Мазепа поручилъ „войсковому товарищу“ Захару Шійкевичу разобрать земельный споръ между Максаковскимъ монастыремъ, игуменомъ котораго былъ въ это время извѣстный Феодосій Гугуревичъ, и жителями м. Мены; при этомъ Шійкевичу были приданы въ помощь три человѣка изъ полковой старшины [2]). Бывали случаи, что гетманъ лично постановлялъ судебное рѣшеніе по тому или другому дѣлу, изслѣдовавъ его обстоятельства чрезъ особо назначенную старшину. Такимъ порядкомъ былъ разрѣшенъ споръ между „п. Григоріемъ Павловичемъ“ и сыновьями бывшаго полтавскаго полковника Черняка, за водяныя мельницы, на рѣкѣ Ворсклѣ. По жалобѣ „Григорія Павловича“ былъ посланъ на мѣсто спора гадяцкій полковой судья Велецкій, съ четырьмя другими чиновниками, который, осмотрѣвъ спорную „греблю“ и допросивъ свидѣтелей, весь собранный матеріалъ представилъ гетману, а

[1]) См. прилож. Ш. Второй судья былъ назначенъ, (на Коломацкой радѣ), несомнѣнно по желанію одного Мазепы, хотѣвшаго при этомъ, повидимому, лишь, очистить мѣсто генер. писаря для Кочубея. См. Кіевск. Стар. 1898 г., мартъ. Приложенный здѣсь „приказъ“ генер. суда указываетъ также, что судъ по жалобѣ истца высылалъ иногда предварительно своего писаря для повѣрки жалобы, причемъ писарь могъ дѣлать извѣстныя распоряженія.

[2]) Чтенія въ Общ. Нест. Лѣт., IX, отд. 3, стр. 115—126.

гетманъ, разсмотрѣвъ обстоятельства спора, рѣшеніе свое объявилъ въ формѣ универсала [1]). Особое вниманіе Мазепы къ этому дѣлу объясняется тѣмъ, что истцомъ здѣсь былъ Григорій Павловичъ Герцикъ, братъ жены гетманскаго наперстника Орлика, который весною этого года (1700 г.) поставленъ былъ генеральнымъ писаремъ вмѣсто Кочубея.

Вмѣстѣ со свѣдѣніями о судоустройствѣ въ XVII вѣкѣ, слѣдовало г. Миллеру, намъ кажется, сказать и о тѣхъ законахъ, которыми руководствовались „козацкіе" суды, при постановленіи своихъ рѣшеній. Приводимые г. Миллеромъ отрывки изъ судебныхъ рѣшеній бориспольскаго уряда указываютъ, что уже съ начала второй половины XVII вѣка (1660 г.) здѣсь примѣнялись литовскій статутъ и такъ называемое „магдебургское право". Эти два кодекса исключительно и проходятъ по всѣмъ суднбнымъ рѣшеніямъ XVII вѣка. При этомъ суды, какъ сотенные, такъ и полковые, не стѣсняются примѣнять въ дѣлахъ уголовныхъ самыя суровыя наказанія. Такъ бориспольскій урядъ за кражу лошадей приговариваетъ (1660 г.) воровъ къ смертной казни, причемъ впрочемъ не видно, было ли рѣшеніе приведено въ исполненіе. Но полковой судъ примѣнялъ смертную казнь до конца XVII вѣка и даже позже; такъ, въ 1699 году, въ Полтавѣ свекоръ и невѣстка—за прелюбодѣяніе—были „стяты", т. е. казнены [2]), а въ началѣ XVIII вѣка гадяцкій житель Коникъ за кражу въ церкви былъ „по суду спаленъ" [3]). Назначаемая по закону смертная казнь иногда замѣнялась лишеніемъ какого нибудь члена тѣла. Въ 1722 году воръ Романенко показалъ передъ нѣжинскимъ полковымъ судомъ, что онъ будучи пойманъ въ Сумахъ съ поличнымъ, „отданъ былъ до секвестру" и затѣмъ былъ пытанъ „кгнотовымъ боемъ", послѣ чего, по рѣшенію суда, „означенъ врѣзанемъ уха" и „за мѣсто"

---

[1]) *Отчетъ Комитета*, прилож. XI.

[2]) Тамъ же, прилож. IX, д. Въ одномъ рѣшеніи 1692 г. значится, что преступникъ, въ Стародубѣ, былъ „мечемъ зтятый".

[3]) Архивъ генер. канцел., по черниговск. описи № 4170.

(за городъ) „катомъ выгнанъ". Затѣмъ, этого Романенка, пойманнаго вторично на воровствѣ, судилъ нѣжинскій полковой судъ, который, „стосуючися до права посполитого злочинцовъ такихъ карати повелѣваючого", разсудилъ, что „хочай онъ, Романенко, достоинъ былъ смертного караня, еднакъ же для молодыхъ лѣтъ его надѣючися, же может покаятися, (судъ Романенка) животомъ даровалъ и вcase перше кіями до полусмерти *на мосту* бить, а потомъ означивши его Романенка, *урѣзаніемъ носа*, мистромъ зъ мѣста вигнати" [1]. Въ то же время и пытка (*квестія)* въ тогдашнемъ судѣ широко практиковалась. „Мистръ" (палачъ) имѣлся при каждомъ полковомъ судѣ, откуда его вызывали на мѣсто производства слѣдствія, если требовалось пытать обвиняемаго [2].

Складывавшіеся во второй половинѣ XVII вѣка судебные порядки не могли однакожъ выработаться въ какія-либо опредѣленныя формы потому, что этому постоянно мѣшалъ произволъ старшины, достигшій при Скоропадскомъ наибольшаго своего развитія. При такихъ полковникахъ, какими были Андрей Марковичъ, Михайло Милорадовичъ, Василій Танскій, Антонъ Галаганъ—правосудію не могло быть мѣста въ ихъ полкахъ, потому что они всю общественную жизнь своихъ полчанъ под-

[1]) Тамъ же, № 191.

[2]) Около 1730 года палачъ Гадяцкаго полка жаловался на своего полковника Гаврила Милорадовича за взятку: „я, житель города Гадяча, жалобу мою заношу на благородного г. полковника гадяцкого Гаврила Милорадовича, что онъ, полковникъ, когда я, дослуживши года, сталъ упоминатися своей заслужчины и сталъ требовать по полку, для снабнѣйшаго збору, унѣверсала, и онъ, г. полковникъ, порадовавшись моему худопахолству, потоль писма не далъ и писареви писать не велѣлъ, поколь не попустилъ я ему, г. полковнику, рублей десять денегъ"... *Подпись*, „Я, Ярошъ, мистеръ полку гадяцкого, своею рукою крестъ полагаю". Тамъ же, № 754.—Въ 1719 году, какая то баба изъ сел. Обмочева—доносила гетману, что новомлинскій сотникъ „строитъ" противъ него какія-то чары; бабу призвали въ Батуринъ, гдѣ и было поручено „писарю судовъ енералныхъ" Булавкѣ произвести слѣдствіе; для предвидѣвшейся пытки вызванъ былъ „мистръ" изъ Нѣжина, съ помощью котораго „пробовали, привязавши (бабу) до столпа, шиною горячею, гдѣ два торги (базарные дни) такъ пробовали и розыскували". Тамъ же, № 347. Болѣе легкая пытка была „канчуковая" (канчукъ—плеть, нагайка).

чинили своему личному произволу. Другіе полковники этого времени были не многимъ лучше. Наконецъ, генеральный судья Чарнышъ, который занялъ урядъ судьи въ 1715 году и оставался имъ во все остальное время гетманства Скоропадскаго, прославился своимъ взяточничествомъ, причемъ „наклады“, которые онъ бралъ, достигали иногда тысячъ [1]... Президентъ открытой въ 1722 году въ Глуховѣ *коллегіи* Вельяминовъ, въ числѣ первыхъ своихъ распоряженій, прислалъ въ генеральную канцелярію указъ—„о неупотребленіи въ частныя работы козаковъ *и о невзиманіи у нихъ накладовъ, когда они къ суду являются*“. Наказный гетманъ Полуботокъ хорошо зналъ это больное мѣсто въ тогдашнихъ судахъ и желая по возможности устранить тѣ причины, которыя должны были давать Вельяминову поводъ для вмѣшательства во внутреннее управленіе края, задумалъ привести, хотя въ какой-нибудь порядокъ—и судебную часть въ гетманщинѣ. Въ разосланномъ по этому случаю въ полки универсалѣ, предписывалось, чтобы тяжебныя дѣла судья судилъ не самолично, но съ участіемъ и „безурядовыхъ“ (собственно—незанимающихъ урядовъ, причемъ имѣлись въ виду конечно такъ звавшіяся „зацныя персоны“), только бы честныхъ и разумныхъ людей, которыхъ нарочно къ тому опредѣлить нужно, и чтобы тѣ дѣла рѣшались такимъ судомъ совмѣстно, совѣстно и по правдѣ, какъ требуетъ законъ и необходимость, безъ всякаго пристрастія и безъ вымогательствъ, никому не норовя, ни на кого не посягая. Такимъ же порядкомъ должны

---

[1]) Погарскій сотникъ Галецкій жаловался гетману Апостолу, что Чарнышъ „при расправѣ дѣла его въ генералномъ судѣ съ погарцями, насилно побралъ у него многія взятки: златоглавами, поясами дорогими, конми и прочимъ, на тысячъ шесть съ лишкомъ, а суду справедливого не далъ“. Арх. ген. канц., № 760.—Въ 1724 г., послѣ того какъ Чарнышъ былъ арестованъ въ С.-Петербургѣ, генеральная канцелярія донесла малороссійской коллегіи, что Чарнышъ „въ оную канцелярію прислалъ серебряную кружку да нѣсколько шнуровъ перелъ, да зо два портища матеріи, 100 рублей денегъ, которые взялъ было себѣ въ накладъ отъ Лукьяна и Тимофея Силенковъ въ ту пору, когда судили ихъ съ Петромъ Валькевичемъ“. Тамъ же, № 1366. По этимъ двумъ примѣрамъ видно, въ какихъ размѣрахъ Чарнышъ пользовался „накладами“.

судить урядники и по сотеннымъ городкамъ, и въ особенности по селамъ, гдѣ, какъ слышно, атаманы и войты, стоя у дверей шинка („*въ шинковыхъ дверяхъ, при піятицѣ*"), судятъ и на всякаго шію напиваютъ. Нужно установить, чтобы и въ селахъ тяжбы разбирались въ пристойныхъ мѣстахъ, и не пьянымъ, а трезвымъ умомъ; шинковые же суды слѣдуетъ искоренить, о чемъ строго наблюдать подъ опасеніемъ строгой кары. А когда кто сельскимъ или сотеннымъ судомъ будетъ недоволенъ, тотъ долженъ жаловаться въ судъ полковой, а на полковой судъ— въ генеральный судъ; и тогда приказано будетъ судьямъ, которые судили того апеллянта, выдать послѣднему свое рѣшеніе на письмѣ, съ описью всей справы и контроверсій обѣихъ сторонъ" [1]. Изъ этого универсала видно, въ какомъ незавидномъ положеніи находилось отправленіе правосудія въ гетманщинѣ въ моментъ смерти Скоропадскаго. Особенно печально было положеніе правосудія въ томъ отношеніи, что высшая апелляціонная инстанція—генеральный судъ—находилась въ вѣдѣніи *одного* человѣка, который къ тому же не имѣлъ къ себѣ никакого довѣрія. Желая хотя сколько нибудь обезпечить правосудіе въ генеральномъ судѣ, Полуботокъ ввелъ въ составъ послѣдняго четырехъ второстепенныхъ членовъ („ассесоровъ"), чтобы дать суду возможность избавиться по крайней мѣрѣ отъ нареканій на безмѣрную волокиту, такъ какъ генеральный судья часто уѣзжалъ въ свои маетности, оставался тамъ по долгу, и въ это время отправленіе правосудія совершенно прекращалось. „Ассесоры" назначались изъ числа бунчуковыхъ товарищей, и при томъ изъ учившихся [2]. Придуманная Полуботкомъ мѣра для поднятія значенія генеральнаго суда вѣроятно имѣла бы положительные результаты, но когда Полуботка судили въ Петербургѣ, то учрежденіе „ассесоровъ" поставлено было ему въ вину, какъ примѣръ самовластія, а вслѣдъ за тѣмъ ассесоровъ

---

[1] Русск. Арх. 1880 г., I, 151. См. также Чтенія въ Общ. Нестора Лѣт., XII, отд. 3-а, стр. 94—95.

[2] Тамъ же, 152. „Ассесоровъ" Полуботокъ заимствовалъ изъ статутоваго судоустройства. См. Sądowy process W. Xstwa Litewsk. (Grodno, 1771), стр. 78.

и не стало въ генеральномъ судѣ. При поставленіи Апостола гетманомъ, когда составлены были для него „рѣшительные пункты“, былъ затронутъ вопросъ и объ устройствѣ генеральнаго суда, причемъ послѣдній долженъ былъ состоять изъ шести членовъ (по три—изъ великороссіянъ и малороссіянъ). Гетманъ считался „президентомъ“ генеральнаго суда. Вмѣстѣ съ этимъ измѣненіемъ состава генеральнаго суда была издана въ 1730 году, отъ имени гетмана, подробная инструкція для остальныхъ судебныхъ инстанцій. Инструкція установляла, что въ полковомъ судѣ должна участвовать вся полковая старшина и, кромѣ того, „значковое товариство“. По дѣламъ „криминальнымъ“ и вообще по дѣламъ „значнымъ“ инструкція требовала, чтобы въ судѣ присутствовалъ „самъ полковникъ купно со всею старшиною“. Эта же инструкція 1730 года установила опредѣленныя правила и для судовъ сельскихъ и сотенныхъ, причемъ, между прочимъ указывалось, что „по селамъ, на судъ сходитися велѣть къ атаману или войту, но не въ шинковые дома“... Та же инструкція преподавала и нѣкоторыя общія правила относительно судейскихъ обязанностей, о сущности которыхъ гетманскій урядъ значитъ находилъ нужнымъ напомнить судьямъ. Здѣсь между прочимъ говорилось, чтобы „судья“, кромѣ природнаго добронравія, былъ „совѣстенъ, уменъ, въ писаніи искусенъ, право знающій, чтобы не званіемъ только, но и вещью можно было таковаго почитать за судью“... Такимъ образомъ при Апостолѣ произведено было значительное обновленіе судебныхъ инстанцій, выразившееся главнымъ образомъ въ увеличеніи состава судей. Трудно сказать, какіе результаты оказала „инструкція“ 1730 года на суды сельскіе и сотенные; вѣроятнѣе всего, что для нихъ она осталась мертвою буквою, потому что некому было надзирать за исполненіемъ новыхъ указаній. Но полковой и генеральный суды начали функціонировать въ новомъ, увеличениомъ составѣ. Передъ нами книга рѣшеній полтавскаго полкового суда за четыре года (1747—1753), изъ которой видно, что дѣла здѣсь разрѣшались коллегіей, состоявшей взъ полковой старшины: судьи Григорія

Сахновскаго, писаря Григорія Багинскаго, есаула Ивана Сулимы и двухъ хоружихъ—Василія Магденка и Максима Лаврентьева, причемъ часто въ составъ коллегіи входилъ и самъ полковникъ Андрей Горленко. Изъ сихъ же рѣшеній видно, что уголовныя дѣла въ полковомъ судѣ начинались большею частью по донесеніямъ сотенныхъ урядовъ, въ которыхъ излагалась жалоба потерпѣвшихъ и свѣдѣнія о томъ—задержаны ли обвиняемые. При постановленіи приговоровъ по преступленіямъ, за которыя слѣдовала смертная казнь, лишеніе правъ и ссылка, судъ опредѣливъ наказаніе, обыкновенно добавлялъ—„полученными же отъ его ясневельможности... гетмана... графа Кир. Григ. его сіятельства Разумовского великоповелителними ордерами повелѣно о колодникахъ, присуженнихъ къ смертной казни, полѣтической смерти и вѣчной зсилки—мнѣнія по порядку въ судъ войск. генеральний отсилать къ апробаціи". Такимъ образомъ, начиная съ гетманства Разумовскаго юрисдикція полковыхъ судовъ была значительно сокращена. Гражданскія дѣла возникали по жалобамъ, которыя подавались большею частью полковнику, а послѣдній передавалъ ихъ въ въ судъ, чрезъ полковую канцелярію, при своемъ указѣ. Относительно другихъ полковыхъ судовъ мы видимъ, напр., что судейская коллегія стародубскаго полковаго суда, того же времени, кромѣ полковой старшины, пополняется еще и двумя „ассесорами" изъ „войскового товариства". Такимъ образомъ рѣшеніе стародубскаго полковаго суда 1730 года подписали: обозный Аф. Есимонтовскій, судья Ханенко, писарь Юркевичъ, ассесоры Иванъ Данченко и Дан. Зѣневичъ, Степанъ Косачъ (безъ обозначенія должности) и канцеляристъ Дан. Короткевичъ.—Обращаясь къ составу коллегіи генеральнаго суда, мы видимъ, что рѣшенія послѣдняго въ 1735 году подписываютъ: кн. Андрей Барятинскій, Иванъ Сенявинъ, Богданъ Пассекъ, Яковъ Лизогубъ (генеральный обозный), Михайло Забѣла и Иванъ Борозднa (генеральные судьи) и Якимъ Горленко (генеральный хоружій) и наконецъ писарь суда, извѣстный того времени дѣлецъ, Дамьянъ Оболонскій. „Криминальныя дѣла" въ

генеральномъ судѣ начинались въ это время по сообщеніямъ тогдашняго „правителя“ кн. Шаховскаго, а гражданскія—по донесеніямъ полковыхъ судовъ или по апелляціямъ. По криминальнымъ дѣламъ“ генеральный судъ, въ случаѣ назначенія преступнику смертной казни, рѣшеніе свое („мнѣніе“), представлялъ „правителю“ „для разсмотрѣнія и крайняго рѣшенія“. Такія представленія „правитель“ разрѣшалъ совмѣстно съ присутствующими *членами генеральной войсковой канцеляріи* и постановлялъ окончательныя рѣшенія. Членами генеральной канцеляріи въ 1735 году были: кн. Андрей Барятинскій (одновременно засѣдавшій и въ генеральномъ судѣ), Василій Гурьевъ, Андрей Марковичъ (генеральный подскарбій) и Федоръ Лысенко (генеральный есаулъ) и наконецъ генеральный писарь Турковскій. Съ этого только времени генеральная канцелярія становится судебной инстанцій, какъ это подтверждаетъ и практическій юристъ XVIII в. Чуйкевичъ (см. ниже), а не раньше, какъ говоритъ г. Миллеръ, основываясь, повидимому, на „Словарѣ“ Ломиковскаго. Но и генеральная канцелярія не сдѣлалась высшей инстанціей, такъ какъ и на ея рѣшенія стали подавать жалобы и жалобы эти направлялись въ сенатъ [1]).

Главный результатъ тѣхъ измѣненій, которыя были произведены въ судахъ при Апостолѣ, заключался въ томъ, что въ *роль судей была поставлена вся старшина*, какъ полковая, такъ и генеральная. Такимъ образомъ судъ окончательно смѣшался съ администраціей, причемъ конечно тотъ идеалъ судьи, о которомъ распространялась „инструкція“ Апостола, осуществиться не могъ, такъ какъ нельзя же было требовать отъ какого-нибудь полуграмотнаго полкового есаула или хоружаго—знанія „права“. Недостатки такого положенія судовъ, повидимому, хорошо сознавали тогдашніе практическіе юристы, какъ это видно изъ написаннаго въ 1750 году разсужденія Федора Чуйкевича подъ названіемъ „Судъ и расправа въ правахъ малороссійскихъ [2]).

---

[1]) Записки Черниг. Стат. Комит., II, 129.

[2]) Объ этомъ сочиненіи краткое извѣстіе имѣется въ книгѣ Кистяковскаго — „Права“, стр. 88 и 98. У г. Миллера приведены и выдержки изъ этого сочиненія (стр. 29), но безъ имени автора, которое, повидимому, г. Миллеру неизвѣстно.

Указывая на недостатки прежнихъ судовъ („ибо за скудостію грамотныхъ людей были на чинахъ судейскихъ и неграмотные, якъ видно изъ подписовъ на статтяхъ по гетманѣ Б. Хмельницкомъ бывшихъ гетмановъ“), Чуйкевичъ говоритъ, что при гетманѣ Разумовскомъ имѣются „многочисленные компуты ученыхъ и грамотныхъ чиновъ“, вслѣдствіе чего является полная возможность „въ полкахъ малороссійскихъ учредить суды земскіе, особо отъ судовъ гродскмхъ, въ препорцію дистанцій и мѣстъ, чтобъ больше 50 верстъ судъ земскій не разстоялъ отъ подсудныхъ своихъ жительствъ“... Засимъ Чуйкевичъ рисуетъ картину судовъ, независимыхъ отъ администраціи, въ томъ ихъ видѣ, какъ они существовали прежде, указывая въ то же время на недостатки судовъ существующихъ. Тутъ же Чуйкевичд предлагаетъ измѣнить составъ и генеральнаго суда („за силу правъ малороссійскихъ надлежитъ суду генеральному отправляемому быть одъ депутатовъ изъ 10 полковъ, по едной персонѣ выбираемыхъ“)... Реформированные суды, по мнѣнію Чуйкевича; „пресѣкутъ всю *воликиту непотребную и за многимъ урономъ досадную и разорительную*“. Указывая на эту волокиту, Чуйкевичъ говоритъ: „еще жъ и на судъ генеральный апелляція въ генеральную канцелярію *послѣ смерти гетмана Апостола начала быть*, а на канцелярію генеральную въ правительствующій сенктъ, съ премногою малороссіянамъ въ С.-Петербургѣ волокитою, чего въ Малой Россіи отъ 1654 по 1734 годъ не бывало“... Къ этому слѣдуетъ добавить, что авторъ разсужденія „Судъ и расправа“ былъ сынъ хорошаго „лативщика“ Александра Чуйкевича, долгое время занимавшаго, въ концѣ XVII вѣка, урядъ полтавскаго полковаго писаря, да и самъ былъ „реентомъ“ генеральнаго суда (т. е. помощникомъ генэр. писаря); слѣдовательно мнѣніе Чуйкевича о недостаткахъ современныхъ ему судовъ было мнѣніе человѣка, стоявшаго у самаго дѣла, о которомъ говорилось. Очень можетъ быть, что подъ вліяніемъ разсужденія Чуйкевича (посвященнаго Разумовскому) гетманъ и произвелъ ту реформу генеральнаго суда, которая выразилась (по универсалу 17 ноября 1760 года)

въ пополненіи судейской коллегіи выборными депутатами отъ полковъ. „Положено было, говоритъ г. Миллеръ, приблизить генеральный судъ къ типу существовавшаго за поляковъ трибу́нала, гдѣ дѣла рѣшались депутатами, выбранными отъ воеводствъ. Моментъ этотъ, продолжаетъ авторъ, принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи малорусскаго судоустройства, какъ и въ исторіи общественнаго сознанія гетманцевъ. *Къ сожалѣнію, останавливаться надъ нимъ не входитъ въ предѣлы нашей задачи*, говоритъ г. Миллеръ. Но дѣло въ томъ, что судебная реформа 1763 года явилась результатомъ того „общественнаго самосознанія гетманцевъ", которые прежде чѣмъ додумались до реформы 1763 года, дѣлали разныя попытки улучшить свое судоустройство. Выясненіе этихъ попытокъ составляетъ одну изъ задачъ г. Миллера, такъ какъ они входятъ въ исторію реформы 1763 года. Не можетъ не входить поэтому сюда и универсалъ 1760 года, надъ которымъ г. Миллеръ не желаетъ останавливаться. — Реформа 1763 г. была лишь дальнѣйшимъ развитіемъ раньше выраженныхъ желаній тогдашняго общества, почему выраженіе этихъ желаній и требуетъ обслѣдованія.

Переходя къ разсказу объ этой реформѣ, г. Миллеръ подводитъ итоги историческаго значенія судовъ козацкихъ и говоритъ, что послѣдніе „выработались самою жизнью, естественными потребностями самого народа, безъ всякихъ искусственныхъ, не изъ народа выходящихъ регламентацій; и это судоустройство могло удовлетворять народъ до тѣхъ поръ, пока оно оставалось народнымъ; пока самъ народъ участвовалъ въ его созданіи, пока онъ принималъ активное участіе въ отправленіи правосудія, пока, наконецъ, народъ и его судьи смотрѣли на жизнь одними и тѣми же глазами... Съ удаленіемъ съ судебной арены народа, создавшаго малорусское судоуствойство, обнаружились и несовершенства этого судоустройства. Выработанный козатчиной строй былъ слишкомъ примитивно простъ и, можно сказать, годился скорѣе для военнаго табора, чѣмъ для сложной гражданской жизни"... Далѣе авторъ говоритъ, что при описанныхъ условіяхъ козацкаго суда скорый и правый

судъ былъ невозможенъ. Намъ кажется, что тотъ судъ, который существовалъ въ Малороссіи во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, никакъ нельзя называть народнымъ по одному тому, что устроенъ онъ былъ искусственно и что нормами правосудія для него служили кодексы, мало понятные не только для массы, но и для самихъ судей. При этомъ „козацкій“ судъ, въ которомъ судьями явилась козацкая старшина, былъ всетаки остаткомъ судовъ прежнихъ, статутовыхъ, потому что нормы правосудія въ немъ примѣнялись прежнія, и лишь одно судоустройство сложилось „слишкомъ примитивно“ въ силу извѣстныхъ историческихъ событій, потребовавшихъ быстраго измѣненія прежнихъ формъ. Народнымъ козацкій судъ не былъ потому, что онъ не удовлетворялъ ни народъ, ни образованное общество. Послѣднее стало относиться отрицательно къ этому суду уже въ началѣ XVIII вѣка. А за тѣмъ съ дальнѣйшимъ распространеніемъ образованія, это общество стало настоятельно требовать измѣненія „козацкаго“ судоустройства. Случилось такъ, что послѣ суровой ферулы „правителей“, продолжавшейся около пятнадцати лѣтъ (1734—1750), въ краѣ неожиданно явилась власть *своя* и притомъ вполнѣ расположенная къ удовлетворенію тѣхъ общественныхъ нуждъ, о которыхъ слышались заявленія общества. Послѣднее воспользовалось этою счастливою случайностью и стало громко заявлять о необходимости реформы въ устройствѣ суда.

Какіе же идеалы были у этого общества относительно новаго судоустройства?—Кажется, что тутъ и выбора не могло быть: близко знакомый этому обществу литовскій статутъ предлагалъ готовыя формы, а создавать какія либо иныя, новыя для сего формы—тогдашнему обществу было едва ли подъ силу... Г. Миллеръ обстоятельно разсказалъ, какъ случайно была установлена форма—одного изъ статутовыхъ судовъ—суда подкоморскаго (стр. 31). Этотъ случай указываетъ, что малорусское образованное общество, заявивъ общее желаніе объ измѣненіи судоустройства, при первомъ представившемся ему случаѣ обратилось къ той формѣ *межеваго суда*, на который ему указы-

вала исторія. Та же исторія подсказывала лѣвобережной Малороссіи форму и другихъ судовъ, которые когда-то существовали если не въ ней, то въ ея митрополіи, т. е. въ правобережной Малороссіи. Учрежденіе статутовыхъ судовъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, по мнѣнію г. Миллера, „явилось осуществленіемъ вожделѣнныхъ для украинскихъ пановъ прежнихъ порядковъ (стр. 38), когда въ рукахъ благороднаго сословія была сосредоточена *вся власть управленія*“. Исторія не даетъ основаній для обвиненія малорусской ставшины въ какой либо личной тенденціи при учрежденіи статутовыхъ судовъ. Никакихъ особыхъ правъ эта старшина отъ учрежденія послѣднихъ не получала. Всѣ тѣ привилегіи, которыя она забрала въ свои руки во время гетманщины, отъ учрежденія статутовыхъ судовъ не увеличивались. Какъ въ козацкихъ, такъ и въ статутовыхъ судахъ старшина занимала первенствующее положеніе въ силу своего образованія и богатства, причемъ и то, и другое было пріобрѣтено ею уже раньше. Одно можно сказать, что статутовые суды какъ бы узаконивали за старшиною званіе *шляхты* и такимъ образомъ явственно обозначили ея обособленіе отъ народа; но при этомъ нормы того права, которымъ руководствовались козацкіе суды, развѣ давали *народу* какое либо другое положеніе, кромѣ приниженнаго? Въ этомъ же самомъ положеніи народъ (собственно—посполитство) остался и послѣ установленія въ лѣвобережной Малороссіи статутовыхъ судовъ. Создавать въ половинѣ XVIII в. какую либо другую форму суда, съ демократическими тенденціями, нельзя было уже и потому, что тогда не было и носителей такихъ тенденцій, хотя бы и въ зачаточной ихъ формѣ. А между тѣмъ форма статутовыхъ судовъ во всякомъ случаѣ была значительнымъ шагомъ впередъ, сравнительно съ судами „козацкими“, потому что эта форма обособляла судъ отъ администраціи. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній намъ кажется, что установленіе статутовыхъ судовъ въ лѣвобережной Малороссіи, явившееся результатомъ самодѣятельности общества, безъ какого либо участія со стороны правительства, должно указывать лишь на ту интеллектуальную силу этого общества,

которая въ XVIII вѣкѣ выражалось среди русскаго народа еще очень слабо.

Предисловіемъ къ разсказу о томъ процессѣ, какимъ совершилось учрежденіе статутовыхъ судовъ, служитъ разсказъ г. Миллера о знаменитомъ съѣздѣ малорусской интеллигенціи въ Глуховѣ, осенью въ 1763 году, и о рѣчахъ ею тамъ произнесенныхъ. Авторъ подробно разсказываетъ о составѣ и настроеніи участниковъ съѣзда, причемъ говоритъ, что «старина манила ихъ (участниковъ) призракомъ политической независимости, гражданской свободы, широкихъ правъ и привилегій. Нѣтъ нужды, что эта свобода зиждилась на порабощеніи хлѣбороба-селянина: до понятія объ одинаковой для всѣхъ классовъ общества свободѣ украинскіе интелигенты еще не дошли, да и можно ли было требовать такого понятія отъ людей, жившихъ въ вѣкъ просвѣщеннаго абсолютизма?». Этимъ восклицаніемъ авторъ самъ объясняетъ причину—почему „отъ рядового козачества, мѣщанства, духовенства, а тѣмъ паче посполиства на этой „генеральной радѣ" не было ни одного человѣка"... На этой радѣ, въ числѣ прочихъ дезидератъ, высказано было общее желаніе объ учрежденіи и другихъ статутовыхъ судовъ, кромѣ тогда уже дѣйствовавшаго подкоморскаго. Разъ была признана необходимость открытія суда подкоморскаго, вѣдавшаго земельные споры, естественно было идти далѣе и ходатайствовать объ открытіи судовъ—земскаго и гродскаго. Тутъ же, на глуховскомъ съѣздѣ, разработаны были и всѣ подробности касательно числа судовъ, ихъ состава и порядка избранія судей. Рѣшено было, что въ судахъ земскомъ и подкоморскомъ будутъ судить выборные изъ числа козацкой старшины судьи, причемъ эта старшина уже настойчиво именуется шляхетствомъ. Для гродскаго (уголовнаго) суда постановлено было—особыхъ судей не выбирать, а оставить его въ вѣдѣніи прежней полковой старшины, съ полковникомъ во главѣ. Мотивы такого отношенія къ суду уголовному со стороны глуховскаго съѣзда не были объяснены. Объ узаконеніи предположенной реформы было представлено высшему правительству, но прежде чѣмъ полученъ былъ его отвѣтъ, уже

19 ноября 1763 года обнародованъ былъ гетманскій универсалъ, въ которомъ, послѣ изложенія подробнаго плана учрежденія новыхъ судовъ, предписывалось—предначертаніе это привести въ дѣйствіе. Г. Миллеръ не объясняетъ причинъ этой поспѣшности въ распоряженіи о привиденіи въ дѣйствіе предположенной реформы безъ разрѣшенія высшей власти. Можно думать, что въ С.-Петербургѣ затруднились оффиціальнымъ разрѣшеніемъ предположенной реформы, и гетману дано было негласное позволеніе на привиденіе ея въ дѣйствіе, такъ какъ своимъ отказомъ правительство, можетъ быть, не желало возбуждать и раздражать то общество, для котораго въ этотъ моментъ готовилась важная соціальная реформа, состоявшая въ уничтоженіи гетманств. Новые суды узаконены были правительствомъ позже, и—притомъ—тѣмъ самымъ указомъ, которымъ уничтожалось гетманство... Въ началѣ 1764 года въ Малороссіи было учреждено 20 повѣтовъ, а въ маѣ мѣсяцѣ того же года уже утверждены были гетманомъ и выбранные чины судовъ [1]: подкоморые, судьи, подсудки и писари. Изъ персонала новыхъ судей видно, что его составилъ цвѣтъ тогдашняго малорусской интеллигенціи [2]; всѣ богачи бунчуковые товарищи согласились принять должности судей, кто познатнѣе—въ подкоморскихъ судахъ, а другіе—въ земскихъ. Контингентъ подсудковъ набранъ былъ изъ войсковыхъ товарищей, а писарей—главнымъ образомъ изъ канцеляристовъ полковыхъ судовъ. Видно, что статутовые суды были учрежденіемъ очень желательнымъ, хотя, разумѣется, привлекательно было и то шляхетство, которое неразрывно связывалось съ званіемъ новыхъ судей...

Г. Миллеръ представляетъ подробныя свѣдѣнія о томъ, при какихъ обстоятельствахъ и съ какими затрудненіями устраивались новые суды, причемъ, прежде всего, видно полное равнодушіе со стороны глуховскихъ властей къ просьбамъ и представленіемъ новыхъ судовъ о помощи при устройствѣ самой не-

---

[1]) Кромѣ полтавскаго.

[2]) Отчетъ Комитета, прилож. X. Въ этомъ спискѣ, составленномъ 7 мая 1764 года, не показаны черниговскіе судьи, которые были утверждены только 22 мая.

обходимой ихъ обстановки. При Разумовскомъ осуществленіе реформы было только начато; произведены были выборы судей и ихъ помощниковъ; но внутреннее устройство судовъ происходило уже при Румянцевѣ, подъ наблюденіемъ генеральнаго суда, „яко главнаго надъ судами мѣста". Со стороны Румянцева реформа не встрѣчала затрудненій, такъ какъ конечно съ его согласія послѣдовало и утвержденіе ея, въ указѣ 10 ноября 1764 года, но не могъ быть Румянцевъ и сторонникомъ этой реформы, такъ какъ послѣдняя служила во всякомъ случаѣ къ обособленію отъ имперскихъ порядковъ края, который порученъ былъ ему въ управленіе. Поэтому, можно думать, что Румянцевъ, если не мѣшалъ реформѣ, то и не помогалъ ей, имѣя въ виду, что въ Малороссіи вскорѣ будетъ произведена другая реформа, которая должна была служить не къ обособленію края отъ имперіи, а къ его слитію съ послѣдней... Въ этомъ слѣдуетъ видѣть причину того равнодушія, съ которымъ глуховскія власти смотрѣли на дальнѣйшее, послѣ ихъ открытія, устройство новыхъ судовъ (стр. 72 и друг.). Цѣлую главу (V-ю) г. Миллеръ посвятилъ разсказу о тѣхъ порядкахъ, которые заводились въ новыхъ судахъ послѣ ихъ открытія, причемъ представляетъ сущность обязанностей каждой изъ новыхъ судейскихъ должностей. Тутъ же находимъ свѣдѣнія и о положеніи гродскаго суда, причемъ оказывается, что дѣлопроизводство въ этихъ судахъ осталось во всемъ прежнее. Произошло это потому, справедливо говоритъ г. Миллеръ, что „реформа 1763 года въ отношеніи гродскихъ судовъ не была доведена до конца. Старому полковому суду дана была только новая кличка"... Въ VI-й главѣ изложенъ очеркъ практики отправленія правосудія въ новыхъ судахъ. Здѣсь, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе указаніе на тѣ затрудненія, которыя встрѣтили въ Малороссіи статутовые порядки относительно узаконенныхъ сроковъ для разбора дѣлъ. Одинъ изъ судовъ хлопоталъ, напр., о томъ, чтобы въ подвѣдомыхъ ему сотняхъ „учинить публикаціи съ протолкованіемъ народу", въ какіе именно сроки слѣдуетъ являться въ земскій судъ для подачи жалобъ. Глуховскія

власти видѣли, что судъ имѣетъ полное основаніе, требуя подтвержденія порядковъ, указанныхъ въ *статутѣ*, но въ то же время и стѣснялись, что эти порядки „мѣшаютъ по подаваемымъ жалобамъ произвожденіе чинить съ возможною скоростью". Однакожъ, въ концѣ концовъ и глуховскія власти согласились что „въ содержаніи правныхъ роковъ для судовыхъ расправъ нужно поступать во всемъ на основаніи малороссійскихъ правъ". Но въ гродскихъ судахъ такъ называемые „рочки" не соблюдались. Нерѣдко между новыми судами и старыми (преимущественно сотенными) происходили „пререканія о подсудности", причемъ сотники, не желая выпускать изъ своихъ рукъ тѣхъ доходовъ, которые они получали за судъ, препятствовали козакамъ обращаться за правосудіемъ въ земскіе суды. Въ этомъ случаѣ коллегія поддержала новые суды и вѣдѣнію сотенныхъ правленій были предоставлены только словесныя расправы по маловажнымъ дѣламъ. Шестую главу г. Миллеръ заключаетъ очеркомъ о *подсудности* „общественныхъ группъ" новымъ судамъ. Тутъ главный вопросъ заключается въ опредѣленіи надлежащаго суда для селянъ, т. е. козаковъ и крестьянъ. Послѣ долгихъ разсужденій, установлено было, что козаки должны судиться въ земскихъ судахъ (стр. 119), и такимъ образомъ послѣдніе были открыты для значительной части народа, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что руководители новыхъ судовъ, считавшіе себя уже несомнѣнною *шляхтою*, никакого препятствія для этого не дѣлали. Мѣщанство должно было судиться въ магистратахъ. Труднѣе былъ вопросъ о подсудности крестьянъ. На основаніи изученнаго архивнаго матеріала, г. Миллеръ полагаетъ, что „крестьяне никогда въ земскихъ судахъ не судились, причемъ гражданскія дѣла свободнаго посполъства судились въ ратушахъ, а имущественные интересы панскихъ поданныхъ защищалъ ихъ владѣлецъ". Мы присоединяемся къ мнѣнію г. Миллера, такъ какъ въ пересмотрѣнныхъ нами спискахъ рѣшенныхъ дѣлъ въ батуринскомъ земскомъ судѣ, *за нѣсколько лѣтъ*, ни одного дѣла, въ которомъ „стороною" былъ бы крестьянинъ или мѣщанинъ, мы не встрѣ-

тили. Опредѣляя родъ дѣлъ, подсудныхъ земскимъ и гродскимъ судамъ, г. Миллеръ указываетъ, что хотя „речи крвавые“ подлежали непремѣнному вѣдѣнію гродскихъ судовъ, но было и исключеніе: въ глуховскомъ земскомъ судѣ, на ряду съ земскими дѣлами, вѣдались и гродскія.—„Почему было такъ—не знаемъ“, говоритъ г. Миллеръ.—Разсмотрѣніе глуховскихъ уголовныхъ дѣлъ глуховскимъ земскимъ судомъ слѣдуетъ объяснить практикой сего суда, возникшей вслѣдствіе дальности отъ Глухова гродскаго суда, находившагося въ Нѣжинѣ. Уже въ маѣ 1764 года глуховскій земскій судья, Сергѣй Дергунъ, представляя генеральному суду о разныхъ затрудненіяхъ, встрѣченныхъ имъ въ судебной практикѣ, писалъ: „хотя по артикулу 30, розд. 4, о подданныхъ и слугахъ бѣглыхъ отдано на волю челобитчикамъ: въ судъ ли земскій или гродскій позывать, однако челобитчики, объявляя, что *по далекости отсель до Нѣжина*, гдѣ гродскій судъ, лучшую они имѣютъ способность тутъ въ Глуховѣ, нежели тамо...“ [1]). А за симъ Дергунъ спрашивалъ—какъ быть?—Очень вѣроятно, что генеральный судъ нашелъ возможнымъ сдѣлать для Глухова исключеніе, которое потомъ обобщилось, и глуховскій земскій судъ сталъ судить и дѣла подсудныя гродскому суду. При этомъ слѣдуетъ добавить, что Сергѣй Дергунъ былъ извѣстный дѣлецъ своего времени, мнѣніе котораго уважалось не только въ генеральномъ судѣ, но и въ самой коллегіи.

Въ VII-й главѣ г. Миллеръ представляетъ обзоръ „законовъ“, которыми руководились новые суды, причемъ называетъ: *литовскій статутъ*, *порядокъ*, *права цезарскія и магдебургскія*, *саксонъ* и общерусскія узаконенія XVIII столѣлія. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что реформа 1763 года касалась одного лишь судоустройства. Правовые же законы въ статутовыхъ судахъ остались тѣ самые, которыми пользовались и прежніе суды. Говоря въ первой главѣ своей монографіи о судопроизводствѣ въ старыхъ малорусскихъ судахъ, г. Миллеръ

---

[1]) Изъ бумагъ нашей библіотеки.

ничего не говоритъ о кодексахъ, которыми руководились эти старые суды, и это—очень жаль. Не говоря уже о томъ, что очеркъ „козацкихъ“ судовъ безъ указанія на тѣ кодексы, которыми они пользовались, остался не полонъ, разсмотрѣніе вопроса о примѣненіи правовыхъ нормъ въ новыхъ судахъ не можетъ быть полнымъ безъ знакомства съ дѣятельностью въ этой области старыхъ судовъ. Новые суды, примѣняя въ своихъ рѣшеніяхъ правовыя нормы литовскаго статута и другихъ кодексовъ, несомнѣнно пользовались уже прежнею и, можно сказать, богатою практикою, но въ чемъ при этомъ новые суды различествовали отъ старыхъ—объ этомъ въ монографіи г. Миллера свѣдѣній нѣтъ, а поэтому нѣтъ въ его монографіи и матеріала для заключенія о дѣятельности новыхъ судовъ относительно примѣненія законовъ права. Сказавъ, что единственнымъ кодексомъ, который указанъ былъ для пользованія новымъ судамъ, былъ *литовскій статутъ*, г. Миллеръ говоритъ, что изъ имѣющихся въ рѣшеніяхъ сихъ судовъ выписокъ изъ статута видно, что суды пользовались не одною какою либо редакціею статута, а по крайней мѣрѣ двумя. Упомянувъ о прежнихъ мнѣніяхъ по этому вопросу Баршевскаго и Кистяковскаго, г. Миллеръ полагаетъ, „что въ правительственныхъ учрежденіяхъ Малороссіи были въ ходу самыя разнообразныя редакціи статута; въ иныхъ попадался печатный польскій, въ другихъ—можетъ быть и печатный *мамоничевскій*, а во всѣхъ вообще—рукописный, въ разныхъ редакціяхъ, прототипомъ коихъ служили, конечно, редакціи мамоничевская и польская“. Болѣе полное заключеніе по этому вопросу могло послѣдовать, конечно, лишь съ помощью рѣшеній прежнихъ судовъ, начиная съ XVII вѣка, такъ какъ и въ сихъ рѣшеніяхъ очень нерѣдко встрѣчаются выписки изъ литовскаго статута. Покойный Кистяковскій полагалъ: 1) что литовскій статутъ *мамоничевскаго* изданія въ Малороссіи XVIII вѣка былъ мало распространенъ и что, вѣроятно, Малороссія перешла подъ власть Россіи уже съ весьма распространенными изданіями литовскаго статута польской редакціи, вытѣснявшими статутъ мамоничевскаго изда-

нія, и 2) что около половины XVIII вѣка литовскій статутъ польской редакціи былъ вытѣсненъ и замѣненъ употребленіемъ литовскаго статута, переведеннаго съ польскаго, причемъ можно думать, что этотъ переводъ есть тотъ самый, который сдѣланъ былъ комиссіей съ цѣлью составленія „свода" (стр. 53—54).

Несомнѣнно, что малорусскіе суды пользовались какъ русскимъ текстомъ мамоничевскаго изданія, такъ и польскими изданіями; но мамоничевское изданіе (печатное) было повидимому, рѣдко уже и въ XVII вѣкѣ, о чемъ можно заключить изъ того, что экземпляры его встрѣчаются въ старыхъ „панскихъ" усадьбахъ, какъ величайшая рѣдкость [1]). Приходилось поневолѣ пользоваться изданіями болѣе поступными, какими и были изданія польскія. Въ концѣ XVII вѣка полтавскимъ полковымъ писаремъ былъ Александръ Чуйкевичъ, человѣкъ очень замѣтный, какъ по многолѣтней своей службѣ на писарствѣ (1677—1690), такъ и по своимъ достаткамъ. Несомнѣнно, что такой человѣкъ могъ бы найти для своего ежечаснаго пользованія литовскій статутъ въ мамоническомъ изданіи, а между тѣмъ несомнѣнно, что онъ пользовался польскимъ изданіемъ 1648 года, такъ какъ экземпляръ *статута* въ этомъ изданіи (надписанный во многихъ мѣстахъ книги: *ex libris Alexandri Czuykewiczi*) былъ, повидимому, въ его постоянномъ обращеніи [2]). Затѣмъ,

---

[1]) Покойный Кистяковскій, собиравшій, чрезъ многочисленныхъ своихъ слушателей, всякіе экземпляры литовскаго статута, нашелъ только два экземпляра мамоничевскаго изданія, сохранившихся въ старыхъ „панскихъ" гнѣздахъ. Намъ вовсе не приходилося встрѣчать этого изданія въ частныхъ рукахъ въ Малороссіи. Недавно сообщилъ намъ А. І. Степовичъ, что онъ нашелъ мамоничевское изданіе статута въ разномъ книжномъ хламѣ, валявшемся въ чуланахъ *коллегіи П. Г—на*. Такъ какъ въ этомъ же хламѣ А. І. С—мъ найденъ былъ и списокъ земельныхъ актовъ козелецкихъ Дарагановъ, то слѣдуетъ думать, что *мамоничевское* изданіе въ *коллегію* попало изъ *Покорщины*, стариннаго имѣнія Дарагановъ, перешедшаго потомъ къ Галаганамъ и нынѣ принадлежащаго *коллегіи*.

[2]) Экземпляръ этотъ находится въ нашей б-кѣ. Долгое пользованіе имъ со стороны Чуйкевича видно изъ множества замѣтокъ послѣдняго въ книгѣ и изъ добавленій изъ „Speculum Saxonum". Экземпляръ Чуйкевича заключаетъ въ себѣ и „Trybunał".

мы знаемъ, что гетманъ Скоропадскій очень заботился о переводѣ польскаго текста литовскаго статута на русскій [1]); значитъ русскихъ изданій для общаго пользованія не было, а польскій языкъ знали только тѣ, кто учился въ „латинскихъ училищахъ“. Въ виду такихъ данныхъ мнѣніе Кистяковскаго представляется едва ли подлежащимъ сомнѣнію, причемъ, конечно, въ употребленіи нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ могъ находиться литовскій статутъ и въ мамоническомъ изданіи. За симъ г. Миллеръ говоритъ о примѣненіи новыми судами въ своихъ рѣшеніяхъ, кромѣ литовскаго статута, другихъ кодексовъ, называя при этомъ *порядокъ, саксонъ, права магдебургскія и цесарскія*, а также и высочайшіе указы XVIII го столѣтія. На основаніи нѣсколькихъ рѣшеній, въ которыхъ цитируются указанныя „нѣмецкія права“, г. Миллеръ, дѣлаетъ заключеніе, что примѣненіе ихъ имѣло мѣсто (по встрѣченнымъ случаямъ) только въ дѣлахъ уголовныхъ, но что и здѣсь „нѣмецкія права“ примѣнялись рѣдко. Говоря затѣмъ о примѣненіи новыми судами высочайшихъ указовъ, г. Миллеръ на основаніи тѣхъ же судебныхъ рѣшеній, приходитъ къ заключенію, что означенные указы играли главную роль при опредѣленіи степени наказанія, причемъ впрочемъ указанное въ статутѣ вознагражденіе въ пользу потерпѣвшаго или его наслѣдниковъ, оставалось безъ измѣненія. Опредѣленіе мѣры наказанія не по статуту, а по указамъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что во второй половинѣ XVIII вѣка смертная казнь, которую литовскій статутъ назначалъ очень часто, уже почти не практиковалась [2]). Кромѣ того, примѣненіе великорусскихъ законовъ требовалось при опредѣленіи мѣры наказанія за тѣ преступленія, которыхъ литовскій статутъ еще не зналъ, напр. за безпаспортность.

Говоря о примѣненіи судами законовъ, г. Миллеръ имѣетъ въ виду почти исключительно уголовныя дѣла; не менѣе интересный вопросъ о примѣненіи законовъ по гражданскимъ дѣ-

[1]) Кіевск. Стар. 1887 г. № 4, 788.

[2]) См. выше, стр. 95.

ламъ (напримѣръ, насколько правовыя нормы литовскаго статута по сего рода дѣламъ сохраняли свое значеніе въ к. XVIII в.) остался въ монографіи г. Миллера не тронутымъ

Очень мало говоритъ г. Миллеръ о судопроизводствѣ въ новыхъ судахъ. Сколько намъ извѣстно, судопроизводство въ прежнихъ полковыхъ, напр., судахъ велось безъ всякихъ опредѣленныхъ формъ; но земскіе суды старались точно исполнять формы гражданской процедуры по указанію литовскаго статута. Формы эти для конца XVIII вѣка были очень стары и во многомъ затруднительны; но на эту сторону вопроса вовсе не было обращено вниманія при учрежденіи статутовыхъ судовъ. Г. Миллеръ указываетъ нѣсколько примѣровъ тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчали суды для безволокитнаго производства дѣла (стр. 158—162); но устраненіе этой волокиты могло послѣдовать лишь по замѣнѣ статута новымъ закономъ о судопроизводствѣ. Главное затрудненіе представляла «излишняя переписка», на которую обратили вниманіе сами суды въ первые же годы послѣ своего открытія [1]). Затѣмъ слѣдовали злоупотребленія искусныхъ *дѣльцовъ* при примѣненіи архаическихъ формъ статутоваго судопроизводства. При этомъ г. Миллеръ представляетъ любопытные примѣры той «волокиты», которая скоро завелась и въ статутовыхъ судахъ.

Познакомившись съ исторіей статутовыхъ судовъ, раждается вопросъ—насколько же удовлетворили статутовые суды то общество, которое такъ заботилось объ ихъ учрежденіи?—Г. Миллеръ говоритъ: „на этотъ вопросъ, кажется, намъ можно дать отвѣтъ только утвердительный“. Такой отвѣтъ даетъ почтенный изслѣдователь, основываясь на наказахъ, данныхъ штяхетствомъ своимъ депутатамъ при ихъ посылкѣ въ *комиссію для составленія новаго уложенія.* Но при этомъ шляхетство высказывалось общими мѣстами (заявленіе просьбъ о сохраненіи статута), на

---

[1]) Отчетъ Комитета, прилож. XIII, заключающее въ себѣ любопытное „представленіе“ роменскому земскому суду писаря этого суда Савицкаго объ упрощенія формъ гражданскаго процесса.

основаніи которыхъ трудно дѣлать то или другое заключеніе. Одно черниговское шляхетство подробно высказалось по вопросу о достоинствѣ новыхъ судовъ и пришло къ заключенію для нихъ неблагопріятному, „указывая на недостатки литовскаго статута, многія положенія котораго были противны естественному праву“. Но, какъ видно изъ монографіи г. Миллера, у новыхъ судовъ былъ другой недостатокъ, болѣе важный, заключавшійся въ медленности производства дѣлъ. Медленность зависѣла въ малой степени отъ тѣхъ постороннихъ порученій, которыя сплошь и рядомъ давались судьямъ новыхъ судовъ высшимъ начальствомъ, а главная причина этой медленности заключалось въ *бездѣятельности* судей, на каждомъ шагу уклонявшихся отъ присутствія въ судахъ (стр. 155), причемъ мѣры, которыя принимала глуховская коллегія для устраненія этой *лѣни* судей, имѣли мало успѣха. По заключенію г. Миллера, новые суды далеки были отъ идеала медленностью своей процедуры, но процедура въ старыхъ судахъ была еще медленнѣе.

Были ли новые суды при этомъ хотя свободны отъ лицепріятія и могъ ли имѣть мѣсто въ нихъ подкупъ? На этотъ вопросъ г. Миллеръ даетъ отвѣтъ нерѣшительный, говоря, что въ находящемся въ его рукахъ матеріалѣ нѣтъ прямого отвѣта на вопросъ. Но едвали мы ошибемся, если скажемъ, что при частомъ уклоненіи самихъ судей отъ исполненія ими своихъ судейскихъ обязанностей, фактическими судьями по необходимости становились секретари („писари“) этихъ судовъ, изъ которыхъ большинство училось дѣлу въ тѣхъ старыхъ полковыхъ судахъ, гдѣ взяточничество, можно сказать, царило и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. У насъ подъ руками имѣется нѣсколько „реестровъ“ тѣхъ взятокъ, которыя были подносимы судьямъ въ половинѣ XVIII вѣка въ видѣ „талеровъ“, головъ „цукру“ и друг. цѣнныхъ предметовъ. Едва ли можно сомнѣваться, что этими же средствами, во множествѣ случаевъ, ускорялось и направлялось правосудіе и въ статутовыхъ судахъ... Судьями въ нихъ были люди большею частью достаточные, а потому лѣнивые и неопытные, а за такихъ судей судъ вершила судейская

канцелярія, какъ это практиковалось и въ позднѣйшее у насъ время, вплоть до *новыхъ судовъ*.

„Упраздненіе статутовыхъ судовъ, говоритъ г. Миллеръ, прошло незамѣтно, не вызвавъ ни жалобъ, ни протестовъ". Къ этому можно добавить, что упраздненіе статутовыхъ судовъ въ 1782 году и замѣна ихъ другими—никакихъ жалобъ и не могли вызывать какъ потому, что екатерининскіе суды сохранили въ Малороссіи прежній кодексъ (литовскій статутъ), такъ и потому, что одновременно съ реформою 1782 года малорусское *шляхетство* переименовывалось въ столь имъ желанное *дворянство*.... Для народа же подобныя реформы являются обыкновенно безразличными...

Г. Миллеръ не дѣлаетъ оцѣнки судебной реформы 1763 года, какъ историческаго факта, а между тѣмъ учрежденіе статутовыхъ судовъ было событіемъ настолько замѣтнымъ въ исторіи культурнаго развитія малорусскаго общества XVIII вѣка, что сказать о томъ или другомъ его значеніи изслѣдователь не только имѣетъ полное основаніе, но и долженъ. Для этой оцѣнки слѣдовало бы поставить такой вопросъ: учрежденіе статутовыхъ судовъ въ 1763 г. было ли результатомъ только однихъ эгоистическихъ усилій тогдашней малорусской интеллигенціи, стремившейся не только фактически, но и юридически выдѣлиться изъ народа, или же—реформа судовъ 1763 года являлась послѣдствіемъ того общественнаго неудобства, которое испытывалъ весь край отъ первобытнаго устройства прежнихъ судовъ, когда судьею былъ каждый полковой или сотенный урядникъ?—Слѣдуетъ думать, что въ половинѣ XVIII вѣка малорусская интеллигенція уже вполнѣ понимала неудобство сліянія судебной и административной власти въ рукахъ полковника и его подчиненныхъ; чта этому пониманію способствовалъ дѣйствовавшій тогда въ Малороссіи кодексъ, въ которомъ, на ряду съ нормами права, указывалось и такое судоустройство, гдѣ правосудіе должны были отправлять особые, нарочно для того выбранные судьи. Разумѣется, при этомъ слѣдуетъ допустить, что малорусская интеллигенція, она же и „войсковая старшина",

заботясь объ учрежденіи статутовыхъ судовъ, могла имѣть въ виду и тѣ сословныя выгоды, которыя она должна была получить вмѣстѣ съ званіемъ статутовыхъ судей. Однакожъ удовлетвореніе сословныхъ интересовъ старшины при учрежденіи статутовыхъ судовъ, повидимому, отступало на второй планъ, такъ какъ правосудіемъ въ новыхъ судахъ получало возможность пользоваться все населеніе края, съ указанными въ статутѣ исключеніями. Если реформа судовъ 1763 года не была доведена до конца, если статутовое судопроизводство не было согласовано съ требованіями времени, то здѣсь виноваты прежде всего неблагопріятно сложившіяся для реформы условія. Начата она была при располагавшемъ широкими полномочіями гетманѣ, съ поддержкою котораго и явилась на свѣтъ, а установлялась и дѣйствовала—при главенствѣ въ краѣ императорскаго намѣстника, заботившагося о приготовленіи края къ введенію въ немъ другой реформы—*учрежденія о губерніяхъ*...

Исторія учрежденія въ лѣвобережной Малороссіи статутовыхъ судовъ давно уже требовала особаго изслѣдованія. Давъ такое изслѣдованіе, г. Миллеръ пополнилъ одинъ изъ значительныхъ пробѣловъ въ соціальной исторіи Малороссіи. Изслѣдованіе г. Миллера написано главнымъ образомъ по источникамъ рукописнымъ, чѣмъ заслуга изслѣдователя только увеличивается. Конечно можно пожалѣть, что г. Миллеръ не нашелъ возможнымъ болѣе распространиться о „козацкихъ судахъ", чѣмъ это сдѣлано въ его монографіи, такъ какъ при болѣе подробномъ изслѣдованія состоянія прежнихъ судовъ и реформа 1763 года получила бы болѣе правильное освѣщеніе. Особенно жаль, что г. Миллеръ, говоря о прежнихъ судахъ, вовсе не коснулся вопроса о *законахъ*, въ нихъ дѣйствовавшихъ, такъ какъ безъ обзора сихъ *законовъ* его изслѣдованіе о примѣненіи новыми судами *статута* и другихе кодексовъ—явилось какъ бы безъ начала. Но и съ этими пробѣлами монографія г. Миллера представляетъ собою работу, несомнѣнно составляющую цѣнный вкладъ въ исторіографію Малороссіи.

А. Лазаревскій.

Приложенія.

I. Декретъ переяславскаго полковаго уряда по спору внуковъ, по представленію за отца, съ тетками, за наслѣдство дѣда первыхъ и отца вторыхъ. 1685 г.

Року тысяча шесть сотъ осмдесятъ пятого, мѣсяца іюня дня первого.

На врадъ нашъ полковый переяславскій, передъ насъ Ивана Гулака, обозного полку переяславского, Симеона Кулженка, судю полкового, Максима Хоменка, атамана городового, и иншого на тотъ часъ згодившагося значного полкового товариства не мало було, отъ его млти пна Леонтия Полуботка, пна полковника войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорозкого переяславского, злеценная справа, которая въ таковый точилася способъ: Татьяна Андрѣиха Лехненковая, панфилская жителка, сполне съ синами своими Лавриномъ и Василемъ Лехненками, передъ всѣмъ вышеменованнымъ нашимъ засѣлымъ полковымъ обличне становши врадомъ, на зоввицѣ свои, Ганку, и Зѣнку, и Марю Лехнувны, о позосталие по небожчику свекру своемъ Хведору Лехну, небожчика своего мужа и оныхъ поменутыхъ еи зоввицъ отцевѣ кгрунта, впадаючии сукцессиве на потомки небожчика моего мужа Лехненка... то мовитъ: Лаврѣну и Василю, унукомъ Лехновимъ, прекладала скаргу, ижъ повѣдае: за живота еще своего мененный небожчикъ свекоръ мой Лехно оныхъ поменутыхъ моихъ зоввицъ, а своихъ дочокъ, при выданю въ станъ малженский почасти, водлугъ зможности своей, кождую зъ нихъ зъ своего набитку отцевско отвѣнивши, поотдѣлевалъ, тылко мужу моему Андрею, зъ меншимъ его рожонимъ же братомъ Петромъ, который, отъ лѣтъ тридцати и до сего часу въ неволѣ состаетъ, синумъ своимъ, за живота и по смерти всѣ много, по отдѣлу поменутыхъ дочокъ своихъ, зоставало кгрунтовъ небожчика, поменутий свекоръ мой въ поссесию на вѣчность по смерти милое ихъ матки, а своее жоны, милости своее отцевское за ихъ до него щирую синовскую приязнь на уживане поручилъ, которыхъ презъ многіе лѣта померлихъ своихъ милихъ родичовъ, до смерти своее, жадное нѣ отъ кого не мѣючи турбацыи, спокойне уживалисмо зъ дѣтми; где уже теперъ, по смерти небожчика мененного Лехненка, моего мужа, оные мененные мои зоввицѣ отъ онихъ небожчиковскихъ Лехновыхъ кгрунтовъ сихъ то

помянутыхъ унуковъ Лехновыхъ, а потомковъ небожчика жъ мужа моего Андрея Лехненка, Лаврѣна и Василя, оттерли. О чомъ мы, урадъ, кгдысмы на скаргу Татияны зъ сынами ей сторонѣ и обжалованной Ганцѣ, Зѣнцѣ и Марии на отповѣды стати передъ насъ росказали и о посѣстю оныхъ кгрунтовъ, зъ якое бы мѣри завладѣти собѣ мѣли, питали, котории, ижъ мовитъ на насъ по отцевѣ нашему вспадати мѣютъ, тимся вимѣрали. Однакъ теды, кгдысмы доходячи певности на таковое ихъ вспарте промежко собою, слушныхъ казалисмо постановити свѣдковъ. Теды на жадане обоихъ сторонъ, на якого здаватись зъ права у свѣдоцство передъ симъ же вышеменованнымъ нашимъ урадомъ, поставши (поставивши?) человѣкъ значный, панфилский старии житель и годний вѣры, бывшій того села атаманъ, имямъ званный Сидоръ Лисий, доброволне, подъ сумленемъ, такъ призналъ: ижъ повѣдае, о томъ вѣдаю заневне, же мененныя Лехнувны отдѣлены особно на своихъ зоставали кгрунтахъ, а помянутый небожчикъ Андрей Лехненко по смерти отца своего всѣми отцевскими владнулъ кгрунтами; а ежели о томъ не доймете вѣри, то до старихъ панфилскихъ жителей, для досконалшого свѣдоцства, зослати кого зволте. Теды мы звышеспецификованный полковый переяславский урадъ, взираючи на очевистную межи сторонами, Татьяною зъ сынами и Лехнувны Ганки, и Зѣнки и Мари контроверсию и на певное оного человѣка свѣдоцство, близшихъ дѣдичовъ до отчизны отца ихъ и до его Лехна кгрунтовъ быти уважилисмо Лаврѣна и Василя, унуковъ Лехновыхъ, которимъ судомъ нашимъ въ вѣчную посессию оные Лехнувские кгрунты приворочаенъ, абы, яко своими власными, спокойне заживали, тилко за радою тихъ же дѣдичовъ Лаврѣна и Василя и взираючи на убожество и на обудовѣлость осиротѣлое старшое дочки Лехновое мененное Ганки Криштопихи въ части тихъ кгрунтовъ, зъ садку для выжевленя и изъ гаю для огрѣваня подтихъ дровъ и изъ третее части поля, до смерти ей, не продаючи нѣкому, присудилисмо уживати; а по смерти оное и тое при помененныхъ Лехновихъ унукахъ Лаврѣну и Василю абы зоставало. По таковомъ теди ихъ помѣркованю мы, урадъ, декретъ нашъ для потомнихъ часовъ зтвержаючи, того варуемъ, абы Ганка и Зѣнка и Маря Лехновны, и потомки ихъ, мененныхъ Лаврѣна и Василя такъ у права и на кождомъ мѣстцу и оныхъ Лехновихъ кгрунтахъ, подъ виною таляровъ трицяти не отпустне, не важилися турбовати, що и сей декретъ потребуючой сторонѣ, при печати на-

шой судейской, на оборону дать росказалисмо. Дѣялося въ Переяславли, року и дня вишъ писанного. Звышменованный урадъ полковий переяславскій.

М. П.	На печати буквы: *П. С. П. П.*, т. е. печать суда полковаго переяславскаго. *(Съ подлинника)*.

II. Декретъ генеральнаго суда по жалобѣ воронежскаго обывателя Степана Шевлюги на бывшаго нѣжинскаго полкового писаря Ивана Быховца за завладѣніе водяною мельницею. 1685 года.

Року божого тысеча шестсотъ осмдесятъ пятого, мѣсяця июня двадцетъ пятого дня.

Предъ нами, Михайломъ Вуяхевичемъ, судією на сей часъ енералнымъ Войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорозкого, Захарием Шийкевичемъ и Анъдреемъ Васильевичемъ, писаремъ судовымъ, приточилася справа за поданъемъ суппліки самому ясневелможному его милости п. гетману отъ Степана Шевлюги, обывателя воронязкого, ускаржаючися на Івана Быховца о заставку млыновую, лежачую подъ Вороняжемъ, на рѣци Есманѣ, будто бы тую заставку млыновую, будучи писаремъ полъковымъ нѣжинскимъ, Іванъ Быховецъ дарма завладѣлъ, и млинъ збудовавши и до сего часу держитъ, речоного Степана Шевлюги не уконтентовавши. При той суппліце о тую заставку укривжоный будто Степанъ, яко судъ уважилъ справедливости домовлялся. Отпорная сторона Іванъ Быховецъ немного слушнымъ и неслушнымъ речамъ бадаючи, але заразъ презентовалъ записъ даровизный одъ Степана Шевлюги данный, въ которомъ описуетъ доброволный даръ и волная заставка власная Степанова, нѣ вчомъ участникомъ Хведку Римару и Матвию Огиенку не пѣнная, тотъ записъ подъ датою билъ: року тисяча шестсотъ шестдесятъ семого, септеврія девятого дня. А в того запису подписи рукъ при одной печаты, такие былы: Степанъ Шевлюга, Василій Власовичъ, сотникъ воронязскій. Іванъ Брусиловецъ, атаманъ город. воронязкий. Писаръ того листу Евстафій Петровичъ, рукою власною. Устне прошоный о подписъ руки Симеонъ Ступаковичъ, священникъ воронязкій. На тимъ же записѣ записани были, противъ дарованное заставки, оддарунъки зъ рукъ данне Степановѣ Шевлюзѣ одъ Івана Быховца, которие самою реччу такъся въ собѣ мѣлы, напродъ: дана была

ручница быховка зъ пороховницею, съ порохомъ и зъ кулями, муки житной тры полубочки,—якъ млынъ займовалъ, тогды муки осмачку далъ, плачено по пять зол., овса чверть, плачено въ тотъ часъ по два зол.; каменъ вышнякъ млыновый, обробленный, лисица ленская, окгонковъ пять, футро сѣбирсковоі, брушковое, готовыхъ грошей копъ шесть, з долгу ему ста зол. позычоного нецобравшы, даровалъ. При такихъ на тую заставку документахъ, реченый Іванъ Быховецъ, просечи судового уваженія, одъ той неслушной жалобы Степановой увolненя и обороны судовое домовлялъся.

Судъ нинешний войсковый енералный одъ обоихъ сторонъ тыхъ контроверсій передъ судъ вношоныхъ, выслухавши, добре въ то глянулъ, же Степанъ Шевлюга дарма и неслушне Івана Быховца оскаржилъ, теды оного з такою неправдивою жалобою од права и одъ суду пречъ одкидаетъ, с которою то жалобою напотомъ ежелибыся мѣлъ повторе передъ який судъ и право показаты, о тую жъ заставку, то на тотъ же судъ, албо до скарбу войскового заплаченя вины сту таляремъ самъ и потомки его подлѣгатимутъ, того пилно судъ варуетъ моцю сего нинешнего декрету, который записъ тотъ купчий албо даровызный ствердивши и про память записавши, ку лѣпшей певности подъ судовою печатію потребуючой сторонѣ естъ выданъ. Писанъ въ Батурине.

Анъдрей Васілевичъ писаръ судовъ войсковыхъ енер. | М. П. | («Печать судей войска его ц. велич. Запор.»).

(Съ подлинника).

III. Приказъ судей генеральнаго суда Степану Аверченку исполнить распоряженіе «судового писаря» о прекращеніи подтопа водяной мельницы Григорія Дейнеки. 1687 года.

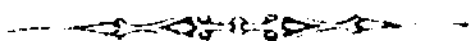
Михаилъ Вуяхевичъ. Сава Прокоповичъ. Судии енералные войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорозкого. Тобѣ, Степану Аверченку, ознаймуемы, іжъ Григорій Дейнека, козакъ и житель кролевецкій, ускаржался самому ясневелможному его милости пану гетману презъ супплѣку на тебе и на бувшаго бунчучного Коста [1]), же ты скрыню сво... повтю вышше поднявши, млынъ жа-

[1]) Константинъ Ивановичъ Голубъ, братъ жены гетмана Самойловича.

луючого Григория (под)топилъ, которого затопленя твоего и панъ писаръ нашъ судовий самъ оглядивши, приказалъ же бысь тую скриню такъ обнижилъ, яко въ первомъ своемъ постановленю стояли и жебысь воду такъ пустилъ, яко первей межи вами въ сусѣдствѣ мелницкомъ была, що ты и на сей часъ занедбалъ. Зачимъ теперъ именемъ самого ясневлможного добродѣя тебе упоминаемъ и повагою судовою приказуемъ, жебысь такъ конечне тую скриню обнижилъ и воду такъ справилъ, яко первей, жебы болей жалуючий Григорій на тебе не ускаржалъ о тотъ свой отъ тебе ему безъвинне дѣючий утискъ, що и потрете тобѣ приказуемы. Въ Батуринѣ. Октовр. 14, 1687.

Звышменованыи судіи войсковиe енералние. | М. П. | («Печать судей войска его ц. велич. Запор. +»).

Въ томъ заводѣ пробо..... що жалуючий выложилъ за твоимъ упоромъ, теды, жебысь ему конечне тие всѣ наклади вернулъ приказуемъ. *(Съ подлинника).*



ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА*).

VII. Письма Василія Яковлевича Ломиковскаго.

(1822—1830 г.г.)

52. На пути моемъ въ Кибенцы, въ 10 часу утра, 26 февраля, встрѣтилъ я двороваго человѣка, ѣхавшаго за покупками въ Лубны, съ двумя жидами; они, узнавъ меня, остановились и объявили, что Дм. Прокофьевичъ того-же дня скончался во 2 часу о полуночи. До смерти его за нѣсколько дней, была прочитана духовная въ двухъ актахъ, составленныхъ собственной рукой усопшаго еще въ 1825 году. Одна изъ сихъ бумагъ относилась въ пользу внуки, коей отказано 750 душъ Шубовскихъ. Другая же относилась до двухъ племянниковъ; по предмету сему духовная совершенно сходна съ вашимъ мнѣніемъ относительно перевѣса въ наслѣдіи на сторону первороднаго. Ивану Ефимовичу—русская деревня *да й годи*. Андр. Андреевичу [2]) кіевскій домъ, каганликской ключъ [3]), Кибенцы, Ерески и Федунка, со всѣми избытками. На похороны дано 6 тысячъ въ руки, да 40 тысячъ бумажками, да женѣ его и внукѣ по кошельку съ имперіалами, содержащими суммы на 4600 рублей; да особо внукѣ 49,000 рублей. Хотя я заранѣе, до обѣда, увидѣлъ усопшаго на столѣ, въ портретной комнатѣ,

*) См. Кіевск. Стар. 1898 г., іюнь, 453.

[2]) Трощинскому.

[3]) Т. е. м. Кагарлыкъ (кіевскаго уѣзда) съ деревнями; теперь принадлежитъ Чертковымъ.

того же утра какъ онъ скончался, однако же засталъ уже племянниковъ съ нашивными плерезами, припечатывающихъ кабинетныя сокровища. Хотя усопшій завѣщалъ похоронить себя внѣ церкви, у алтаря, указавъ мѣсто сіе за нѣсколько лѣтъ еще, однако же наслѣдникъ разсудилъ погребсти его въ самой церкви не смотря на запрещеніе. Это мѣсто дешевле потому, что вмѣсто довлеющаго памятника, обошлись тремя четвертями извѣсти, занятой у меня на второй день къ вечеру, отзывомъ ко мнѣ изъ *экономіи Трощинскаго*, за подписаніемъ *писаря*, подъ большою черною печатью, съ надписью: печальная экономія. Сегодня 4-й день уже и никто не знаетъ, когда хоронить будутъ; но кажется, что завтра все приспѣетъ, не взирая на извѣстную медленность Андр. Андреевича. У сего наслѣдника внезапно обнаружилась гордость, чванство и небреженіе къ посѣтителямъ, и при томъ въ большой степени въ ястіи и питіи оказались весьма неприличныя натяжки. И такимъ образомъ одинъ изъ хлѣбосольнѣйшихъ домовъ достался такому *прокислоѣду*, котораго хотя весьма многіе устраняться будутъ, яко же и азъ многогрѣшный, однако же онъ, съ своей стороны, приложитъ всемѣрное стараніе отстрѣливаться и отъ тѣхъ, которые поставляютъ правиломъ уважать тѣхъ людей, у коихъ болѣе, чѣмъ у другихъ имѣется лошадей и свиней, и проч. Покойный Дмитрій Прокофьевичъ умеръ по-христіански: пріобщившись, принялъ обрядъ міропомазанія, при семъ случаѣ онъ съ чувствомъ прижималъ къ сердцу Крестъ Христовъ, и облобызалъ оный съ теплою любовію; затѣмъ просилъ, чтобы молились о скорѣйшемъ исходѣ души его; послѣ сего три дня не вкушалъ пищи, въ продолженіи коихъ читали надъ нимъ Псалтырь и Евангеліе"...

1 марта, 1829 Н. Трудолюбъ.

53. Хорольскій докторъ по неволѣ было принялся лѣчить Софью Ивановну Синельникову, [1]) но, увидѣвъ, что нѣтъ надежды, немедля сказалъ, что онъ не намѣренъ оставлять дру-

---

[1]) Мы не знаемъ чья дочь была эта типическая помѣщица двадцатыхъ годовъ, но видно, что она была близкою родственницею Апостоловъ.

гихъ паціентовъ и тратить надъ безнадежною время. Кромѣ многихъ другихъ врачей, покойная Софья Ивановна прибѣгнула подъ конецъ къ одному швейцару, который лечитъ новѣйшею методою, называемою гомеопатическою; метода сія чрезвычайно полезна для шарлатановъ, и сей шарлатанъ беретъ у Алексѣева денегъ 4,000 руб. въ годъ и лечитъ старшую дочь Алексѣева отъ двукратнаго переломлѣнія ногъ. Узнавши методу сію, могу заключитъ, что сущность ея состоитъ въ слѣдующемъ: 1-е) какъ можно меньше давать лѣкарства; 2) какъ можно больше брать денегъ; 3) брать деньги и отъ наслѣдниковъ за умершихъ и брать какъ можно больше. Покойная Софья Ивановна умирала столь шумно, что мнѣ никогда видѣть ни слышать о подобной шумности не случалось, и даже я и въ романахъ не начитывалъ, а потому для иныхъ смерть ея можетъ быть и примѣчательна; и я не могу удержать пера отъ описанія послѣднихъ мѣсяцевъ жизни ея. Покойница пользовалась въ херсонской деревнѣ; между тѣмъ генералъ интендантъ Линденъ предложилъ младшей дочери ея свою руку, на что у нихъ получилъ и слово, но какъ интендантъ по причинѣ военнаго времени и гвардейскаго похода въ столицу, обѣщалъ было заняться продовольствіями корпусовъ, то онъ и ускакалъ въ Петербургъ; но, описавъ ея болѣзнь, разсказалъ лучшимъ придворнымъ штабъ-докторамъ о припадкахъ ея, какъ то: Крейтону, Вилліе и другимъ, съ коими покойница лично была знакома и пользовалась отъ нихъ, будучи въ столицѣ, съ искрою и безъ искры (?).— Любовь зятя исходатайствовала у знаменитыхъ медиковъ готовность пользовать ея, чего ради и пустилась она въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ, въ сопровожденіи доктора и молодого кавалера, и сына, и дочери. Остановившись на ночлегъ въ Хоролѣ, узнаютъ, что здѣсь много паціентовъ и что многіе изъ нихъ излечены были отъ отчаянныхъ болѣзней, рѣшилась пользоваться у хорольскаго врача Закса который сейчасъ узналъ, что она предъ молодымъ докторомъ не очень откровенно изъяснялась о болѣзни своей и что онъ не такъ и пользовалъ ее.— Засталъ-же докторъ сей пріѣзжую сію въ слѣдующемъ состояніи:

она сдѣлалась роста очень маленькаго, высохла такъ, что никто не видалъ подобнаго движущаго скелета, цвѣтъ лица зеленоватый, ручныя кости почти похожи на пальцы толщиною; сверхъ всего сего, непрерывной поносъ. Но дорогія нѣкоторыя лекарства немного подкрѣпили ея и такъ даже, что она получила ложныя силы и стала на время крѣпче похаживать по комнатѣ. Молодой провожатый, увидѣвъ одну изъ дѣвицъ, посѣтившихъ съ матушкою больную родственницу, влюбился въ дѣвицу, и умирающая тутъ-же сыграла свадьбу въ домѣ лекаря и была на свадебномъ балѣ и сидѣла даже за ужиномъ, и смотрѣла на пляски. Уѣздный лекарь, вѣнскій воспитанникъ Заксъ, думалъ, что онъ лечитъ обыкновенную малороссійскую помѣщицу; но вдругъ получаетъ, говорятъ, не менѣе, какъ отъ четырехъ придворныхъ медиковъ, требованіе, гласящее, что они, судя по прописаннымъ имъ рецептамъ, находятъ, что его паціентка имѣетъ претяжкую болѣзнь, а потому имѣетъ онъ подробно описать прежнее леченіе ея, настоящее его леченіе и проч. и проч. Сей долженъ былъ все оставить и, проклиная тотъ день, въ который познакомился съ больною, долженъ былъ изложить уже не рецептъ, а настоящую классификацію, да, говорятъ, и неоднажды. Наконецъ она выписала гомеопатиста, который торжественно объявилъ, что онъ ее вылѣчитъ непремѣнно. Между тѣмъ загорѣлся тотъ домъ, гдѣ больная лѣчилась и ее перенесли въ другой отдаленный дворъ. Гомеопатистъ велѣлъ въ глубокую осень открывать окна и двери и что-бы никто неимѣлъ на себѣ ни духовъ, ни помады, и до самой смерти увѣрялъ, что онъ вылѣчитъ больную; а за день до смерти, сталъ увѣрять больную, что она стала здоровѣе тогда, какъ больная едва, едва уже говорить могла, однако-же успѣла собраться съ силами, чтобы доктору сказать слѣдующее: желаю, чтобы и ты такое-же здоровье получилъ, какое теперь я имѣю!—Но больной не дали умереть въ городѣ, а перевезли ее въ село Васеньки [1]) къ расточительному Оболонскому, который по какимъ то разсчетамъ за-

---

1) Хорольскаго уѣзда

благоразсудилъ въ долгъ показать свое тароватство. Больная, принимая посѣщенія и, можно сказать, непрестанныя посѣщенія отъ многихъ родныхъ и знакомыхъ, распрашивала у у всѣхъ дамъ—что у васъ сей годъ хорошо уродило? Кто скажетъ ленъ, то попроситъ, чтобы прислала сего лену; кто скажетъ бураки, то попроситъ бураковъ, а у кого гороху, а у кого муки, сѣна, овса, кореньевъ и, наконецъ, узнавши, что городничій имянинникъ, просила половину пирога. И всѣ присылали ей, что она ни просила, а наконецъ у одной потребовала свинью для того, чтобы не пропадали ее помои, а когда свинья убѣжала, то взяла другую у той же самой бѣдной помѣщицы, у которой и первую свинью взяла. Между тѣмъ она имѣла здѣсь одну должницу покойному Апостолу, да и тотъ долгъ былъ несправедливый. Однако-же она въ духовной имѣніе сей должницы отписала разнымъ другимъ, въ качествѣ добра предсмертнаго. Бывшій судья хорольскій, славный юристъ, писалъ сію духовную, а написавъ духовную, умеръ прежде Софьи Ивановны. Во время же пожара, украли у нея часы, полученные ею изъ дому Апостольскаго, кои стоятъ, говорятъ, свыше шести тысячъ, и часы сіи не отысканы. Во время болѣзни ея, пришла одна пилигримка съ книгой на церковь; дали ей, 20 копѣекъ серебромъ. Когда же пилигримка сказала дочери, что она сомнѣвается, чтобы матушка такъ мало дала на церковь, что можетъ быть тутъ есть обманъ; тогда дочь отвѣчала, что мы по нашему состоянію болѣ дать не въ состояніи. Больная умерла въ 10 часу утромъ, 25 декабря, въ первый день праздника, по прошествіи поста и, такимъ образомъ, помои не пропали, ибо свинья сдалась на поминовеніе. Усопшую положили въ одну могилу съ Пламенцовымъ [1]). Хотя Пламенцова вдова и теперь еще жива и мѣсто сіе приготовила для себя, но живетъ въ другой деревнѣ и о такомъ хищеніи еще не извѣстилась, кажется. Между тѣмъ сынъ Софьи Ивановны ѣздилъ къ отцу своему,

[1]) Говорится, кажется, о сынѣ бывшаго гадяцкаго полковника серба Родіона Пламенаца (1780).

который сжалился и призналъ и дочь, и другого сына, законными, но сія вѣсть не застигла усопшей, а присланныя мужемъ на похоронъ три тысячи были сейчасъ украдены и чрезъ нѣсколько дней отысканы. Вышеупомянуто было, что на церковь дала 20 копѣекъ серебромъ, но когда Софья Ивановна умерла, то дурацкое чванство дало иноземному шарлатану 1500 рублей ассигн.—тому, кто даромъ хлѣбъ ѣлъ, а на церковь Божію, пріемлющую насъ въ вѣчную жизнь, можно сказать, ничего не дано. Не чортъ ли тутъ работалъ? Вотъ до какой крайности ослѣпляются люди; дьяволъ связалъ руки и ноги и, не примѣчая того, думаютъ еще, что могутъ благоугодить Богу, когда съ усиленнымъ принужденіемъ и съ упреками даютъ 20 копѣекъ!— и утопая въ преизбыткахъ, жалуются на состояніе. И этихъ людей безпрестанно навѣщали всѣ съ наружнымъ дружелюбіемъ и всѣ отъ перваго до послѣдняго, а наипаче тотъ, кто принялъ въ свой домъ больную, давалъ пиры и хлопоталъ о великолѣпіи похоронъ; всѣ до одного, при жизни и по смерти Софьи Ивановны, осуждаютъ ее несказанно, даже и понынѣ. Между пожарами, свадьбами и кормленіемъ свиней были и сватовства, и рифмоткачъ Аркадій [1]) предлагалъ руку дочери, но крѣпкій отказъ получилъ.

Хотѣлось мнѣ на праздникъ быть въ теплой церкви и былъ въ Кибенцахъ, и сожалѣлъ,—что за пустыня! что за тощій и голый народъ! Хозяинъ, выѣзжая въ Петербургъ, далъ выговоръ, что будто-бы большой расходъ въ церкви и поставили желтыя свѣчички, и спѣшатъ гасить—ей правда! а свой заводъ имѣется на бѣлыя свѣчки. Вотъ каковы нынче люди. А Ольга Дмитріевна къ матушкѣ А. А. пишетъ изъ Петербурга слѣдующее: „намъ въ Петербургѣ очень весело, матушка! къ намъ всякій день ходитъ лекарь и совѣтуетъ ѣхать на Кавказъ“ Право не могу никакъ угадать, что тутъ очень веселое? что-жъ дѣлать,

---

[1]) Родзянко, поэтъ.

теперь народъ такой! Нельзя и заикнуться въ томъ, что они неправильно мыслятъ, неправильно говорятъ и пишутъ. Сейчасъ скажутъ, мистикъ, ханжа, педантъ, старинный человѣкъ и проч., и проч. Милліонеръ квартируетъ у Ересковскаго жителя Леонтьева, гдѣ дворъ такъ малъ, что нижній этажъ домика составляетъ ворота, а впрочемъ некуда-бы и въѣхать; и такимъ образомъ больной живетъ надъ воротною стукотнею. Дворовые люди говорятъ, что у него одно на умѣ: долговъ много, какъ ихъ и когда ихъ выплатить? И и на семъ коникѣ онъ непрестанно ѣздитъ. Отнявъ у церкви бѣлыя свѣчки, заплатилъ между тѣмъ въ банкъ весь долгъ, лежавшій на Марьѣ Ивановнѣ [1]) подъ залогъ всего имѣнія. И здѣсь дьяволъ дѣйствуетъ.—Марья Ивановна весьма ошиблась заключеніями своими о геніальномъ мужѣ, сынѣ ея Никошѣ; онъ бывъ выпущенъ изъ Нѣжинскаго училища, нигдѣ не захотѣлъ служить, какъ въ одномъ изъ министерствъ и отправился въ столицу съ великими намѣреніями и вообще съ общеполезными предпріятіями; *во первыхъ*, сообщить матушкѣ не менѣе 6000 рублей денегъ, кои онъ имѣетъ получить за свои трагедіи; *во вторыхъ*, исходатайствовать Малороссіи увольненіе отъ всѣхъ податей. Таковыя способности восхищали матушку, и она находитъ любимой разговоръ свой разсказами о необыкновенныхъ дарованіяхъ Никоши. Едва Никоша прибылъ въ столицу, какъ началъ просить, у матушки денегъ, коихъ она переслала выше состоянія; наконецъ, она, думаю, не безъ помощи А. А. [2]) собрала 1800 рублей для заплаты процентовъ въ банкъ; для исполненія сего, вѣрнѣе человѣка не могла найти матушка, какъ сына своего и тѣмъ вѣрнѣе было сіе, что сыново-же имѣніе находится подъ залогомъ. Геній Никоша, получивъ такой кушъ, зѣло возрадовался и поѣхалъ съ сими деньгами вояжировать за границу, но, увидивши границу, издержалъ всѣ деньги и возвратился вспять въ столицу. Но

---

1) Говорится о Марьѣ Ивановнѣ Гоголь, а далѣе о сынѣ ея—авторѣ „Мертвыхъ душъ“. Семью Гоголей Ломиковскій, повидимому, зналъ близко. См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., ноябрь, отд. 2, стр. 44.

2) т. е. Андрея Андреевича Трощинскаго.

чтобы матушка не была въ убыткѣ, то онъ далъ ей письменное позволеніе пользоватся его доходами съ имѣнія, а въ томъ имѣніи нынѣ оказалось великое изобиліе въ снѣговыхъ слояхъ и глыбахъ. Андр. Андр., будучи еще въ Кибенцахъ, узнавъ о таковыхъ подвигахъ Никоши, сказалъ: мерзавецъ! не будетъ съ него добра, и пошло-бы имѣніе въ публичную продажу съ пятью дочками, но теперь, какъ сказано выше, долгъ заплаченъ. Теперьже Никоша пишетъ къ матушкѣ: «я удивляюся, почему хвалятъ Петербургъ, городъ сей болѣе превозносится, чѣмъ заслуживаетъ, и я, любезная маменька, намѣренъ ѣхать въ Соединенные Штаты и проч. тому подобное»—Вотъ о трехъ лицахъ я сдѣлалъ описаніе, являющее искаженность нравовъ. Между тѣмъ и другіе многіе, если не въ томъ, такъ другомъ не отстанутъ отъ прописанныхъ, а затѣмъ уже говорятъ сами священники, что правит. Синодъ оштрафовалъ и сдѣлалъ выговоръ, и оставилъ въ замѣчаніи 40 священниковъ нашей губерніи, а въ другихъ губерніяхъ сіе число и того болѣе. Все сіе заставляетъ меня крайне сокрушаться о любезномъ отечествѣ нашемъ и если таковое растлѣніе усилится, то ожидать гнѣва Божія“...

9 генваря, 1830. П. Трудолюбъ.

Ожидая отъ васъ увѣдомленія относительно вашего переѣзда [1]), получилъ оное въ прошедшій вторникъ вечеромъ, т. е. 29 апрѣля, а какъ у насъ почта отходитъ только по вторникамъ, то я не могъ прежде отвѣчать вамъ, какъ въ слѣдующій вторникъ, т. е. сего мая 6 дня. Между тѣмъ нѣкоторыя препятствія къ путешествію воловъ существовали и съ нашей стороны, и я опасался, что вы будете безпокоиться о совершенномъ молчаніи моемъ, какъ вчерашній день, т. е. 5 числа, вновь получилъ письмо ваше, въ которомъ и вы готовы переждать немного, лишь бы надежнѣе совершить переѣздъ и перевозку. На сіи два письма относительно перевозки доложу вамъ слѣдующее: разлитіе водъ Днѣпровскихъ продолжается полноводіемъ, какъ я уже то испыталъ до 9 мая, а сего числа Днѣпръ непремѣнно уступаетъ отъ береговъ; у насъ

[1]) Изъ Кіева въ имѣніе В. Я. Ломиковскаго.

же сильная зима истощила скотъ долговременнымъ сухимъ кормомъ, между тѣмъ помню я такіе годы, въ кои 12 апрѣля всѣ сады уже цвѣли, но и пострадали послѣ отъ морозовъ, а теперь, мая 6-го, сады голехинькіе, а раннія деревья только что раскрываются, дубъ голъ, какъ среди зимы; такимъ образомъ и подножный кормъ отсталъ отъ холодной весны, вслѣдствіе чего назначенныя четыре пары воловъ пущены на мелкую еще траву отпастись и укрѣпиться, а какъ трава всякій день примѣтно кустится уже, то послѣ отдохновенія волы сіи съ 4-мя большими фурами и съ 3-мя сундуками отправляются изъ Трудолюба рано 11 числа мая мѣсяца; такая мѣра взята и для того, что на случай пойдутъ дожди, то крѣпкіе волы и тяжкій путь въ силахъ будутъ выдержать. Все сіе состоитъ въ большомъ согласіи съ послѣднимъ письмомъ вашимъ и оно весьма кстати подоспѣло; что же касается вашего переѣзда, то я посылаю четверку коней съ расторопнымъ лакеемъ и коляску такую, въ которую можно будетъ помѣстить не одинъ сундукъ и не одинъ чемоданъ, и не одинъ ящикъ. Кони старые, но крѣпкіе и очень смирные, и прислуга скромная, вѣрная и смирная; коляска выѣдетъ 13 числа съ полудня, дабы, такимъ образомъ, кони догнали воловъ при берегахъ днѣпровыхъ.—Я всякій день двукратно съ колѣнопреклоненіемъ молюсь Богу, чтобы, во первыхъ, путь вашъ совершился благополучно; во вторыхъ чтобы, вы нераскаивались о столь рѣшительномъ поступкѣ и жертвахъ, принесенныхъ для меня; въ третьихъ, чтобы вы долголѣтно пожили въ Трудолюбѣ съ плодами духовными и въ четвертыхъ, чтобы я сподобился оправдать довѣріе ваше ко мнѣ, которое цѣню чрезвычайно высоко и паче предпочтеніе меня предъ многими другими; за то и чистая любовь моя къ вамъ основана не на плоти и не на крови, но истекаетъ отъ духа истины и отъ любви къ Богу и церкви Христовой, словомъ чистая любовь братства христіанскаго!

Какъ въ скоромъ времени буду имѣть неизреченное счастіе лично бесѣдовать съ вами, то на письмѣ семъ и небуду распро-

страняться, а поставляю долгомъ поблагодарить васъ за поздравленіе съ праздникомъ и добрыя пожеланія.—

Относительно лиліи, то сущая правда: мнѣ однажды дали весной нѣсколько головокъ и всѣ погибли, а одинъ охотникъ обѣщалъ снабдить меня бѣлою лиліею съ тѣмъ, что онъ не иначе пришлетъ ее ко мнѣ, какъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, чтобы даръ не пропалъ. Цвѣтныя луковицы, какъ то: тюльпаны и т. п. мы разсаживаемъ среди лѣта, какъ листъ одинъ останется. За малину же очень благодаренъ вамъ, охотники щеголяютъ крупными плодами...

6 мая, 1830 г. П. Трудолюбъ.

54. Сообразно съ предварительнымъ письмомъ, препровождая четверкою коней покойную коляску для несказанно отраднаго переселенія вашего въ *Паркъ Трудолюбъ*, который возвеселится о вожделеннѣйшемъ водвореніи вашемъ, наипаче же восхитится душею владѣлецъ онаго, по словамъ Спасителя:—гдѣ два во имя мое ту и Азъ!..—можетъ ли въ мірѣ семъ что иное быть отраднѣе? Призывая на событіе сіе Божіе благословеніе, молю, да поживете здѣсь въ мирѣ, покоѣ и тишинѣ—на душеспасеніе.—

Я же съ своей стороны всемѣрное приложу стараніе оправдать преимущественное выше предпочтеніе меня и довѣріе ко мнѣ, тогда какъ вы, съ полновѣснымъ пенсіономъ, могли-бы найти пріютъ себѣ даже въ четырехъ частяхъ подлуннаго міра, тѣмъ болѣе я цѣню сіе, ибо зная, что ничто иное побудило васъ на сіе, какъ священнѣйшія наши духовныя связи и единеніе. Послѣдній нарочный мой провинился, какъ предъ вами, такъ и предо мною; когда онъ принесъ ко мнѣ благословенныя отъ васъ просфоры, то я, облобызавъ оныя, спросилъ доставилъ-ли онъ хлѣбъ отъ меня посланный вамъ? На что онъ отвѣчалъ, что забылъ отдать и вспомнилъ про оный на обратномъ пути въ Переяславѣ; тогда я велѣлъ показать мнѣ хлѣбъ, на что онъ сказалъ, что съѣлъ его на обратномъ пути; и сіе сдѣлалъ такъ мужикъ, у котораго двѣ пары воловъ, рыболовный прудъ, вѣтрякъ и водяная мельница и имѣетъ внуковъ. Каковъ-же бало-

ванецъ, сынъ прикащика, состарѣвшійся безъ панщины! При семъ кланяюсь вамъ пшеничнымъ хлѣбомъ, на благополучный путь покушать во здравіе.

16 лѣтъ употреблялъ я одну табакерку, которая теперь съ разломленной крышей, полагая, что Веселейлъ (?) можетъ обдѣлать ее въ одинъ день, посылаю къ нему, буде-же не можетъ, то нежелаю никакой остановки вамъ, а пришлю нарочнаго къ нему и послѣ. Губернское правленіе хочетъ меня выкурить, оказываетъ гоненіе за правду, а я не потакаю и не страшуся.

Къ пріѣзду вашему природа Трудолюбская, какъ поля хлѣбныя, такъ и сады плодоносные примѣтно и необыкновенно красуются—знакъ благословенія Божія.

Касательно лекаря, доложу вамъ, что въ Лубнахъ находится одинъ преученый нѣмецъ, вольнопрактикующій, бывшій въ путешествіи вокругъ свѣта, по избраніи академіи, но яко впадшій въ меланхолію, прибылъ въ Малороссію для климата; не одинъ человѣкъ хвалится его искусствомъ и многіе отзываются о его странностяхъ и циркулярныхъ воззваніяхъ къ дворянству съ упреками..... плохая надежда на такую нѣмоту.—Есть еще при больницѣ лубенской, харьковскій питомецъ, родомъ миргородецъ, прошлый годъ вступившій въ службу и въ практику; безкорыстный, мало даетъ лѣкарствъ, преудачныя производилъ леченія въ несложныхъ и очевидныхъ болѣзняхъ, кажется, по теоріи; но въ хроническихъ припадкахъ дѣло иное и, кажется, швидкій на заключеніе, ибо когда я сказалъ ему, что страдаю старыми завалами, то онъ отвѣчалъ, что завалы не существуютъ.—Посудить можете.—Въ Хоролѣ есть вѣнскій питомецъ панъ Жидовскій, реформатъ нѣмецкій, который крестится и по русски, весьма свѣдущій, удачный врачъ на отчаянныхъ консиліяхъ, но такой Іюда, что нарочно портитъ больного, чтобы дольше молоко доить. [1]) Но хвалятъ очень лохвицкаго повѣтоваго, совоспитанника Голованева, весьма хвалятъ три повѣта и

---

[1]) Кажется, тотъ Закст, который лѣчилъ Синельникову. См. письмо 53-е.

хвалятъ по многимъ отношеніямъ; отъ меня домъ его отдаленъ одною конною упряжкой; я хочу и самъ въ скоромъ времени познакомиться съ нимъ.—Кого Богъ пошлетъ на сердце ваше?—

Мая. 1830. II. Трудолюбъ.

Этимъ письмомъ оканчивается переписка Ломиковскаго съ И. Р. Мартосомъ, переселившимся засимъ въ Паркъ-Трудолюбъ и здѣсь умершимъ. Въ заключеніе приводимъ отрывокъ изъ письма, писаннаго Ломиковскимъ незадолго до своей смерти къ брату Ивана Романовича, Ф. Р. Мартосу. Письмо это написано на трехъ съ половиною листахъ почтовой бумаги, въ большую 4-ку, не окончено и, кажется, представляетъ не черновикъ, а подлинникъ, почему то неотправленный по адресу. Писано оно 4-го апрѣля 1845 года, незадолго, значитъ, до смерти Ломиковскаго, умершаго, повидимому, не позже 1846 года.

Милостивый государь, достопочтенный Федоръ Романовичъ. Старческіе недуги и разныя причины побуждали меня па первое письмо ваше, полученное мною въ исходѣ прошедшаго года. Но вы такъ благосклонны, что отъ 20 февраля вновь почтили меня, гречкосѣя, отзывомъ, содержащимъ поздравленіемъ (sic) съ новымъ симъ 45 годомъ и съ добрыми мнѣ пожеланіями..... Не скрою предъ вами, что февральское письмо ваше преимущественно обрадовало меня. Вообразите! Екатеринославскія вѣсти пропѣли вамъ вѣчную память. Но успокойтесь, подобные слухи никогда не сокращаютъ жизни... Не излишнимъ считаю доложить вамъ и о томъ, что, хотя я и не вполнѣ довѣрялъ прискорбному слуху о кончинѣ вашей, но этотъ слухъ усиливался очень частыми и всегда оправдывавшимися слухами о смерти многихъ извѣстныхъ мнѣ особъ; однихъ родственниковъ своихъ въ протекшемъ году я оплакалъ не менѣе 12-ти, кажется, или безъ малаго. Въ числѣ ихъ были и такіе, о которыхъ я и понынѣ сокрушаюсь, а были и такіе еще, для душеспасенія которыхъ долгомъ поставилъ переслать деньги въ Антіохію для поминовенія ихъ. Изъ числа же не родныхъ и не собесѣдни-

ковъ моихъ, не стало и Коноваленка. Онъ весь вѣкъ свой жилъ безстрашно, за то, кажется, ангелъ хранитель отступилъ отъ него, а потому онъ, ожесточивъ сердце свое главнѣйшимъ порокомъ своимъ—сребролюбіемъ, къ величайшему несчастію и умеръ безстрашно, какъ изъ слѣдующаго видѣть можно. Будучи безбрачнымъ и въ самой старости, весь вѣкъ жилъ въ своеволіяхъ и, не имѣя дѣтей, нападалъ сутяжничествоми на престарѣлыхъ отцовъ съ большимъ семействомъ, на вдовицъ съ сиротствующими ея малолѣтними, на бѣдную и единственную престарѣлую сестру, на родную матерь свою, которой поносилъ имя въ судахъ, какъ при жизни, такъ послѣ смерти ея. У всѣхъ ихъ отнималъ значительныя имѣнія и самые дворы, и дома ихъ; накопилъ до 400 душъ и многія тысячи денегъ. Но предъ всѣми лицемѣрилъ, что онъ нищій и воображалъ, что могъ ихъ въ томъ переувѣрить; недоѣдалъ и недосыпалъ, а копилъ тѣмъ не ближнимъ, которые менѣе всѣхъ будутъ жалѣть объ немъ и даже съ нетерпѣніемъ разсчитывали лѣта старости его. Могъ-ли онъ хотя передъ смертью наградить хоть малымъ чѣмъ бѣдныхъ сиротъ воніюще и клятвопреступнымъ разоренныхъ; но это и на мысль не приходило, хотя и былъ о томъ умоляемъ. Напротивъ того, хотѣлъ отписать клеврету своему по сутяжничествамъ, пустому, изъ подушнаго вышедшему полупанку, но былъ долго безъ языка, и сбылось надъ нимъ изреченіе пророка: *желаніе грѣшника погибнетъ* (Пс. 110—11). Апост. Петръ называетъ сребролюбіе идолопоклонствомъ; апостолъ же Павелъ говоритъ, что оно есть корень всякому злу. И подлинно все такъ и есть, какъ изрекаютъ намъ благодатные мужи духомъ святымъ. Добрые люди, при одержаніи ихъ сребролюбіемъ, склоняли себя на всякое и на обиды всѣмъ, кого только видятъ и кровныхъ, и самыхъ родителей, и дѣтей своихъ. На что эти примѣры?—Іуда наставляемъ былъ самимъ Христомъ, былъ апостоломъ уже, но по сребролюбію за самую ничтожную сумму продалъ общаго Творца и Спасителя. Не воспользовался-же, а на вѣки погибъ и съ тѣломъ, и съ душей—да удовлетворилъ страсть свою. Теперь и отъ имѣнія его ангелъ

хранитель отступился, и народъ видитъ, какъ надъ этимъ имѣніемъ совершается судъ божій—ужасно разоряется и въ прахъ превратится многое. Чтобы ему стоило, чтобы при послѣднихъ дняхъ опомниться, раскаяться и возвратить неправедное? Такъ нѣтъ! Дьяволъ не допустилъ. Забавный анекдотъ отпустилъ при кончинѣ своей. Захотѣлось ему, какіе-то листа три бумаги отдѣлить особо, потребовалъ нитку, чтобы связать бумаги, свернутыя въ трубку. Отрѣзали отъ клубка два аршина нитки, онъ покивалъ головой, отрѣзалъ одинъ аршинъ, связалъ имъ бумагу, а остальной аршинъ опять намоталъ на клубокъ. Такимъ образомъ, онъ въ глазахъ смерти преумножилъ огромный капиталъ свой еще однимъ аршиномъ суровой нитки. Не есть-ли это слѣпота разума? Но такія-ли еще дѣла людьми дѣлаются. Бывшій министръ Д. Пр. Трощинскій неоднократно разсказывалъ мнѣ, что онъ зналъ одного сребролюбца въ Москвѣ, который накопилъ деньги неправдами, такъ безумно пристрастился къ нимъ, что во всемъ сталъ отказывать себѣ. Но у него былъ вѣрный другъ. Иной можетъ сказать, какъ это можетъ быть, чтобы ужасный скупецъ могъ имѣть вѣрнаго друга? Говорятъ однако-же, что дѣйствительно имѣлъ, но только не человѣка. Кто-же это, если не человѣкъ? Другомъ его была комнатная собака, которая и день, и ночь всеусердно стерегла его сундукъ съ деньгами. Скупецъ этотъ былъ нѣмецъ, содержатель пансіона и преученый профессоръ. Но вотъ онъ увидѣлъ, что капиталъ его очень увеличился, сталъ крѣпко задумчивъ, уныль въ то время, какъ училъ своихъ питомцевъ, и наконецъ, сдѣлавшись неспособнымъ къ воспитанію. Пансіонъ разошелся, и нѣмецъ сталъ сидѣть дома; онъ да собака. Ученый профессоръ, переставъ учить юношество, задумалъ самъ учиться, да какъ прилежно! И кто бы подумать могъ, чему онъ сталъ учиться? Трудно, очень трудно и почти угадать невозможно, потому что избранная имъ наука не только никому на умъ не взойдетъ, но и во снѣ не пригрезится. Онъ сталъ учиться гавкать и ворчать точно такъ, какъ его собака, также учился шелестѣть такъ, какъ бѣгающая собака и лапами бить въ двери, и крикъ

свой удваивать и утраивать. Странное дѣло! Да для чего-же бы старику заниматься такимъ до крайности труднымъ и даже изнурительнымъ ученіемъ? Видите, бачите, какъ выражается Малороссія, видите—бачите, ему стало до смерти жаль того самаго жидкаго корма, который онъ черезъ двое сутокъ давалъ своему другу: онъ не могъ переносить этого расхода, онъ отъ этой издержки не досыпалъ ночей. Боровшись съ привычкой къ единственному другу и товарищу, усиливался въ ученіи собачемъ и когда усовершился въ немъ точь въ точь, тогда взявши ножъ подступилъ къ невинному другу своему, поцѣловалъ его три раза, погладилъ, уронилъ ножъ, отступилъ съ ужасомъ и сѣлъ на деревянный стулъ. Собака стала къ нему ласкаться, онъ вздыхать сталъ, крѣпко вздыхать и, взявши въ руку собаченку всталъ, поднялъ ее вверхъ во всѣ руки, стукнулъ во всю силу головой объ полъ, дорѣзалъ и въ память единственнаго, всегда голодавшаго, вѣрнѣйшаго и драгоцѣннаго друга своего сдѣлалъ чучело и поставилъ на окошко. И вотъ воспитатель юношества, вселемудрый ученый мужъ, сталъ бѣгать на четверенкѣ по собачьему (жаль только, что непривязавъ себѣ хвоста), то къ дверямъ подбѣжитъ и гавкнетъ, то стукнетъ рукой въ дверь, залаетъ еще крѣпче, то подбѣжитъ къ окошку, подниметъ лицо надъ собачьимъ хвостомъ и лаетъ, чтобы прохожіе подумали, что у скупого профессора есть вѣрный сторожъ. Такъ подвизался сребролюбецъ болѣе двухъ мѣсяцевъ или трехъ.

Надобно знать, что онъ нанималъ квартиру у семейнаго хозяина мѣщанина.—Однажды за обѣдомъ хозяйка сказала мужу: что то нѣмецкая собака стала громче и чаще кричать, чѣмъ бывало прежде—какъ она мнѣ наскучила! тутъ ребенокъ кричитъ всю ночь и мнѣ спать не даетъ, а тутъ еще чортова собака, да я и деньгамъ его не рада. Да и я замѣтилъ, Аннушка, что собака стала громче лаять и мнѣ она наскучила; выйдетъ годъ, разсчитаюсь съ нѣмцемъ, а впредь никому не найму квартиры вмѣстѣ съ собакой.—

По прошествіи трехъ мѣсяцевъ, хозяйка опять сказала мужу: что это значитъ, что собака замолкла, вотъ уже два дня,

кажется, неслышно ее, не заболѣла-ли или не здохла-ли? Хозяинъ сказалъ: да что значитъ, что и нѣмца не видать и не слыхать? Бывало утромъ на крыльцѣ посидитъ и задремлетъ немного или въ сѣняхъ походитъ,—да что то онъ съ нѣкоторыхъ поръ такой блѣдный, ну вотъ только что душа не выскочитъ, не боленъ ли онъ, да полно не умеръ ли? Право чудно что то: ни нѣмца не видать, ни собаки не слыхать, что нибудь да есть. Пойдемъ-ка, прислушаемся, что тамъ дѣлается? Подошли къ дверямъ, прислонились—что за диковинка такая, хоть кашлянулъ. Карлъ Ивановичъ, что это съ вами, что вы не здоровы что ли? отвѣта нѣтъ! Карлъ Ивановичъ, а Карлъ Ивановичъ!—Молчитъ. Да выломаемъ двери, что тамъ съ нимъ сдѣлалось? Открываютъ двери и видятъ Карла Ивановича, стоящаго на колѣняхъ лицомъ къ окошку, а на окошкѣ, надъ самой головой стоитъ тощая собака. Подошли, ни собака, ни Карлъ Ивановичъ хоть бы моргнули, что за дьявольщина такая, экая диковинка такая. Да развѣ ты не видишь, что онъ умеръ, ну что разинулъ ротъ, бѣги да объяви въ полицію, а скажутъ еще, уложили, чтобы обокрасть. Да что же собака молчитъ, стоитъ на ногахъ, а хоть-бы пошевельнулась. Хозяинъ взялъ собаку, что легохенькая, разсмотрѣлъ онъ—это чучело. Такъ вотъ оно что! такъ это Карлъ Ивановичъ ночиньки не спалъ, да лаялъ по собачьему, то то я смотрю, отчего это собака стала громче лаять; ахъ бѣдный Карлъ Ивановичъ! какже его деньги съума свели. Представьте, какая ему диковинная смерть сужена: не на постели, а на колѣняхъ, головой подъ хвостомъ собачьимъ. Какъ свѣтъ стоитъ, такъ этакой смерти не слыхано. Боялся, что украдутъ деньги. Да, чортъ ихъ побери, вишь не ѣлъ же ихъ, а всѣ оставилъ, а того и не подумалъ, чтобы помолиться Богу, а вмѣсто Бога молился дьяволу пособачьему, да и пропалъ съ своими деньгами, и съ тѣломъ, и съ душею. О проклятая скупость!

КОНЕЦЪ.

ПИСЬМА КУЛИША КЪ Д. С. КАМЕНЕЦКОМУ*).

1857—1867.

42.

Вы представили мнѣ аргументъ, который заставилъ меня согласиться на отсрочку изданія моихъ сочиненій. Я не хотѣлъ быть императивнымъ, находясь въ удаленіи отъ литературной биржи, не хотѣлъ подражать властямъ, издали предписывавшимъ движенія главнокомандующему. Но едва-ли это былъ не лучшій моментъ для печатанія! Тупо-ли, не тупо-ли пойдутъ книги, но имъ слѣдуетъ быть изданнымъ и онѣ окупятся. Мы могли бы, напечатавши, не выпускать цѣлый годъ; а застоя въ типографіи не было бы. Такъ какъ въ книжной торговлѣ важную роль играютъ журналы, то я рѣшился повернуть нѣкоторые изъ нихъ въ свою пользу. (На безкорыстную критику надѣяться нечего). Для этого послана Макарову статья для помѣщенія въ любомъ журналѣ, и еще помѣщу кое-что этимъ способомъ. Пускай каждый смотритъ на меня, какъ на могущаго быть его сотрудникомъ. Между тѣмъ статьи мои въ Р. В. должны сдѣлать эффектъ. А тутъ подоспѣетъ кое-что беллетристическое. Книги мои явились бы какъ разъ во-время. Такъ мнѣ кажется. Если рѣшите своимъ ареопагомъ, то можете печатать томъ І-й, т. е. Черную Раду, а тѣ послать Крузе на подпись. Печатать же 1200 экз., на хорошей бумагѣ въ 12-ю

---

1) См. „Кіевская Старина“ 1898 г., іюнь, стр. 366.

большую долю, шрифтомъ записокъ о Ю. Р. Я далъ образчикъ, но вы можете взять за образецъ любое красивое изданіе и печатать, не сносясь болѣе со мною, какимъ угодно шрифтомъ, посовѣтовавшись между собою *).

43.

Вы не оставили мнѣ никакого отчета о книжныхъ и типографическихъ дѣлахъ. Даже на словахъ ни черезъ кого не передали, получены-ли, напримѣръ, деньги отъ Бурсака **). Я не знаю, съ чего начать и что вести далѣе. Прошу васъ сдѣлать для меня то, о чемъ я васъ уѣзжая просилъ, хотя это и само собою должно бы разумѣться, т. е. дайте отчетъ: какіе деньги вы получили и куда употребили, и какіе на комъ остались деньги;—также: сколько остается непроданныхъ *Литургіи* и другихъ книгъ.

Окт. 3, 1861 г. С.-Петербургъ.

44.

Я забылъ увѣдомить васъ, безцѣнный другъ Данило Семеновичъ, о томъ, чтобы напечатать драматическія сочиненія Квитки на счетъ Великанова, который, вѣроятно, уже и выслалъ на имя Мих. Николаевича, 200 р. на первыя издержки (до увѣдомленія, сколько именно будетъ стоить изданіе). Печатать, начинайте съ *Шельменка—Вол. писаря*; потомъ: *Шельменко-Деньщикъ*, а потомъ: *Дворянскіе Выборы*; часть 2-я дв выборовъ или: *Выборъ Исправника*; *Сватанье на Гончаровкѣ*; *Пріѣзжій изъ столицы*; *Вояжеры*; *Мертвецъ шалунъ*; *Щира любовь* Въ харьковскомъ театрѣ можно достать, черезъ Лобка, ненапеч. комедію Бой-жинка, поставленную на сцену въ 1847 году.

---

*) Настоящее письмо не имѣетъ даты, но, кажется, что оно относится къ 1861 году.

**) Если не ошибаемся, это—одинъ изъ черноморцевъ (теперь—кубанцевъ), очень интересовавшійся изученіемъ малорусской народности.

Черезъ него же поищите въ тамошней публикѣ: комедію *Турецкая шаль* и *Ясновидящая*. Недостающихъ у меня пьесъ надобно искать въ Публ. Библ. и пускай Мих. Григ. перепишетъ хорошенько, давая такую форму, какъ должно набираться. За это ему заплатятъ. Образцами взять драматич. соч. Гоголя, а форматъ и шрифтъ *Повисти Квитки*.

Прочелъ я въ Полтавѣ кой-кому сочиненія Дунайскаго поэта *), и всѣ пришли въ восторгъ. Я радуюсь своей находкѣ. Скоро ожидаю еще надсылки съ Дуная. Если *Хата*, по отсутствію *Институтки*, не состоится, то надо издать отдѣльною книжкою—дешево, дешево!

Ко мнѣ не написалъ ни Ѳед. Ив. **), ни Варѳ. Шевченко и никто—о безплатной школѣ. Въ какомъ положеніи дѣло?

П. К.

Васильевка. 1861. Авг. 11.

Домикъ мой имѣетъ передъ собой живописнѣйшіе виды. Всё смотрю на воду, на зелень и на небо.

45.

Бѣда, сколько этотъ хуторъ поглощаетъ денегъ, но имѣть свою хату—великое дѣло! Если можете, вышлите мнѣ рублей десятокъ или другой, а сами навѣдывайтесь—отдалъ ли Акимовъ мои деньги Матвѣю Терентьевичу (Симонову); если отдалъ, покажите тогда ему эту записочку, и онъ тотчасъ вамъ уплатитъ. Пожалуйста жъ съ первою почтою. Пока нѣтъ косовицы, надо воспользоваться рабочими, а послѣ не найдешь.

Лексиконъ приведу въ порядокъ и вышлю. Только пріѣхалъ. Рука дрожитъ—усталъ.

Вашъ П. Кулишъ.

1864. Мая 21.

---

*) Подъ этимъ псевдонимомъ Кулишъ читалъ свои стихотворенія. *Примѣч. Г. С. В-ча.*

**) Чорненко.

46.

На васъ, Данило Семеновичъ, жалуются многіе издавна уже, что вы небрежно выполняете заказы по выпискѣ книгъ. Вотъ вы и съ Дыметомъ прервали сношенія, такъ что львовяне обращаются ко мнѣ, воображая, что я все еще занимаюсь книжными дѣлами. Посылаю вамъ полученное мною письмо и совѣтую воспользоваться случаемъ сбыть никому у насъ ненужную залежавшуюся ветошь. Можетъ быть, пойдутъ и мои *Досвітки.* Черниговцы досадуютъ, что нѣтъ у нихъ въ продажѣ этой книги. По ихъ словамъ, въ одинъ день разошлось бы 50 экз. Тамъ книжною торговлею занимается жидъ Краузе *) (кажется такъ), котораго очень хвалятъ. Войдите съ нимъ въ сношенія.

Словарь вамъ посланъ черезъ оказію, чтобы не платить вѣсовыхъ. Пусть М. Т. напишетъ къ Никол. Дм. Мизко въ Новомосковскъ: у него собраны также матеріалы для словаря. При письмѣ не худо было бы приложить хоть осьмушку пословицъ. Онъ—говорунъ и можетъ ознакомить съ этимъ изданіемъ другихъ, да и самъ подпишется. Вѣдь печатныя объявленія не всѣ читаютъ. Я первый лѣнюсь ихъ прочитывать.

Если у васъ будетъ время, зайдите отъ моего имени къ Сергѣю Васильевичу Максимовичу, въ Гороховой, за Садовою, по лѣвой сторонѣ, домъ подъ № 48, кв. подъ № 11, (безъ дощечки, подъѣздъ чугунный съ улицы, 4-й этажъ). Узнайте въ какомъ положеніи дѣло объ изданіи книгъ для великороссіянъ товариществомъ общественной пользы—и могу ли я надѣяться получить сколько-нибудь денегъ по почтѣ, или—spes frustra.

Коли будутъ у васъ деньги, присылайте—мнѣ очень нужны, а я расплачусь съ вами при первой возможности.

Вашъ П. К.

1864. Іюня 14. Піддубень.

Прилагаю на всякій случай записку къ Боборыкину; можетъ быть отдастъ вамъ 100 руб. (Италіанская улица, домъ

---

*) Не Краузе, а Кранцъ.

подъ № 21). А лучше справьтесь въ типографіи или у Печаткина. Я не твердо помню. Утромъ по середамъ онъ даетъ аудіенціи по дѣламъ журнала *). Статью мою обѣщ. напечатать въ маѣ. Если случится, скажите, что у меня есть продолженіе и есть небольшая повѣсть и что я ему черезъ васъ пришлю, лишь только получу деньги за майскую книжку (сперва справьтесь, напечатана-ли).

Спросите и Максимовича о судьбѣ моей статьи исторической, которую я оставилъ у него для передачи въ Отеч. Записки.

47.

Видно вы не получили моего письма, дорогой другъ Данило Семеновичъ, писаннаго по адресу вашему въ Сергіевскую улицу. Я вложилъ туда и письмо отъ одного львовскаго семинариста, который жалуется, что у Дымета нѣтъ нашихъ украинскихъ книгъ. Между прочимъ я просилъ васъ не останавливаться въ благой вашей готовности помогать мнѣ деньгами, пока я начну получать что-нибудь за мои труды. До сихъ поръ никто не исполнилъ своихъ обѣщаній. Надѣюсь выправить деньги только лично въ Петербургѣ. Пожалуйста, пришлите какую можете сумму, чтобы дать мнѣ возможность пріѣхать въ Петербургъ. Ну, а журналъ нашъ **) идетъ черезъ пень да въ колоду. Чортъ матыме добра поти, поки все дѣло не очутится въ моихъ рукахъ такъ, чтобы мнѣ ни на кого не надѣяться, никого не поджидать, ни отъ кого, ни въ чемъ не зависѣть. Пріятель нашъ Коховскій оказался человѣкомъ слова, а не дѣла: денегъ не досталъ, разрѣшенія не выхлопоталъ и хочетъ, чтобы я ломался подъ какія-то вовсе для меня неясныя его

---

*) Библіотеки для Чтенія, гдѣ были напечатаны статьи Кулиша по исторіи Малороссіи, заключавшія въ себѣ продолженіе того, что было напечатано раньше въ *Вѣстн. Юго-Зап. Рос.*

**) Говорится о какомъ то предполагавшемся журналѣ.

желанія. Я предоставляю ему полную свободу распоряжаться журналомъ, а меня принять только въ сотрудники съ правомъ голоса, котораго онъ можетъ и не слушаться, не рискуя огорчить меня. Если же непремѣнно долженъ редактировать я, то надобно спросить, на какихъ условіяхъ, а не чертить ихъ по своему усмотрѣнію. Я глубоко убѣжденъ, что дѣло склеится только тогда, когда кто-нибудь одинъ возьметъ все въ свои руки и будетъ только въ нравственной зависимости отъ другихъ. Коховскій, какъ видно, этого не желаетъ, опасаясь за деньги. Но деньги и должны быть затрачиваемы съ рискомъ, что не воротятся. При томъ тутъ явилась новина: земляки при васъ говорили о деньгахъ безъ возврата, а теперь, по письму Кох., я точно какъ будто дѣлаю заемъ. Этого я не хочу взять на себя. Пусть беретъ кто хочетъ, съ меня довольно роли обыкновеннаго сотрудника. Довольно того, что я не отстану отъ другихъ и не скажу такъ, какъ Костомаровъ, что готовъ работать только за дорогую плату. Напротивъ, я понижу цѣну до 40 и 30 руб. за листъ, если только никому не будутъ платить больше. Но странно требовать, чтобы человѣкъ взялъ на себя самое трудное да еще позволилъ и взнуздать себя. Отъ самаго труднаго я не уклоняюсь, но тогда ужъ предоставьте мнѣ повернуть дѣломъ по собственному, а не по чужому усмотрѣнію. Черезъ годъ я обязываюсь отдать отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ и предоставить вести журналъ тому, кто признается болѣе способнымъ. Разладъ вышелъ и въ количествѣ денегъ. При нынѣшнемъ равнодушіи публики къ литературѣ (чего она и стоитъ), подписчиковъ будетъ мало. Я не рѣшусь издавать, имѣя 3000 р., чтобы не разыграть роли Бѣлозерскаго, недодавшаго Основы. Съ 5000 р. я увѣренъ, что выдамъ 12 книжекъ при самой большей неудачности подписки. Вотъ вамъ все; дѣлайте, что знаете. Но ради Бога доставьте мнѣ средства пріѣхать въ Петербургъ.

Вашъ П. К.

1864. Авг. 25. Піддубевъ, возлѣ Борзны.

48.

Дорогой другъ Данило Семеновичъ!

Противъ назначенія меня директоромъ сдѣлано было нѣкоторымъ чиномъ возраженіе, потому что сей чинъ рекомендовалъ двоихъ въ директоры, и они не приняты на томъ основаніи, что ихъ не знаютъ лично. Такъ какъ меня лично тоже не знали, то великій чинъ и поразилъ малаго чина его же оружіемъ, отказавшись утвердить мое назначеніе. А я и радъ, потому что въ Варшавѣ мѣсто уже отдано, а въ провинцію мнѣ отсюда не хотѣлось ѣхать еще больше, нежели изъ Петербурга. Служба въ провинціи была бы для меня весьма тягостна при самыхъ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ.

Такъ какъ люди съ моими знаніями здѣсь очень нужны, то мнѣ оказали всяческое вниманіе другіе важные чины, и я надѣюсь скоро занять мѣсто не ниже директорскаго въ самой Варшавѣ. Вотъ вамъ главное, что можетъ васъ интересовать. Жизнь въ Варшавѣ гораздо пріятнѣе петербургской уже по одному климату, который и въ эту позднюю пору года дышетъ югомъ. Городъ мнѣ нравится чрезвычайно и постройками, и удобствами, и нравами жителей, напоминающимся мнѣ время моего путешествія по Швейцаріи, Италіи и Австріи. Русскіе люди здѣсь лучше, чѣмъ у себя на родинѣ; даже солдаты кажутся юнкерами. Польскій бунтъ произвели польки, и навѣрное черезъ нихъ много еще прольется русской и польской крови, потому что онѣ не перестаютъ воспитывать новое поколѣніе въ революціонномъ духѣ. Вся наша надежда на подавленіе клерикальной партіи, самой безнравственной и самой сильной; но надобно много ума и энергіи, чтобы подрѣзать корни здѣшнему поповству, которые оно глубоко пустило въ народъ. По этому-то умнѣйшіе изъ администраторовъ хлопочутъ о наборѣ надежныхъ людей для службы въ Польшѣ. Но и они не всегда вѣрно оцѣниваютъ человѣка, сбываемые разными недоумками—

доброжелателями.—Писалъ бы къ вамъ и больше, но въ многоглаголаніи нѣсть премудрости.

Вашъ П. К.

1864. Повед. Варшава.

Библіотеку для Чт. оставьте въ покоѣ, а въ редакцію От. Зап., по выходѣ второй половины моей статьи (скоро должна выйти), потрудитесь явиться съ прилагаемою запискою и деньги тотчасъ пришлите мнѣ, адресуя на мое имя въ Римскую гостинницу (Rzymski hotel), № 32. Съ вами я расплачусь, когда получу жалованье.

49.

Добрый другъ Данило Семеновичъ! Пришлите мнѣ пожалуйста два экземпляра 1-го и 2-го томовъ Записокъ о Южной Руси. Здѣсь ученые люди оказываютъ мнѣ разныя услуги по предмету моихъ историческихъ изслѣдованій, закидываютъ меня драгоцѣнными рукописями, дѣлаютъ разныя личныя справки, даже предупреждаютъ мои желанія,—и я не могу ничѣмъ подобнымъ отблагодарить ихъ, такъ подарю имъ хоть эти книги, по которымъ они меня собственно и знаютъ.

Жизнь въ Варшавѣ для меня такъ же пріятна, какъ за границею. Мѣсяцъ пробѣжалъ чрезвычайно быстро. Каждый день исполненъ новаго интереса. То читаешь подлинныя письма какого нибудь козака XVII вѣка, о которомъ до сихъ поръ кое-что зналъ только по книгамъ, то слушаешь разсказы о тысячѣ занимательнѣйшихъ вещей, то работаешь что нибудь стоющее вниманія по дѣламъ реорганизаціи мѣстнаго устройства, то сидишь въ театрѣ. О польскомъ театрѣ я не имѣлъ понятія. Отличные есть артисты—и ни одной пошлой, нелѣпой фигуры, какія досаждали бывало мнѣ въ Петербургѣ на сценѣ. Музыку

я слушалъ даже у себя дома, потому что рядомъ со мной живетъ пѣвецъ, который безпрестанно твердитъ итальянскія оперы и напоминаетъ мнѣ мое оперное время. Иногда онъ поетъ вмѣстѣ съ другими, въ числѣ которыхъ есть и женскій голосъ, очень свѣжій и мелодическій.

Опредѣленной службы я еще не имѣю, потому что какого-нибудь мѣста не хотѣлъ взять, хоть мнѣ и предлагали. Судя по тѣмъ дѣламъ, которыя мнѣ поручаются, и по другимъ обстоятельствамъ мнѣ дадутъ жалованья больше 3000 р. Но покамѣстъ, высылайте мнѣ мой заработокъ изъ Отечественныхъ Записокъ, въ редакцію которыхъ я послалъ вамъ вѣрную грамоту. Если не получили, то увѣдомьте немедлено, адресуя на мое имя въ Римскую гостинницу (Hotel rzymski).

Ну, а вамъ каково служится? Чтó словарь? Лишь только разживусь на деньги, то многое издамъ стари́мъ своимъ звичáемъ, ни на кого не оглядуючись, а то наши щось люблять довгу пісню. Здѣсь все благопріятствуетъ для изученія XVI и XVII вѣка. Даже выѣздъ за границу, для чтенія нѣкоторыхъ имѣющихся въ тамошнихъ библіотекахъ рукописей, отсюда гораздо легче и дешевле, чѣмъ изъ Россіи. Весною надѣюсь кой-куда проѣздиться.

Вашъ П. К.

1864 дек., 4, а въ васъ ище ноябрь.

50.

Въ самый день полученія журнальнаго заработка мнѣ назначено по 300 руб. на мѣсяцъ жалованья—и, кажется, со дня моего сюда пріѣзда. Занявшись хорошенько бумагами и законами, я началъ вести производство дѣлъ такъ удовлетворительно, какъ и заматорѣлые въ службѣ крюки, вслѣдствіе чего и буду получать окладъ, равный директорскому (по учебной части). Въ то же самое время окладъ жалованья Вас. Мих. увеличенъ до

5000, по поводу назначенія его исправляющимъ должность директора канцеляріи учредительнаго комитета. Теперь я начну расплачиваться съ долгами. Благодарю васъ дорогой другъ Данило Семеновичъ, за постоянную вашу расположенность ко мнѣ и помощь во всѣхъ моихъ дѣлахъ, каковы бы они ни были. О брошюрахъ больше не хлопочите: будетъ съ меня этихъ. Освѣдомитесь у Костомарова, нельзя ли получить мнѣ отъ него 1) экземпляръ 4-го тома Актовъ для Исторіи Южной и Юго-Западной Россіи, для меня. 2) экземпляръ 3-го и 4 томовъ того же изданія для библіотеки Красинскихъ (бывшей Свидзинскаго). Онъ обязанъ покойному Свидзинскому много и годилось бы почтить его память подобнымъ приношеніемъ. Если Костомаровъ отвѣтитъ вамъ отрицательно, то потрудитесь все это купить на мой счетъ въ книжномъ магазинѣ Юнгмейстера и прислать на мое имя. Но я бы желалъ, чтобы вы сперва обратились къ Костомарову.

Жизнью въ Варшавѣ я доволенъ попрежнему, а теперь когда я совершенно обезпеченъ съ денежной стороны—и тѣмъ паче. Начальникъ мой и его товарищи—люди очень хорошіе. Работаю очень много; но вы знаете, что, при извѣстныхъ условіяхъ жизни, это меня не тяготитъ нисколько. Такъ какъ я отличаюсь отъ многихъ смертныхъ быстротою работы, то у меня есть еще время и для поисковъ въ здѣшнихъ библіотекахъ. Польскіе ученые съ своей стороны предлагаютъ всевозможныя указанія, что значительно облегчаетъ историческіе труды, или даже просто-одушевляетъ меня къ нимъ, составляя то, безъ чего многое оставалось бы не понятымъ и неизвѣстнымъ. Не взыщите за торопливое писанье мое: дорожу временемъ, котораго на все не хватаетъ. Я не взялъ должности чиновника особыхъ порученій, такъ какъ этого рода чиновники считаются ничего не дѣлающими и просилъ оставить меня только состоящимъ при Учред. Ком.

О Над. М. и проч. такая распускается скверная ложь, къ которой способны только наши добродѣтельные и великодушные

земляки. Ея семейныя дѣла относ. дѣтей обстоятъ такъ благополучно, какъ только можно желать. Двоихъ старшихъ у самой близкой къ ней и преданнѣйшей особы, которой родные также очень къ ней расположены и всѣмъ намъ извѣстны—Кармалѣевы. Взять ихъ въ Варшаву было никакъ нельзя, потому что у меня мало было денегъ, а по трудности найти квартиру, жизнь обходилась мнѣ дорого. Увезти въ Псковъ также покамѣстъ было невозможно, но это будетъ сдѣлано, когда В. Т. тамъ окубобится. Дамы наши здѣсь очень веселы и здоровы; кланяются вамъ. Все еще живемъ въ гостинницѣ, потому что мнѣ нѣтъ времени искать квартиру, а онѣ не умѣютъ. Впрочемъ и здѣсь довольно удобно и не черезчуръ ужъ дорого.

Словарь по всей вѣроятности, возляжетъ на мои рамена, не смотря на службу. Я подыщу людей въ помощь.

Проценты потому не отчислены, що тоди чорти-мало грошей, а теперь будутъ отчисляться и сберегаться.

Трудитесь, сколько можется и хочется, но ради Бога не давайте переписывать людямъ, у которыхъ такъ мало дѣйствительной любви къ родинѣ, что для нее они даже не хотятъ сдѣлать своего почерка четкимъ, а себя хоть сколько-нибудь пріучить къ отчетливости труда.

Вашъ П. К.

1865. Янв. 5 н. ст. Варшава.

51.

Дорогой другъ Данило Семеновичъ!

Вы ко мнѣ не пишите, а я заваленъ работою. Воображаю, какія нелѣпости мелютъ болтливые петербуржцы о здѣшнихъ дѣлахъ. Во всемъ есть слабыя стороны, но вообще польскій вопросъ идетъ удовлетворительно. Мнѣ вы должны вѣрить, ибо, въ случаѣ моего личнаго недовольства дѣломъ, я бы молчалъ, но ужъ никакъ не сталъ бы хвалить. Что касается до моего

служебнаго положенія, то я болѣе и болѣе имъ доволенъ. Почему—не могу объяснить, но со временемъ вы узнаете. Довольно съ васъ того, что я нуженъ, необходимъ, незамѣнимъ, и есть такія стороны въ службѣ, къ которымъ я отношусь съ глубокимъ сочувствіемъ. Я теперь могу разсчитывать на улучшеніе моихъ денежныхъ обстоятельствъ, но меня больше занимаетъ перспектива русскихъ работъ въ Царствѣ Польскомъ.

Пришлите мнѣ счетъ, сколько за мною числиться вашихъ денегъ. Начну уплачивать свои долги.

Пишетъ ко мнѣ какой-то господинъ о высылкѣ ему историческихъ книгъ. Я адресовалъ его къ вамъ и посылаю вамъ его письмо. По моему указанію на лучшія сочиненія, онъ будетъ писать къ вамъ. Пожайлуста удовлетворите его не откладывая. 10 руб. присланныхъ имъ мнѣ не посылаю до полученія отъ васъ счета.

Больше писать нѣтъ времени: занятъ.

Пожалуйста передайте Хартахаю, что только теперь нашли мы человѣка, который можетъ взять его къ себѣ на службу; но пусть вооружится еще терпѣніемъ пока онъ, пріѣхавши въ свою дирекцію, осмотрится. Никакъ нельзя было до сихъ поръ ничего для него сдѣлать. Незнакомаго и неблизкаго нельзя вѣдь просить о такомъ дѣлѣ. Пускай несомнѣвается, что все возможное съ нашей стороны сдѣлано и будетъ сдѣлано.

Вашъ П. А

1865, февр. 10/12 Варшава.

Только что хотѣлъ отправить на почту это письмо, какъ получилъ отъ васъ Акты къ Ист. Южн. Зап. Россіи; но не знаю, кто далъ. Письма отъ васъ нѣтъ еще.

52.

Забрались вы въ Пермь да и молчите, по своему обыкновенію. Галичане нуждаются въ нашихъ книжкахъ очень. Озаботьтесь

доставленіемъ ихъ книгопродавцу Дымету. Онъ ждетъ. Деньги не пропадутъ: за это ручаются.

Мѣсяца чрезъ два, а можетъ быть и раньше, я самъ поѣду за границу и обо всемъ распоряжусь лично. Не зная, попадетъ-ли это письмо въ ваши руки, не распространяюсь. Отвѣчайте на мое имя: въ *Варшаву* и больше ничего. Изъ за-границы увѣдомляю васъ о своемъ адресѣ.

1867, дек. 24.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.